

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт русского языка

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ
ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

Выпуск

11

(*копльсь—*копльна(ја))

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1984

Словарь построен на исчерпывающем использовании всех доступных исторических и диалектных материалов как в плане словообразовательном, так и в плане выявления лексических диалектизмов. Настоящий выпуск дает полное и систематизированное обобщение научных сведений о древнейшем праславянском слое лексики на *k* в объеме **kopъsь*—**kotъna(ja)*. Словарь содержит много нового и интересного как в общетеоретическом, так и конкретно-этимологическом плане.

Словарь подготовлен в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР. Материалы для словаря собирались коллективом в составе: *О. Н. Трубачев*, руководитель (праславянская лексика белорусского, польского, кашубско-словинского, верхнелужицкого, нижнелужицкого, полабского языков); *В. А. Меркулова* (праславянская лексика русского, украинского языков), *Ж. Ж. Варбот* (праславянская лексика чешского и словацкого языков), *Л. А. Гиндин* (1961—1970 гг., праславянская лексика старославянского, болгарского и македонского языков), *Г. Ф. Одинцов* (с 1971 г., праславянская лексика старославянского и болгарского языков), *Л. В. Куркина* (праславянская лексика словенского языка, с 1971 г. болгарского и македонского языков), *И. П. Петлева* (праславянская лексика сербохорватского языка). Все названные сотрудники собирали материалы по этимологии славянских слов. Над пополнением этимологической картотеки работала *Т. В. Горячева*. Значительные материалы по сербохорватской диалектной лексике собрал для словаря югославский славист *В. Михайлович* (1966—1968 гг.). Авторскую работу над текстом словаря вел *О. Н. Трубачев*.

Рецензенты: *В. В. Мартынов*, *В. Н. Топоров*

ИСТОЧНИКИ

(Дополнения)

- Ватев С.* Материали по народната медицина в България. — СБНУ 1905, XXI.
Волков Ф. К. Свадбарските обреди. — СБНУ 1890, III.
Зеленина БД Х — Зеленина Э. И. Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. — БД 1981, X. София.
Традиционен бит и култура на банатските българи. — СБНУ 1963, LI.

Польский язык

- Wolf A., Rzetelska-Feleszko E.* Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI w. Warszawa, 1982.

Русский язык

- Манаенкова — Манаенкова А. Ф.* Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. I—IV. М., 1935—1940.

Белорусский язык

- Сцяцко. Зэльв.* — *Сцяцко П.* Дыялекты слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны). Мінск, 1970.

ЛИТЕРАТУРА

(Дополнения)

- Аникин А. Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на ж.-е. фоне (рукопись).
Берг Л. С. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — В кн.: *Л. С. Берг.* Избранные труды, т. 5. М., 1962.
Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipë. XII. — *Studime filologjike* 1. Tiranë, 1964.
Dickenmann E. Das slavische suffix -yni (-ynja). Ein Beitrag zur slavischen Wortbildung. Münster (Westfalen), 1978.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978.
Клепицова Г. П. Славянская пастушеская терминология, ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов. Киев, 1983.
Кореňný F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
Łoś. Gramatyka. — *Łoś J.* Gramatyka polska. I—III. Kraków, 1922—1927.
Orbis scriptus. Festschrift für D. Tschizewskij. München, 1966.
Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede. Ljubljana.
Рыбаков В. А. Язычество древних славян. М., 1981.
Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
Tibón Gutierrez. Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona. Mexico, 1956.

Urbutis V. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.

Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Vasmer M. Schriften zur Altertumskunde und Namenkunde II. Berlin, 1971.

Зборник Филозофског факултета у Београду.

Zeitschrift für Balkanologie. West Berlin.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

(Дополнения)

амхар.	амхарский	правенет.	правенетский
балк.-лат.	балкано-латинский	пра-и.-е.	праиндоевропейский
босн.	боснийский	протобалто-	протобалто-славян-
гезск.	гезский	слав.	ский
нек.	некавский	резьян.	резьянский
крконошск.	крконошский	синдомеот.	синдомеотский
македорум.	македоно-румынский	ст.-узб.	староузбекский
порт.	португальский	чагат.	чагатайский
		эфиоп.	эфиопский

***копьсь** I: ст.-слав. *кѡнца* м. р. *тѣ кѣрата, ѡкров, finis, terminus* 'край, граница', *τέλος, finis* 'конец' (Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *конѣц* м. р. 'нить, нитка', (стар.) 'конец' (БТР; РБЕ), диал. *кѡнец* м. р. 'нить' (Б. Шклифов БД VIII, 255), *конѣц* (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), *конѣц* 'конец' (Речник РОДД 213), *кунѣц* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46), *конч* м. р. 'опушка леса' (там же, 44), макед. *конѣц* м. р. 'нить, нитка', 'леса, леска', 'конец, смерть' (И-С), сербохорв. *кѡнац*, род. п. *кѡнца*, м. р. 'нить, нитка' (РСА X, 100), 'конец' (RJA V, 254—258; РСА X, 102), (стар.) 'мера длины 2 м. 13 см.' (там же), диал. *кѡнѣс* 'нитка' (Hraste—Šimunović I, 436), *Кѡнас, Конес*, местное название (RJA V, 258; Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 40, 68), словен. *кѡнес*, род. п. *-нса*, м. р. 'конец', 'кончик (пальца, языка)', 'начало': *od kѡнца* 'сначала', 'цель', 'нить, нитка, пряжа' (Plet. I, 429—430), диал. *кѡнес* 'нить' (Доленьско, Barlè 17), ст.-чеш. *конес* 'смерть, смертная казнь' (Brandl 103), сюда же производное *Кѡнѣик* м. р., фам. (1482 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. *конес*, род. п. *-нсе*, м. р. 'конец, предел (начало или конец)', 'цель', диал. *коѣс*, род. п. *-нса*, м. р. 'конец', 'начало': *zасъ ѣт s kѡнца* '... с начала' (Lamprecht. Slovň. středopav. 62), словц. *коніес*, род. п. *кѡнца*, м. р. 'конец' (SSJ I, 733), диал. (вост.-словц.) *конес* (Káral 254), в.-луж. *кѡнс* м. р. 'конец', 'кончик' (Pfuhl 270), н.-луж. *кѡнс* м. р. 'конец', 'кончик', 'начало', 'цель' (Muka Sł. I, 663), полаб. *t'ünäc* м. р. 'конец' (Polański—Sehnert 156, с реконструкцией **копьсь*), ст.-польск. *коніес, коѣс* 'конец, предел, окончание' (Sł. stol. III, 326—329; Sł. polszcz. XVI, X, 538 и сл.), польск. *коніес*, род. п. *коѣса*, м. р. 'конец' (Warsz. II, 439—440), диал. *коніес* 'конец', 'особенный смысл, значение', *pirsy коніес* 'начало', *drugi коніес* 'конец' (Sł. gw. р. II, 417), словин. *кѡнц* м. р. 'конец' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 458), *к'ѡнс* 'конец', 'росток, побег' (Lorentz Pomor. I, 424), *кѡнс* (Sychta II, 200), др.-русск., русск.-цслав. *копъць* м. р. 'край, конец' (Юр. ев. Амф., 54, до 1128 г.), 'часть какой-либо территории, преимущественно окраинная, отдаленная' (Изб. Св. 1076 г., 618), 'район города' (1171 г. Новг. I лет., 151), 'конец, окончание, завершение' (Ник. лет. IX, 207), 'условная мера в торговле; кусок, отрезок' (РИБ II, 300. 1586 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 272—274; Срезневский I, 1273—1274), русск. *конѣц*, род. п. *-нцѣ*, м. р. 'предел, граница чего-либо,' диал. *конѣц* 'начало' (арх., волог., костр.,

влад., нижегор., вят., перм., ряз., калуж.), 'часть деревни, села; улица' (вят., самар., ворон., курск., смол., ряз., моск., твер., ленингр., новосиб., том.), 'край какого-либо предмета' (смол., костр., курск., новосиб.), 'кусочек полотна, холста как мера при продаже, изготовлении' (оренб., новосиб., перм., вят., волог., яросл., твер., новг., тамб.), 'веревка, дратва и т. п. определенной меры' (вят., яросл., пск., калуж., вят., донск.), 'лыко определенной длины' (смол., перм., новосиб., ряз.) (Филин 14, 252—253, там же ряд других значений), ст.-укр. *конецъ*, *конець*, *конец* м. р. 'край, конец' (1349 г.), 'окончание' (1468 г.) (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 493), укр. *кінєць*, род. п. *-нєця*, м. р. 'конец', 'край, предел' (Гринченко II, 244), ст.-блр. *конец* (Скарына 1, 275), блр. *канєц* м. р. 'конец', также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 398, в разных значениях). — Ср. сюда же производное блр. диал. *канчане* мн. 'жители конца деревни' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 206).

Производное с суф. *-сь* от **копъ* (см.).

***копсь** II: болг. (Герв) *кѡнець* м. р., ум. 'конек, лошадка', сербохорв. стар., редк. *кѡнас*, род. п. *кѡнса* м. р. то же (RJA V, 283: «В народной (?) песне XVI (?) в. из Дубровника...»), словен. *kѡnjec*, род. п. *-njca*, м. р., ум. 'лошадка, конек', 'кляча, лоша-денка' (Plet. I, 431). — Ср. сюда же, с другой огласовкой суф., сербохорв. *kѡnjic*, диал. *коѡнс* м. р. 'лошадка, конек' (Hraste—Šimunović I, 442), словен. *konjic* м. р. 'лошадка' (Plet. I, 431).

Соотносительно с **копъ* (см.). Нынешняя функция уменьшительности у **копсь* II, как и у **коникъ*, **копъкъ* (см. s. vv.), в отношении **копъ* вторична, как это следует из предложенной нами для **копъ*, вернее — для первоначальной более полной формы **коп(ъ)ко-*, **коп(и)ко-* этимологии (подробно — на **копъ*).

***копѣати**: ст.-слав. *копчати* (ѠА) *телеѡбѡу*, *finire*, *πληρεῖν*, *implere* 'кончить, довершить', *πληροῦσαι*, *impleri* (Supr., Вост., Sad., Mikl.), болг. (Герв) *кончѣа* 'кончать', 'кончить', сербохорв. *кѡнчати* 'кончать, кончить(ся)', (диал.) 'убивать' (РСА X, 181; RJA V, 264: сврш. и переходное значение — старое, до XV в.), *копчѣа* 'дубить (кожу)', 'готовить (рыболовную сеть)' (Hraste—Šimunović I, 437), словен. *končāti* сврш. 'кончить', *končāti se* 'кончиться', 'угробить себя' (Plet. I, 429), др.-русск., русск.-цслав. *копчати* 'кончать, доводить до конца' (Панд. Ант. XI в. 81), 'окончить, завершить' (Изб. Св. 1076 г., 701), 'убивать, казнить' (Ав. Ж., 205. 1673 г.), 'решить, решать' (1438 г. Львов. лет. I, 247), 'условиться, договориться' (АСВР II, 120, ок. 1470—1486 гг.) (Срезневский I, 1275—1276; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 285), *копчати* (там же), русск. *копчатъ* несврш., диал. *копчатъ* 'закончить' (том., перм.), 'повредить, испортить, уничтожить' (вят., урал.), 'скончаться' (нижегор., перм.), 'иссякнуть, кончиться' (перм.) (Филин 14, 273), укр. *кінчати* 'оканчивать, кончать', 'добивать' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *кон-*

чатися (Скарына 1, 276), блр. диал. *канчаць* 'кончать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 399).

Глагол, соотносительный с *kopyčiti (см.).

*kopyčina: ст.-слав. *кoнчннa* ж. р. τέλος, finis 'конец, кончина' (Supr., Vost., Mikl., Sad.), болг. стар. *кончина* ж. р. 'смерть' (РБЕ; Речник РОДД: русск.), макед. стар. *кончина* ж. р. 'смерть, кончина' (Кон.), сербохорв. книж., стар. *кончина*, *кoнчннa* ж. р. 'конец, кончина, смерть' (РСА X, 182; RJA V, 265), словен. *končina* ж. р. 'оконечность, окончание', 'конечность' (Plet. I, 429), ст.-чеш. *končina* ж. р. 'конец, край' (Gebauer II, 92), чеш. *končina* ж. р. 'конечность тела', 'кончина, смерть' (Kott I, 735), диал. *končiny* мн. 'отдаленный участок (поле, пастбище, пасека)' (Bartoš. Slov. 153), словц. *končina* ж. р. '(далекий) край' (SSJ I, 730), диал., стар. *končina*, *končina* ж. р. 'смерть' (Lipták. Zempl. 379), полаб. *t'aincajnā* ж. р. 'пастуший посох' (Polański—Sehnert 152, с реконструкцией *kopyčīna), польск. *kończyna* ж. р. 'конец, оконечность', 'конечность тела', др.-русск., русск.-цслав. *коньчина*, *кончина* ж. р. 'край' (Матф. IX, 16. Четвероев. 1144 г.), 'конец, окончание' (Апокал. 49. XII в.), 'смерть' (Мин. 1096 г. сент. 16) (Срезневский I, 1276; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 287), русск. *кончина* ж. р. торж., поэт. 'смерть', диал. *кончина* ж. р. 'предел, граница' (иркут., Азерб. ССР), 'конец, окончание' (астрах., том., иркут.) (Филин 14, 273; Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 245), *кончины* мн. 'окончание строительства жилого (или какого-либо иного) помещения' (Манаенкова 99), укр. *кончина* ж. р. 'край, конец', 'смерть' (Гринченко II, 279), ст.-блр. *кончина* 'край', 'конец' (Скарына 1, 276), блр. диал. *канчины* мн. 'угощение после конца работы' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніа Гомельшчыны 206).

Именное производное с суф. -ina, соотносительное с глаголом на -iti *kopyčiti (см.).

*kopyčiti: сербохорв. стар. *кoнчнтн* 'кончить, кончать' (РСА X, 182; RJA V, 265: с XVIII в.), ст.-чеш. *končiti* (Kterým právem súd začneš, tím končí. Tovač. 76. Ст.-чеш., Прага), чеш. *končiti* 'кончать', словц. *končit'* то же (SSJ I, 730), диал. (вост.-словц.) *končic* (Kálal 254), в.-луж. *kónčíc* 'кончить' (Pfuhl 270), н.-луж. *kónčys* 'кончить' (Muka Sł. I, 664), ст.-польск. *kończyc* 'ограничивать, определять' (Sł. stpol. III, 335), 'кончать, кончить', 'завершать' (Sł. polszcz. XVI w., X, 603), польск. *kończyć* 'кончать' (Warsz. II, 462), словин. *kò'inčic* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 472), *k*oňčac* (Lorentz Pomor. I, 414), *kænčec* (Ramuht 75), *kóňčec* 'кончать', 'кончатся, умирать' (Suchta II, 200), др.-русск. *кончитися* 'оканчиваться' (Курб. Ист., 180. XVII в. ~ XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 287), русск. *кoнчнтть*, сврш., диал. *кoнчнтть* 'привести в негодность, уничтожить' (иркут., свердл.), 'перестать существовать' (том.) (Филин 14, 274), *кoнчнтться* 'исполниться (о годах)' (том., кемер.), 'сдохнуть (о животном)' (киров.) (там же).

укр. *кінчіти* 'кончить' (Гринченко II, 245), также диал. *кнчити* (Онышкевич 363), блр. *кончыць* 'оканчивать' (Носов.), *кнчыць* 'кончить, окончить, закончить', 'прикончить' (Блр.-русск.), диал. *кнчыць* 'доесть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500), *кнчыцца* 'умереть' (там же).

Гл. на *-iti*, производный от **копъс* (см.). Сохраняет остатки древней более емкой видовой характеристики, ср. отражения как сврш., так и несврш. значений (выше), отчасти свойственные и для более позднего **копъсати* (см.).

***копъѣ**: сербохорв. редк. *кѡњи*, *-а*, *-е* 'конский, лошадиный' (РСА X, 192), чеш. стар. *konf*, прилаг. 'конский' (Kott I, 740), польск. диал. *koni*, *kóni*, прилаг. 'конский, лошадиный' (Sl. gw. p. II, 416), словин. *kóni*, прилаг. 'конский' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *końi*, прилаг. (Sychta II, 199: редк.), др.-русск. *коний*, прилаг. к *конь* (Рим. имп. д. II, 903. 1604 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 276), русск. диал. *кѡний*, *-ья*, *-ье* 'относящийся к коню, конский' (вят., свердл., Филин 14, 254—255).

Прилаг., производное с суф. *-(ь)ѣ* от **копъ* (см.).

***копъкъ**: сербохорв. *кѡњак*, род. п. *кѡњка*, м. р., ум. 'конек, лошадка', (диал. 'вид насекомого', 'грудная кость у птиц' (РСА X, 189, там же ряд других значений; RJA V, 284), словен. *konjek*, род. п. *-njka*, ум. 'лошадка' (Plet. I, 431), др.-русск. *конекъ* м. р., ум. *конь* (Кн. прих. Болд. м., 261. 1607 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 271), сюда же производное *Коньковъ* (середина XV в., Веселовский. Ономастикон 153), русск. *конѣк*, род. п. *-нѣка*, м. р., ум. к *конь*, диал. *конѣк* м. р. 'кастрированный молодой жеребец' (Словарь русских донских говоров II, 75), 'насекомое кузнечик' (волог., арх., яросл., костр., свердл.), 'стрекоза' (костр., иркут., волог.), также название ряда рыб и птиц (подробно см. Филин 14, 251—252), укр. диал. *конѣк* 'лошадиный послед' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 75), также в других вторичных значениях — 'конек крыши' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), блр. *канѣк*, род. п. *канька*, м. р., ум. к *конь* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 615), диал. *канѣк* м. р. 'конек крыши' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 396) и в других переносных значениях (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 204—205).

Соотносительно с **копъ* (см.) как ум. от последнего, хотя наиболее вероятно реконструируемая деривация обратного направления: **kop(i)ko-* → **копъ*. Ср. еще **копикъ* (см.).

***копница**: болг. *кѡнница* ж. р. 'конница, кавалерия' (Дювернуа; Геров), макед. *коњица* ж. р. то же (И-С), сербохорв. *кѡњица* ж. р. 'конница, кавалерия', (диал.) '(в разных играх) тот, кто подражает лошади — ходит на четвереньках, возит всадника' (РСА X, 194; RJA V, 286: первое значение — из русск.), словен. *konjica* ж. р. 'конница' (Plet. I, 431), ст.-чеш. *konnicě* ж. р. 'конюшня' (Gebauer II, 94), словц. стар. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия'

(SSJ I, 735), диал. *konica* 'конюшня' (Káral 255), ст.-польск. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия' (Sł. polszcz. XVI w., X, 571), польск. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия' (Warsz. II, 444), также диал. (Sł. gw. р. II, 418), словин. *k*onnica* ж. р. 'всадница', (собр.) 'конница' (Lorentz Pomor. I, 413), др.-русск. *конница* ж. р. 'конница' (АИ IV, 402. 1672 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 277—278), русск. *кѡнница* ж. р. 'конное войско', диал. *кѡнница* ж. р. 'конное войско; кавалерия', 'использование лошадей в сельскохозяйственных работах' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 245; ср., далее, Филин 14, 258), укр. *кѡнниця* ж. р. 'конюшня' (Гринченко II, 245), блр. *кѡнница* ж. р. 'конница' (Блр.-русск.; Носов.: *кѡнницею*, нареч. 'верхом на лошади').

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **копльъ* (см.), **копльа*; субстантивация последнего.

**копльникъ*: цслав. *копльникъ* м. р. *иплеѡс*, eques 'всадник, конный' (SJS), болг. *кѡнник* м. р. 'наездник, всадник' (БТР; РБЕ), также стар. *конник* (Цариградски вестник, г. VI, бр. 267, 1856. Архив. Болг. возрождения, София), макед. поэт. *коѡник* м. р. 'всадник, конник' (И-С), сербохорв. *кѡѡник* м. р. 'всадник' (RJA V, 287—288), также *кѡѡѡник* м. р., словен. *кѡпѡник*, *конѡник* м. р. 'всадник, кавалерист' (Plet. I, 431), ст.-чеш. *konnik* м. р. 'всадник' (Gebauer II, 94), слвц. стар. *konnik* м. р. 'всадник, конный воин' (SSJ I, 735; Jungmann II, 119: m. et. slc.; Kott I, 742: «Na Slov.»), др.-русск., русск.-цслав. *копльникъ* м. р. 'конный воин' (Флавий. Полон. Иерус. I, 14. XV в. ~ XI в.; Патерик Син., 130. XI—XII вв.; Лавр. лет., 337. Срезневский I, 1272—1273; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 277), русск. *кѡнник* м. р. 'всадник, конный воин, кавалерист' (Даль³ II, 396), диал. *кѡнник* м. р. 'конюх' (моск., белгор.), 'всадник, верховой' (арх.), 'любитель лошадей; коневод' (арх.), 'площадь, на которой торгуют лошадьми' (иск.), 'сарай, в котором хранится конская сбруя' (перм.) (Филин 14, 258), укр. *кѡнник* м. р. 'конюшня' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *конник* (Скарына 1, 276), блр. *кѡнник* м. р. 'верховой, всадник', 'конник, кавалерист' (Блр.-русск.).

Производное с суф. *-икъ* от прилаг. **копльъ* (см.).

**копльъ(жь)*: ст.-слав. *копльъ*, прилаг. equi 'снабженный конем, едущий на коне' (Supr., Vost., Mikl., Sad.), болг. *кѡнен*, прилаг. 'конный' (РБЕ), *кѡнни* (Дювернуа), чеш. стар. *konní*, прилаг. 'конский, конный', слвц. стар. *konný* = *konský* (SSJ I, 735), ст.-польск. *konný* 'всадник' (Sł. stpol. III, 331), прилаг. 'конный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 571—572), польск. *konný* 'конный, верховой' (Warsz. II, 444), также диал. (Sł. gw. р. II, 418), словин. *k*onni* (Lorentz Pomor. I, 413), *кѡпльъ* (Ramuš 75), др.-русск., русск.-цслав. *копльни*, прилаг. 'конский' (1204 г. Ник. лет. X, 40), 'имеющий в своем распоряжении коня' (Рим. имп. д. I, 485. 1576 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 278; Срезневский I, 1273), русск. *кѡпльни*, *-ая*, *-ое* 'относящийся к коням', диал. *кѡпльни*,

кѣнный 'конский' (моск., урал., каз., новг., нижегор., Филин 14, 258), укр. *кѣнный*, -а, -е 'конный' (Гринченко II, 244—245). ст.-блр. *кѣнный* (Скарына 1, 276), блр. *кѣнный* 'конный', диал. *кѣнный* 'всадник' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 499).

Прилаг., производное с суф. -ѣнъ от *копѣ (см.).

***копѣскъ (ѣ)**: ст.-слав. *копѣска*, прилаг. *ѣпѣов*, equorum 'конский, лошадиный' (Supr., Mikl., Sad.), болг. *кѣски*, прилаг. 'лошадиный, конский' (БТР; Дювернуа; Геров: *кѣскый*), диал. *кѣски*, *кѣнцки* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44; Б. Шклифов БД VIII, 255), макед. *кѣски* 'лошадиный, конский' (И-С), сербохорв. *кѣски*, прилаг. 'лошадиный, конский' (RJA V, 289—290), словен. *кѣнски* то же (Plet. I, 431), чеш. *копѣскы*, прилаг. от *кѣн*, диал. *копѣску/копѣску* (Kellner. Štramber. 27), словц. *копѣскы*, прилаг. (SSJ I, 759), также диал. *копѣски* (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 235), в.-луж. *кѣнски* (Pfuhl 271), полаб. *t'ünst'ě*, прилаг. 'конский' (Polański—Sehnert 157), ст.-польск. *копѣски* 'конский, лошадиный' (Sl. stpol. III, 335; Sl. polszcz. XVI w., X, 607—609), польск. *копѣски*, прилаг. от *копѣ* (Warsz. II, 462), также диал. *копѣски* (Sl. gw. p. II, 423), словин. *кѣншѣ* (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 459), *кѣншѣ* (Lorentz Pomor. I, 425), *кѣнски* (Sychta II, 199), др.-русск., русск.-цслав. *копѣскы*, прилаг. 'конский' (Панд. Анг. XI в., л. 218. Срезневский I, 1273; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 281), русск. *кѣнский* 'лошадиный, к коням относящийся' (Даль³ II, 392), *Кѣнский*, *Кѣнская*, названия рек, ручьев (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 437), укр. *кѣньскый*, -а, -е 'лошадиный, конский' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *кѣнскы*, прилаг. от *копѣ* (Скарына 1, 276), блр. *кѣнски* 'конский', также диал. *кѣнски*, *кѣньскы* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500).

Прилаг., производное с суф. -ѣскъ от *копѣ (см.).

***копа**: болг. *копѣ* ж. р. 'копна, скирд (сена, соломы)' (Геров; РБЕ; Младенов БТР), диал. *кѣпа* ж. р. 'черенок (виноградной лозы)', 'перо лука с семенами' (Младенов БТР), макед. *копа* ж. р. 'скирд, стог' (И-С), также диал. *копа* (P. Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *кѣпа* ж. р. 'копна, скирд, стог', 'куча', 'кол, вокруг которого скирдуют сено, снопы и проч.', 'яма, в которой выжигают древесный уголь', 'чурка (в детской игре)' (РСА X, 202—203; RJA V, 292; Mažuranić 525), диал. *кѣпа* 'куча' (Hraste—Šimunović I, 443), 'шестьдесят штук, напр. соломенных снопов на крышу и т. д.' (Skok), словен. *кѣпа* ж. р. 'стог, скирд, копна', 'шестьдесят штук (напр. снопов)', 'угольная яма', 'вершина горы', 'кучевое облако', 'куча (народу)', 'кучка (из четырех орехов — три вместе и один орех посредине)' (Plet. I, 432—433; «Narodopisje Slovencev» I, 134: *копа*), ст.-чеш. *копа* 'sexagena, число шестьдесят в монетном деле, первоначально равное одной марке, поскольку из одной марки сначала чеканили 60 грошей; также шестьдесят или пятьдесят снопов', 'удары, которые наносились молодым людям при обходе границы, чтобы

они лучше следили, когда там начнется стычка' (Brandl 103—104), чеш. *kopa* ж. р. 'число шестьдесят как единица счета (гл. обр. сельскохозяйственных продуктов)', 'много, множество', 'куча, копна', диал. *kora* 'скирд, стог (сена)', 'прядь нитей' (Hruška. Slov. chod. 43), *kora, kbra* ж. р. 'куча, количество 60 штук, монет' (Vážný. Středověk. list. 30), словц. *kora* ж. р. 'куча', 'скирд, стог', 'старая мера в 60 или 50 штук' (SSJ I, 472), в.-луж. *kora* ж. р. 'куча, шестьдесят штук' (Pfuhl 271), н.-луж. *kora* ж. р. 'копа' (Muka Sl. I, 667), полаб. *t'ŭrǎ* ж. р. 'шестьдесят штук' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kopa*), ст.-польск. *kora* 'количество 60 штук (снопов, денежных единиц)' (Sl. stpol. III, 335—337), 'стог сена', 'куча (вообще)' (Sl. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *kora* ж. р. 'количество шестьдесят штук' (Warsz. II, 463), диал. *kora* ж. р. 'скирд сена' (Sychta. Słown. kosciewskie II, 81), 'количество шестьдесят', 'гора' (Sl. gw. р. II, 423), словин. *kŕpǎ* ж. р. 'шестьдесят штук' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *k^oopa* 'копна, скирд, куча', 'шестьдесят штук' (Lorentz Pomor. I, 415), *kaopa* (Ramult 75), *kopa* (Sychta II, 202), др.-русск. *копа* ж. р. 'денежная единица' (Польск. д. I, 3. 1487 г.), 'денежная плата' (Правда Рус. (пр.), 287), 'счетная единица 60 штук' (Кн. сметн. поташн. пром., 16. 1689 г.), 'копна, сложенная из снопов' (Южно-великорусск. письм., 38. 1677 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 291—292; Срезневский I, 1278), русск. диал. *копá* ж. р. 'большая куча сена; снопов хлеба, копна' (ряз., брян., орл., сарат., смол.), 'шестьдесят штук (как единица счета)' (смол., зап., южн.), '50 копеек, полтинник' (зап., калуж.), 'большое количество, множество' (южн., смол.) (Филин 14, 281; Добровольский 341; Говоры Прибалтики 127), *ко́па* ж. р. 'большая копна сена или снопов' (Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 235), *ко́пы* мн. 'кучи накопанной земли (?)' (смол., печорск., Филин 14, 299), ст.-укр. *копа* ж. р. 'мера количества' (1401 г.), 'денежная единица' (1359 г.) (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 495) 'собрание сельской общины' (XVII в.), 'копна', 'мера денег' (Картотека словаря Тимченко), укр. *копá* ж. р. 'мир, сельское общество, сходка', '60 штук', 'копна хлеба', '50 копеек' (Гринченко II, 279—280), диал. *копá* (Материали до словника буковинських говірок 6, 77), блр. *копá* ж. р. 'копна', также диал. *копá* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 401—402), 'старая мера счета, равная шестидесяти' (там же), *ко́па* ж. р. то же (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 221).

Отглагольное производное от **kopati* (см.). Слав. новообразование, повторяющее вокализм и акцентуацию глагола, поэтому поиски точных и.-е. соответствий излишни. Несмотря на известную близость лит. *kāpas* 'могильный холм', *караі* мн. 'могила', 'кладбище', лтш. *kaps* 'могила, могильный холм', лит. *копá* 'песчаная дюна', 'масса', отношение их к слав. **kopa* достаточно свободно.

Есть основания думать, что лексема (и семема) **кора* (см. выше) оформилась уже в условиях развитого сельского хозяйства, и это лучше всего объясняет его мотивацию, очевидно, по модели 'стог (сена)' ← 'жердь, шест (вокруг которого укладывается сено)', ср. представленность обоих значений у **корь* (см.). Исходное значение 'жердь, шест' вполне объяснимо от глагольной семантики **korati* 'бить, забивать'. Емкое значение 'укладка сена' послужило исходным для более общего 'куча', состав укладки сена обычно из определенного количества снопов был использован и для числовой абстракции ('количество 60').

Вызывает решительные возражения мнение о родстве и произведении **кора* от **кура* (см.) «благодаря какому-то отклонению в развитии». Чисто формальное объединение **кора* и **кура* на уровне реконструкций **kuorā* и **koḡrā* (например Мартынов, ниже) все-таки очень проблематично: восходящий дифтонг *io* привел бы к иной трактовке, чем краткий корневой гласный **кора* с переносом ударения на последующий долгий гласный окончания. В остальном же между **кора* и **кура* можно признать наличие вторичной интерференции.

Литература: Verneker I, 562 (от **korati*, первоначально 'наброшенная, накопанная куча земли', затем — 'вообще куча', хотя, заметим, это объяснение лучше подходит для балт. фактов, чем для большинства славянских); Mashek³ 274; Фасмер II, 316 (только балт. соответствия); Fraenkel I, 217; Мартынов. Слав.-герм. лексическое взаимодействие древнейшей поры (Минск, 1963) 162; подробно см. V. Šaur. *Kur(a)/kora — kuč(k)a/kočka*. — *Slavia* XLVI, 1977, 1, 12 и сл. (с разбором реконструкций в духе теории Бенвениста — **kuo-p-/*ku-or-* — у Ондруша и др.); P. Skok *AfslPh* XXX, 1909, 308 (устаревшая этимология из роман. *sarra foeni vel paleae*).

***кораць**: цслав. *копач* м. р. *fodiens, cultor* 'обрабатывающий землю, землекоп' (SJS), болг. *копач* м. р. 'тот, кто копает', 'рудокоп, углекоп, землекоп', 'мотыка' (РБЕ; Младенов БТР; Геров: *копачь*), диал. *копач* 'мотыка' (Бит. и культура на родопските българи. — СбНУ LIV, 265; Денчев БД II, 346; М. Младенов БД III, 91), макед. *копач* 'землекоп', 'кирка' (И-С), сербохорв. *копач* м. р. 'землекоп', 'рудокоп', 'орудие для копания' (РСА X, 207; RJA V, 292—293: с XVIII в.), диал. *корѡч* м. р. 'рабочий в поле и на винограднике' (Hraste—Šimunović I, 444), словен. *koráč* м. р. 'землекоп', 'кочерга', 'двурогие вилы для навоза' (Plet. I, 433), ст.-чеш. *koráč* 'землекоп на винограднике' (Brandl 104), чеш. *коpač*, *коpač* м. р. 'землекоп', 'рудокоп', 'мотыка' (Kott I, 745), диал. *коpač* м. р. 'двузубая мотыка' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *коpač* (Lamprecht. Slov. střeđoovav. 62), *коpač* 'виноградарь' (Kott. Dod. k Bart. 42), *Корáčов*, местн. название от ст.-чеш. *Корáč*, фам. (1409 г., Profous II, 302), словц. *коpač* м. р. 'землекоп', 'орудие для копания' (SSJ_I, 742), диал. *коpač*

м. р. 'орудие для сгребания навоза' (Matejčík. Východonovohrad. 267), в.-луж. *korac* м. р. 'холм' (Pfuhl 1077), ст.-польск. *koracz* 'землекоп', 'рудокоп', 'могильщик' (Sł. społ. III, 338; Sł. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *koracz* 'землекоп, рудокоп', 'деревянная лопатка для копания картофеля' (Warsz. II, 463), также диал. (Sł. gw. р. II, 424), словин. *кѣбрѡѣ* м. р. 'землекоп', 'могильщик' (Lorentz Romog. I, 416), др.-русск., русск.-цслав. *копачь* м. р. 'тот, кто копает или обрабатывает землю, земледелец; виноградарь' (Лук. XIII, 7. Гал. ев. XIII в.), 'лопата; то, чем копают' (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 227. 1588 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 294; Срезневский I, 1279), русск. диал. *кѡпѧч* м. р. 'землекоп' (ворон., зап.-брян., новг., волог., моск.), 'лопата, заступ' (арх.), 'вид тяжелой мотыги для окапывания корней корчуемых деревьев' (волог., приангар.), 'вилы особой формы' (смол., моск.) (Филин 14, 286—287; Словарь говоров Подмосковья 215), укр. *копѧч* м. р. 'землекоп', 'могильщик', 'заостренная палка, которою руют землю' (Гринченко II, 280), диал. *копѧч* 'землекоп' (Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини 111), *кѡпѧч* 'кол' (Онышкевич 365), блр. *капѧч* м. р. 'заступ, лопата; крюк для сбрасывания навоза с телеги' (Гарэцкі 75), диал. *капѧч* 'тот, кто копает, землекоп' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 402), 'мотыга' (там же, 2, 404), *Капѧч*, *Капачѡў*, стар. *Копач*, антропоним (XVI—XVIII вв., Бірыла 179).

Производное с суф. *-(a)ць* от глагола **kopati* (см.).

**kopadlo*: болг. *копѧло* ср. р. 'кирка' (Геров), макед. *копало* ср. р. 'орудие для вскапывания, копки (лопата и т. п.)' (И-С), сербохорв. *кѡпало* ср. (м.) 'тот, кто копает, землекоп' (РСА X, 203), *кѡпало* ср. р. 'орудие для копания земли' (RJA V, 293), словен. *копѧло* ср. р. то же (Plet. I, 433), чеш. *kopadlo* ср. р. 'орудие для копания', в.-луж. *kopadło* ср. р. 'мотыга' (Pfuhl 271), польск. диал. *kopadło* ср. р. 'о крыле комара' (Weźmiesz (po śmierci komara) sto funtów sadła i te wszystkie kopadła. Sł. gw. р. II, 424; Warsz. II, 463), русск. диал. *кѡпѧло* ср. р. 'приспособление для копки картофеля, овощей' (камч.), 'мотыга' (петерб.) (Филин 14, 282).

Производное с суф. *-(a)дло* от глагола **kopati* (см.).

**коракъ*: болг. диал. *копак* (*купѧк*) 'раскорчеванный лес под пашню' (Ковачев. Топонимията на Троянско 156), *копѧк* м. р. 'некладеный козел' (Стойчев БД II, 190), чеш. *копѧк* м. р. 'прямоугольно отесанная глыба камня', в.-луж. *корак* м. р. 'тот, кто лягается' (Pfuhl 271), польск. диал. *корак* м. р. 'вяз' (Warsz. II, 463), *копѧк* 'изогнутые вилы для разбрасывания навоза в поле' (Sł. gw. р. II, 424).

Обращает на себя внимание пестрота значений, что говорит о возможности наличия ряда независимых словообразовательных актов — образования производного (производных) с суф. *-(a)къ* от глагола **kopati* (см.). Из них выделяются случаи со значением названия дерева, раскорчеванного леса (выше).

Это **korakъ* попало из ю.-слав. в рум., где *coras* значит 'дерево (вообще)'. Разумеется, ни о какой связи рум. *coras* с лтш. *kioks*, *koks* 'дерево' говорить нельзя.

***кoralь**: сербохорв. диал. *кѡпаль*, род. п. *-пья*, м. р. 'перо (напр. лука)' (РСА X, 203), чеш. диал. *korál* м. р. 'тот, кто копает, землекоп' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *korál'* то же (Bartoš. Slov. 154: slov.), словц. диал. *korál* 'орудие для кидания навоза' (Palkovič. Z vesp. slov. Slovákov v Mad'ar. 337), русск. диал. *кѡпаль* м. р. 'землекоп, копальщик' (волог., костр., яросл., Филин 14, 282), укр. диал. *кѡпаль* 'тот, кто копает картошку' (Онышкевич 364).

Производное с суф. *-(a)ль* от глагола **korati* (см.).

***koranica**: макед. *копаница* ж. р. 'резьба по дереву' (И-С), сербохорв. *кѡпаница* ж. р. 'что-либо выдолбленное из куска дерева, ствола и т. п.', 'раскорчеванное место', 'repa Brassica parus garifera' (РСА X, 203; RJA V, 293), диал. *кѡпаница* ж. р. 'что-либо выдолбленное из цельного камня' (Елез. I), *korānica* 'ночвы для хлеба' (Sus. 164), *Koranica* ж. р., местн. название (RJA V, 293), чеш. диал. *koranica* ж. р. 'пашня на лесной почве', 'почва, очищенная от снега' (Bartoš. Slov. 154), *koranice* 'куча' (Kubín. Čech. klad. 189), словц. *Korānice* мн., местн. название (Matejčík. Východonovohrad. 267; Palkovič. Z vesp. slov. Slovákov v Mad'ar. 321), в.-луж. *кѡрапса* ж. р. 'что-либо рубленое', 'раскорчеванный участок поля' (Pfuhl 271), ст.-польск. *koranica* ж. р. 'пашня на раскорчеванном участке' (Sł. polszcz. XVI w., X, 614), польск. диал. 'ров, канава', 'передок саней, полозья из ствола дерева с естественным изгибом' (Warsz. II, 464; Sł. gw. р. II, 424—425), др.-русск. *копаница* ж. р. 'выкопанный ров, рывина' (1386 г. Новг. IV лет., 346), 'заступ, мотыга' (Посольство Елчина, 337. 1640 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 292; Срезневский I, 1278), русск. диал. *кѡпаница* ж. р. 'лопата' (новосиб., брян.), 'мотыга' (иркут., новоросс., брян., свердл., новосиб.), 'мастерок; кирка' (курск.) (Филин 14, 283; Манаенкова 24), ст.-укр. *копаниця* 'заступ' (XVIII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *копаниця* ж. р. 'заступ', 'род мотыги для копания глины', 'искривленное дерево, идущее на полоз, выкопанное с корнем из земли' (Гринченко II, 280), диал. *копаниця* ж. р. 'железный скребок, большая мотыга для сгребания или копания картошки' (Лисенко. Словник полських говорів 103), *копаниця* 'санний полоз' (Онышкевич 364), *копаниці* мн. 'сани, санки' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), *купане́ча* 'санные полозья' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра 247), блр. *капаніца* 'выкопанный ров, вырытый пруд' (Гарацкі 75), диал. *капаніца* ж. р. 'мотыга' (Народное слова 68; Матарыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 207; Матарыялы для слоўніка 30), *капаніца* ж. р. 'яма на месте вырытого торфа' (3 народнага слоўніка 78).

Субстантивация прич. прош. страд. **копанъ*, **копана* (от глагола **копати*, см.) с помощью суф. *-isa* или производное с тем же суф. от **копань* (см.).

**копаніна*: болг. диал. *копаніна* ж. р. 'пашня на месте выкорчеванного леса' (М. Младенов БД III, 91; Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), словен. *копаніна* ж. р. 'вскопанный, раскорчеванный участок' (Plet. I, 433), ст.-чеш. *копаніна* ж. р. 'раскорчеванная земля под пашню, особенно в горах' (Brandl 104; Šimek 65), *Кораніна*, местн. название (Profovs II, 303), также чеш. диал. *Кораніна* (Bartoš. Slov. 154), словц. стар. *копаніна* ж. р. 'сельскохозяйственное растение, которое оканчивается, окучивается' (SSJ I, 743), в.-луж. *копаніна* ж. р. 'соломенная сечка', 'вырытое, выкопанное' (Pfuhl 271), ст.-польск. *копаніна* ж. р. 'раскорчеванный участок, взятый под пашню' (Sł. stpol. III, 339), 'копание, земляные работы', 'яма' (Sł. polszcz. XVI w., X, 615), польск. *копаніна* ж. р. 'рытье, копание', 'то, что вскопано', (диал.) 'раскорчеванный участок', 'ископаемое (руда, глина)' (Warsz. II, 464; Sł. gw. р. II, 425), русск. диал. *копаніна* ж. р. 'расчистка леса под пашню' (арх.), 'вновь раскопанное для пашни место' (арх.), 'место добычи глины' (киров.), 'яма для сбора воды' (киров.) (Филин 14, 283), укр. *копаніна* ж. р. 'копанье постоянное' (Гринченко II, 280).

Производное с суф. *-ina* от прич. прош. страд. **копанъ*, **копана* (от глагола **копати*, см.), субстантивация последнего, или — от **копань* (см.).

**копанъка*: болг. *копанка* ж. р., ум. от *копаня* (Младенов БТР), также диал. *копанка* ж. р. (Речник РОДД), *копанъка* ж. р. 'деревянная посуда' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. *копанка* ж. р. 'выдолбленный деревянный сосуд' (И-С), сербохорв. диал. *копанка* ж. р. 'деревянная посуда' (РСА X, 204), словен. *копанка* ж. р. 'пшеница грубого помола, крупа' (Plet. I, 433), н.-луж. *копанка* ж. р. 'лоток, корыто', 'потолочный свод' (Мука Sł. I, 667), ст.-польск. *копанка* 'ночвы, деревянное корытце для замешивания теста' (Sł. stpol. III, 339; Sł. polszcz. XVI w., X, 616), польск. *копанка* ж. р. 'яма, землянка', 'ночвы для теста', также диал. *копанка*, *копанка* (Warsz. II, 464; Sł. gw. р. II, 425), словин. *копанка* (АЖК II, II, 22), русск. диал. *копанка* ж. р. 'яма, ров, выкапываемые для сбора воды' (ворон., оренб., донск., чкалов.), 'большая канава для стока воды' (волог.), 'неглубокий колодец' (донск., ворон.), 'погреб' (калин.), 'приспособление для копки картофеля — лопка с деревянной ручкой' (калин.), 'соха' (том.), 'дерево, выкопанное с корнем' (калин.), 'бревно, на котором укрепляется застреха' (твер.), 'землянка' (перм.) (Филин 14, 283—284; Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 235), укр. *копанка* ж. р. 'копание, выкапывание', 'род маленького колодезя без венца', 'выкопанный прудик, сажалка', 'расчищенное под посев место в лесу, которое еще нельзя

пахать, можно лишь копать' (Гринченко II, 280), диал. *кѳпанка* 'канава, ров', 'дорога через лес', 'яма', 'колодец без сруба', 'деревянная лопата, обитая железом' (Карпатский диалектологический атлас 200—201), *копанжй* мн. 'вид соломенной обуви на деревянной подошве' (Материали до словника буковинських говірок 6, 77), блр. *копанка* ж. р. 'выкопанный прудок' (Носов.), *кѳпанка* 'пруд' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713; Блр.-русск.), диал. *кѳпанка* ж. р. 'пруд' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501).

Производное с суф. *-ъка* [от] прич. прош. страд. **коранъ*, **корана* (см. **корати*), субстантивация, или — от **корань* (см.).

***корань**: цслав. *копанъ*, *копанъ* ж. р. *mensura quaedam* (Mikl.), болг. стар. *кѳпан(ъ)* ж. р. 'копание' (Геров; Младенов БТР), *копаня* ж. р. 'лоток, лохань, миска, посудина, выдолбленная из дерева' (БТР; РБЕ; Геров; Речник РОДД), также диал. *копаня* ж. р. (СбНУ XLIV, 528), *копан'а* ж. р. (М. Младенов БД III, 91), *купан'ъ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46; Ралев БД VIII, 140), *копаня* 'корыто (стиральное)' (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), *кѳпан* м. р. 'колотушка, которой треплют сухой лен' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. *копана* ж. р. 'выдолбленный деревянный сосуд (миска, корыто и т. п.)' (И-С), *копан* то же (там же), также диал. *копаня* (Б. Ристоски. Зборови од Тиквешко. — МЖ II, 5, 1951, 119), сербохорв. диал. *кѳпань*, род. п. *-аня*, м. р. 'миска', 'корыто' (РСА X, 204; RJA V, 293: XVIII в., Славония), *кѳпаня* ж. р. 'миска, лохань, выдолбленная из дерева', 'ночвы', 'корыто' (РСА X, 204; RJA V, 293—294: с XV в.), *карпаня* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 443), *кораня* 'углубление в камне, в котором содержится соленая рыба' (Leksika ribarstva 162), словц. *Коран*, *-ње* ж. р., местн. название (Matejčik. Východopovoňad. 267), ст.-польск. *корань*, *кораня* ж. р. 'продолговатый деревянный сосуд', 'лопатка или ложка для размешивания' (Sł. polszcz. XVI w., X, 616), польск. стар., диал. *корань* 'большое деревянное корыто' (Warsz. II, 464; Sł. gw. р. II, 425), др.-русск. *копань* ж. р. 'выкопанный ров, канава' (Дух. и дог. гр., 391. 1504 г.), 'яма, вырытая для скопления воды; копанный колодец' (Посольство Тихан., 251. 1614 г.), 'комлевая часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня под углом к стволу' (Ворон. а., 308. 1698 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 292—293; Срезневский I, 1278), русск. диал. *кѳпань* м. и ж. р. 'яма, ров, выкапываемые для собиранія дождевых или грунтовых вод' (рост., курск., брян., орл., тул., ленингр., моск., сиб.), 'неглубокий колодец (без сруба)' (астрах., донск., рост., ворон., курск.), 'поле, расширенное от леса' (яросл., ряз., калуж., курск., тул.), 'место добычи руды' (киров., урал.), 'дерево, выкопанное с корнем' (костр., новосиб., твер., яросл. и др.) (Филин 14, 285; Опыт 89; Картотека Псковского областного словаря), *кѳпань*

‘железная лопата’ (Сл. Среднего Урала II, 47), *кoпaни* мн. ‘пара санных полозьев с корневыми, не гнутыми головешками’ (Даль³ II, 401; Филин 14, 283: смол., калуж.), *Кoпaни*, ряд водных названий в басс. Дона (Wörterbuch der russischen Gewässer-namen II, 440), ст.-укр. *кoпaнь* ж. р. ‘выкопанный межевой знак’ (1459 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 495), укр. *кoпaнь* ж. р. ‘выкопанный прудик, сажалка, расширенное под посев место в лесу, которое еще нельзя пахать, можно лишь копать’ (Гринченко II, 280), диал. *кoпaнь* ‘поле на месте вырубленного леса’ (Карпатский диалектологический атлас 200), *кoпaн’* ж. р. ‘пастбище в лесу, на месте вырубки’, ‘посуда, в которую сыплется мука из жерновов’ (Онышкевич 364), *кoпaн’i* мн. ‘род лыж’ (Онышкевич 365), *кoпaня* ж. р. ‘деревянная за-слонка в печи’ (Гринченко II, 280; И. Свенцицкий. Галицко-бойковский говор. — ЖСт X, 1900, 219), блр. *кoпaни* мн. ‘сани не из гнутых, а корневых выкопанных полозьев’ (Носов.), диал. *кoпaнь* ж. р. ‘пруд’, ‘выкорчеванный пенъ’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 241), *кoпaні*, *кoпaні*, мн. ‘санные полозья из деревьев, выкопанных с корнем’ (Жывое слова 135).

Именная основа на *-i-*, соотносительная с глаголом **kopati* (см.).

**копaньсь*: сербохорв. *kopanas* ‘долбленая лодка’ (Leksika ribarstva 162), словен. *korānes*, род. п. *-nca*, м. р. ‘скирд, стог’ (Plet. I, 433), ‘пшеничная мука грубого помола, крупа’ (там же), чеш. *korānes*, род. п. *-nse*, м. р. ‘удар, пинок’; словц. *korānes*, род. п. *-nca*, м. р. то же (SSJ I, 743), русск. диал. *кoпaнеу*, род. п. *-нца*, м. р. ‘яма, ров’ (пск., твер., перм., новг., костр. и др.), ‘неглубокий колодец’ (твер., новг., свердл., южн.), ‘дерево, выкопанное с корнем’ (новосиб., калин.) (Филин 14, 282—283; Даль³ II, 400; Картотека Псковского областного словаря), *Кoпaнеу*, название рек в бывш. Яросл. губ. (Wörterbuch der russ. Gewässernamen II, 439).

Субстантивация прич-я прош. страд. **копaнь* (см. глагол **kopati*) с помощью суф. *-сь*.

**копaньje*: цслав. *копaние* ср. р. *cultura, fossio* ‘копание, обработка земли’ (SJS), болг. (Геров) *кoпaнje* ср. р., диал. *кoпaнje* ср. р. ‘первое вскапывание’ (М. Младенов БД III, 91), *кoпaн’e* ‘рыхление мотыгой’ (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 239; Шапкарев—Близнев БД III, 233), *кyпaнe* ср. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46), макед. *кoпaнje* ср. р. (Кон.), сербохорв. *кoпaнje* ср. р. ‘копание’ (РСА X, 204; RJA V, 294), диал. *кoпoнje* ср. р. (Hraste—Šimunović I, 444), словен. *korānje* ср. р. ‘копание, копка’, ‘новъ, вспаханная целина’ (Plet. I, 433), чеш. *кoпaнi* ср. р. ‘копание’, ‘добыча’, *кoпaнi nohou* ‘лягание ногой (о лошади)’ (Jungmann II, 122), в.-луж. *кoпaнje* ср. р. ‘копание, рыхление мотыгой’, ‘лягание ногой’ (Pfuhl 271), н.-луж.

koranie ср. р. то же (Muka Sł. I, 667), ст.-польск. *koranie* ср. р. 'копанье' (Sł. polszcz. XVI w., X, 614—615), польск. *koranie* ср. р. 'копанье, вскапывание' (Warsz. II, 464), русск. *копанье*, диал. *копанье* ср. р. 'дерево с корнем, идущее на постройку судов, на крышу избы, на санные полозья' (Филин 14, 285), укр. *копанья* ср. р. 'копанье' (Грищенко II, 280), блр. *капанне* ср. р. 'копанье' (Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 627; Блр.-русс.).

Название действия, соотносительное с глаголом **kopati* (см.).

***копать**: словен. *korár*, род. п. *-rja*, м. р. 'угольщик' (Plet. I, 433), чеш. стар. *korár* м. р. 'тот, кто копает' (1576 г., Kott I, 745), словц. диал. *korár* м. р. 'тот, кто окунывает картошку' (Matejčík. Východoslovník. 267), в.-луж. *korár* м. р. 'тот, кто копает (картофель)' (Pfuhl 271), н.-луж. *korár* м. р. то же (Muka Sł. I, 667), словин. *korár* м. р. 'могильщик' (Sychta II, 203), *k'špōř* (Lorentz Romog. I, 416), русск. диал. *копáрь* м. р. 'орудие для вскапывания земли' (волог.), у староверов — 'картофель' (вят.) (Филин 14, 285).

Производное с суф. *-(a)рь* от глагола **kopati* (см.).

***kopati**: ст.-слав. *копати* *ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ*, *rodere* 'копать' (Вост. I, Mikl., Sad.), болг. *копáя* 'копать, вскапывать, рыть' (БТР; Геров: *копáж* 'копать, рыть', 'выкапывать', 'закапывать', 'выклеивать', 'капючить'), диал. *копам* (РВЕ; Геров: *копамь*), также *копъ*, *копъм* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. *копа* 'копать, рыть', 'вскапывать', 'добывать (руды и т. п.)' (И—С), сербохорв. *копати* 'копать, рыть (землю)', 'выкапывать', (диал.) 'погребать, закапывать', 'бить землю (ногой, копытом)', 'долбить', 'пробивать, дырявить', 'копаться, рыться', 'колоть, ранить, причинять боль' (РСА X, 205—206; РЈА V, 294—296), *копáт* (Hraste—Šimunović I, 443), словен. *kópati* 'копать, рыть', 'долбить', 'наносить удар, ранить' (Plet. I, 433), чеш. *kopati* 'копать, вскапывать', 'рыть, вырывать, выкапывать', 'бить ногой', диал. *kopat' se čemu* 'артачиться' (Bartoš. Slov. 154), *kůň kope* 'лошадь лягает' (Siatkowski. Dial. Kudowy 2, 55), словц. *kopat'* 'копать, вскапывать', 'выкапывать, вырывать', 'бить ногой, лягать' (SSJ I, 743), в.-луж. *копáс* 'копать, вскапывать', 'лягать' (Pfuhl 271), н.-луж. *копáс* 'копать, вскапывать', 'толкать, лягать, брыкать' (Muka Sł. I, 668), ст.-польск. *копáс* 'копать, рыть', 'вскапывать, корчевать', 'прокапывать, пробивать' (Sł. strol. III, 338), 'пинать ногой', 'клевать (о журавле)' (Sł. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *копáс* 'копать', 'бить ногой' (Warsz. II, 463), также диал. *копáс* (Sychta Słown. kociewskie II, 81), словин. *копáс* 'бить (ногой)', 'копать, рыть', 'пахать' (Sychta II, 203); *копáс* (Ramuš 75), *kšpōřac* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), др.-русс., русск.-цслав. *копати* 'копать, рыть' (1091 г. Моск. лет., 14; Ж. Феод. Студ. Выг. сб., 158. XII в.), 'рыть, делать углубление' (Пролог. (Ф.), 7 об. XIII в.), 'добывать, выкапывая' (1553 г.

Ник. лет. XIII, 210), 'лягать (о коне)' (Пч., 27.XIV—XV вв. ~ XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 293; Срезневский I, 1279), русск. *копáть* 'рыть', диал. *копáть* 'закапывать, зарывать' (онеж., перм.), *копать лес* 'выкапывать высохшие деревья, готовя землю под пашню' (тобол., краснойр.), 'ковыряться, рыться' (волог., ленингр., арх., камч.), 'долбить' (якут., камч.), 'прокалывать, протыкать' (том., КАССР) (Филин 14, 286, там же другие значения), 'вырезать, выдалбливать' (Библиотека Печорского областного словаря; Библиотека СТЭ), ст.-укр. *копати* (1424 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. I, 495), укр. *копати* 'копать, рыть', 'выкапывать', *копати ногами* 'бить ногами' (Грищенко II, 280), дпал. *кóпати* 'пинать, бить ногами' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), *копати* (Опышкевич 365), ст.-блр. *копати* (Скарына I, 276), блр. *капаць* 'копать' диал. *капаць* 'выкапывать, копать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 403).

Родственно лит. *karóti* 'рубить', лтш. *karát* то же, др.-прусск. *en-kopts* 'закопанный, зарытый', далее — с определенными отличиями в консонантизме — арм. *kor'em* 'вырубать, вырезать', н.-перс. *kāvad*, *kāfād* 'рыть, раскалывать', наконец, греч. *κόπτω* 'рубить', и *κόπτω* 'рыть', разошедшиеся (вокализмы -а-, -о- и начальное s- в одном случае), видимо, уже вторично. Дальнейшая реконструкция п.-е. праформы затруднительна, возможно **kōp-*, с экспрессивным (более поздним?) вариантом **skarp-*.

Привлекает внимание словообразовательно-морфологическая характеристика слав. слова, изученная еще не в полной мере. Итеративно-дуративная тема *-ati*, общая у слав. **kopati* с балт. (лит., лтш.) глаголами, выше, позволяла бы ожидать наличия также продленной ступени вокализма в корне, где, однако, присутствует краткость, более естественная в глаголе вида **kopti*, который бы соответствовал, кстати, лит. *kàpti* 'рубить'. Все это служит показателем первоначальности формы **kopati*, а также вторичности единообразия презентно-инфинитивной парадигмы **koraǰ* — **kopati*, несмотря на поддержку со стороны аналогичной лит. *karóju* — *karóti*. В сущности эту проблему не мог решить Вайян, который, видя признаки первоначальной атематичности личных форм словен. *kóplje-*, чеш. *kope-*, польск. *kopie-*, а также др.-прусск. прич. прош. страд. *enkokpts*, оставил вопрос открытым, а презенс на *-je-* просто исключил для **kopati*, см. Vaillant. Gramm. comparée III, 358. Однако, если допустить, что наиболее естественный морфонологический вид нашего глагола был бы **karati*, достаточно вспомнить, что последняя форма реально широко представлена в слав. (см. **karati*, выше, там же толкование) и лишь отличные ее значения закрывали последователям до поры до времени путь к раскрытию ее генезиса, который состоит в исконном тождестве **karati* = **kopati* 'наносить удары'. При этом в **karati*, **karǰ* мы находим и искомое удлинение

корневого гласного и более ранний тип спряжения. На формальных отличиях **karati* и **korati* сказались их раннее лексико-семантическое размежевание.

Из литературы: J. Scheftelowitz BB XXIX, 1905, 35; A. Meillet BSL 16, 1910, CI; Berneker I, 563; Фасмер II, 317; Fraenkel I, 217—218; Sławski II, 450—451; Machek² 274 (различает **korati* I 'копать, рыть (землю)', сближая его с синонимичным греч. *καύτω* < **s-kar-iō*, и **korati* II 'бить ногой', сближая последнее с греч. *κόπτω* < **kor-iō* 'бить'); В. Сор.—Živa antika IV, 1954, 291 (ср. греч. *κήπος* 'сад'); Idem SR XI, N 3—4, 1958, 53.

***кописа**: болг. *копица* ж. р., ум. от *копа* 'копна, стог' (Геров), сербохорв. *кѡпица*, *кѡпица* ж. р., ум. 'стожок, копна' (РСА X, 213), диал. *kopica* ж. р. 'костер для выжигания древесного угля' (RJA V, 297), *kopica* 'копна' (Skok), словен. *kopica* ж. р. 'копна', 'стог сена, соломы', 'вершина' (Plet. I, 434), диал. *kopica* ж. р. 'каблук' (Erjavec LMS 1879, 141), ст.-чеш. *korice* 'куча, копна' (Brandl 104), чеш. *korice* ж. р. 'копна, куча, стожок' (Kott I, 746), в.-луж. *kopica* ж. р. 'куча' (Pfuhl 271), н.-луж. *kopica* ж. р. 'куча, пограничный холм', 'толпа, отряд, множество' (Muka Sł. I, 672), полаб. *t'ūpaicā* ж. р. 'копна' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kopica*), ст.-польск. *kopica* ж. р. 'куча, копна сена' (Sł. stpol. III, 340; Sł. polszcz. XVI w., X, 617—618), польск. *kopica* ж. р. 'бугор', 'кучка' (Warsz. II, 466), также диал. *kopica* (Sł. gw. р. II, 427), словин. *k'opica* ж. р. 'кучка, копна, стожок' (Syhta II, 203), *k'opjica* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), *k*opica* (Lorentz Pomor. I, 416), русск. диал. *кѡпица* ж. р. 'межевой знак' (твер., Опыт 89; Даль³ II, 400; Филин 14, 290), *копица* ж. р. 'маленькая копна' (терск., донск., брян., Филин 14, 290), ст.-укр. *копица* 'копна сена' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *копиця* ж. р. 'копна травы', 'куча чего-либо' (Гринченко II, 281; «Основа» 1862, травень, 35), блр. *капица* ж. р. 'небольшая копна сена, соломы' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 631), диал. *капица* ж. р. 'небольшая кладь сена' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 405; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 208).

Производное с суф. *-ica* (ум.) от **кора* (см.).

***koriti** (sq): сербохорв. диал. *кѡпити* 'копнить (хлеб, кукурузу)', 'оскоплять' (РСА X, 212; RJA V, 301; Mažuranić 525), словен. *koriti* то же (Plet. I, 434), диал. *kopiti* 'заботить' (Šašelj I, 265), чеш. *koriti* 'копнить, сгребать в кучу (сено)', диал. *kopit'* (Vudga. Hornoblan. 106), слвц. *kopit'* 'копнить, собирать кучу', *kopit' sa* 'лезть вверх', 'собираться' (SSJ I, 744), в.-луж. *korit'* 'собирать в кучу' (Pfuhl 271—272), н.-луж. *koris* 'делать кучки, складывать в стоги' (Muka Sł. I, 672), ст.-польск. *korit'* 'складывать в кучи, копнить (сено)' (Sł. stpol. III, 340; Sł. polszcz. XVI w., X, 618), *korit' sie* 'вырастать (о шишке, наросте)' (Sł. polszcz. XVI w.,

X, 618), польск. диал. *kopić* 'собирать, копить' (Warsz. II, 466: *Sł. wil.*), 'копнить (хлеб), собирать в стог (сено)' (там же; *Sł. gw. p.* II, 427), словин *kopis* (Suchta II, 202), *kùerjic* (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 514), *k*opis* (Lorentz Pomor. I, 416), др.-русск. *копити* 'собирать (людей, войско)' (1195 г. Новг. I лет., 171), 'копить что-либо, собирать и хранить' (1193 г. Соф. I лет.², 181), *копитися* 'собираться вместе' (1481 г. Псков. лет., II, 222), 'накапливаться, копиться' (ДАИ VII, 360. 1680 г.) (СЛРЯ XI—XVII вв. 7, 296—297; Срезневский I, 1280), русск. *копѣть* 'собирать впрок, про запас, приобретать не тратя', диал. *копѣть* 'копнить' (курск., брян., Филин 14, 290), *копѣться* 'увеличиваться в числе, количестве (о живых существах)' (волог., яросл., новосиб., камч. Там же), укр. *копѣти* 'копить', 'копнить' (Укр.-рос. словник), блр. диал. *капѣць* 'копнить (сено)' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 405), 'копить, собирать про запас' (Там же).

Ю.-слав. *kopiti* 'скопить, кастрировать' (сербохорв., словен., см. выше) связано со **skopiti* (см.), см. Л. В. Куркина «Этимология. 1979» (М., 1981), 20.

Отыменной глагол на *-iti*, производный от **kora* (см.). См. Berneker I, 562; Фасмер II, 318.

**kopŋiti*: цслав. *копнѣти* *ôpŋteŋy*, fodere (Mikl.), болг. *кѡпна*, сврш. 'копнуть' (БТР; Геров: *кѡпнѣ*), диал. *кѡпнѣ* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. *копне* то же (И-С), сербохорв. *кѡпнути* 'копнуть (мотыгой и т. п.)', 'ударить, дать пинка' (РСА X, 217; RJA V, 307: «... ali vaŋa da nije praslavenska riječ, jer bi u ovom slučaju po svoj prilici p ispalo ispred n...»), чеш. *kopnouti* 'копнуть', 'ударить, дать пинка ногой', 'пихнуть', словц. *kopnút'* 'ударить ногой, дать пинка' (SSJ I, 744), н.-луж. *копнѣш*, сврш. от *копѣш* (Мука *Sł. I*, 673), польск. *kopnąć* 'ударить ногой, дать пинка, лягнуть', 'копнуть' (Warsz. II, 468), также диал. *kopŋónic* (Suchta. *Słown. kociewskie* II, 181), словин. *kopŋos* (Suchta, II, 203), *k*opŋos* (Lorentz Pomor. I, 416), *кѡрпѡс* (Ramuŋt 75), русск. *копнѣть*, однокр. к *копѣть*, укр. *копнѣти* (Гринченко II, 280), блр. *капнѣць*, сврш. к *капѣць* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 631—632), диал. *капнѣць* 'шевеливать, тронуть' (Народнае слова 94), *кѡпнѣць* 'побежать, убежать' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 242), 'убить' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 502).

Глагол на *-ŋiti*, соотносительный с **kopati* (см.).

**koroŋul'a*: цслав. *копороула* ж. р. *kerhics*, *radius textorius* (Mikl.), болг. *копѣрѣля* ж. р., *копѣрѣл* м. р. 'палка, которой подгоняют волов' (Младенов ЕПР 250), 'длинная палка с лопаткой на толстом конце для очистки лемеха от земли' (Георгиев БЕР; Геров: *капѣрѣля* ж. р., *капѣрѣль* м. р.), макед. диал. *капѣрул* 'брусок, толстая палка' (Б. Ристоски. Зборови од Тиквешко. — МЈ II, 5, 1951, 119), сербохорв. диал. *кѡпѣрѣља*, *кѡпѣрѣља* ж. р. 'металлическое орудие, которым чистят сошник', 'мотыга для прополки

сорняков', 'орудие, которым плетут шляпы из соломы' (РСА X, 219; RJA V, 309), *копрѣла* (Елез. I), *копрѣла* (LM. 24), также *кѡпрѣла*, *кѡпрѣла* (РСА X, 219), др.-русск., русск.-цслав. *копорѣла* ж. р. 'ткацкий челнок в виде палки с заостренным концом' (Патерик Син., 116. XI—XII вв.; Гр. Наз., 55. XI в.), 'мотыга' (Арх. Он. 1688 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281), русск. диал. *копорѣля* ж. р. 'остроконечный заступ, лопатка' (сиб., байк., перм., иркут.), 'деревянная лопатка или остроконечная палка для копки картофеля' (свердл.), 'лопатка для очистки сошников от земли' (перм.), 'соха' (том., иркут., ср.-урал.), 'тяпка, мотыга' (онеж., горьк., свердл.), 'кривые вилы для сбрасывания навоза' (влад.) (Филин 14, 285; Опыт 89; Элиасов 163), *карапѣля* ж. р. 'лапа железная или деревянная, употребляемая для закрытия посева на огнище' (Мельниченко 84).

Это интересное слово практически оставлено без анализа этимологическими словарями соответствующих слав. языков, ср. правильное, но слишком краткое и потому недостаточное отнесение болг. *копрѣля*, *копрѣл* к тому же корню **кар-*, что и *копие*, *копая* в словаре Младенова ЕПР 250 (прочие слав. соответствия там не приводятся) или соответствующее место в словаре Скока, который, правда, дает сближение сербохорв. и болг. слов, но оставляет их без элементарного этимологического анализа, см. Skok. Etim. гђеѣ. II, 149. В словаре Фасмера русск. *копоруля* пропущено. Поскольку речь, судя по известным нам данным, идет, скорее всего, о праслав. образовании (ср. также ниже), ощутимо отсутствие этого слова и в словаре Бернекера.

Исчерпывающий словообразовательно-этимологический анализ всех соответствий с реконструкцией на их базе праслав. **корогил'а*, видимо, экспрессивного производного с суф. *-ил'а* от глагольно-именной основы **корог-*, см. Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1972 (М., 1974), 56 и сл. Вслед за ней см. БЕР II, 619. Этот анализ вызывает только одно дополнительное замечание по исторической фонетике, которое лишь повышает наш интерес к форме **корогил'а*, а заодно и ее ценность в плане раскрытия закономерностей слав. языкового развития. Ю.-слав. *копрѣл'а* из **корогил'а* — это не столько субституция *га* < *ог* «по аналогии с закономерными южнославянскими рефлексам праслав. *tort*» (тем более, что, строго говоря, здесь не было предшествования *tort*), сколько сигнал того «полногласного» состояния (—*оро-* или *-ара-*) также на «неполногласных территориях (чему, напр., посвящена известная работа Мареша), которое лишь вторично результировало в ю.-слав. *trat*. Сказанное ставит ю.-слав. *копрѣл'а* в один ряд с такими случаями как *pladne* < **polъ dъne*, четкрѣногъ < **čet-veronogъ* и др., уже известными науке.

***короује**: русск. *Копорье*, местн. название.

Топоним, представляющий собой, возможно, древнее сложение, но подтвержденное, однако, примерами из апеллативной

лексики: *Копорье* с ассимиляцией из **Копоръе*, с ъ напряженным, < **коро-гуде*, сложение основ **коръ* или **кора* (см. s. vv.) и **гуде* (см.). Однотишное — и тоже почти исключительно топонимическое — сложение **ѣрторудъ*/**ѣрторуда*/**ѣрторуде* (см.) свидетельствует о возможной древности образования **корогуде*, при всей локальности последнего.

См. О. Н. Трубачев. — Мовознавство 1971, № 6, 13.

koposati*/kopositi*: польск. диал. *kopsać* 'толкать, бить' (Warsz. II, 469), др.-русс., русск.-цслав. *копосати* 'копошиться, копать' (Никон. Панд. сл. 48), 'блудодействовать' (Сл. Иппол. об антихр., 57.XII в.) (Срезневский I, 1281; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), русск. диал. *копсать* 'стучать; шуметь' (олон., Филин 14, 297), *копситься* 'пачкаться, делая что-либо' (твер., пск., Даль³ II, 404; Филин 14, 297), *копостить* 'беспокоить' (пск., твер., Филин 14, 294), блр. диал. *копсатыс* 'брести (по глубокому снегу, по песку, по грязи)' (Ф. Д. Климчук. Дрогичин. Полесье. — Лексика Полесья 42).

Глагольный интенсификатор на -s- от **kopati* (см.).

**корозъ*: др.-русс., русск.-цслав. *копозъ* м. р. 'истечение семени; семя (мужское)' (Сл. Иппол. об антихр., 56.XII в.; Вас. Вел. XIV в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281), *Копозъ*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 88; II, 737. Тушиков 250), русск. диал. *копос м. р.* 'гнус' (пск., арх., Филин 14, 293), сюда же производное *копоский*, *копоскый*, прилаг. 'разборчивый, взыскательный' (перм., новг., волог., олон.), 'медлительный, неторопливый' (волог.), 'беспокойный; подвижный, проворный' (забайк., новг., арх.) (Опыт 89; Даль³ II, 403; Филин 4, 293—294), *копыс м. р.* 'свербеж, ощущаемый при нечистоте платья или головы', 'шорох, производимый движением тараканов и других мелких животных' (пск., Опыт 89; Даль³ II, 406; Филин 14, 303).

Отглагольное имя, производное от глагола **koposati*/**kopositi* (см.).

**короšiti* (se): чеш. редк., диал. *kopošiti se* 'кишеть, копошиться', русск. *копошиться* 'шевелиться, копать, возиться, кишеть' (Даль³ II, 404), диал. *копошить* 'шевелить' (смол.), 'чесаться' (сев.-двинск.), 'ощупать, дотрагиваться' (пск. твер.), 'тревожить' (олон.), 'делать что-либо медленно' (арх., волог., смол., перм., свердл.) (Филин 4, 296—297; Куликовский 40; Причитания Северного края II, 322), *копошиться* 'суетиться; быстро двигаться' (заурал., курган., Филин 14, 297), укр. *копошитися* 'копошиться' (Гринченко II, 282), блр. *капашыць* 'шевелить' (Байкоў-Некраш. 141), диал. *капашыцца* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 404).

Этимологически тождественно **koposati/*kopositi* (см.); содержит обобщение консонантизма наст. времени.

***kopřeti se/*kopřiti se:** болг. диал. *кѡпрѣ се* 'готовиться' (Г. Палашев. Из говора на банатските българи. — СбНУ XX, 1904, 2; Геров—Панчев), *кѡпръ съ* 'готовиться, ожидать' (Н. Ковачев. Севлиево. — БД V, 24; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 123), *кѡпръ съ* (Л. Ралев. БД VIII, 137), *кѡпрѣм* 'готовить, устраивать' (Стойчев БД II, 190), словен. *koprněti* 'исходить, чахнуть', 'жаждать' (Plet. I, 436), чеш. *koprněti* 'цепенеть, застывать' (Kott I, 747: в юж. Чехии — 'проявлять большое нетерпение'), диал. *koprnět* 'ждать с нетерпением' (Bartoš. Slov. 154).

Глагол на *-ěti*, производный от **kopřъ* (см.). Единство происхождения болг., словен. и чеш. слов прослеживается и семантически: глагол состояния **kopřeti* (вар.: возвратный глагол на *-iti *kopřiti se*), построенный на базе **kopřъ*, первонач. прилагательного, 'пахнущий, испускающий дух, пар' → 'сохнуть' → 'сохнуть от тоски, ждать с нетерпением' → 'ждать вообще', 'готовиться'/'цепенеть, застывать'.

Полноценному освещению в литературе препятствовала затемненная формальная близость болг. и чеш. слов. Ее не учитывают, напр., ни Махек (см. Machek² 275, где строятся догадки о праформе **krěpeněti*, по-видимому, на основе неправильного представления о значении 'цепенеть' как исходном), ни БЕР (II, 622, где полностью отсутствует славистическая перспектива, а имеющееся там предположение о контаминации случайно).

О болг. глаголе ср. еще Л. В. Куркина. — Этимология. 1978 (М., 1980), 38—39: автор предполагает образование от экспресивной глагольной основы **kopř-* 'копошиться, возиться'.

***kopřina:** цслав. *копрѣна* ж. р. *sericum* (Mikl.), болг. *копрѣна* ж. р. 'шелк' (Дювернуа; БТР; РБЕ), также диал. *копрѣна* ж. р. (М. Младенов БД III, 91), производное *копрѣнка* ж. р. 'какое-то растение' (Героу—Панчев), макед. *копрѣна* ж. р. 'шелк' (И-С), сербохорв. диал. *копрѣна* ж. р. 'шелк' (РСА X, 222), *копрѣна* ж. р. 'прозрачная, тонкая ткань, платок из нее' (RJA V, 310), русск.-цслав. *копрѣна* ж. р. 'шелк' (Гр. Наз. XIV в.; Ж. Ал. чел. бож., 485. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281—1282).

Производное с суф. *-ina* от названия растения **kopřъ* (см.); шелковые нити в данном случае сравниваются с растительными волокнами. Ср. так уже Miklosich 129, где говорится: «*kopřъ*, возможно, первоначально обозначало растение, которое пряли, как это имеет место с крапивой — *kopřiva*». Это верное высказывание было понято другими исследователями односторонне — как произведение именно от названия крапивы, см. Berneger I, 564. См. также Фасмер II, 319, где прямо сказано со ссылками на Миклошича, Бернекера и Младенова: «Согласно господствующей точке зрения, от **копрѣна* 'крапива' . . .» Ср. и БЕР II, 621.

Однако ясно, что **korřina* не могло быть образовано непосредственно от **kopřiva* (см.). Ср. еще Г. Ильинский *ЖФ* V, 1925—1926, 184—186 (где, кроме критики сомнительной этимологии Скока — из лат., содержится авторская, также сомнительная — от **ker-* 'резать').

**kopřiva*: цслав. *копрѣка* ж. р. *urtica* 'крапива' (Mikl.), болг. *копрѣва* ж. р. 'крапива *Urtica dioica*' (БТР; РБЕ), также диал. *копрѣва* ж. р. (М. Младенов БД III, 91), *копрѣвъ* ж. р. (Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), также *покрѣва* ж. р. (с. Долна Мелна, Трънско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), макед. *копрѣва* ж. р. 'крапива' (И-С), также диал. *копрѣва* (Ль. Групче. Народни имиња на растенијата од Скопска Црна Гора. — *МЈ* VIII, 2, 1957, 225), сербохорв. *кѡпрѣва* ж. р. 'крапива *Urtica*' (РСА X, 220; *РЈА* V, 311—312), *кѡпрѣва* (РСА X, 219), диал. *кунпрѣва* (Джк. 276), *копрѣв*, прилаг. 'крапивный, из крапивы' (*РЈА* V, 311), словен. *kopřiva* ж. р. 'крапива *Urtica*' (Plet. I, 435), также *kopřiva* ж. р. (Plet. I, 476), ст.-чеш. *kopřivý*; *kopřivě* semie (XV в., Ст.-чеш., Прага), чеш. *kopřiva* ж. р. 'крапива', ст.-слвц. *kopřiva* (Ст.-слвц., Братислава), слвц. диал. *кѡпрѣва* ж. р. 'крапива' (Matejčík. Novohrad. 88; Idem. Východonovohrad. 268), *kopřva* (Kálal 257), в.-луж. *копрѣва* ж. р. 'крапива *Urtica dioica*' (Pfuhl 272), н.-луж. *копрѣва* ж. р. 'крапива' (Muka *Sl.* I, 674), полаб. *t'üpraiwä* ж. р. 'крапива' (Polański-Sehnert 157, с реконструкцией **kopřiva*), ст.-польск. *kopřewy* pl. tant. 'крапива' (1472 г., *Sl.* stpol. III, 340), *Kopřywa*, личное имя собств. (*Copřiva*, около 1265 г., *Sl.* stpol. nazw osobowych III, 1, 77), *копрѣва* 'крапива' (*Sl.* polszcz. XVI w., X, 622), польск. *kopřywa* ж. р. 'крапива' (Warsz. II, 469), словин. *кѡпрѣва* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), *кѡбрѣва* (Lorentz Pomor. I, 416), др.-русск. *копрѣва*, *крапѣва*, ж. р. 'крапива' (Сузд. л. по Ак. сп. 1368 г. Срезневский I, 1329; Дм., 48. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 8, 14), русск. *крапѣва* ж. р. 'травянистое растение с тонкими, обжигающими при прикосновении волосками на стебле и листьях', также диал. *крапѣво* ср. р. (олон., Филин 15, 169), *крапѣвъ* ж. р. (волог., Ярослав., Филин 15, 170), укр. *копрѣва* ж. р. 'крапива' (Гринченко II, 310), диал. *крапѣва*, *копрѣва* ж. р. (Лисенко. Словник поліських говорів 106), ст.-блр. *копрѣва* (Скарына 1, 287), блр. *крапѣва* ж. р. 'крапива', также диал. *крапѣва* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 516).

Формы *kopřiva* и *ropřiva* (польск. *ropřywa*) вызваны вторичной перестройкой, так, *kopřiva*, видимо, — в связи с глаголом **kopřiti* (см.) 'кропить, орошать' (ср. ниже), хотя именно форму *kopřiva* считают нередко этимологически наиболее авторитетной. Впрочем, давно также замечено, что в большинстве слав. языков представлено как раз *kopřiva*, которую мы и считаем в согласии с рядом авторов ответственной за этимологию слова.

Наиболее вероятно образование от **korřъ* (см.) с адъективным

суф. *-iv-*, ср. показательное в этой связи прямое наличие соответствий-прилагательных выше: сербохорв. *kopriv* 'крапивный', ст.-чеш. *korřivý*, а также адъективное по природе разнообразие форм рода, напр. русск. диал. *кpапивѣо* ср. р., *кpапивѣъ* ж. р. (выше). Объяснение **kopriva* < **koprъ* см. Miklosich 129; Brückner 428. Дальнейшей этимологии мы касаемся уже непосредственно при разборе слова **koprъ*. Это последнее (а с ним и слово **kopriva*) восходит к **kopr-* 'испускать пар, дух, пахнуть', ср., далее, **kurēti* (см.). Ср. в общем так уже С. Младенов РФВ LXVIII, 1912, 384—386, но он объяснял это жгучими свойствами крапивы. Однако жжет не всякая крапива (а тяжелый запах издает и потревоженная глухая крапива), кроме того, семантика производящего слова **koprъ* говорит об испарении, запахе.

Другая группа этимологий, как уже сказано, исходит из формы **kropiva*, см. Verneker I, 564, где даже **koprъ* предположительно реконструируется как **kroprъ*. Реконструкцию **kropiva* развил и специально аргументировал Махек, который видит здесь производное от глагола **kropiti* в связи со старым обычаем обваривать кипятком крапиву, скормливаемую скоту. См. V. Machek ZsPh XVII, 1941, 261—262; Machek² 275; Фасмер II, 366—367 (с дальнейшей литературой); БЕР II, 620—621; Skok. Etim. глѣб. II, 150.

Из прочей литературы: J. Schütz WdS X, 1965, 327 (**kopriva* неубедительно объясняет из **ko-pъr-iva*, сложение префиксального элемента **ko-* с основой глагола **pъrati* (см.) 'бить, стирать'); F. Hinze. Zur Etymologie von ursl. **kropiva*/**kopriiva* 'Brennessel' (*Urtica urens*). — Lëtopis Instituta za serbski ludospyt в Budyšinje. Rjad A, 19/2, 1972, 170—171.

***кoрpивънъ(ъ)**: болг. *кoрpивен*, прилаг. 'крапивный' (БТР), макед. *кoрpивен* то же (И-С), сербохорв. *кoрpиван*, прилаг. 'крапивный' (с XV в., RJA V, 312), *кoрpивни* (РСА X, 221), словен. *korřiven*, *-vna*, прилаг. (Plet. I, 435), чеш. *korřivný* 'крапивный' (Kott I, 747), словц. производное *Koprivnica* ж. р., местн. название (SSJ VI, 188), н.-луж. *Kopřivna* ж. р., название речки (Muka Sl. I, 674), др.-русск. *кpапивный*, *кpопивный*, прилаг. 'относящийся к крапиве; сделанный из крапивы' (Кн. расх. кушаньям Адр., 172. 1699 г. СлРЯ XI—XVII вв. 8, 14), русск. *кpапивный*.

Прилаг., производное с суф. *-нъ* от **kopriva* (см.).

***кoрpъ**: ст.-слав. *кoрpъ* м. р. *ἀνηθον*, anethum 'укроп' (Zogr., Mar., Mikl., Sad.), болг. *кoрпър* м. р. 'укроп Anethum graveolens' (БТР; Геров: *кoпoръ*, *кoпъръ*), также диал. *кoпpa* ж. р. (Народописные материалы от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), *кoпpик* м. р. (М. Младенов БД III, 91), *кoпap* м. р. 'приправа к еде' (Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), макед. *кoпap* м. р. 'укроп' (И-С), сербохорв. *кoрpар*, род. п. *кoрpа*, м. р. 'укроп Anethum graveolens L.' (в словарях Микали,

Беллы, Белостенца, Вольтиджи, Стулли, Вука, RJA V, 294), также диал. (Hraste—Šimunović I, 443), словен. *kóper*, род. п. -*pra*, м. р. 'укроп', 'ромашка' (Plet. I, 434), чеш. *korpr* м. р. 'укроп Anethum' (Kott I, 747), словц. *kópor* род. п. -*pru*, м. р. 'укроп Anethum graveolens' (SSJ I, 759), *koror*, *koper* (Kálal 257, 927), в.-луж. *kopríca* 'укроп' (Pfuhl 1077), *koprik* м. р. то же (Pfuhl 272), стар. *koprik* («Verzeichn. der in der Oberlausitz wild wachsenden Pflanzen» von M. K. Chr. Öttel, Görlitz, 1799. Schuster-Sewc, Sprachdenkm. 236), н.-луж. *korpr* м. р. 'укроп Anethum graveolens L., Anethum foeniculum Karst.' (Muka Sł. I, 673), *kopsica* ж. р. (там же), ст.-польск. *korpr* м. р. 'укроп' (Sł. polszcz. XVI w., X, 621—622), польск. *korpr*, *koper* м. р. 'укроп' (Warsz. II, 469), также диал. (Sł. gw. р. II, 429), др.-русск., русск.-цслав. *kopръ* м. р. 'укроп', 'анис' (Матф. XXIII, 23. Ев. XIII в.; Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 1028, 117 об. 1576 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1282), русск. диал. *kopёр*, род. п. -*пá*, м. р. 'укроп' (влад., нижегор., симб., пенз., вят., перм., Филин 14, 289), укр. *копер*, род. п. -*пра*, м. р. 'укроп' (Гринченко II, 280), блр. диал. *koppr* м. р. (Слоўн. паўночн.-зах. Беларусі 2, 502).

Производное с суф. -*ръ* от и.-е. **кюр*-, **кяр*-, **кыр*- 'выпускать пар, дух, испускать запах'. Ср. уже Miklosich 129. У вост. славян название растения выступает в огласовке **кropь* (ср. русск. *укроп* и др.), которую можно считать вторичной, хотя нередко придерживаются обратного: **кropь* > **kopрь*. Ср. Berneker I, 564—565: **kopрь* < *kropрь*. Ср. Sławski II, 455; Machek² 275. Бернекер в общем согласен видеть здесь исконнослав. название душистого растения, вторично перенесенное на южный по происхождению Anethum graveolens. Мнение о заимствованном происхождении ст.-слав. *kopръ* ἀνηθον, в свое время уверенно высказанное Мейе (см. Meillet. Études II, 409; ср. и Brückner 256: «Праслав., хотя это название культурного растения, а потому иноязычного происхождения (?)), можно считать устаревшим. Ср. В. И. Георгиев ВЯ 1956, № 1, 59: и.-е. **к(w)ар-го-s*, *кыр-го-s*, откуда греч. дор. *χόπαιρος*, гомер. *χόπειρος*, ион. *χόπερος*, атт. *χόπαιρον* 'душистое растение Juncus odoratus', а также греч. *χιπάρισσος* 'кипарис'.

***коргьсь**: болг. (Геров) *кóпрець*, *кóпорець* м. р., ум. 'укроп', *кóпрец* (Младенов БТР), диал. *копрѣц* м. р. 'Anethum foeniculum' (Банско, Сев.-Зап. България. СбНУ III, 95; XLVIII, 467; XVIII, 2, 65. Архив Болг. диал. словаря, София), *кóпрец* (Горов. Страндж.—БД I, 99; Шапкарев—Близов БД III, 233), *кóпрец* (Г. Бояджиев. Дедеагачко.—БД V, 230), *кóпрец* 'укроп Anethum graveolens' (Хитов БД IX, 269), сербохорв. *корарас*, род. п. *корарса*, м. р. 'растение Bunium bulbocastanum L.' (RJA V, 294), словен. *кóпрс* м. р. 'растение Foeniculum vulgare' (Plet. I, 435).

Ум. производное с суф. -ъсь от **korъ* (см.).

**коръ* I: болг. стар., обл. *kop* м. р. 'копка, копанье' (Младенов БТР; Геров—Панчев: *kopъ* 'обрезка виноградной лозы'), макед. *kop* м. р. 'карьер, место работы', 'добыча' (И-С), сербохорв. стар., редк. *kor* м. р. 'закапывание' (XVIII в., RJA V, 292), словен. *kor* м. р. 'мотыга' (Plet. I, 432), ст.-чеш. *kor* м. р. 'гора' (Gebauer II, 96), *kor*, *korес* 'куча земли как межевой, пограничный знак' (Brandl 103), русск. диал. *kop* 'углубление, вырытое в земле' (Картотека Печорского областного словаря), 'вид большой укладки снопов' (Сл. Среднего Урала II, 46).

Отглагольное именное образование от **kopati* (см.). Ср. **кора* (см.).

**коръ* II?: чеш. *kor* м. р. 'сажа, копать' (Jungmann II, 124), русск. *kop* 'дым' (цит. по: Miklosich 128).

Слабая засвидетельствованность слова вызывает у ряда авторов серьезные сомнения в реальности его существования. Ср. Преобр. I, 351: «У Миклошича MEW. 128 приведено несуществующее **kop*»; Sławski II, 455: «Bardzo pierewne». Однако слово это имеет уже свою литературу, что побуждает нас (наряду с некоторыми другими обстоятельствами) к рассмотрению вопроса здесь. См. A. Meillet MSL 8, 1893, 291; G. Iljinskij AfslPh XXIX, 1907, 162; R. A. Fowkes «Language» 21, 1945, № 2, 96. Перечисленные авторы согласно исходят из родства праслав. (чеш., русск.) **коръ* с лит. *kvāras* 'дух, запах', далее — греч. *καπνός* 'дым' (возможно, диссимилированное из **παπνός* < **k^hар-по-*). Следовательно, слав. **коръ* реконструируется как и.-е. **k^h арó-* (Ильинский, выше, производит **коръ* из **кворъ* < и.-е. **кваро-*). Родственная основа наличествует в слав. в вариантах **квар-*, **кур-*. Кроме того, следует иметь в виду достоверное существование именного корня **кор-* в такой производной форме как **коръть* (см.), очень близкой семантически.

**коръка*: болг. диал. *кóпка* ж. р. 'прорубь во льду на реке' (Младенов БТР; РБЕ; Геров; М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско; П. Гжбов. От Тръново и Търновско. — СБНУ XVI/XVII, II, 397), *кóпка* ж. р. 'ямка в земле' (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 289; Журавлев. Криничное 145; Хитов БД IX, 268), *кóпкъ* ж. р. 'ямка в земле', 'прорубь во льду' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 69), сербохорв. *корка* ж. р. 'прорубь во льду' (RJA V, 302), диал. *кóпка* ж. р. 'мотыга' (РСА X, 214), чеш. *корка* ж. р. 'кучка' (Jungmann II, 124), словц. *кóрка* 'кучка' (Kálal 257), н.-луж. *корка* 'пограничный холм' (Muka Sl. I, 673), польск. диал. *корка* ж. р. 'выкапывание свеклы', 'кучка, укладка' (Warsz. II, 468), *корка* ж. р. = *кора* (Sychta. Słown. kociewskie II, 81), словин. *k^hорка* ж. р., ум. 'копна, стожок' (Lorentz Pomor. I, 415; Lorentz, Slovinsz. Wb. I, 515), *кєрка* (Ramułt 75), др.-русск. *копка* ж. р. 'копка, копанье' (Гр. Дв. II, 289. 1691 г. СлРЯ XI—

XVII вв. 7, 297; Срезневский I, 1281: А преставился едя с Кыева на *копжѣ*. Сбор. XV—XVI в.), русск. *копка* ж. р., действие от гл. *копѣть*, диал. *копка* ж. р. 'межа в виде прокопанной полосы земли' (ворон.), 'время уборки картофеля' (яросл.), 'копна' (Филин 14, 290), укр. диал. *кѣпка*, *копка* ж. р. 'ямка в печи для золы и углей' (Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Полеская строительная терминология (хата и хозяйственные постройки). — Лексика Полесья 139; Лисенко. Словник польських говорів 103), блр. *копка* ж. р. 'копка, копанье' (Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 713), 'кучка' (там же), диал. *копка* ж. р. 'ямка' (Матэрыялы для слоўніка 139), 'боковое углубление в печи для сгребания углей и жара' (Матэрыялы для слоўніка 100; Жывое слова 124), 'небольшая укладка сена, снопов, копна' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501).

Здесь довольно тесно перекрещиваются образование с суф. *-ѣка* (название действия) от глагола **kopati* (см.) и ум. производное с тем же суф. от имени **kora* (см.). Учитывая близкое родство всех этих слов (имя **kora* тоже произведено от глагола **kopati*), мы объединили оба вида.

***корѣтѣти/*корѣтити** (se): болг. (Геров) *копѣтъж*, *копѣтъж* 'темнеть', 'терпеть, молчать', сербохорв. диал. *копѣтети* 'чахнуть, томиться', 'стараться, трудиться' (РСА X, 224), чеш. *kopiti* 'марать, пачкать', диал. *kop'it se*, *kup'it se* 'пылиться' (Svěrák. Brněn. 109), *kup'it se* (Svěrák. Boskov. 116), слвц. диал. *kopiti' sa* 'покрываться копотью, сажей' (Kálal 257), *kopiti'* 'коптить, чадить' (Диалект., Братислава), *korcić* (Buffa. Dlhá Lúka 166), н.-луж. *koršiš* 'марать сажею', 'грязнить, марать' (Muka Sł. I, 673), польск. *korcieć* 'коптиться, чернеть от копоти' (Warsz. II, 465), *korcić* 'коптить, покрывать сажей' (Warsz. II, 464), др.-русск. *коптити* 'сжигать для получения копоти, сажи' (ДАИ III, 8. 1646 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 299), русск. *копѣть* 'испускать копоть', 'покрывать слоем копоти', 'проявлять в дыму, приготавливая в пищу', диал. *копѣть* 'пылиться' (вят., перм., Филин 14, 298; Опыт 89), *копотѣть* 'хлопотать, жить в заботах' (Сл. Среднего Урала II, 47), 'прытко бежать' (курск., Даль³ II, 405), *копѣть* 'быстро ехать, бежать' (челяб., Филин 14, 298), *копотѣть* 'поднимать пыль, пылить' (перм., том.), 'курить, дымить' (новг.) (Опыт 89; Филин 14, 295), укр. *кѣтити* 'дымиться' (Гринченко II, 245), *копѣтити* 'копить деньги, скражничая' (Гринченко II, 282), диал. *копот'ити* 'пылить' (Онышкевич 367), блр. *капѣць* 'коптить' (Глумач. слоўн. белар. мовы 633), диал. *капѣць* 'коптить, чадить' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 408), *капѣць* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 409).

Глагол на *-ѣти/-ити*, производный от **корѣть* (см.).

***корѣть/*корѣть**: ст.-чеш. *kopet*, род. п. *-pte* (?), *-pta*, *-ptu*, м. р. 'копоть, сажа' (Gebauer II, 98; Jungmann II, 123), чеш. *kop* м. р. 'копоть, сажа', слвц. стар. *kop* м. р. то же (SSJ I, 744).

н.-луж. *kopś* м. р. 'копоть', 'нагар' (Muka Sl. I, 673), ст.-польск. *Koreś*, личное имя собств. (Sl. stpol. nazw osobowuch III, 1, 76), польск. *koreś*, род. п. *-rciu/-rcia*, м. р. 'копоть, сажа', 'чад' (Warsz. II, 465), др.-русск. *копотъ* ж. р. 'пыль' (Сим. Обих. книг-гоп., 213. XVII в.), 'сажа, копоть' (Кн. пер. Новодв. креп., 33. 1710 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), *Копоть*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 230. Тупиков 250), русск. *кѡпотъ* ж. р. 'сажа от дыма', диал. *кѡпотъ* ж. р. 'дым' (новг., пск., арх., твер., волог.), 'пыль' (сиб., якут., том., курган., свердл., перм., вят., волог., олон., арх.) (Опыт 89; Даль³ II, 404—405; Филин 14, 296), 'иней' (арх., Картоотека СТЭ), укр. *кѡпит*, род. п. *-поту*, м. р. 'пыль (в воздухе)' (Гринченко II, 282), ст.-блр. *копот* 'сажа' (Скарына 1, 276), блр. *кѡпаць* ж. р. 'копоть, сажа' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713), *кѡпот* м. р. 'копоть, дым от смолистой лучины' (Носов. 245), *кѡпоць* ж. р. (там же).

Производное с суф. *-тъ* от продолжения и.-е. **кѡер-/*кѡор-/*кѡэр-* (с вариантами **кѡер-/*кѡор-/*кѡэр-*). Строгое разграничение и.-е. *кѡ* и *кѡ* здесь (как и в ряде других случаев) невозможно, если учитывать реальность чередования вариантов однофонемной (*кѡ*) и двухфонемной (*кѡ*) трактовки, а также вокализации лабиального тембра в последних. В этом смысле надлежит внести корректив в толкование Бернекера (Berneker I, 565), который признавал и.-е. чередование *кѡ* и *кѡ* (у Бернекера соответственно — *q̄* и *q*), но считал, что слав. формы продолжают *кѡ* (*q*), оставляя, в таком случае, без объяснения явные признаки наличия вокализованного *ѡ* > *ѣ* в слав., ср. **кѡрѣти*, **кѡрѣти* (см.). Апофонический характер отношений этих последних форм в слав. говорит также против мысли об «исчезновении *-v-* в дослав. эпоху» (так см. Фасмер II, 319). Замечательно наличие в слав. **коръть* суф. *-тъ*, отсутствующего в балт. соответствиях, ср. лит. *кварас* 'дух, пар, дуновение'.

См. еще Miklosich 128; Brückner 255; Sławski II, 454—455.

**корътьвъжъ*: чеш. *kopetný*, прилаг. 'дымный' (Jungmann II, 123), др.-русск., русск.-цслав. *кѡрътънныи* (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. XIV в. Срезневский I, 1282; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), русск. диал. *копотнѡй*, *кѡпотнѡй*, *-ая*, *-ое* 'дымный, дающий копоть' (арх., камч.), 'закопченный' (амур.), 'пыльный' (арх., волог., онеж.), 'грязный' (иркут., свердл.) (Филин 14, 296), *копотнѡй* 'бойкий, ретивый; горячий (о лошади)' (арх., волог., Филин 14, 296; Даль³ II, 405), блр. *кѡпотно*, нареч. 'дымно' (Носов.).

Прилаг. производное с суф. *-въжъ* от **коръть* (см.).

**корулъ/*коруль/*корулю*: болг. *копѣлъ* м. р. 'мальчик' (Геров—Панчев 172), диал. *копѣл*, *кѡпиле* 'мальчик' (Шумен, Родопы, см. Б. Цонев — СбНУ XX, 1904, 40), *кѡпиле* ср. р. 'внебрачный, незаконнорожденный ребенок' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112; с. Баница, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *кѡпили* ср. р. 'внебрачный ребенок' (Денчев. Поповско. — БД V,

249), *кбпеле* ср. р. 'мальчик, парень' (Стойчев БД II, 190; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кбпел'е* ср. р. то же (с. Стърница, Смолянско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *копыло* ср. р. 'заостренная палочка для выкапывания цветов с короткими корневищами или с луковицами' (Хитов БД IX, 268), *кбпеле* 'побег, стебель' (Традиционен бит и култура на балканските българи. — СБНУ LI, 1963, 43), *кбпеле* 'холостой, неженатый парень' (Родопски напредък II, 7, 221; VII, 5, 144), макед. *копиле* ср. р. 'внебрачный ребенок' (И-С), диал. *kōpile* то же (P. Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *kōpil* м. р. 'внебрачный, незаконнорожденный сын' (в одном примере XVII в.: *korio*. RJA V, 298, с примеч.: «нет ни в одном словаре»), *кбпиле*, *кбпиле* ср. р. 'незаконнорожденный ребенок, ублюдок', (диал.) 'часть (подпорка) кофейной мельницы' (РСА X, 209; RJA V, 299: с XVII в.), *kopilo* м. р. 'незаконнорожденный сын, nothus' (только в словаре Вранчица, RJA V, 300), слов. диал. *korul'* м. р. 'внебрачный ребенок' (Hořák. Pohorel. 160), н.-луж. *korělo*, *korolo* ср. р. 'мотыга для навоза' (Muka Sł. I, 671), диал. *korulo* то же (Muka Sł. I, 674), также *korulka* ж. р. (там же), полаб. *t'ŭpāl* м. р. 'мотыга' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **коруль*), польск. диал. *korul'* м. р. 'копыто' (Sł. gw. р. II, 430; Warsz. II, 470), др.-русск. *копыль* м. р. 'каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней' (Кн. расх. Корел. м. № 935, 45. 1559 г.) в составе названия бортного знамени с изображением брусков и санных полозьев (Отказн. кн. южновеликорус., 267. 1625 г.), 'род лопаты' (Кн. п. Казани, 3, XVII в. ~ 1568 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 299), *Копыль* *Василий Копыль Спящий*, московский посол на Афон. 1515 г. Летоп. VIII, 259; *Василий Копыль Семеновъ сынъ*, копирский крестьянин. 1534 г. Тушиков 251), русск. диал. *копыль* м. р. 'стояк, вставленная во что-либо торцом деревяшка' (том., север., тул., тамб.), 'дубовая или кленовая дощечка для скрепления чего-либо' (смол.), 'крестьянские сани без кузова, дровни' (арх.), 'мотыга, лопатка для копания картофеля' (смол., вят.), 'рукоятка топора, топорнице' (яросл.), 'колодка для изготовления обуви' (тул., моск., пск., смол., новг., петерб., олон., арх.), 'ручная прялка' (волог., вят., яросл., калин., костр., твер., перм., урал., новосиб., том.) (Филин 14, 300—301, там же ряд переносных значений; Опыт 89; Подвысоцкий 70; Деулинский словарь 238; Васнецов 114; Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 236), 'тяпка' (Картотека Псковского областного словаря), *копыль* ср. р. 'дровни' (олон., перм., арх., сиб.), 'полоз у дровней' (арх.), 'сиденье у прялки' (калин.) (Филин 14, 301), *копыль?* 'прялка' (костр., калин., Филин 14, 302), *Копыль*, местн. название (два примера в бывш. Минск. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 394), ст.-укр. *копыль* 'копыл, стояк в санях',

копилъ бортній (XVIII в., Картотека словаря Тимченко), *Копыль*, местн. название в Виленском воеводстве (1456—1481 гг., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *копїл* м. р. 'сапожная колодка', 'столбики, связывающие полозья с ящиком саней', 'незаконнорожденное дитя' (Гринченко II, 280), диал. *копїл* м. р. 'вид топора, тесла' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *копїл* 'внебрачный сын, ребенок', 'ребенок' (Карпатский диалектологический атлас 128), *кбпил* м. р. 'незаконнорожденный сын' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), *копїла* ж. р. 'деревянная распорка, которая вставляется между бортами новой лодки' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *кбпило*, *копела*, *копало* 'санний копыль' (Онышкевич 366), блр. *капыл* м. р. 'сапожная колодка' (Байкоў—Некрап. 141), диал. *капыл* м. р. 'колодка', 'вертикальная стойка в полозьях', 'мотыга' (Касьпяровіч 154; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 410), *копыло* 'длинная крепкая палка с железной лопаточкой на конце, нечто вроде кирки или кочерги' (Белорусский сборник 12), *капул* м. р. 'сапожная колодка', 'тесла', 'санний копыль' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 209; 3 народнага слоўніка 164).

До недавнего времени слово считали либо неясным, либо заимствованным на Балканах, причем указывали на палеобалканский или на албанский (древнеалбанский) источник.* Основным и ответственным при этом исследователями понимается значение 'внебрачный ребенок', а вероятие развития этого бесспорно вторичного значения из каких-то других, более примитивных значений не принимается в расчет, и в этой статичности семантической концепции коренится причина ошибочности существующих этимологий слова. Здесь сказывалось негативно давление схемы заимствования, поскольку определенная семантическая статичность, действительно, свойственна заимствованиям. Однако, вопреки преобладающему мнению, мы имеем здесь дело, по-видимому, не с заимствованной, а исконнослав. лексикой, с четкими словообразовательными отношениями **коруль* < **корати* (см.), производное с суф. *-ylъ* (вар. *-ylъ*). Несомненна, напр., связь с производным **коруль* < **корати* целого ряда приведенных выше слов и значений 'вид лопаты', 'орудие для выдалбливания, вытесывания', 'то, что вкопано, вставлено, стояк, подпорка', наиболее известных из вост.-слав. материала (пожалуй, только Фасмер — II, 320 — отчасти вслед за Преобр. I, 351 усомнился в связи этих последних слов с *копать*). Однако исследованием игнорировалось регулярное наличие этой отглагольной семантики также в соответствиях других слав. языков и в том числе — что особенно важно — в ю.-слав. языках. Ср. выше болг. диал. *копїло* 'заостренная палочка для выкапывания цветов' (пропущено в БЕР II, 613), сербохорв. диал. *кбпиле* 'под-

порка кофейной мельницы' (отсутствует в: Skok. Etim. rječn. II, 147). Из зап.-слав. сюда относится, далее, н.-луж. *kořeło, koroło* 'мотыга для навоза', *koryło, koryłka* то же, польск. диал. *korył* 'копыто' (выше).

Обращают на себя внимание такие значения ю.-слав. слов, как 'побег, стебель'. Было бы ошибочно думать вместе с некоторыми балканистами, что это значение или, скажем, значение 'недоразвитый колос кукурузы' у сербохорв. *kõpile* — вторичная метафора первичного значения 'ублюдок, незаконнорожденный ребенок' (так см. Skok, там же). Более детализированные сведения относительно контекста употребления соответствующих слов и значений убеждают в обратном. Ср. особенно показательное в этом отношении болг. диал. *кõпило* 'отросток кукурузы, который вырывается, поскольку в гнезде их несколько' (последнее значение цит. по БЕР, там же). Здесь по сути уже отражена *figura etymologica* — праслав. **korylъ kopati*, что-то вроде 'вырывать (дишний) отросток'. В земледелии и садоводстве побочные побеги всегда отсекались как ненужные и даже вредные и соответственным образом обозначались, ср. выразительное лат. *fūruculus* 'боковой отпрыск на виноградной лозе', собственно — 'вориска'. Следовательно, ономаσιологическая природа слова **korylъ* (включая ю.-слав. данные) — не брачнородственные отношения, а сельскохозяйственное производство и его лексика.

Современными исследователями игнорируется или отрицается (так, напр., Хубшмид, ниже) связь ю.-слав. названий побочного отростка и внебрачного ребенка с русск. *копыл*. Конечно, надо признать, что это уже ослабленная, затемненная связь, поскольку основные засвидетельствованные значения русск. *копыл* и других вост.-слав. слов — 'стояк, подпорка' (см. выше). Однако значение 'боковой отросток', важное для всей рассматриваемой здесь семантической эволюции нашего слова, оставило косвенные следы и в вост.-слав., во всяком случае — в ономастике. Особенно существенно свидетельство местного названия *Копыль*, старое название города Славянск-на-Кубани. Топоним *Копыль*, обозначающий населенный пункт при ответвлении реки Протоки от Кубани, был, скорее всего, первоначально названием самого этого ответвления. Для обозначения бокового рукава, ответвления нижней Кубани была употреблена лексема со значением 'боковой отросток'. См. О. Н. Трубачев «Этимология. 1979» (М., 1981), 129—130, где семантическая реконструкция имени *Копыль* подтверждается анализом синонимичного субстратного индоар. (синдомеот.) **Utkanda*, собственно 'отросток, боковой стебель', локализуемого там же. См. О н ж е — Этимология. 1979 (М., 1981), 177.

Со времен Миклошича существует версия о заимствовании болг., ю.-слав. слов из алб. *copil* (рум. *sõpil* 'внебрачный ребенок', *copil* 'ребенок', ср.-греч. *κόπελος* заимствованы из слав. и ча-

стично — из алб.). Алб. слово обнаруживает значения 'ублюдок', 'парень', 'плут, пройдоха', 'слуга', т. е. в общем близко к одним значениям слав. (ю.-слав.) слов, вместе с тем оно не знает других ответственных слав. значений, о которых уже — выше. Полнота семантики и семантического развития алб. слова, таким образом, вызывают сомнения. Этимология алб. *kopil* из старого сложения **ko-pil* от и.-е. прич. прош. страд. **pel-no-* к глаголу алб. *pjell* 'рождать, производить' в сочетании с местоименным префиксом и.-е. **k^o-* и первоначальным значением 'урод, Mißgeburt' (Июкль и другие) сомнительна как семантически, так и формально. Безударное и.-е. **k^o-* в алб. испытало бы редукцию гласного, поэтому прибегают к реконструкции формы с подударным *k^o-*, но засвидетельствовано только ударение алб. *kopil*. И.-е. **k^o-* в роли префикса имело бы в алб., скорее, вид *ka-*, *k(ě)-*, ср. алб. *katunt*, *katund-* '(пастушеское) селение'. Таким образом, самостоятельная и.-е. этимология алб. слова в соединении с версией об алб. источнике ю.-слав. названий незаконнорожденного ребенка едва ли заслуживает квалификации «wohlbegründete Analyse» (так см. J. Hubschmid. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 9. *copil*. — Zeitschrift für Balkanologie XVI, 1980, 61 и сл., где дана особенно развернутая и настойчивая апробация критикуемой нами этимологии).

В свете изложенных выше наблюдений, алб. *kopil* заимствовано из ю.-слав., конкретно — болг., (ср. ударение!) в относительно недавнюю эпоху, после ю.-слав. перехода *y > i*. Значение 'внебрачный ребенок' в ю.-слав. (и спорадически — в других слав.) — фигуральное (презрительное) употребление первоначально земледельческого термина, метонимический перенос. Отпадает надобность также в том, чтобы искать здесь заимствование из иллир. или фрак. субстрата (Skok, там же), из балканской латыни.

См. еще Berneker I, 564 («Ein Balkanwort . . . Der Ursprung ist dunkel»); Младенов ЕПР 250 (от и.-е. *(s)kap- 'делать, создавать'); J. Knobloch KZ 88, 1974, 122 и сл.

kopystь*/kopystьka*: сербохорв. диал. *kōpīst* ж. р. 'голень', 'большая кость' (РСА X, 211), ст.-чеш. *kopist* ж. р. 'мешалка, лопаточка' (Gebauer II, 99), ум. *kopistka* ж. р. (там же), чеш. *kopist* ж. р. 'лопаточка для замешивания теста' (Kott I, 746), также диал. *kopist* ж. р. (Malina. Mistř. 45), словц. диал. *kopisto* ср. р. 'лопатка для замешивания теста' (Диалект., Братислава), также *kopisc* (там же), ст.-польск. *kopyśc* ж. р. 'лопатка или длинная ложка для размешивания' (Sł. polszcz. XVI w., X, 623), польск. диал. *kopyśc* ж. р., *kopystka* 'лопатка для размешивания' (Warsz. II, 470; Sł. gw. р. 430), словин. *kopesc* ж. р. (Sychta II, 205), *k^o-p^o-p^o-esc* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 415), русск. диал. *копысть* ж. р. 'продолговатая лопаточка для размешивания чего-либо' (курск., Филин 14, 304), также *капысть*, *капыстка* (Картотека Словаря брянских говоров), *копыстка*, *копыстка* (ворон., курск., зап-брян.,

Филин 14, 303—304), укр. *ко́писть* ж. р. 'клинообразный зуб рала' (Гринченко II, 281), также диал. (Лисенко. Словник польських говорів 103), *копiстка* ж. р. 'лопатка (для мешания теста)' (Гринченко II, 281; Ващенко. Словник полтавських говорів I, 49), блр. диал. *капiстка* 'мешалка в виде длинной лопаточки' (Расторгуев. Северск.-блр. 145), *ко́пуста* ж. р. (З народнага слоўніка 102), *капiшка* 'то, чем размешивают корм скотине' (Народнае слова 10).

Производное с суф. *-ystь* от корня глагола **kopati* (см.). См. так уже Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 171; Vaillant. Gramm. compr. IV, 704, где указывается на изолированность образования. Изолированность суффикса, вернее — его огласовки, действительно, такова, что не позволяет воспользоваться параллелизмом русск. *корысть* и родственных, вопреки Брукнеру (см. Brückner 256), так как последнее предполагает реконструкцию праслав. **koristь* (см.) и совершенно другое членение. Однако изолированный характер форманта — явление, хотя и редкое, но известное, поэтому отсюда еще не следует нереальность самой словообразовательной модели.

Славский, неверно определяющий слово как сев.-слав. (ср. у нас, выше, также сербохорв. *копист*), видит в **kopystь* производное от **kop-ys-ati* 'бить, рыть землю копытом', см. Ślawski II, 468. Нерегулярность (и, возможно, экспрессивная природа) образования побуждали отдельных авторов доискиваться здесь контаминации с **kystь* (см., см. Otrębski. Życie wугazów 298 (с упоминанием — в свою очередь контаминативного — польск. *łopystka* 'медицинская лопаточка, шпатель' <**łopatka* × *kopystka*).

Не может быть принята произвольная этимология Махека, согласно которой **kopystь* — сложение местоименного префикса *ko-* и соответствия лат. *fūstis* 'палка, дубинка' (V. Machek LP VIII, 1960, 57—58; Machek² 275) тем более, что для лат. слова наиболее вероятна реконструкция и.-е. **bhūstis*, см. Walde—Hofm. I, 573.

***kopyto/*kopyta/*kopyть**: цслав. копыто ср. р. *ὀπλή*, *ungula* (Mikl.), болг. *копiто* ср. р. 'копыто' (БТР), также диал. *копiто* (М. Младенов БД III, 91; Д. Евстатиена. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), производное *Копiтово*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 268), макед. *копiто* ср. р. 'копыто' (И-С), диал. *купiк* то же (К. Пеев MJ XXI, 1970, 129), сербохорв. *копiто* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (РСА X, 213; RJA V, 301—302), диал. *копiто* (Gres), *копiт* м. р. (RJA V, 300; Hraste—Šimunović I, 443), *копiта* ж. р., диал. также 'куча земли и камней у дома' (далм., герцегов., РСА X, 211), *копiта* ж. р. 'копыто' (Елез. I), *Копiто*, название горы в Герцеговине (РСА X, 213), словен. *копiто* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка', 'ружейный приклад', 'семячко, зернышко, косточка

плода' (Plet. I, 435), чеш. *koryto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка', диал., стар. 'подкова' (Téma. Mluva hutn. 95), словц. *koryto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (SSJ I, 745), в.-луж. *koryto* ср. р. 'копыто' (Pfuhl 272), н.-луж. *koryto* ср. р. 'копыто', (диал.) 'подкова', 'колодка' (Мука Śl. I, 675), ст.-польск. *koryto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (Śl. stpol. III, 344; Śl. polszcz. XVI w., X, 623—624), польск. *koryto* ср. р., стар., диал. *koryt* м. р. 'копыто', 'след от копыта' (Warsz. II, 470—471), *kopěto* 'копыто' (Sychta. Słown. kosciewskie II, 81), словин. *korpěto* ср. р. 'копыто', 'деревянная сапожная колодка' (Sychta II, 205), *кърпѣте* ср. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *к*ѡрѣто* (Lorentz Romog. I, 415), *кърпѣто* (Ramuŕt 75), др.-русск. *копыто* ср. р. 'копыто' (1169 г. Псков. лет., II, 24), 'род узора в виде копыта' (Выходы цар., 5. 1632 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300; Срезневский I, 1282; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 2, 206), *Копыто*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 15. Тушиков 251), русск. *копыто* ср. р. 'роговая пластинка, покрывающая концы пальцев у некоторых млекопитающих', диал. *копыто* ср. р. 'о домашнем животном' (каз., олон., арх., тобол.), 'вид женского головного убора, по форме похожий на копыто' (олон., арх., волог.), 'краюха, кусок хлеба' (перм.) (Филин 14, 305), производное *копытѣ* ср. р. 'копыто' (горьк., перм., Филин 14, 304), укр. *копитѣ* ср. р. 'копыто' (Гринченко II, 281), диал. *копитѣ* ср. р. 'сапожная колодка', 'копыто' (Матеріали до словника буквинських говірок 6, 78), *копѣто* (Онышкевич 367), *копит* м. р. (Гринченко II, 281), ум. производное *копитѣк*, род. п. -тѣк, м. р. (там же), *копѣтѣк*, *капытѣк* 'ковырек фуражки', 'род носков из белых шерстяных ниток' (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. — Лексика Полесья 293), ст.-блр. *копыто*, ум. *копытѣ* (Скарына 1, 277), блр. *капыт* м. р. 'копыто', также диал. *капыт* м. р. (Бялькевич. Магіл. 221), *капыт* м. р., *капыто* ср. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 410), *кѡпаць* м. р. 'копыто', 'край копыта' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501), *Капытоў*, фам. (Бірыла 181).

Производное с суф. *-yto* от корня глагола **kopati* (см.). См. уже Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 202 (с не совсем ясной параллелью **koryto* (см.), повторяемой затем большинством авторов); Miklosich 128; Berneker I, 565; Фасмер II, 320; Р. Arumaa.—Scando-Slavica IX, 1963, 79 (суф. -*yt-*); Brückner 256 («*koryto*. . . od *kory* jak *koryto* od *kory*»); Ślawski II, 469—470 (с неверной архаизацией огласовки н.-луж. *koruto*, см. об этом О. Н. Трубачев. — Этимология. 1966 (М., 1968), 377, ср. также Schuster-Sewc. Hist.-etym. 9 (Bautzen, 1981), 619: *у > и* nach Labial); Vaillant. Gramm. comp. IV, 700.

Совершенно неприемлемо тоже старое сопоставление с ареальным и.-е. названием копыта — **коро-*/**кѡро-*, откуда др.-инд. *śaphā-*, нем. *Huf*, отстаиваемое в последнее время Махеком (Ма-

shek² 276): **koryto* — якобы расширение первоначального **коръ*. Ясно, что **koryto* — праслав. лексическая инновация.

***кору́тсе**: цслав. копытаце ср. р. *calceamenti genus* (Mikl.), макед. *копитце* ср. р., ум. от *копито* (Кон.), сербохорв. *kōpica* ж. р. 'вид обуви' (RJA V, 297), первоначально *kopitca* мн. от *kopitce* (Mažuranić 525), также *kopitac*, (кайк.) *kopitec* м. р. (RJA V, 300), словен. *kopitce* ср. р., ум. от *kopito*, 'копытце', 'колодочка' (Plet. I, 434), *kopica* ж. р., мн. *kopice*, 'носок', 'носки, чулки', 'каблук' (Plet. I, 434), чеш. (мор.) *korýtce* ср. р. 'вид теплой зимней обуви' (Jungmann II, 125), сюда же словц. *karce*, род. п. *-pca*, м. р., обычн. мн. *karce* 'теплые валенные сапоги' (SSJ I, 672), также диал. *karce* мн. (Buffa. Dlhá Lúka 162), польск. диал. *корусе* 'обмотки, онучи' (Warsz. II, 470), др.-русск., русск.-цслав. *копытыце* ср. р. 'особый узор на ткани в форме копыта' (Плат. Бор. Год., 18. 1589 г.), 'короткие шерстяные чулки' (Ж. Феод. Нест. Усп. сб., 87. XII—XIII вв.) (Срезневский I, 1282; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300), русск. *копытыце*, ум. к *копыто*, диал. *копытыце* ср. р. (мн.) 'роговые наросты на коленях у лошади' (костр.), *талиа в копытыце* — 'без складок, в обтяжку', 'вид женского головного убора' (арх.), 'узор для вышивания, по форме напоминающий копыто' (твер., сарат., тул.), 'краюха, кусок хлеба' (перм., иркут.), 'два ремня, соединяющие две части цепа' (краснодар.), 'растение чистец лесной *Stachys silvatica* L.' (ворон., перм.) (Филиц 14, 305—306), укр. *копытыце* ср. р., ум. от *копито*, 'род вышивки', 'растение *Asarum europaeum*' (Гринченко II, 281).

Ум. производное с суф. *-ьсе* от **koryto* (см.). Значение вид обуви — достаточно древнее, производность от названия копыта объясняется, очевидно, самим видом примитивной обуви, или чулка-носка без пятки. См. И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке (Хельсинки, 1959) 113; Ф. П. Филин. — Лексикогр. сб. VI, 1963, 168. Параллельный пример перехода значений 'копыто' > 'обувь' видим в русск. *сапог*, которое восходит к ир. **sāraga-/sāraaka-* от **sāra-* 'копыто'.

***кору́тникъ**: болг. *копытник* м. р. 'растение копытень, копытник *Asarum europaeum*' (БТР), сербохорв. диал. *копиттник* м. р. то же (РСА X, 212; RJA V, 301: «Može biti i praslav. riječ»), словен. *kopitnik* м. р. 'копытник *Asarum europaeum*' (Plet. I, 435), чеш. *копытник* м. р. '*Asarum*' (Kott I, 748), в.-луж. *копытник* м. р. '*Tussilago*' (Pfuhl 272), ст.-польск. *копытник* м. р. 'копытник *Asarum europaeum* L.' (Sł. stpol. III, 343; Sł. polszcz. XVI w., X, 623), польск. *копытник* м. р. 'железный инструмент для обрезания копыт', 'подковный гвоздь', 'растение копытник *Asarum*' (Warsz. II, 470; Sł. gw. р. II, 430), словин. *копётник* м. р. 'копытень' (Lorentz Pomor. I, 415), *копётник* м. р. 'растение *Tussilago farfara*' (Sychna II, 205), др.-русск. *копытникъ* м. р. 'копытень *Asarum europaeum*' (Леч. IV, 90, XVII в. ~ XV в. СлРЯ XI—

XVII вв. 7, 300), русск. *копытник* м. р. 'раст. *Asarum europaicum*' (Даль³ II, 407), диал. *копытник* м. р. 'нож для обработки копыт лошади' (моск.), 'растение *Asarum europaicum* L.' (твер., тул., ряз.), '*Tussilago farfara* L., мать-и-мачеха' (моск.) (Филин 14, 304—305), укр. *копытник* м. р. 'растение *Asarum europaicum*' (Гринченко II, 281). — Ср., с отличием в огласовке суффикса, болг. *копытняк* м. р. '*Asarum europaicum*' (Младенов БТР; Геров: *копытникъ*), сербохорв. *kòpitiňák* м. р. (RJA V, 301), *копытњака* ж. р. то же (РСА X, 213).

Производное с суф. *-икъ* от прилаг. **корутьнъ* (см.).

**корутьнъ(жь)*: болг. *копытен*, прилаг. 'копытный' (РБЕ), макед. *копитен* (И-С), сербохорв. *kòpitiň*, *ā-*, *-ō* (РСА X, 212), *kòpitan*, *-tina*, прилаг. (RJA V, 300), словен. *kopiten*, *-tina*, прилаг. 'копытный, колодочный' (Plet. I, 434), чеш. *korutní peduh* 'ящур' (Kott I, 748), словц. *korutný*, прилаг. 'копытный' (SSJ I, 745), польск. *korutny*, прилаг. 'копытный' (Warsz. II, 470), диал. *koruteń* 'копытень, копытник *Asarum europaicum*' (Sł. gw. р. II, 426), словин. *k*opətñi*, прилаг. от *k*opəto* (Lorentz Pomor. I, 415), русск. *копытный* 'к копыту относящийся' (Даль³ II, 407), *копытень* м. р. 'раст. *Asarum europaicum*' (там же), укр. *копытний* 'копытный' (Укр.-рос. словарь), *копитень*, род п. *-тня*, м. р. 'растение *Asarum europaicum*' (Гринченко II, 281), блр. *капытны*, *-ая*, *-ае* 'копытный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 634; Блр.-русс.).

Прилаг., производное с суф. *-нъ* от **коруто* (см.).

**корь*: сербохорв. *kòp* ж. р. 'копна, скирд (хлеба, соломы, сена), (РСА X, 202), 'копание, закапывание' (с XVI в., RJA V, 292; Mažuranić 525), словен. *kòp* ж. р. 'обрезка (виноградника)' (Plet. I, 432), *kor* ж. р. 'шест' (там же), н.-луж. *kor* ж. р. 'копье' (Muka Sł. I, 667), др.-русск. *копь* ж. р. 'выработка в земле, где добывается руда' (ДАИ X, 329. 1684 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7 300), русск. *копь* ж. р. 'рудник, место, где копают руду, уголь, соль и пр.' (Даль³ II, 399), диал. *копь* ж. р. 'яма' (онеж., сиб., енис.), 'искусственная протока, соединяющая озеро с рекой' (яросл., свердл.) (Филин 14, 307), *копь* ж. р. 'копна' (Сл. русск. гов. Новосибир. обл. 236).

Производное от глагола **kopati* (см.).

**корьсь*: болг. диал. *копец* м. р. 'застежка, крючок' (Стойчев БД II, 190), макед. *копец* м. р. то же (И-С), сербохорв. диал. *kòpaц*, род п. *-ца*, м. р. 'тот, кто копает' (РСА X, 206; RJA V, 292), словен. *kòpес*, род п. *-pса*, м. р. то же (Plet. I, 434), чеш. *korес*, род п. *-pсе*, м. р. 'куча', 'холм', 'груда, глыба' (Kott I, 746), диал. *korес* 'куст' (Bartoš. Slov. 154), 'холм, бугор', 'ров' (Malina. Mistř. 45), словц. *korес*, род п. *-pса*, м. р. 'холм, бугор', 'куча земли' (SSJ I, 743), диал. *škorес*, род п. *škorса*, м. р. 'межевой знак' (Buffa. Dlhá Lúka 221), н.-луж. *korс* м. р. 'куча, холм', 'пограничный холм' (Muka Sł. I, 671), ст.-польск. *korіес*

‘холм, курган (чаще всего искусственно насыпанный)’ (Sl. stol. III, 341—343), ‘куча’ (Sl. polszcz. XVI w., X, 618—619), польск. *korśes*, род. п. *-rsa*, м. р. ‘куча выкопанной земли’, ‘холм, бугор, насыпанный на границе, межевой знак’, (стар.) ‘гора, особенно насыпанная, могильный курган’ (Warsz. II, 466), диал. *korśes*, *korśes* ‘яма для хранения брюквы, картофеля и т. п.’ (Sl. gw. р. II, 427; Sychta. Słown. kosciewskie II, 81), словин. *korśe* м. р. ‘межевой камень’, ‘яма для хранения брюквы, картофеля, яблок и т. п.’ (Sychta II, 204), *kšerśe* м. р. ‘стог сена’ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *kšorśe* ‘насыпанный холм, куча на границе’ (Lorentz Romog. I, 415), *korśe* (Ramułt 75), др.-русск. *копець* м. р. ‘межевой знак’ (Вып. меж. Смол., 43. 1680 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 296), русск. диал. *копéц* м. р. ‘межевой знак’ (смол., Лит. ССР, сиб.), ‘яма для зимнего хранения картофеля и свеклы’ (сиб.), ‘колодец’ (зап.-брян.), ‘небольшая насыпь, бугор; курган’ (зап., ЛитССР), ‘работник, который вскапывает или накладывает навоз на телегу’ (пск., твер.), ‘гибель, смерть, конец’ (ряз., калуж., смол.) (Филин 14, 289; Добровольский 342), *копéц* ‘бугор, холм’ (Картотека Псковского областного словаря), *корсье* ‘муравейник’ (Słown. starowięgów, 120), *капéц* ‘межевые столбы’ (Расторгуев. Словарь народных говоров Зап. Брянщины 131), ст.-укр. *копець* м. р. ‘межевой знак в виде насыпанной кучи’ (1322 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), *копець* ‘указание границы’ (XVII. Акт. Стар. кн. 1693 г. Картотека словаря Тимченко), укр. *копéць*, род. п. *копéця*, м. р. ‘межевой знак’, ‘инструмент для долбления меду’ (Гринченко II, 280), диал. *копéц* м. р. ‘кучка земли вокруг пограничного указателя земельных владений’ (Лексика Полесья 106), *копéць* ‘небольшая ямка для обозначения чего-нибудь’ (Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області 14), *копéц* ‘куча картофеля, присыпанная землей’ (Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — Славянская лексикография и лексикология 29), *копéц* ‘вершина горы’ (П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика і морфологія) 323), *кпéц* ‘кучка земли, межевой знак’, ‘яма для хранения картофеля’ (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 45), *кпéць* ‘искусственный холм’ (Марусенко. Названия рельефов Хмельницкой обл. 285), блр. *капéц*, род. п. *-ца́*, м. р. ‘место для сохранения овощей, бурт’, ‘пограничный курган’, ‘искусственный холм’ (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 629; Носов.: *копéц*), диал. *капéц* ‘насыпанный бугор земли’, ‘куча картофеля, свеклы и т. п., обложенная соломой и засыпанная землей’ (Матэрыялы для слоўніка 30; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 404).

Два, по сути дела, разных словообразовательно-лексических случая объединяет в конечном счете происхождение от глагола **kopati* (см.). В остальном мы имеем дело с различной конкретной

мотивацией: 1. *корьсь 'холм, насыпь, куча' — ум. производное с суф. -ьсь от *коръ (см.); 2. *корьсь 'тот, кто копает' — производное с суф. -ьсь непосредственно от глагола *kopati (см.).

См. Verneker I, 562—563; Sławski II, 461; Л. В. Куркина. — Этимология. 1977 (М., 1979), 51; Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 614—615.

***корье/*корья:** ст.-слав. копие ср. р. *đoru*, *hasta* 'копье' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *кѡпие* ср. р. 'копье' (БТР; Дювернуа: *кѡпие*), диал. *кѡпе* ср. р. 'перо лука, оставляемое на семена' (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; Хитов БД IX, 268), макед. *копје* ср. р. 'копье', 'древко' (И-С), сербохорв. *кѡпље*, *кѡпље* ср. р. 'копье', 'острие', 'древко' (РСА X, 215—216; РЈА V, 303—305), диал. *кѡрје* ср. р. 'копье' (Hraste—Šimunović I, 444), *кѡпља* ж. и м. р. 'животное с большими острыми рогами (коза, вол)' (РСА X, 214), словен. *kopje* ср. р. 'копье, пика', 'свадебное знамя' (Plet. I, 435), диал. *korje* ср. р., собир. 'древки знамен' (Šašelj I, 265), *kūre* 'приспособление, которым кастрируют животных' (Narodopisje Slovencev I, 174), чеш. *korí* ср. р. 'копье, пика', диал. (морав.) *korija* 'копье, дротик', словц. стар., диал. *korija* ж. р. 'копье' (SSJ I, 743; Kálal 256), н.-луж. *koře* ср. р. 'копье' (Muka Sł. I, 671), стар., диал. *korjo* ср. р. 'копье; жало' (Muka Sł. I, 673), стар. *korja* ж. р. 'копье, пика' (Вольфенбюттельская псалтырь, Muka Sł. I, 672), ст.-польск. *korije* ср. р. 'копье' (Sł. str. III, 340), *korija* ж. р. (Sł. polszcz. XVI w., X, 619—620), польск. *korja* ж. р., стар. *korie* ср. р. 'копье, пика' (Warsz. II, 467), диал. *korija* (Sł. gw. р. II, 428), др.-русск., русск.-цслав. *копье*, *копие* ср. р. 'копье' (Сл. о п. Иг., 6; Ник. лет. IX, 220. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300—301; Срезневский I, 1280), *Konie*, личное имя собств. (Антоний Коние, московский монах. 1377 г. Тупиков 250), русск. *копѣ* ср. р. 'холодное колющее оружие в виде металлического острого наконечника на длинном древке', диал. *копѣ* ср. р. 'охотничье оружие, похожее на копье' (вят.), 'палка с железным наконечником, с которой ходят слепые' (волог.), 'наконечник багра — металлическое острие с крючком' (онеж.) (Филин 14, 307), 'копыто' (фольк., онеж., там же), укр. *копийя* ж. р. 'пика, копье' (Гринченко II, 282), ст.-блр. *копье* (. . . тремя *копьями* прободень. ДЦ 100. Скарына 1, 277), блр. *кап'ё* ср. р. 'копье'.

Праслав. *корье произведено с суф. -ье от глагола *kopati (см.), точнее — от его корня *kor-*. Обычно указывают на уникальность, изолированность данной словообразовательной модели и ее функции, ср. Vaillant. Gramm. comparée IV, 400. Действительно, *корье отличается по своим семантич. и грамматич. признакам, не имея типичных признаков словообразовательной модели на -ье — собирательности или семантики отглагольного действия. Обращает на себя внимание и специфический морфологич. ва-

риант ж. р. — **корьѣ*. Высказанное давно мнение о том, что этот последний вариант — только польск., вторичного, аналогического образования, скажем, под влиянием терминов ж. р. *włócznie*, *su(d)lica*, тоже обозначающих копье (см. так Brückner 255; Sławski II, 460; Г. Ф. Одинцов. К истории древнейших русских названий копья. — Этимология. 1977. М., 1979, 114—115), нуждается в пересмотре. Продолжение формы **корьѣ* наблюдается и вдали от польск. ареала, ср. у нас, выше, сербохорв. диал. *кѡпља*. Что же касается второго аргумента — образования **корьѣ* «по аналогии», то справедливо было бы допустить, что и форма ср. р. **корьѣ* образована по аналогии, т. е. согласована в грамм. роде с определяемым именем, напр. **корьѣ dervo* 'дерево, древко, которым бьют, колют'. В праслав. **корьѣ*, **корьѣ* допустимо видеть, таким образом, прилагательное довольно древнего вида (версия о вторичности формы ж. р. тем самым снимается), образованное с йотовым суф. от корня глагола **kopati*. Хорошую параллель находим в русск.-цслав. *четии* 'предназначенный для чтения (минеи чети)', тоже прилагательное на -ѣъ **čьтъѣъ*, **čьтъѣ* от корня соответствующего глагола, в данном случае — атематического **čьtq*, **čisti*, а не расширенного **čitati* (ср. выше **корьѣ*, **корьѣ* — от еще не расширенного **kop-ti*). Следует иметь в виду, что **корьѣ*, **корьѣ* — продукт собственно слав. морфологического развития, поэтому нуждаются в оговорках практикуемые нередко сравнения с греч. *κοπίς* 'нож, тесак', *κόπαιον* 'меч', др.-в.-нем. *herpa* 'серпообразный, кривой нож' (Berneker I, 566; Фасмер II, 320).

**кор(ь)ише*: цслав. *копиште* ср. р. *dǫro*, hasta (Mikl.), сербохорв. диал. *кѡпѣште* ср. р. 'древко копья' (РСА X, 213), *кѡпѣште* (с XVII в. RJA V, 305; Mažuranić 525), словен. *korpišče* ср. р. 'древко копья' (Plet. I, 435), чеш. *kopiště* ср. р. 'древко копья' (Kott I, 746), др.-русск., русск.-цслав. *копище* 'древко копья' (Хрон. Г. Амарт., 131. XIII—XIV вв. ~ XI в. Срезневский I, 1280; Сл.РЯ XI—XVII вв. 7, 304).

Производное с суф. -ише от **корьѣ* (см.).

**корьѣникъ*: ст.-слав. *копинникъ* м. р. 'копейник' (Вост., Mikl., Sad.), сербохорв. *кѡрѣник* м. р. 'копейник, копьеносец' (RJA V, 305), *кѡрѣник* то же (RJA V, 303), *Корѣјаник* м. р., местн. название (1348 г.? в словаре Даничича, RJA V, 298; 303), словен. *korjenik*, *korjaniк* м. р. 'копейник, копьеносец' (Plet. I, 435), чеш. *korpi-ník*, *koriník*, *korenník*, *korenik* м. р. 'воин, вооруженный копьем' (Kott I, 746, со ссылкой на Юнгмана), словц. *korijnik* м. р. (Káral 256), ст.-польск. *korijnik*, *korienik*, *koriennik*, *korinik* м. р. 'копейник, всадник с копьем, копьеносец' (Sl. str. III, 343; Sl. polszcz. XVI w., X, 619, 621), польск. *korijnik* м. р. 'копейник, копейщик' (Warsz. II, 467), др.-русск. *копейникъ* м. р. 'воин, вооруженный копьем' (1219 г. Ник. лет. X, 83. СлРЯ XI—XVII вв.

7, 295), русск. *копейник* м. р. 'ратник с копьем, копейный мастер' (Даль³ II, 407).

Производное с суф. *-икъ* от прилаг. **корьѣнь* (см.), субстантивация.

**корьѣнь(жь)*: цслав. *копинъ*, прилаг. *dóratos*, *hastae* (Mikl.), сербохорв. стар. книж., (церк.) *korlan*, прилаг. 'копейный, копьевой' (RJA V, 302—303), редк. *korjen* (XVII, XVIII вв., RJA V, 305), чеш. стар. *korinný*, прилаг. 'копейный' (Kott I, 746), польск. *korijnny* то же (Warsz. II, 467), др.-русск., русск.-цслав. *копейныи*, прилаг. 'относящийся к копыю' (1240 г. Соф. I лет.², 219. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 295; Срезневский I, 1279), русск. *копейный* 'к копыю относящийся' (Даль³ II, 407).

Прилаг., производное с суф. *-нь* от **корьѣ* (см.).

**корьна*/*корьпо*/*корьпъ*: цслав. *копна* ср. р. *terra* (Mikl.), болг. *копѣн* м. р. 'копна, укладка снопов' (БТР; РБЕ), также *копна* ж. р. (Геров; Младенов БТР), *копен*, *копна*, *копно*, прилаг.: *копно мѣсто* 'место, где снег тает зимой', 'где земля легко копается' (Геров—Панчев; Младенов БТР: «от кор. в *кыпети*»), диал. *копно* 'земля, не покрытая снегом зимой' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467; Д. Маринов. Дума и фразы из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; Стойчев БД I, 190; Банско, с. Стубел, Фердинандско, РР VI, 149, Архив Болг. диал. словаря, София), *копнѣ* ср. р. 'мягкая, рыхлая почва' (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *копѣн* м. р. 'куча, копна' (с. Широки дол, Самоковско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *купѣн* м. р. то же (Горов. Страндж. — БД I, 102; Божкова БД I, 253; М. Младенов БД III, 95; П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 74; Т. Бояджиев. Дедеагачко. — БД V, 231; Л. Ралев БД VIII, 140), 'скирд (ржи, пшеницы и т. п.)' (И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. — Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, 5. М., 1954, 30), *копен*, *-пна*, *-пно*, прилаг. 'талый (о снеге)' (К. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ XXXI, 287), макед. *копно* ср. р. 'суша, земля', 'проталина' (И-С), сербохорв. *кдрпа* ж. р. 'копка, вскапывание' (с. XVIII в. и в словаре Вука, RJA V, 307), *кдрпо* ср. р. 'суша, земля, континент' (RJA V, 306; праслав., недостаточно ясного происхождения — от прилаг. *коран* или от *кора*; народным это слово является в сев. Далмации и у некоторых чакавцев; Маџуганиџ 526), *кдран*, *-рна*, прилаг. 'находящийся на суше, на земле', 'удобный, легкий для вскапывания (о земле)' (XVIII в.), 'свободный от снега' (RJA V, 293), *коран*, род. п. *корни*, ж. р. 'суша, земля' (один пример XVIII в., там же), словен. *кбрпја* ж. р. 'копка, вскапывание' (Plet. I, 435), *кбреп*, *-рна*, прилаг.: *корпа motika* 'мотыга для вскапывания' (Plet. I, 434), *кбреп*, *-рна*, прилаг. 'свободный от снега', *корпо* 'суша' (там же), стар. *корпо*, нареч. 'бесснежно' (Jarnik 146), чеш. *корпо* ср. р. 'рыхлая, удобная для обработки почва' (Kott

I, 747), (редк.) 'земля, свободная от снега', (диал., вост.-мор.) *корнѹ* 'рыхлый, легкий для обработки' (Kott I, 747), *корна́ зем* 'свободная от снега земля (зимой, весной)' (валашск., Bartoš. Slov. 154; Svěrák. Karlov. 119), словц. *корнѹ*, прилаг. 'удобный, легкий для обработки, копки' (SSJ I, 744), *корнѹ*, прилаг. '(о земле) голый, не покрытый снегом' (там же), *корей*, род. п. -*рѣа*, м. р. 'бугор, холм' (SSJ I, 743), диал. *корно* 'голая земля, проталина' (Banská Bystrica, Káral 257), в.-луж. *корjen* м. р. 'стог сена' (Pfuhl 272), н.-луж. *корей* м. р. то же (Muka Sł. I, 671), ст.-польск. *корно* ср. р. 'земля, не покрытая снегом' (Sł. polszcz. XVI w., X, 621), польск. *корно*, нареч.: *na dwórze корно* (Warsz. II, 468), *корния* ж. р. 'замерзшая земля, не покрытая снегом' (там же), диал. *корно* ср. р. 'возвышенное место, свободное от снега; проталина' (Warsz. II, 468), словин. *корнѣ* ж. р. 'земля, показывающаяся из-под снега', 'бесснежное время зимой' (Suchta II, 205), *к*орѣ* ж. р. (Lorentz Помог. I, 416), *кєрѣ* ж. р. (Ramult 75), др.-русск. *копна*, *копна* ж. р. 'копна (сена)' (Кн. п. Обон. пят., I. 1496 г.), 'укладка снопов (ржи, овса, ячменя и т. п.)' (1019 г. Соф. I лет.², 96), 'земельная мера сенных покосов (1/10 десятины)' (А. гражд. распр. I, 17.1506 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 297; Срезневский I, 1282), *копньи*: мн. ср. р. *копная* 'спорные дела, касающиеся хлебных мер и сенных покосов' (1476 г. Гсков. лет., II, 202. Там же), русск. *копна́* ж. р. 'большая, сложенная конусом куча сена или снопов хлеба', диал. *копна́* ж. р. 'укладка хлеба на 50 и более снопов' (каз., симб., пенз., сарат., сталингр., донск., кубан., терск., ворон., тамб. и др.), 'скирд хлеба' (симб., волог., костр., нижегор., куйб., твер., вят.), 'круглая вершина горы' (краснояр.) (Филин 14, 291), *копнѣ* ж. р. 'копна хлеба или сена' (олон., ленингр., Филин 14, 292), *копѣнь* ж. р. 'копна; куча сена, большая копна' (твер., пск., Даль³ II, 398), укр. *кіпно*, нареч. 'потеплело, оттепель на дворе; грязно (от растаявшего снега)' (Желех., Гринченко II, 245), *кіпний*: *кіпна дорога* 'грязная от растаявшего снега?' (Шух. I. 81, Гринченко II, 245), диал. *кірѣа* ж. р. 'проталина' (Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny 40), *кб'ін* ж. р. 'место, где земля не покрыта снегом' (Онышкевич 366), *копень* 'август' (гуцул., М. Кочерган. З історії українських назв місяців. — Мовознавство 1967, № 1, 58), блр. диал. *капна́* ж. р. 'копна, небольшая укладка сена' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 406).

Первоначальное прилаг., производное с суф. -*нь* от глагола **korati* (см.), причем эта мотивация в равной мере распространяется на случаи со значением 'копна, стог' и на слова, обозначающие талое, не покрытое снегом место, где земля легко ко п а е т с я. Выделять эти последние в особую группу нет никаких оснований, хотя такая традиция упорно держится. См. Miklosich 129: *кор-3*; Verneker I, 566 (допускает связь с **коръть* (см.), т. е. 'испаряться' > 'таять'); Brückner 256; Machek² 275 (ука-

зывает, что значение 'свободная от снега земля' охватывает все слав. языки, кроме серболуж. и русск.; возводит к и.-е. **kor-*/**kvor-*, ср. лит. *kvāras*, лат. *varog*, греч. *καπνός*); Sławski II, 464—465 (предпочитает объяснение с помощью субстантивации прилагательного **корьнъ* 'поддающийся вскапыванию', однако примеры со значениями 'копна, стог' оставляет при этом без внимания).

Значение 'талое место, проталина' развилось достаточно рано, ср. нижеследующий глагол **корьнѣти* с развитием значений 'таять' > 'тосковать'.

корьнѣти*/корьнити* (се): болг. *копнѣя* 'жаждать', (обл.) '(о снеге) таять, оставлять проталины' (БТР; Геров: *копнѣж* 'таять', 'ныть, изнывать'), диал. *копнѣе* 3 л. 'тает (о снеге)' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), макед. *копнѣе* 'страстно желать; стремиться, тосковать', 'таять' (И-С), сербохорв. *кòрнѣти* 'таять' (с XV в.; RJA V, 307—308: «относительно образования см. на *корпо*»), редк. (вторичн.?) *кòрнити* 'растоплять' (RJA V, 306), словен. *корнѣти* 'таять, оттаивать' (Plet. I, 435), чеш. диал. *корнит се* 'куриться, испаряться' (Bartoš. Slov. 154), слвц. диал. *кор(н)ѣт* 'таять (о снеге)', 'проступать из-под тающего снега (о земле)' (Kálal 257), укр. *кiрнiти* 'таять' (Гринченко II, 245).

Производное с суф. *-ѣти/-ити* от **корьна* / **корьно* / **корьнъ* (см.). В основе исходного значения 'таять' лежит образ оттаявшей и потому удобной для вскапывания земли. Следует отклонить мнение ряда авторов о происхождении от и.-е. **k*ou-*/**k*ar-* 'пар, испаряться', откуда, напр., слав. **корътъ*, **купѣти* (см. s. vv.). Так см. Младенов ЕПР 250; Skok. Etim. gječn. II, 145. Против см. БЕР II, 618, хотя в последнем словаре вряд ли справедливо говорится о фонетической неприемлемости этой этимологии, в то время, как ее недостаток — в неправильной оценке семантической эволюции.

**корьгиса*: словен. *korprica* ж. р. 'железное веретено вращающегося (верхнего) жернова' (Plet. I, 435).

Сложение местоименной приставки *ko-* и корня глагола **ръгъ*, *рѣти* (см.), оформленного суф. *-ica*. В качестве параллельного образования можно указать **порьгиса*, реконструируемое на основе русск. *порхлиця*, *пораплиця* 'шевелок у мельничного ковша' (Даль III², 325), укр. *порплиця*.

**кога*: ст.-слав. *кога* ж. р. *φλοιός*, *cortex* (Mikl.), болг. *корá* ж. р. 'кора', 'корка (хлеба)', 'слой, лист (раскатанного теста)' (БТР; Геров), также диал. *корá* ж. р. (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 289; М. Младенов БД III, 91), *коръ* ж. р. (Д. Евстатиѣва. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *кòра* ж. р. (Гълъбов БД II, 86; Шапкарев—Близнев БД III, 233—234), макед. *кога* ж. р. 'кора; корка; кожа; раскатанный лист теста' (И-С), также диал. *kòra*, *kuràta* (Mačeski 52), сербохорв. *кòча* ж. р. 'кора', 'корка хлеба', 'кожура', 'раковина'

‘скорлупа’, ‘струп, короста’, ‘иней’ (RJA V, 315—316), *kōre* мн. ‘ножны’, ‘черенок, рукоять (ножа)’ (RJA V, 324—325), словен. *kōra* ж. р. ‘кора’, ‘корка’, ‘смерзшаяся глыба (земли), льдина’ (Plet. I, 436), чеш. *kůra* ж. р. ‘кора’, ‘корка’, также *kora*, сюда же диал. *korina* ‘древесная кора’ (ляш., Bartoš. Slov. 155), *koranka* ж. р. ‘сметана’ (крконошск., Kott I, 749), словц. *kōra* ж. р. ‘кора’ ‘корка’ (SSJ I, 759), диал. *kvora* (Kálal 290), *kúra* (Gregor. Slovak. von Pilisszántó 238), ст.-польск. *kora* ж. р. ‘кора’ (Sl. polszcz. XVI w., X, 625—626), польск. *kora* ж. р. ‘кора’ (Warsz. II, 471), также диал. *kōra* ж. р. (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kōra* ж. р. ‘кора’ (Sychta II, 207), *k*ora* (Lorentz Pomor. I, 425), др.-русск., русск.-цслав. *kora* ж. р. ‘кора (деревьев)’ (1128 г. Новг. I лет., 124. ВМЧ, Окт. 19—31, 2041. XVI в.), ‘наружная оболочка, кожура некоторых плодов’ (Травник Любч., 254. XVII в. ~ 1534 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 301; Срезневский I, 1283), русск. *korá* ж. р. ‘наружный поверхностный большей частью легко отделяющийся от внутренней массы древесины покров’, диал. *korá* ж. р. ‘кожура овощей, ягод’ (волог., арх., пск.), ‘пленка на грибах’ (арх.), ‘яичная скорлупа’ (киров.), ‘чешуя рыбы’ (пск., КАССР), ‘короста, струща на теле человека или животного’ (рязан.), ‘наст на снегу’ (яросл.) (Филин 14, 308; Деулинский словарь 239), укр. *korá* ж. р. ‘кора’ (Гринченко II, 282), диал. *kora* ‘кора’, ‘корка (на хлебе)’ (Онышкевич 367), ст.-блр. *kora* (мастеръ. . . съ того древа злупилъ бы . . . всю кору. Пб. 196. Скарына I, 277), блр. *kará* ж. р. ‘кора’, также диал. *kará* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 411), *kōra* (AGwB I, рукоп.), производное *karaná* ж. р. ‘струп’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 414).

Праслав. **kora* продолжает древнее именное производное с -о-вокализмом корня от глагольного корня и-е. **ker-*, ср. греч. *κεῖρω* ‘резать’. См. Miklosich 129. Обозначение коры, шкуры как чего-то срезанного, содранного вполне регулярно ономастиологически. Далее, сюда же относятся производные лат. *corium* ‘шкура, кожа’, *cortex* ‘кора’, см. Verneker I, 567; Walde—Hofm. I, 274; Фасмер II, 321. Др.-инд. *cárman-*, авест. *čarəman-* ‘шкура, кожа’ продолжает особое производное **ker(ə)men-* со своим регулярным вокализмом. Также особыми производными являются лит. *kardà*, *karnà* ‘лыко’, ср. о них Fraenkel I, 221. Маловероятно об образовании лит. *karnà* см. Otrębski. *Studia indoeuropeistyczne* 98. Ср. сюда же **skora* (см.). См. А. А. Потебня РФВ IV, 1880, 210; Brückner 495: *skōra*; Sławski II, 471; Machek² 308 (с приведением даже не-и-е. параллелей).

korabjь*/korabъ*/**korabь*: ст.-слав. *корабль* м. р. *πλοῖον, σκάφη, ναῦς*, *navis* ‘корабль’ (Ev., Psalt., Supr., Chil., Вост. Mikl., Sad., SJS), также *корабь* м. р. (Supr., Zogr., Mikl., Sad., SJS), болг. *кораб* м. р. ‘корабль’, ‘деревянное корыто, в котором перевозят и

двоят виноград' (БТР; Геров), диал. *кѡрѣб* (Турями грѡзд'ету в поствѣвъ — то ѡе нѣправену ут дѣскѣ, кѣту *кѡрѣб*. С. Гостилица, Дряновско, Арх. Болг. диал. словаря, София), *кѡрап* м. р. 'повозка для перевозки винограда' (с. Енина, Казанлъшко, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *кѡрап* 'желоб на водяной мельнице, лесопилке и т. п.' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 180), макед. *кораб* м. р. 'корабль, судно' (И-С), сербохорв. *kōrābaŕ*, род. п. *kōrābŕa*, м. р. 'большое судно, корабль', также *kōrābŕa* ж. р., *kōrāb* м. р., *korab* ж. р. (с XV в., RJA V, 316—317); Маџуранѣ 526), словен. *korabelj*, род. п. *-blja*, м. р. 'корабль' (Plet. I, 436: «gus.»), чеш. стар. *koráb* м. р. 'корабль', диал. *koráb* 'дуплистый ствол, дерево с дуплом', 'полая колода, применяемая вместо колодезного сруба', 'сухая кора, снятая с пня', 'зуб с дуплом' (Bartoš. Slov. 154—155; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *korár*, род. п. *-ba*, м. р. 'дерево с дуплом' (Malina. Mistř. 45), словц. диал. *koráb* м. р. 'корабль (только в библейском значении)', 'сухой ствол', 'гнилой зуб с дуплом', 'ограда, в которой откармливаются гуси' (Диалект., Братислава), *koraba* 'долбленный ствол дерева (для плавания по Вагу)', 'верхний слой коры' (Kálal 257), ст.-польск. *korab* 'корабль, судно', 'ковчег (ноев)' (Sl. str. III, 344—345), польск. стар. *korab*, род. п. *-bia*, м. р. 'судно, корабль', 'ноев ковчег', 'старинная колымага' (Warsz. II, 471), диал. *korab* 'корабль' (Sl. gw. р. II, 431), др.-русск., русск.-цслав. *ко̀рабль* м. р. 'корабль, гребное или парусное судно' (Изб. Св. 1076 г.: Остр. ев.; Пат. Син. XI в. и мн. др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 304; Срезневский I, 1283—1284), русск. *ко̀рабль* м. р. 'крупное морское судно', диал. *ко̀раб* м. р. 'корабль' (смол., новг., онеж., печор., волог., курск., свердл., Филин 14, 308), также *ко̀рабъ* м. р. (яросл., беломор., арх., волог., новг., влад., ворон., тул., перм., урал., том., Филин 14, 309), *ка̀рап* (В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ XXXVIII, 1897, 149), ст.-укр. *ко̀раб* м. р. 'корабль' (Яссы, 1430 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *ко̀рабе́ль*, род. п. *-бля́*, м. р. 'корабль' (Григченко II, 282), ст.-блр. *ко̀рабль* (Скарына 1, 277), блр. *ка̀рабе́ль*, род. п. *-бля́*, м. р. 'корабль'.

Долгое время преобладала старая точка зрения о заимствованном происхождении слова, причем источником называлось греч. *καράβιον*. Ср. уже Miklosich 129: «Слово заимствовано: греч. *καράβος*, н.-греч. *καράβι*»; Verneker I, 567: «Общеслав. заимствование из греч. *καράβιον*, производного от *καράβος*». Греч. этимология праслав. **korabjъ* фактически с самого начала таила в себе ряд противоречий, серьезность которых со временем делалась все более очевидной. Так, указывалось, что слово **korabjъ* — вероятно, единственное заимствование из греч. в праслав. (A. Meillet BSL 16, 1910: Comptes rendus critiques, CLXXVI). Этот факт уникальности делает уже данное объяснение подозрительным. При-

нято считать, что слав. слово отражает ударение греч. *καράβιον*: русск. *корабль*, тогда как ударение сербохорв. *kdǎb* якобы продолжает ударение более старой формы греческ. *κάραβος* (Meillet. *Études* I, 187). Показания о раннем ударении несколько противоречивы (см. Kiparsky. *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg, 1962, 103), и все же более древней представляется акцентуационная парадигма с первоначально постоянным конечным ударением, преломленно отраженная в русск. *корабль* — род. п. *корабля́*, а также в укр. *корабелъ*, блр. *карабелъ*, которые все вместе отражают древнее **korabjь*-. Мнение же о первоначальности постоянного накоренного ударения *корабль* — *корабля́*, действительно, встречающегося в некоторых ранних акцентуированных памятниках, все-таки внушено местом ударения греч. *καράβιον*. Но греч. *καράβιον* (вар. *καράβιον*) как обозначение морского судна засвидетельствовано лишь в византийскую эпоху, будучи уменьшительным производным от *κάραβος* 'морской рак, лангуста', лишь очень поздно метафорически употребленного о легком судне (Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque* 1—2, 496—497). Уменьшительное византийско-греч. *καράβιον*, кстати, передается в порт. *caravela* и других романских формах. Поздний характер греч. *καράβιον* оказывается в противоречии с фонетикой праслав. **korabjь*, требующей допущения, что слово это было заимствовано, когда греч. β еще произносилось как *b* (ср. A. Meillet BSL 24, 1924, 142; BSL 26, 1925, 205), хотя переход β > *v* состоялся очень рано, еще в праслав. эпоху. К этому следует добавить, что вокализм греч. и слав. слов совершенно не соответствует друг другу: из греч. *κάραβος* с подударной долготой начального слога просто не могло получиться слав. **korabъ*. Форма *κάραβος* со своим β обретает смысл греч. диал. варианта (дор.? иллир.?), особенно на фоне атт. формы *καραβίς* = *κάραβος* (ср. Chantraine, там же). В конечном счете само греч. слово квалифицируется специалистами как слово неясного происхождения, скорее всего — средиземноморский термин, учитывая его отнесенность к фауне моря, ср. Frisk I, 785: «Mittelmeerwort unbekanntem Ursprungs». Конечно, за такой расплывчатой характеристикой может скрываться что угодно, и это обстоятельство делает особенно зыбкой методологически греч. этимологию слав. слова (объяснение неясного через неясное). Нет достаточного вероятия считать греч. слово семит. или каким-либо другим заимствованным термином не-и.-е. происхождения, ср. M. Cohen BSL 27, 1926, 99—100: эфиоп. (гезск.) *karabo*, (тигринья) *kāribbo* 'маленький мех, бурдюк в виде бутылки', (амхар.) *karabo* 'барaban', араб. *qirba* 'мех', *qirāb* 'ножны', *qar(r)āba* 'бутылка, стеклянный сосуд', *qārāb*, *gārāb* 'гребное судно'. Не исключено, что название судна в араб. просто заимствовано из греч. (выше). Греч. слово обладает длительной и, видимо, органической семантической эволюцией ('морское животное' → 'вид судна'), которой

не обнаруживаем в других окружающих языках, кроме того, в формальном отношении *κάραβος* — вероятно, слово исконного и.-е. вида, производное с суффиксом *-bho-*, встречаемым в и.-е. названиях животных. В этимологическом плане трудно отрывать *κάραβος* 'морской рак, лангуста' от греч. *καρκίνος* 'рак, краб', др.-инд. *karkata-* то же (оба последних слова — с редупликацией того же корня). Во всяком случае из проблематичности происхождения греч. слова отнюдь не вытекает вывод о заимствовании в греч. из слав. — крайность, в которую впадают другие авторы, склоняющиеся к мнению об оригинальном происхождении слав. слова. Вполне возможно, что эти слова вообще не имеют между собой ничего общего и что дальнейшее исследование окончательно развеет их в разные отделы и.-е. словаря.

Уже неоднократно обращали внимание на близость слов **korabъ*/**korabъ* 'корабль, судно' и **korbъ* (см.) 'короб, корзина'. Эти связи требуют правильной оценки и понимания, как и лежащая в их основе семантическая модель 'корабль' < '(оплетенный) сосуд, корзина', до сих пор менее популярная среди историков языка и культуры, чем, напр., известная модель 'древесный ствол' > 'корабль'. Ценной типологической параллелью при этом нам служит праслав. **obkrqtъ* (см.), откуда развились, с одной стороны, сербохорв. диал. (чак.) *okrut* 'сосуд', а с другой стороны — польск. *okręt* 'корабль', которое еще Брюкнеру казалось «странным», допускающим интерпретацию 'то, чем крутят, управляют'. Тогда как на самом деле **obkrqtъ* (от **obkrqtiti*) было первоначальным названием плетенки, к о р з и н ы, и в плане реалий такие плетеные прообразы более совершенных судов, кораблей известны в разных странах на уровне примитивной народной культуры (см. подробно Трубачев. Ремесленная терминология 229 и сл. и изображение плетеной ирландской лодки там же — рис. 7, с. 233). Любопытно, что Славский, допуская связь польск. слов. *korab* 'корабль', 'ковчег' и *krobia* 'коробка', все равно представляет себе в качестве исходного значение 'выдолбленный ствол дерева' (Sławski II, 473). Мы принимаем полное родство **korabъ* и **korbъ* и формально, и семантически (в указанном выше смысле). При этом **korabъ* обнаруживает признаки производного слова. Это, во-первых, наличие производного форманта *-ъ* (в значительной части слов) и свойственного для производных слов наконечного ударения (см. выше). Названные признаки производности — не единственные; здесь следует указать еще, во-вторых, на развитие фонетико-морфологической особенности, неверное понимание которой толкало обычно последователей, сторонников исконнослав. этимологии слова **korabъ*, на путь довольно натянутых и малоэффективных поисков комбинаций **kora* 'кора' с суф. *-b-* или продолжений и.-е. (*s)ker-* 'резать, вырезать' с суф. *-ab-*, см. S. Romanski RÉS II, 1922, 52—54; F. R. Preveden. Church Slavonic *korabъ* and Greek *κάραβος*. —

Language 6, 1930, 279—296; Sławski, там же: W. Budziszewska RS XXXVIII, I, 1977, 99—100. Следует иметь в виду, что слово *korabъ является праслав. неологизмом, а предлагаемый упомянутыми авторами словообразовательный анализ не соответствует праслав. словообразовательному инвентарю, ср. то, что известно о слав. суффиксах на -b-: Vaillant. Gramm. comparée IV, 487—488. Таким образом, словообразовательное членение *kora-b-ъjъ или *kor-ab-ъjъ сомнительно не только для приверженцев греч. этимологии (см. M. Vasmer AfslPh XXXVIII, 1922/1923, 282; Фасмер II, 321; БЕР 2, 627), но и для нас (см. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1966. М., 1968, 377).

Решающей фонетико-морфологической особенностью, знаменующей праслав. новообразование *korabъjъ / *korabъ на базе *korbъ 'корзина, короб' оказалось еще недостаточно описанное и изученное явление, своего рода ложное полногласие: *korb-jo- 'корзиночный' > *kor-a-bъjъ, ср. такие аналогичные, тоже праславянские, примеры этого явления, как *kor-a-čiti, *kor-a-kъ (см.) < *korkъ (см.), *kol-a-tati (см.): *koltiti (см.). Праслав. хронология явления документируется его предшествованием метатезе плавных (о праслав. ложном полногласии см. О. Н. Трубачев. Языкознание и этногенез славян. — ВЯ 1982, № 5, 15).

*korabъjъnikъ/*korabъnikъ: ст.-слав. корабѣлникъ м. р. ναύτης, ναύτα 'морьяк, корабельщик' (Supr., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., книжн. korabaļnik, korabnik м. р. 'морьяк, корабельщик' (RJA V, 317, 318), чеш. korábnik м. р. (Kott I, 748), ст.-польск. korabnik 'судостроитель' (1255 г., Kod. Pol. II, 57. Sł. stpol. VI, 570. Uzur.), др.-русск., русск.-цслав. корабельникъ м. р. 'корабельщик, морьяк' (Хрон. И. Малалы, V, 34. XV в. ~ XIII в.; Крым. д. I, 401. 1502 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 302), русск. корабельник м. р. 'служитель на корабле, матрос' (Даль² II, 161).

Производное с суф. -ikъ от прилаг. *korabъjъnъ / *korabъnъ (см. сл.), субстантивация.

*korabъjъjъ/*korabъjъjъ: цслав. корабѣлнъ, -ѣи, прилаг. τὸν πλοίων, ναύτην 'корабельный', а также корабѣлнъ (SJS), чеш. стар. korábný, korábní 'корабельный' (Kott I, 748), ст.-польск. korabny, прилаг. 'корабельный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 627; Linde; Warsz. II, 471), др.-русск., русск.-цслав. корабьныи, прилаг. к корабь (Изб. 1073 г.; Хроногр. 1512 г., 381; Срезневский I, 1285), корабленны (1204 г. Твер. лет., 298), корабельный (Гр. Сиб. Милл. II, 233. 1616 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 302, 303, 305), русск. корабельный 'к кораблю относящийся' (Даль³ II, 410), укр. корабельний 'корабельный' (Словн. укр. мови IV, 285; Укр.-рос. словник II, 375), блр. карабельны, -ая, -ае 'имеющий отношение к кораблю, корабельный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 635).

Прилаг., производное с суф. -ъnъ от *korabъ / *korabъjъ (см.). *korab(r)ъje?/*korebъje: в.-луж. korjebto ср. р. 'крупное ребро' (Pfuhl 274: «ko augm.»), н.-луж. kóraбе ср. р. 'скелет' (Мука

Sl 1, 675), *kórabja* ж. р. 'хребет вместе с ребром; ребро', 'жилка у листа' (там же), диал. *kraĕbe*, *krabja* то же (Muka Sl. I, 692). — Ср. чеш. диал. *koráb* 'лошадиный скелет, остов' (Bartoš. Slov. 154—155), *koráp* 'старая, тощая кляча' (Malina. Mistř. 45), словц. диал. *koraba* 'лошадиный скелет' (Káral 257; Диалект., Братислава), которые, очевидно, не связаны с **korabjъ* (см.).

Скорее всего, сложение местоименной приставки *ko-* и **rebvo* (см.), оформленное собирательным суф. *-ъje*. Не все детали формы ясны, напр. огласовка **korab(r)ъje*: имеет ли здесь место ассимиляция гласных или результат апофонии? Чеш. и словц. соответствия, возможно, — контактного, вторичного распространения. Центр образования — в серболуж., который как раз не знает соответствия названию корабля — **korabъ* / **korabjъ* (см.). На это правильно обратил внимание Махек, отделив вышеназванные обозначения скелета, остова от **korabъ* / **korabjъ*, см. Machek² 276. Соображения лингвистической географии и семантики не позволяют, таким образом, объединять в одном этимоне это серболуж. слово (вероятный праслав. диалектизм) и широко распространенное название корабля, как, напр., это делает

Шустер-Шевц (Schuster-Šewc. Hist.-etymol. Wb. 9, 619—620). ***koračiti**: сербохорв. *koráčiti* 'шагнуть, сделать шаг' (RJA V, 319), *koráčati* 'шагать' (с XVIII в., там же), словен. *koráčiti* 'шагать' (Plet. I, 436), диал. *korěčiti* 'лезть' (Slovarski doneski iz brežiškega okraja 161), русск. *карачить* 'пятить, осаживать задом' (Даль³ II, 225), диал. *карачить*, *карачить*, *корячить* 'толкая, двигать назад; пятить', 'опрокидывать назад', 'искривлять гнуть, ломая' (влад.) (Филин 14, 310).

Глагол на *-iti*, производный от **korakъ* (см.). См. Berneker I, 574; Фасмер II, 322; Skok. Etim. gječn. II, 177. Ср. параллельное **korčiti* (см.).

***korakъ**: сербохорв. *kōrāk* м. р. 'шаг' (с XVI в., RJA V, 320), словен. *korák* м. р. то же (Plet. I, 436).

Связано с **korkъ* (см.) отношением своеобразного псевдополногласия, которое можно датировать праслав. временем, до метатезы **korkъ* > *krak* на ю.-слав. территории. Это явление было распространено шире, ср. наличие соответствий для производного **koračiti* (см.) также в вост.-слав.: русск. *карачить*, *корачить*. Поэтому мнение о том, что сербохорв. *kōrāk* — «только ю.-слав.» (Skok. Etim. gječn. II, 177), неверно. Подобное явление прослеживается на немногих, но вполне достоверных примерах, ср. еще **kolatati*: **koltiti* (см. s. vv.). Своеобразное праслав. ложное полногласие *tort* > *tor-a-t* носило, по-видимому, словообразовательно-семантический характер и было, возможно, одним из ранних (и не получивших развития, а потому давно лексикализованных) средств имперфективации, ср. его наличие в глаголах на *-ati* **koračati*, **kolatati*. Ср. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 381. Для Бернекера отношение **korko-*: **korako-*

представляется «затруднительным», он допускает даже здесь ступени двусложной тяжелой базы и.-е. *qorāq* или *qorōq* в духе Хирта (Berneker I, 572). Но вряд ли нужно так архаизировать это слав. явление.

***когавъ(ъ)**: болг. *кѡрав*, прилаг. 'упорный, неподатливый', 'твердый' (БТР; Дювернуа: *кѡравъ* 'твердый', 'жесткий', 'черствый'), диал. *кѡраф*, -ва (М. Младенов БД III, 91; Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *кѡрав*, прилаг. 'крепкий, твердый' (И-С), также диал. *кѡраф*, -аѡ, -ѡѡ (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), сербохорв. *кѡрав*, прилаг. 'покрытый корой' (RJA V, 322), диал. *кѡрав* 'жесткий, твердый, заскорузлый' (Елез. I), чеш. *koravŭ* 'затвердевший, покрытый коркой', словц. редк. *kŏravŭ* то же (SSJ I, 759), диал. *koravi*, прилаг. 'шероховатый, заскорузлый' (Lipták. Zempl. 384; Czambel 537), др.-русск., русск.-цслав. *кѡравŭй*, прилаг. 'корявый' (Алф.¹, 241 об. XVII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 305), русск. *корявŭй*, -ая, -ое 'искривленный, узловатый, с наростами (о деревьях)', диал. *корявŭй*, -ая, -ое 'шершавый', 'небольшого роста, маленький' (ряз., Филин 14, 309; Деулинский словарь 239), *корявŭй*, *карявŭй* (перм., ряз.) 'заскорузлый, жесткий, сухой (о коже)', 'черствый', 'рябой (от осы)', 'грязный' (смол., брян., пенз.) (Даль³ II, 408; Опыт 80; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 252; Словарь русск. гов. Новосибир. обл. 240; Филин 15, 40—41), укр. диал. *кѡравŭй* 'упрямый, непокорный', 'заскорузлый, покрытый коркой' (Карпатский диалектологический атлас, карта 182), *кѡравŭй* 'упрямый' (В. В. Бабинець. Говірка села Лавки Мукач. рай. Дип. роб. Ужгород, 1954, 153), *кѡравŭй* 'шершавый' (Онышкевич 367), блр. *карявŭ* 'грязный', 'заскорузлый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 412; Матэрыялы для слоўніка 72). — Ср. сюда же производный глагол польск. стар. *korzawieć* 'грубеть, превращаться в корку, кожу' (Warsz. II, 484), блр. *карявець* 'становиться корявым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 636), *карявіцца* то же (там же).

Прилаг. производное с суф. -(a)въ от *kora (см.) См. БЕР 2, 628; Skok. Etim. rječn. II, 151; Machek² 308; Фасмер II, 344.

***корбатъзь**: чеш. *krabatŭ* 'полый, надутый', 'шероховатый, неровный', 'побитый оспой', 'морщинистый' (Kott I, 777), диал. *krabatŭ* 'морщинистый' (Bartoš. Slov. 160; Kašík. Středobečev. 93), блр. *карабаты*, -ая, -ае 'неровный, искривленный, погнутый' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 634), диал. *карабаты* 'неровный, шероховатый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 411). — Ср. сюда же производное блр. *корбаціць* 'коробить, допускать коробиться' (Носов).

Прилаг., производное с суф. -атъ от *korbъ/*korba (см.).

***korbica**: сербохорв. стар., диал. *кѡрбица* ж. р. 'коробочка, ящичек' (РСА X, 387; RJA V, 428), словен. *krabica* ж. р. 'коробка, шкатулка' (Plet. I, 453), чеш. *krabice* ж. р. 'коробка, шкатулка,

ящичек', слвц. разгов., стар. *krabica* ж. р. то же (SSJ I, 760), др.-русск. *коробица* (По сей памяти *Коробица* Некрасовъ запла- тиль. . . 2 гривны денегъ. АХУ II, 236. 1614 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 331), русск.-цслав. *кѣрица* ж. р. 'корзина, короб' (986 г. Рад- зив. лет., 52 об.), 'коробка, ларец для хранения ценностей, свя- щенных реликвий' (Патерик Печ., 56. XV в. ~ XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 401), русск. диал. *корбѣйца* ж. р. 'корзина или короб' (вят., арх., костр., ряз., твер., яросл., волог., сиб.), 'маленькая плетеная коробка' (краснояр.), 'большая продолгова- тая чашка из бересты' (енис.), 'гнутое корытце с крышкой' (приангар.), 'сани с плетеным кузовом' (влад.) (Филин 14, 346; Картотека Печерского областного словаря).

Ум. производное с суф. *-ica* от **korbъ*/**korba* (см.).

**korbiti*: чеш. *krabiti* 'кривить (губы перед плачем)', 'морщить', также диал. *krabit* (Malina. Mistř. 47), *krabit' sa* (валашск., Bar- toš. Slov. 160), русск. *корбѣть* 'кривить, делать неровным, изгибать', 'сводить судорогами, корчить', диал. *корбѣть* 'гнуть, ломать' (иркут.), 'трясти, корчить' (перм., волог.), 'ломать, вызывать болезненное ощущение' (смол., свердл., иркут.) (Фи- лин 14, 345—346), *корбѣть* 'хмуриться' (Картотека Рязанского областного словаря), укр. *корбѣти* 'коробить' (Укр.-рос. словник II, 378).

Глагол на *-iti* (каузатив: 'делать корзинкой, коробкой'), про- изводный от **korbъ*/**korba* (см.). Сомнительно сближение с др.- исл. *herpask* 'судорожно стягиваться, съеживаться, сжиматься' (Berneker I, 569; Фасмер II, 331; там же дополнение). Не менее сомнительные сближения см. Mashek² 288.

**korbul'a*: сербохорв. *кѣбуља* ж. р. 'маска, личина', (диал.) 'кор- зинка' (РСА X, 387—388; RJA V, 428), словен. *krabulja* ж. р. 'куколка личинки' (Plet. I, 453), русск. диал. *корбуля* ж. р. 'корзинка из дранки' (новг., волог., Филин 14, 348).

Производное с суф. *-ul'a* от **korbъ*/**korba* (см.). См. Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 112: serb. . . *krbulja* corbis genus. О суф. *-ul'a* см. еще Słown. prasłowiański I, 110—111.

Обращает на себя внимание близость слав. **korbul'a* и лат. личного собственного имени *Corbulo*, род. п. *-onis*, прозвища, производного от лат. *corbis* 'корзина' с близким суф.

korbъ*/korba*: словен. *kraba* ж. р. 'коробка' (Plet. I, 453), чеш. *krab* м. р. 'полость', 'неровность' (Kott I, 777), диал. *krab* 'мор- щина, складка' (Bartoš. Slov. 160; Kašík. Středobečev. 93; Kubín. Čech. klad. 190; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 81; Lamprecht. Slov. středooprav. 64; Malina. Mistř. 47), сюда же производное *krabuše* ж. р. 'плетеная корзина' (Jungmann II, 157), далее — *krb* м. р. 'очаг', польск. диал. *kroba* 'плетеная коробка' (Sl. gw. р. II, 479), др.-русск. *коробъ* м. р. 'короб, плетеный или выгнутый из луба, драни, сундук или большая корзина' (1155 г. Новг. I лет., 436), 'коробка, шкатулка для хранения ценностей, бумаг'

(Там. кн. I, 161. 1636 г.), 'ящик, ларь' (Там. кн. Тихв. м., № 1483, 13. 1698 г.), 'плетеный кузов для перевозки груза в телеге, на санях; повозка с таким кузовом; воз чего-либо' (Кн. Тул. и Каш. зав., 15. 1647 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 329; Срезневский I, 1288), *Коробъ*, личное имя собств. (1476 г. Летоц. VIII, 182; 1539 г., Писц. IV, 347. Тупиков 254), русск. *кóроб* м. р. 'плетеное или гнутое изделие из луба, бересты и т. п., служащее для укладки, хранения и переноски разных предметов', диал. *кóроб* м. р. 'большая плетеная корзинка на телеге для перевозки грузов; плетеный кузов телеги' (олон., арх., волог., иван., калуж., чкалов., свердл., новосиб., тобол.), 'повозка или сани (часто с плетеным кузовом)' (арх., йсков., рост., перм., урал. и др.), 'ящик на мельнице, из которого зерно сыплется в жернов' (новг.), 'железная обивка голландской печи' (куйб.), 'куча, ворох чего-либо' (твер.) (Филин 14, 344, там же другие значения; Опыт 90; Даль³ II, 422—423; *его свело коробом* 'скорчило, согнуло'), *корбба* ж. р. 'коробка из липовой коры' (Слов. Ак. 1913, см. Филин 14, 344), *кóробъ* ж. р. 'большая плетеная из прутьев корзина' (новосиб., Филин 14, 349), укр. *кóроб* м. р. 'род корзины, ящика из луба или прутьев' (Гринченко II, 285), диал. *кóраб*, *кóроп* м. р. 'посудина из липовой коры, в которую складывают соты с медом, добытым в лесу из ульев-душлянок', 'ящик, кузов на возу' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), блр. *кóраб* м. р. 'короб, плетеная посуда, коробка' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713—714), также диал. *кóраб*, *кóрап* м. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503), *кóроб* м. р. 'сплетенная из лозы и соломы коробка для сева вручную', 'сплетенная из липовой коры посудина больших размеров для ссыпания зерна' (З народнага слоўніка 191), *карбба* ж. р. 'большой короб' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 420).

Более старое мнение о заимствовании слав. слова из лат. *corbis* 'корзина' прямо или через посредство др.-в.-нем. *korb* 'корзина' (которое в свою очередь заимствовано из лат.) постепенно уступает место концепции исконного слав. происхождения **korbъ*/**korba* и родства с лат. названием. См. Miklosich 130; Verneker I, 568—569 («Общеслав. заимствование. . . Что слав. **korbyji*, **korbo-*. . . исконнородственно лат. *corbis*. . . , хотя и возможно фонетически, все же не совсем вероятно»); Brücker 267; Фасмер II, 331 (допускает родство с лат. *corbis*, а также лит. *kařbas*, лтш. *kařba* в близких значениях, не видя фонетич. оснований для этимологии из лат. через герм., ср., к тому же, приводимое им мнение Брюкнера, что «все названия плетеных сосудов в слав. языках исконны»); Sławski III, 113.

Имеются, однако, фонетические аргументы, подтверждающие самостоятельность и исконность слав. слова. Это не только местами выступающие остатки форм на *z*-подвижное, напр. сербохорв. *škrabica*, ст.-чеш. *škraboška*, отражающие также формы ис-

ходного древнего глагола (см. о нем ниже), см. J. Otrębski. — Die Sprache XII, 1966, 58. Это также еще важная особенность акцентуации, для которой мы знаем аналогии только в исконном слав. лексическом материале, а именно — наличие в русск. (и других вост.-слав. языках) лексикализованных и поэтому старых вариантов ударения *кѣроб* м. р. и *корбба* ж. р., очень напоминающих отношение *вѣрон* и *ворбна*. Соответственно этим последним мы, видимо, имеем право говорить о праформе **korbo-* производной от нее форме с продлением корневого вокализма **korbā*. Эта черта, не привлекая к себе должного внимания, может, наверное, быть использована для изучения древней истории слав. слова и его связей с балт. соответствиями. Буга говорит о родстве праслав. **korbъ* и лит. *karbas* 'короб' (РФВ LXVII, 1912, 241—242), см. еще Trautmann BSW 117—118 (который отмечает, между прочим, «Intonationswechsel» русск. *кѣроб* и блр. *корбба*, но не исключает при этом заимствования как балт., так и слав. слов из лат.); Fraenkel I, 220 (балт. формы объясняются как заимствования из слав.); J. Otrębski, там же (балт. слова происходят из слав.).

Слав. происхождение этих балт. названий делается особенно понятным, если учесть наличие в балт. совершенно особого слова — лит. *krėpšys* 'торба, корзинка', которое тесно связано с герм. **hrepiz*, **hrepaz* 'корзина' (др.-исл. *hrip*, др.-в.-нем. *ref*, см. о них Falk—Torp. Wortschatz der germanischen Spracheinheit 103), см. Fraenkel I, 294.

В основе всех этих названий корзины лежит и.-е. глагольная основа *(s)*krbh-* 'крутить, скручивать, скрючивать, изгибать', откуда греч. *κάρφω* 'скрючивать, съеживать, сушить', др.-исл. *skorpnā* 'морщить', лтш. *skurbināt* 'закружить до головокружения', *skurbtīēs* 'крутиться' (см. Pokorny I, 948—949, s. v. (s)*krēb(h)-*).

Различными исследованиями по истории реалий и по этимологии слов показана универсальная применимость плетенки, плетения. На последующих этапах развития культуры, мышления и языка (лексике) имели место естественные сдвиги, которые приходится вскрывать. Таково чеш. *krb* 'очаг', также восходящее к праслав. **korbъ* 'корзина', ср. русск. диал. *кѣроб* 'железная обивка голландской печи' (выше). На диахроническое тождество праслав. **korbъ* и чеш. *krb* давно обращено внимание, см. Verneker I, 569; Фасмер, там же (вслед за Брюкнером).² Поэтому неверен изолирующий, статический подход к чеш. *krb* и его значению и попытка особой этимологизации в связи с греч. *κρίβανος*, *χρίβανος* 'крышка, колпак, которыми прикрывали пищу на очаге' (Machek² 290—291).

Из литературы см. еще Walde—Hofm. I, 272—273; Kluge²⁰ 394. **korbъka*/**korbъkъ*: чеш. *krabka* ж. р. 'коробка' (Kott I, 777), ст.-польск. *króbka* 'вид лубяной или плетеной корзинки' (Sł. stpol. III, 393), *krobka* 'коробка', 'баночка', 'шкатулка' (Sł. polszcz.

XVI в., XI, 193), польск. *krobka*, стар. *króbkka* ж. р. 'корзинка, короб', (диал.) 'кузов из луба', 'судно на Вилии для перевозки конопля' (Warsz. II, 555; Sł. gw. р. II, 479), др.-русск. *коробка* ж. р. 'небольшой короб, коробка, сундучок, плетеный или гнутый из луба, драни' (Ревел. а. I, 58. XVI в.), 'ларец, шкатулка для хранения ценностей, бумаг и т. п.' (Дух. и дог. гр., 16, ок. 1358 г.) (СлРЯ XI—XVII в. 7, 331; Срезневский I, 1288), русск. *корóбка* ж. р. 'небольшой ящичек из картона, дерева, жести и т. п., преимущественно с крышкой', диал. *корóбка* ж. р. 'корзина' (арх.), 'плетеная из соломы большая сумка-кошель' (курск.), 'ящик с крышкой из дранок и прутьев' (арх., сиб.), 'сундук, сделанный из согнутых гибких досок, луба' (яроsl., волог., новг., твер., влад., костр., моск.), 'повозка' (арх.) (Филин 14, 347), *коробóк*, род. п. -*бкá*, м. р. 'корзина или короб' (яроsl., мурман., арх.), 'маленькая плетеная коробка' (волог., пск., курск.), 'плетеный из прутьев кузов повозки' (арх., вят., яроsl., сарат., перм., свердл., новосиб., том., краснояр.) (Филин 14, 348), укр. *корóбка* ж. р. 'род корзины из липового луба или дерева' (Гринченко II, 285), диал. *корóбка*, *корóпка* ж. р. 'рама дверей, окон' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), блр. *карóбка* ж. р. 'короб', диал. *карóбка*, *карóпка* 'корзина', 'кузов' (и ряд других значений, Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421; Матэрыялы для дыялектага слоўніка Гомельшчыны 214; Народнае слова 68), *Карóбка*, *Карóбкин*, фам. (XVI—XVIII вв.: *коробка*. Бірыла 186), *карабóк* м. р. 'коробка из соломы, луба' (Матэрыялы для слоўніка 139).

Ум. производное с суф. *-ька/-ькъ* от **korbъ/*korba* (см.).

**korbyja/*korbyji*: ст.-слав. *кѣрѣи* ж. р. *θίχη*, *κιβωτός*, *argula*, *argca* 'ларец, корзинка' (As., Supr., Vost., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., редк. *krabija* ж. р. (RJA V, 428: только в словаре Стулли — 'argca, sarpa'), ст.-польск. *krobia* ж. р. 'вид (небольшой) лубяной или плетеной корзины, короба' (Sł. stpol. III, 387; Sł. polszcz. XVI в., XI, 193), польск. *krobia* 'корзинка, коробка' (Warsz. II, 555), др.-русск. *коробья* ж. р. 'короб, плетеный или выгнутый из луба, драни' (1228 г. Новг. I лет., 225. Срезневский I, 1289; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 332—333), русск. диал. *кóробья* ж. р. 'сундук или ящик из гнутого луба для хранения одежды' (сиб., урал., тамб., ворон., ряз., курск., калуж. и др., Филин 14, 349; Словарь говоров Подмосковья 219), *коробей* ж. р. 'короб' (юж.-сиб., енис., Филин 14, 345), *коробьйка* (Даль, Филин 14, 347), блр. диал. *коробэй* м. р. 'высокая коробка, плетеная из соломы и лозы, для ссыпания зерна' (З народнага слоўніка 192).

Производное с суф. *-ьji/-ья* от **korbъ* (см.); продолжает более древнюю форму на *-i*, образующую производные ж. р. от мужских основ на *-o* или на *-i*. Немногочисленность и архаизм образованной этой модели свидетельствует, со своей стороны, о вероятной исконности слов **korbyji*, а также **korbъ*. Однако едва ли верно

утверждать, что **korbъji* было единственной древней формой ж. р., противопоставленной форме м. р. — праслав. **korbъ*, как можно понять Махека (см. Machek² 288). Другой древней формой ж. р., более органически связанной с основой м. р. на -о-, было праслав. **korba* (см. подробнее **korbъ*/**korba*, выше). Близость праслав. **korbъji* и лит. *karbija* 'корзинка' может быть истолкована неоднозначно (Słown. prasłowiański I, 84: «dokładne odpowiedniki»), если иметь в виду веские мнения о слав. происхождении балт. слов (подробнее см. **korbъ*/**korba*)..

**korča*: сербохорв. диал. *krāča* ж. р. 'нижняя часть бедра, ляжка' (хорв., РСА X, 446; RJA V, 428), словен. *krāča* ж. р. 'ляжка, свиной окорок (копченый)' (Plet. I, 453).

Производное с суф. -ja от **korkъ*/**korka* (см.) или соотносительное с глаголом **korčiti* (см.)?

**korčajъ*: болг. *kráčol* м. р. 'штанина' (РБЕ; Геров: *kráčol*), в.-луж. *krócel* ж. р. 'шаг как мера длины' (Pfuhl 290), ст.-польск. *kroczej* 'шаг' (сер. XV в., Sł. stpol. III, 387), польск. диал. *kroczej* 'шаг' (Warsz. II, 555; Sł. gw. р. II, 479).

Производное с суф. -ějъ от глагола **korčiti* (см.). Предполагается что и болг. *kráčol* (вар. *kráčul*) является преобразованием древнего **korčajъ* > **крачай* > **крачел(ь)* > (лабиализация) *крачол*, *крачул*, а не образованием с суф. -ул, как см. БЕР 2, 726. Ср. и в.-луж. *krócel* (выше), которое едва ли обязательно объяснять как образование с суф. -el < **ělb* (так см. Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 675). О праслав. модели на -ějъ, -(j)ajъ см. Vaillant. Gramm. comparée IV, 527—528; Słown. prasłowiański I, 86—87. См. еще Brückner 268; Sławski III, 44 (там же специально о старом варианте ст.-польск. *kroczej*); М. Basaj, J. Siatkowski «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 8, 6—7.

**korčiti*: болг. *krāča* 'шагать' (РБЕ; Геров: *kráčjъ* 'разводить ноги, корячиться'), диал. *krāča* 'идти, шагать', 'перешагивать' (Хитов БД IX, 270), сербохорв. *krāčiti* 'шагать' (RJA V, 429) в.-луж. *krōčić* 'шагать' (Pfuhl 290), *krāčić* 'шагать, мерять шагами' (Pfuhl 281), ст.-польск. *kroczyć* 'шагать, ступать, идти' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 196), польск. *kroczyć* 'шагать', 'медленно идти' (Warsz. II, 556), также диал. (Sł. gw. р. II, 479), словин. *krāčič* 'передвигаться шаг за шагом, медленно' (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 495), *krōčec* (Sychta II, 255).

Глагол на -iti, производный от **korkъ* (см.). Объяснение из и.-е.

**(s)ker-* 'сгибать, крутить' см. Р. М. Козлова. — Этимология. 1982 (1984).

**korčipъ*: болг. диал. *kráčip* м. р. 'большая нога, ножища', также в качестве личного имени собств. *Kračipъ*, *kráčipъ* 'народный праздник летнего или зимнего солнцеворота: в одних местах — 8—21 июня, а в других — сочельник, канун рождества' (Георгиев БЕР), сербохорв. диал. (вост.) *Kračip* м. р., личное имя собств. (RJA V, 429), стар., диал. *krāčip* м. р. 'засов, втулка' (там же),

также *kraciъ* (М. Tentor JФV, 1925—1926, 208), слов. *kraciъ* м. р. 'рождество' (цит. по Mashek¹ 231), др.-русск. *Корочунъ*, *Корочунъ* м. р. 'пост перед рождеством' (1143 г. Новг. I лет., 134. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 344; Срезневский I, 1291), русск. *карачун* м. р. 'солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день' (Даль² II, 91), диал. *карачун* м. р. 'святочный обряд, коляда' (орл., Филин 13, 75), *карачун* 'предрождественский пост' (там же), *карачун* м. р. 'внезапная, неожиданная смерть' (перм., сиб., тул, костр., тамб., ряз., каз., яросл., твер., влад., волог. Там же), *карачун* 'злой дух, черт, демон' (калуж., симб. Там же), *карачун* 'ребенок, который ползает' (влад. Там же).

Столь различные значения кажутся непримиримыми и будто бы принадлежащими словам-омонимам лишь на первый взгляд, при внимательном рассмотрении они выстраиваются в один эволюционный ряд: 'шагающий' (см. выше — 'большая нога', 'ребенок, который ползает'), 'смерть — уход', 'переход солнца на лето или на зиму'. У данного слова (мы настаиваем на том, что перед нами о д н о слово) — явно отглагольная семантика, и мы вправе видеть в нем производное от глагола с емким значением, а именно — от **korčiti* (см.) с суф. *-unъ*. Широкий семантический веер слав. соответствий наилучшим образом свидетельствует об исконном характере слова. Будучи семантически многоярусным, слово **korčunъ* лишь верхним слоем своего значения и употребления вошло в сферу религиозного, и только эта часть значения (причем неполностью — только о з и м н е м с о л н ц е в о р о т е) была вторично освоена христианством. Из этого следует вторичность значений, связанных с рождеством (в том числе — таких вторичных конкретных значений как 'рождественское бревно, полено, сжигаемое в сочельник' в смежной и сопоставляемой лексике в условиях Балкан, что имеет самое прямое отношение к суждениям о приемлемости тех или иных этимологий, см. ниже). Словообразовательная модель на *-unъ* характеризуется народностью и исконностью образования, хотя в числе ее производных есть и образования высокого социального, культового ранга, ср. прежде всего **perunъ* (см.). Странно поэтому читать утверждения, что суф. *-unъ* — это по большей части заимствованный формант, вызванный к жизни иноязычными образцами вроде роман. (лат.) *-ōn-* (так см. Vaillant. Gramm. comparée IV, 626).

Этимология от **korčiti* 'шагать', принимаемая нами, была высказана в литературе уже давно рядом авторов, см. сведения: Фасмер II, 336 (автор тоже присоединяется к их числу); ср. еще: R. Jakobson.—Word 11, 1955, 611 (с указанием на зап.-слав. мифологические имена *Krok*, *Krak*). Из вышеизложенного следует, что происхождение **korčunъ* < **korčiti* не укладывается в схему калки с лат. *adventus* 'приход, пришествие' из области христианской терминологии (мысль Веселовского, см. Фасмер, там же). Другая исконнослав. этимология, скажем, — от **kortiti* (см.)

‘сокращать’, **korъкъ* (так см. Miklosich 130) учитывает лишь часть значений **korčunъ* и даже скорее — их переносные употребления (‘внезапная смерть’), а не всю совокупность, кроме того, фонетически уязвима, поскольку *tj* в ю.-слав. — сербохорв. и болг. — не могло дать *č*; см. Фасмер, там же.

Прочие этимологии слав. **korčunъ*, отклоняемые нами, трактуют это слово как заимствование. Не может считаться по многим соображениям источником слав. слова рум. *crăciun* ‘рождество’ < лат. *calationem* ‘воззвание, оглашение’ (Berneker I, 604). Рум. слово, по мнению многих исследователей, само заимствовано из слав. (болг.), см. БЕР 2, 726; Skok. Etim. gječn. II, 175. Связь народного и поэтому языческого слав. слова с христианством вторична и поверхностна, и это решает отрицательно судьбу этимологий от лат. названий разных постов, напр. от лат. *Christi jejūnium* ‘христов пост’ (Шухардт у Бернекера, там же); от весьма условно реконструированного **quartum jejūnium* ‘большой, четвертый пост’ (A. Vaillant. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор 24, 1958, 72 и сл.). Этимология Ягича и Денсушиану от лат. *creationem* ‘создание, сотворение’ предположительно через рум. *crăciun* (см. Фасмер II, 336) неприемлема в плане теологии, так как отвлеченное существительное *creatio* не употреблялось применительно к рождеству христову, а также невозможна лингвистически, см. Skok, там же.

Имеется еще алб. версия происхождения слав. **korčunъ* — якобы через рум. посредство из алб. *kërcun, kërci* ‘пень’ (т. е. ‘рождественское полено’), см. Чабей и некоторые другие авторы, цитируемые в БЕР 2, 726—727, но «это неубедительно, так как алб. влияние в церковной терминологии не засвидетельствовано», см. БЕР, там же. Не убеждают нас в этом и новейшие исследования, см. E. Çabej. Studjime gjuhë etimologjish së gjuhës shqipë. XII. — Studime filologjike 1 (Tiranë, 1964), 61, 91; А. В. Десницкая ВЯ 1978, № 2, 48—49. Из древнего значения **korčunъ* ‘нечто кривое, изогнутое’ исходит Р. М. Козлова. — Этимология. 1982 (1984).

korda*/krada*?: -ст.-слав. *krada* ж. р. *πυρά, rogus, κάμινος* (Mikl.), словен. *kráda* ж. р. ‘поленница, костер’ (Plet. I, 453), ст.-чеш. *krada* ж. р. ‘Feuerzeug, Leuchte’ (Gebauer II, 122), польск. диал. *króda* ‘копна, укладка снопов в поле’ (Kusała 112), русск.-цслав. *krada* ж. р. ‘костер; устройство для разведения и поддержания огня’ (Изб. Св. 1073 г., 60), ‘жертвенник, алтарь’ (Ио. екс. Бог., 237. XII в.), *krada* ‘огненная σφαίρα πυρός ‘молния’ (Хрон. И. Малалы, I, 7. XV в. ~ XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 5); Срезневский I, 1310—1311), укр. диал. *кброда* ‘поленница’ (I. В. Сабадош. Лексика лісосплаву українських говорів району Карпат. — Мовознавство 1974, № 3, 68).

Изучение этого слова имеет свою историю. В Повести временных лет форма *krada* в известном примере (. . . и по сем творяху *kradu*

велику. . .) встречается наряду с вариантным чтением *кладу*. Оба слова настолько близки, причем наиболее понятно, конечно, *клада* (см. *kolda), что можно, казалось бы, счесть это последнее самым надежным чтением. Однако это как раз такой случай, когда мы имеем дело (вернее, уже переписчики Повести имели дело) с забываемым, забытым особым словом. См. в общем правильно уже А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. — Сб. ОРЯС XLIX, 1891, 132 (правда, дальнейшее его сближение слав. слова с др.-инд. *śraddhā* 'священная жертва в честь мертвых', конечно, неверно и устарело). Какую праслав. форму имело это слово? — На этот вопрос ответить нелегко. Оно встречается в сочинениях, преимущественно церковно-славянских по языку (см. выше), в составе Повести временных лет оно тоже могло оказаться цслав. элементом; словен. и ст.-чеш. формы, которыми до недавнего времени исчерпывались инослав. соответствия нашего слова, двусмысленны, ибо могут отражать как результат метатезы плавных в праслав. *korda, так и прямо продолжать праслав. *krada. Критика склонилась ко второму, особенно после того, как фигурировавшее ранее вост.-слав. соответствие на *tort* — укр. *корба* 'сильно сучковатое дерево' (Miklosich 137: *корода* 'низкий пенё', ср. *kolda*) было отведено как зачеродное, см. Berneker I, 605 — против Торбьёрнссона по семантическим мотивам (указанное укр. *скорода* более удачно было затем истолковано из *skorda 'дерево-борона', см. В. А. Меркулова. — Этимология. 1973. М., 1975, 55). Но уже как следствие этой критики и отбора у Бернекера, напр., представлена только заглавная (праслав.) форма *krada*. Решающую роль здесь, конечно, сыграла этимология Ван-Вейка, который сблизил ст.-слав. *кѣда* со ср.-в.-нем. *rāz, rāze* 'костер < прагерм. *hrēta-. Отсюда следует, что слав. слово вместе с герм. продолжает и.-е. *krēdo-, *krēdā (слав. *krada — специально вариант *krōdā), см. N. van. Wijk.—IF XXVIII, 121 и сл.; Berneker, там же. Это толкование устойчиво держится в литературе, см. Bezlaj. Jezikovne priče 154; ср. еще Machek² 183 (с добавлением: «Výgaz asi «praevropský»).

Этимология эта, действительно, безукоризненна фонетически и семантически, и можно было бы этим удовольствоваться вполне, но в последующее время начали вновь появляться веские данные о реальном существовании по крайней мере варианта — праслав. *korda: это — польск. диал. *króda* 'укладка снопов в поле', сравнение которого со ст.-слав., словен. и чеш. примерами дает как будто реконструкцию праслав. *korda, см. Ślawski III, 152 (автор только напрасно при этом включает в число родственных форм обратно укр. *корба* 'сильно сучковатое дерево', см. о нем у нас ниже). Другая действительно родственная укр. диал. форма, ранее неизвестная исследованию, — *кброда* (NB: ударение, свидетельствующее скорее о праслав. *koroda, а не *kórda, как

у Славского, выше) 'п о л е н н и ц а', очень близкое и фонетически, и семантически. Вариант (или единственная праслав. реконструкция?) **korda* допускает повторное рассмотрение старого сближения Маценауэра с нем. *Herd* 'очаг', первоначально также 'кладь дров, костер' (см. о нем отрицательно в словарях Бернекера, Фасмера). И все-таки не следует до конца отбрасывать идею возможной древней вариантности и.-е. **krēd-/ker-* (явление, возможное для корней с плавными) тем более, что и в одном, и в другом случае значения очень близки: речь идет об очаге, огне, костре, вернее первоначально — об укладке дров, видимо — об особой укладке (возможно, крест-накрест, решеткой). Существующие толкования нем. *Herd* (Kluge²⁰ 304—305; Трубачев. Ремесленная терминология 203), по-видимому, нуждаются в пересмотре.

**korditi sę*: польск. диал. *kródzić* 'укорачивать, сокращать' (Warsz. II, 566), укр. *кородітися* 'жаловаться на боль' (Гринченко II, 286), блр. *карадзіцца* 'симулировать корчи' (Байкоў—Некрап. 142), диал. *карбдзіцца* 'капризничать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421).

По-видимому, звонкий вариант к **kortiti* (см.), правда, древность явления неясна. Ср. Sławski III, 152, который без достаточных оснований отделяет укр. и блр. слова. Ср. довольно подробно о **korditi sę* и о соотносительном **kordъkъjъ* — укр. диал. *кородкий* (на ноги): В. А. Меркулова. — Этимология. 1973 (М., 1975), 56.

korenastъjъ*/korenatъjъ*: сербохорв. *kōrenast*, иекав. *kōr(j)enast*; -а, -о 'имеющий очень развитый корень' (РСА X, 249—250; RJA V, 342), *kōrjenast* (XVIII в., RJA V, 344), словен. *kořenast*, прилаг. 'похожий на корень', 'крепкий', 'имеющий развитый корень' (Plet. I, 437), *korenat* (Plet. I, 438), чеш. *kořenatý* 'имеющий обильные корни', 'крепкий, сдобренный кореньями' (Kott I, 752), слвц. *korenatý* 'имеющий корни' (Kálal 258), в.-луж. *korjenjaty*, -а, -е 'имеющий сильные (обильные) корни' (Pfuhl 274), н.-луж. *kōřeňaty* (Muka Sl. I, 677), польск. диал. *korzeniasty* 'богатый корнями' (Warsz. II, 484; Sl. gw. р. II, 437), русск. *коренáстый* 'дебелый, плотный, здоровый и сильный, а притом не слишком рослый' (Даль³ II, 414), 'с большими, крепкими корнями (о дереве)' (Ушаков), диал. *коренáтый*, -ая, -ое 'коренастый, плечистый' (Элиасов 164), укр. *коренáстий*, *коренáтій*, -а, -е 'коренастый' (Гринченко II, 283).

Первоначально прилаг. с суф. -атъ (вторичный вариант — с усиленным -астъ), производное от основы **koren-* (см. **koreнь*).

**koreněti*: словен. *koreněti* 'корениться' (Plet. I, 438), чеш. *kořeněti* 'пускать корни' (Jungmann II, 130), в.-луж. *korjenjeć* то же (Pfuhl 274), русск. *коренěть* 'корениться, укрепляться' (Даль³ II, 416).

Глагол на *-ěti*, производный от **koreň* (см.). Ср. еще **koreniti se* (см.).

korenica*/korenika*: сербохорв. диал. *корѣница*, иекав. *корјѣница* ж. р. 'стебель, ствол', 'корешок, саженец', название некоторых растений (РСА X, 252; RJA V, 342) *корѣника*, иекав. *корјѣника* м. и ж. р. 'порядочный, благородный человек', 'род' (РСА X, 250), диал. *korenika* 'корень' (RJA V, 343), *корјеника* 'капустная кочерыжка' (Mić. 15), словен. *korenika* ж. р. 'корень', 'корневая часть' (Plet. I, 438; Kastelec), чеш. *kořenice* ж. р. 'корневое дерево', словц. *korenica* (Kálal 258), в.-луж. *korjenica* ж. р. 'Gewürzmühle' (Pfuhl 274), польск. диал. *korzenica* ж. р. 'пырей' (Warsz. II, 484; Sł. gw. р. II, 437), словин. *kořenica* ж. р. 'пырей *Triticum repens*' (Syhta II, 210), *kořenica* (Ramult 76), *k*ořenica* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 418), русск. *корѣница* ж. р. 'сплетенная из древесных корней чашка, коробка и т. п.', 'ящерица' (моск., Филин 14, 317; Словарь говоров Подмосковья 217), *корѣница* 'корзинка из корней' (арх., Картотека СТЭ).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **koreň* (см.).

**korenistъjъ*: болг. *корѣнѣст*, -а, -о, прилаг. 'имеющий глубокие и разветвленные корни' (РБЕ), словц. *korenistý*, прилаг. 'пряный' (SSJ I, 747), ст.-польск. *korzenisty* 'коренной, знатный' (Sł. stpol. III, 350; Sł. polszcz. XVI w., X, 663), польск. *korzenisty* 'имеющий сильные корни; коренной' (Warsz. II, 484), русск. диал. *корѣнѣстѣй*, -ая, -оѣ 'имеющий сильные корни (о дереве)' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 247; Филин 14, 316—317), укр. *корѣнѣстѣй*, -а, -е 'с крепким и большим корнем' (Гринченко II, 284), блр. *карѣнѣсты* 'изобилующий корнями' (Блр.-русс.).

Прилаг., производное с суф. *-istъ* от **koreň* (см.). Ср. **korenitъ* (см.), если рассматривать суф. *-istъ* как расширение первоначального *-itъ*.

**korenišče*: болг. *корѣнище* ср. р. 'корень, подземная часть стебля растения' (БТР; Геров: ув. от *корень*), также диал. *корѣниште* (с. Попица, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *корѣн'ишче* (Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *корѣниште* ср. р., увеличит. от *корен* (Кон.), словен. *korenišče* ср. р. 'место, где был корень' (Plet. I, 438), *korenjšče* 'участок, на котором был собран урожай моркови' (Plet. I, 438), чеш. диал. *kořenisko* ср. р., увеличит. от *kořen*, в.-луж. *korjenisko* ср. р. то же (Pfuhl 274), словин. *kořenišče* ср. р. 'корни' (Syhta VII, 129. Supl.), укр. *корѣнище* ср. р., ув. от *корѣнь* (Гринченко II, 284), блр. *карѣнишча* ср. р. 'корневище' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 653).

Производное с суф. *-išče* от **koreň* (см.).

**koreniti (se)*: цслав. *корѣнити fascinare* (Mikl.), болг. *корѣня се* 'корѣниться' (БТР), *корѣня* (Младенов БТР), редк. *корѣня* 'сажать' (РБЕ), *корѣнѣж* 'корчевать, вырывать, выдергивать из земли с корнем' (Геров), диал. *корѣня* 'вырывать с корнем' (Реч-

ник РОДД), макед. *корени се* 'корениться' (И-С), сербохорв. *корѣнити се, коријѣнити се* 'укореняться, пускать корни' (РСА X, 251), *корѣнити, коријѣнити* 'искоренять' (там же), *коријѣнити* 'пускать корень' (с XVI в., RJA V, 330), словен. *koreniti se* 'укореняться' (Plet. I, 438), чеш. *kořeniti (se)* 'корениться, пускать корни' (Kott I, 753), словц. *korenit'* то же (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenić* 'корениться, пускать корни' (Pfuhl 274), н.-луж. *kófeniś* 'приправлять', *kófeniś se* 'укореняться' (Muka Sł. I, 677), ст.-польск. *korzenić się* 'пускать корни' (Sł. str. III, 350), польск. редк. *korzenić* 'рассаживать, насаждать', *korzenić się* 'пускать корни' (Warsz. II, 484), диал. *korzenić* 'приправлять кореньями' (Sł. gw. р. II, 437), словин. *kořēñić sq* 'пускать корни' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 467), *kořeñić sq* (Ramuht 76), *k*ořeñić sq* (Lorentz Romog. I, 418), др.-русс., русск.-цслав. *коренити* 'искоренять, истреблять' (Евфр. Огразит. пис., 6. 1691 г.), 'губить, портить' (Каз. лет., 23. XVII в. ~ XVI в.), *коренитися* 'укореняться, корениться' (Док. нем. шк., 53.1705 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308), русск. *коренѣться* 'пускать корни в землю', 'иметь корень', диал. *коренѣть* 'корчевать деревья и пни' (вят., краснойр.), 'готовить землю под пашню' (краснояр.), 'искоренять, изводить, губить' (олон.) (Филин 14, 317), укр. *коренѣти* 'укоренять' (Гринченко II, 283), *коренѣтися* 'укореняться' (там же), блр. *коренѣцца* 'пускать корни,' 'искореняться' (Носов.), диал. *каранѣцца* 'разрастаться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 45).

Глагол на *-iti*, производный от **koreнь* (см.).

**korenitъ*: макед. *коренит*, прилаг. 'коренной, существенный' (И-С), сербохорв. *корѣнит, кѣренит, корјѣнит, кѣрјенит, -а, -о* 'коренной', 'крепкий', 'давний', 'корневой' (РСА X, 250—251; RJA V, 343: с XVII в.), *Korjēnita, Korenita* ж. р., местн. название (в Боснии, Сербии, RJA V, 343), словен. *korenit*, прилаг. 'корневой', 'коренной', 'крепкий' (Plet. I, 438), чеш. *kořenitý*, прилаг. 'крепкий, коренной', 'пряный', словц. *korenitý* 'пряный' (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenity, -а, -е* 'пряный' (Pfuhl 274), н.-луж. *kófenity, -а, -е* то же (Muka Sł. I, 677). — Ср. сюда же суффиксальное производное цслав. *коренитъць* м. р. μαγος, magus 'маг; волхв, знахарь, колдун' (Mikl.; SJS; Срезневский I, 1286; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308; Кормч. XIII в.).

Прилаг., производное с суф. *-itъ* от **koreнь* (см.).

**coreнь*: ст.-слав. *корена* м. р. ρίζα, radix 'корень' (Euch., Cloz., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кѣрен* м. р. 'корень' (РБЕ; Младенов БТР; Геров: *кѣрень*), диал. *кѣрен* м. р. 'корень', 'род, происхождение' (М. Младенов БД III, 92; Т. Бояджиив. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кѣрен'* (Шапкарев—Близнев БД III, 234; Журавлев. Криничное 145), макед. *корен* м. р. 'корень' (И-С), сербохорв. *кѣрен, иекав. кѣријен* м. р. 'корень', (диал.) 'стебель' (РСА X, 246—249; RJA V, 327—330), словен. *kořen* м. р. 'корень', также *kōren* (Plet. I, 437), чеш. *kořen* м. р.

‘корень’, словц. *koreň* м. р. то же (SSJ I, 746—747), диал. *koren* ‘ножка гриба’ (Matejčík. Novohrad. 91), в.-луж. *korjeň* м. р. ‘корень’ (Pfuhl 274), н.-луж. *kóřeň* м. р. (Muka Sl. I, 676), полаб. *t’örin* м. р. ‘корень’ (Polański—Sehnert 155, с реконструкцией **korenъ*), ст.-польск. *korzeň* ‘корень’ (St. stpol. III, 351—352), польск. *korzeń* м. р. ‘корень’ (Warsz. II, 485), диал. *kořaň* м. р. (Sychta. Słown. kosciewskie II, 82), словин. *kořeň* м. р. ‘корень’, ‘род, происхождение’ (Sychta II, 210), *kōřeň* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *k’ōřeň* (Lorentz Pomor. I, 418), *kořeň* (Ramuš 76), др.-русск., русск.-цслав. *корень* м. р. ‘корень (растения)’ (Ж. Феод. Студ. Выг. сб., 192. XII в.; 1485 г. Псков. лет., II, 67), ‘источник, исток, начало’ (Изб. Св. 1076 г., 440), (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 309—310), также *кора* (Лук. III. 9. Остр. ев.; Панд. Ант. XIV в.; Пал. XIV в.; Мин. 1097 г. 89; Псков. I лет. под 1471 г. Срезневский I, 1293—1294), русск. *кóрень*, род. п. -*ря*, м. р. ‘не имеющая листьев часть растения, с помощью которой оно укрепляется в почве, поглощает воду, всасывает почвенные соки’, также диал. *кóрень* (Филин 14, 322—323, там же — в значениях ‘кочерыжка’ (твер.), ‘исток реки’ (арх.), ‘родина, родные места’ (тамб., курск.)), ‘ножка гриба’ (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), *кóрен* м. р. ‘корень’ (смол., донск., Филин 14, 315), ст.-укр. *корень* м. р. ‘род’ (1401 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *кóринь* м. р. ‘корень’ (Гринченко II, 284), ст.-блр. *корень* ‘корень’, ‘начало, основа’ (Скарына 1, 277), блр. *кóрань* м. р. ‘корень’, также диал. *кóрань*, *карэнь* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429, 503), *кóрань* ‘улей-колода’ (там же).

Этимологически трудное слово, анализ которого сопряжен с решением ряда проблем. Существующие этимологии, в общем приемлемые, своей немногословностью и схематичностью недостаточно проясняют древние судьбы слова, отдельные удачные наблюдения прежних исследователей не получили развития и оказались забытыми. Вместе с тем анализ слова **korenъ* — хороший пример использования возможностей внутренней слав. реконструкции в сочетании с данными внешнего родства.

Собственно говоря, исследование слова **korenъ* не продвинулось со времени этимологии Фортунатова, предложившего более ста лет тому назад сближение с лит. *kerėti* ‘пускать корни’ см. Ph. Fortunatov BB III, 1879, 57; Miklosich 426; Berneker I, 570; Trautmann BSW 127; Фасмер II, 325; Sławski II, 510; Machek² 279; Fraenkel I, 241: s. v. *kēras* ‘ствол, пень, стебель’ (далее — *kerėti* ‘разрастаться’, лтш. *cers* ‘куст’, др.-прусск. *kirno* ‘куст’). Хотя описанные связи могут сойти за балто-слав. лексическую общность, их характер требует уточнений. Обращает на себя внимание тот факт, что балт. соответствия практически не обнаруживают значения ‘корень’ (корень обозначается в балт. языках особым древним словом: лит. *šaknis*, лтш. *sakne, saknis*); балто-слав.

реконструкция **kerā-* 'к о р е н ь, куст' у Траутмана (там же) представляет собой не очень точное обобщение, неточностью вызвано значение 'корень', приписываемое лит. *kėras* у Фасмера (там же), как, впрочем, и значение 'пускать корни' у лит. *kerėti* в фортунатовской этимологии, поскольку это слово значит 'разрастаться вширь, пускать ветки', как раз о надземной части дерева, куста, а не о корне. Небезынтересны сведения по типологии называния (мотивации названий) корня, собранные, напр., в словаре Бака, см. С. D. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indoeuropean languages 522—523, где имеются примеры развития значения 'корень' прежде всего — из значения 'расти, растение' (греч., лат., герм.), далее — из значения 'ветвь' и описательных 'рот, то, чем пьет дерево'. Между прочим, там нет ни одного случая развития значения 'корень' < 'резать' (нам также такие примеры неизвестны), что сообщает гипотетичность и недоказанность попытке толкования **korenъ* из и.-е. *(s)*ker-* 'резать' (см. такое толкование: Роконгу I, 573; Fraenkel I, 241, вслед за Егерсом), несмотря на всю, казалось бы, очевидность и реальность контекста 'корень' + 'драть, рвать'. Целесообразно поэтому впредь воздержаться от допущений родства **korenъ* и продолжений и.-е. *(s)*ker-*, в частности **kora* (см.), по причине вторичного характера их сближения (ср. пример смешения русск. диал. *коряный* 'сделанный из коры или корней', арх. Филин 15, 43). Нижеследующее покажет древний характер различия и.-е. *(s)*ker-* 'резать, драть' и слав. **korenъ*. Так, давно уже указано на родство слов **korenъ* и **kъrъ* (см.), обозначающего корень, пень, куст в разных слав. языках, причем отношение **korenъ* : **kъrъ* рассматривается единственно как чередование гласных *e* : *o* : \emptyset , см. Verneker I, 570, 672. Ближе других к истине, однако, по-видимому, стоял Мейе, который возводил слав. **korenъ* к особому и.-е. **k^her-/k^hor-/k^hr-* (у Мейе: **k^her-*, **k^hor-*, *k^hr-*, или **k^hr^h*). Главным основанием реконструкции и.-е. лабиального заднебного были для Мейе — действительно вероятные — внешние сравнения с греч. $\pi\rho\rho\mu\eta$ 'корма' и $\pi\rho\rho\mu\omega\varsigma$ 'ствол (дерева)', где π < и.-е. **k^h*. См. A. Meillet. Sur sl. korenĭ et krŭma. — BSL 23, 1922, 85—86. Но наблюдаемая в слав. **kъrъ* и **kъrma* (см.), также признаваемых Мейе родственными **korenъ* словами, -и-огласовка корня, как мы думаем, того же происхождения, т. е. это вокализация лабиального тембра и.-е. заднебного **k^h* > **kĭ* > слав. *kъ*. Сводит, таким образом, все к чистой апофонии гласных здесь было бы неправильно. Крупная принципиальная проблема, подсказываемая при этом характером слав. рефлексов **kъrъ* и **kъrma*, — это отражение и.-е. лабиальных заднебных в слав., а отнюдь не бесследная утрата ими лабиальности, как обычно принимается до сих пор.

Коротко о греч. соответствиях. Слово $\pi\rho\rho\mu\eta$ 'корма корабля' представляет собой специальное употребление более общего $\pi\rho\rho\mu\omega\varsigma$

‘крайний, нижний (напр. о нижней части древесного ствола)’. Следует признать, что значения ‘нижняя, корневая (более толстая) часть ствола дерева’ и ‘корма’ очень близки, если иметь в виду архаическое судно-однодеревку. Сближение со слав. **kъrta* все-таки весьма серьезно, и нет надобности преувеличивать неясность греч. слова, как об этом см. Frisk II, 606; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque III, 943—944. Столь же неуместен и скептицизм в отношении происхождения греч. *πρέμων* ‘ствол, столб, пень’, ‘к о р н е в и щ е’ (*πᾶν ῥίζωμα*. Hesych.), которое продолжает, с одной стороны, и.-е. **kʷr-e-mno-*, а с другой стороны — вместе с греч. *πρόμνη* подсказывает реконструкцию и.-е. **kʷr-mn-ā* для слав. **kъrta*, ср. **zima* (см.) < **ǵheł-mn-ā*, **ǵheł-mōn*.

Отношение **kъr-ito-*, **kъr-mn-a*, **kor-en-ъ* носит характер древней суффиксации гетероклитического типа. Слав. **korenъ* является преобразованием (одним из преобразований) основы на согласный **koren-*, ср. еще один вариант преобразования — **korę*. Реконструировать также огласовку им. п. ед. **kory*, видимо, нет достаточных оснований, в отличие от известных случаев вроде **kamy* (см.) и подобных. Из консонантной парадигмы объясняются и вторичные огласовки вроде **korěнь* (в сербохорв., др.-русс.) < **korenъ*. См. с критикой литературы: О. Н. Трубачев. — Этимология. 1980 (М., 1982), 7—8.

Остается, быть может, самый трудный вопрос — интерпретация и.-е. **kʷer-*. Речь, по-видимому, может идти о глагольной основе. Известный и.-е. инвентарь основ обнаруживает в сущности одно **kʷer-* ‘делать’. Впрочем, значение ‘делать’, будучи значением второго порядка, т. е. сложным, всегда производно, ср. случаи ‘делать’ < ‘мазать (напр. глину, из глины)’ (нем. *machen*), ‘делать’ < ‘класть, ставить, закладывать основу’ (и.-е. **kʷel-*). Обращает на себя попутно внимание и допустимая вариация расширителей в родственных, по всей видимости, **kʷeł-*, **kʷer-*, в обоих случаях, вероятно, с семантическим развитием ‘делать’ < ‘класть, закладывать основание’. Нет ничего удивительного, что корень дерева был обозначен как ‘основание’.

В заключение отметим, что балтийский — своими путями — тоже донес четкие рефлексy лабиального задненебного, ср. наряду с упоминавшимися лит. *kēras*, *kerēti* и т. д., где и.-е. *kʷ* > *k*, отличный пример лит. *kūrti* ‘основывать, создавать’, где представлена вокализация древнего лабиального тембра *kur-* < **kʷr-*; сюда же, кстати, несмотря на длительные споры, и лит. *kūrti* ‘разжигать, растапливать’ из первоначального устойчивого сочетания *ūgnj kūrti*, первонач. ‘раскладывать, делать костер, огонь’ (ср. нем. *Feuer* а п т а с h e n), даже если это несколько усложнит этимологию слав. **kuriti* (см.).

**korenъсь*: болг. (Геров) *kóренець* м. р., ум. ‘корешок’, сербохорв. *korijēnac*, род. п. *-nca*, м. р., ум. от *korijen* (с XVII в.,

RJA V, 330), словен. *korēnes*, род. п. *-nca*, м. р., ум. 'корешок' (Plet. I, 438), чеш. *kořenec*, род. п. *-nce*, м. р. 'пряник' (Jungmann II, 130), ст.-польск. *Korzeniec* (*Corzencz*), название леса (1439 г., A. Wolff, E. Rzetelska-Feleszko. *Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI w.* Warszawa, 1982, 77) др.-русск. *Коренець*, личное имя собств. (1631 г. Тупиков 252), сюда же производное *коренчатый*, прилаг. 'сделанный из корня дерева' (Кн. пер. казны Ник., 98. 1658 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 309), русск. диал. *коренец*, род. п. *-нца*, м. р. 'корень' (арх., Филин 14, 316), 'потроха крупного рогатого скота' (пск., твер., новг., там же), укр. *корінець*, род. п. *-нця*, м. р., ум. от *корінь* (Гринченко II, 284), диал. *коренец* 'комель' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 79), блр. диал. *каранец* м. р. 'корень' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 212).

Ум. производное с суф. *-сь* от **korenъ* (см.).

***корењье**: ст.-слав. *корение* ср. р., собир. *ričai*, *radices* 'корни' (Zogr., Mar., As., Supr., Mikl., SJS), болг. обл. *кóрење* ср. р., собир. 'корни' (Младенов БТР), сербохорв. *korijeње* ср. р., собир. 'корни' (RJA V, 330—331), также диал. *korěje* (Hraste—Šimupović I, 446), словен. *korenjè* ср. р., собир. 'корни', 'морковь', также *korēnje* (Plet. I, 438), ст.-чеш. *kořeníe* ср. р., 'корни' (Novák. *Slov. Hus. 49; Vážný. Středověk. list. 31*), чеш. *koření* ср. р. собир. 'корни', 'коренья' (Jungmann II, 130), стар. *kořáni* (Kott I, 719), словц. *korenje* ср. р. 'пряности' (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenje* мн. (так! — О. Т.) 'корни' (Pfuhl 274), польск. стар., диал. *korzenie* ср. р., собир. 'корни' (Sł. polszcz. XVI w., X, 664; Warsz. II, 484; Sł. gw. р. II, 437), словин. *korjēje* ср. р. 'корни' (Lorentz *Slovinz. Wb. I, 467*), *k*orěje* (Lorentz *Pomor. I, 418*), др.-русск., русск.-цслав. *коренье*, *корение* ср. р., собир. 'корни' (Лук. III, 9. Остр. ев., 258 об. 1057 г.), 'корни растений, использовавшиеся в медицине и в магии' (ААЭ II, 58. 1598 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 311; Срезневский I, 1286), русск. *коренья* рл. т. 'корни некоторых корнеплодов', диал. *коренье* ср. р., собир. 'корни растений' (арх., киров., новг., волог., урал.), 'порода, племя' (олон.) (Филин 14, 324), укр. *коріння* ср. р., собир. 'коренья', 'пряности' (Гринченко II, 284), ст.-блр. *корение* собир. 'корни', 'род' (Скарына I, 277), блр. *карэньні* мн. 'корни', *карэньне* ср. р. 'корни', 'коренья' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654), диал. *карэньне* собир. (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217; Слоўн. паўноч.-заход. Беларусі 2, 429).

Собир. производное с суф. *-ье* от **korenъ* (см.).

***корењпъѣ**: болг. *коренен*, прилаг. 'коренной', 'корневой' (РБЕ), *коренно*, нареч. 'коренным образом, до основания' (Дювернуа), макед. *коренен*, прилаг. 'коренной' (Кон.), сербохорв. *korjenit*, прилаг. 'корневой' (с XVI в., RJA V, 342), чеш. *kořenňý* 'корневой', 'связанный с пряностями, кореньями' (Kott I, 753), словц. *korenný* 'корневой', (стар.) 'коренной, исконный' (SSJ I, 747),

ст.-польск. *korzenny* 'коренной' (Sl. stpol. III, 351; Sl. polszcz. XVI w., X, 663), польск. *korzenny* 'корневой', 'пряный, заправленный пряностями' (Warsz. II, 484—485), словин. *kořeñni*, прилаг. 'корневой' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 467), *k'ořeñni* (Lorentz Pomog. I, 418), *kořeñny* (Ramult 76), др.-русск., русск.-слав. *кореньныи*, *коренной*, прилаг. 'относящийся к корню (растения), полученный из корня' (Травник Любч., 498. XVII в. ~1534 г.), 'исконный, издавна живущий в данной местности' (ДАИ III, 100. 1647 г.), 'основной' (Изб. Св. 1073 г., 55) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308—309; Срезневский I, 1286), *Коренной*, личное имя собств. (кон. XVII в., Тупииков 252), русск. *коренной*, *-ая*, *-ое* 'исконный, изначальный, постоянный', 'затрагивающий корни, основы чего-либо', диал. *коренной* 'сделанный из корней деревьев' (свердл.), 'родовой, переходящий из рода в род' (арх.), 'старший по положению, возглавляющий что-либо' (тамб., костр., симб., калуж., каз., арх., ряз.) (Филин 14, 318—320, там же ряд вторичных значений), укр. *корінний*, *-а*, *-е* 'корневой' (Гринченко II, 284), блр. *карэньні*, *-ая*, *-ае* 'коренной, исконный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654), диал. *караньні*, прилаг. 'отборный, крупный' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 415).

Прилаг., производное с суф. *-ьпъ* от **koreny* (см.).

**korēpati*: сербохорв. стар., редк. *korijepati* 'вытаскивать, выдерживать' (XVIII в., один пример с возвратным *se*, страд., RJA V, 331), ср. *korijepiti* 'вытаскивать, вырывать с корнем' (с XVI в., там же), русск. диал. *корéпáть* 'ломать, делая что-либо плохо, неумело' (юж.-сиб., иркут., том., сиб., волог., Филин 14, 325; Даль³ II, 438), *коря́пать*, *каря́пать* 'писать неразборчиво; делать небрежно' (свердл.), 'называть кого-нибудь ошибочно, в насмешку' (ср.-урал.) (Филин 13, 114; Сл. Среднего Урала II, 20, 52), *кбрéпáться* 'упрямиться, ломаться, капризничать (часто о невыспавшихся детях)' (свердл., перм., сиб., урал.), 'недомогать, быть хилым' (свердл., перм., сиб.) (Филин 14, 325).

Не совсем ясное по своему происхождению и древности, видимо, экспрессивное образование, предположительно — сложение местоименной приставки *ko-* и глагольно-именного корня **rēp-* (см.). Часть примеров — под влиянием **korēpati* (см.), напр. в русск., выше.

**korēti*: сербохорв. *кдрети се*, нек. *кдр(j)ети се* 'покрываться корой, коркой' (РСА X, 257; RJA V, 344), русск. диал. *корéть* 'покрываться коркой (грязи и т. п.)' (смол.), 'твердеть, грубеть' (твер., пск.) (Филин 14, 325; Даль³ II, 408; Добровольский 349), 'засыхать' (Картотека Словаря брянских говоров), блр. *корéть* букв. 'обращаться в кору', 'скорбнуть' (Носов.), *карыць* 'становиться корявым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654). — Ср. сюда же производное сербохорв. *кдрел*, *-а*, *-о* 'черствый, засохший (о хлебе)' (РСА X, 245), блр. *корéлий*, прилаг. 'грязный,

коржавелый', 'гадкий, мерзкий' (Носов.), *карэлы*, -ая, -ае 'заскорузлый, корявый, грязный' (Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 653), диал. *карэлы*, прилаг. 'грязный, засаленный' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429), *карэ́ль* (Жывое слова 130).

Глагол на *-ěti*, производный от **koga* (см.).

**korebati*: русск. диал. *каря́бать, коря́бать* 'царапать' (ряз., тул., калуж., курск., донск., тамб., сарат. и др.), 'сильно чесать' (олон., куйб.), 'делать надрезы на деревьях' (ряз.), 'ломать, крушить, портить' (енис., иркут., свердл., краснояр.) (Филин 13, 113—114; Опыт 80; Даль³ II, 408). — Ср. еще русск. диал. *коря́бить* 'царапать', 'чертить', 'некрасиво, плохо писать' (ряз., Филин 15, 40).

Скорее всего, экспрессивное образование относительно позднего возраста, сложение местоименного префикса *ko-* и глагольно-именного корня **гѣb-* (см.). В этимологич. словарях пропущено.

koręga*/koręka*: др.-русск. *Коряжа*, личное имя собств. (1505 г. А. К. I, 692. Тупиков 257; Веселовский. Ономастикон 158: 1339 г., Новгород), *Коряжинъ* (Волоцк. у., 1491 г. А. К. III, 97. Тупиков 648), русск. *коря́га* ж. р. 'суковатое дерево, сук, затонувшие в воде', 'кривой, суковатый пенёк; корни на поверхности земли', диал. *каря́га* ж. р. 'кривое, суковатое бревно в русле реки, в озере и в болоте' (сиб., Опыт 80), *коря́га* ж. р. 'искривленное суковатое дерево' (Филин 15, 41; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240), *коря́жа, каря́жа* ж. р. 'раздвоенная лесина, рассоха, развилина', (яросл.) 'кривое, негодное дерево' (Даль³ II, 225, 439; Филин 15, 42).

Родственно **korenъ* (см.); детали образования неясны — то ли с суф. *-ęga/-ęka* то ли с суф. *-ga/-ka* — от основы на согласный **koren-*. Ср. Фасмер II, 344.

**korgujъ*: ст.-слав. *крагоуи* м. р. *accipiter* 'ястреб-перепелятник' (Const., SJS), болг. *крагѹй* м. р. 'сокол' (Геров; БТР), диал. *кървѹй* (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 28), макед. *крагуј* м. р. 'птица *Gyps fulvus*' (Кон.), сербохорв. *kràgŭj* м. р. 'вид сокола *Falco Feldeggi Schleg.*', *Krągŭj*, личное имя собств. (с XIV в.) (RJA V, 432), *krągŭj* м. р. = *kraguј* (RJA V, 433), стар. *kraguј, kragulj* (Mažuranić 535), диал. *kragŭj* 'ястреб' (Hraste—Šimunović I, 455), производное *kragŭjac*, род. п. *-jca*, м. р., ум. (с XV в., RJA V, 432), *kragŭjac* (с XVII в., RJA V, 433), словен. *krągulj* м. р. 'коршун *Astur palumbarius*', 'кобчик' (Plet. I, 453), чеш. *krahuj, krahujec, krahulec* м. р. 'ястреб *Accipiter*' (Kott I, 778), словц. *krahulec*, род. п. *-lca*, м. р. 'ястреб *Accipiter*' (SSJ I, 760), н.-луж. стар. *krogul* м. р. 'крагуй, сокол-кобчик *Nisus communis* Cuv.' (Muka Sł. I, 698), ст.-польск. *krogulec* 'сокол' (Sł. stpol. III, 387), *Krogulec*, личное имя собств. (1411 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 143—144), польск. *krogulec*, род. п. *-lca*, м. р. 'хищная птица из сем. соколиных

Accipiter nisus (Warsz. II, 556), словин. *krog^ulč* м. р. 'выпь (?)', 'кобчик' (Lorentz Pomor. I, 380).

История этого слова характеризуется довольно живым обменом между отдельными слав. языками, которые — как вторичные культурные заимствования — естественно, опускаются нами в основном перечне соответствий, выше: в.-луж. *kraholc* 'род ястреба' — из чеш. и того же происхождения — польск. *krahulec*, далее — укр. диал. *крогуй*, *крогулець*, заимствованное из польск. (см. обо всех этих словах Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — ИАН ОЛЯ VII, 2, 1948, 99—100), а также русск.-цслав. формы с типичной ю.-слав. огласовкой и соответственно оттуда заимствованные.

Культурное заимствование, пришедшее достаточно рано (ср. метатезу плавных) к славянам через посредство тюрк. формы *kargu*, *karguj* (есть и варианты с иной гармонией гласных), скорее всего, из перс. *kargas*, названия хищной птицы, ср. авест. *kahr-kāsa* 'куроед'. Распространение шло вместе с ростом популярности соколиной охоты, порожденной степной культурой (культурами) Ирана и Турана. Исконно-звукоподражательная версия происхождения слав. слова маловероятна.

§ См. Miklosich 130 (непосредственно из тюрк.); Berneker I, 570 (из тюрк., ср. чагат. — ст.-узб. *karači* 'кобчик, охотничья птица'); Преобр. I, 375 (из тюрк.); J. Rozwadowski RO I, 1914—1915, 107 (упомянутая выше ир. этимология); Фасмер II, 363 (придерживается тюрк. этимологии, приводя множество тюрк. форм, из вокализма которых, однако, затруднительно объяснить слав. форму; ир. происхождение подвергает сомнению); О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 24; Sławski III, 118 (без достаточных оснований вслед за Вайяном объясняет преобразование исхода ряда слав. форм влиянием слав. названий птиц на *-ьль*; но фонетическое, а не словообразовательное происхождение этого *ь* < *j* достаточно очевидно, ср. хотя бы дублеты сербохорв. *kraguj*, *kragulj*, выше, тогда как *-ьль* дало бы твердый исход и в целом — все фонетическое окружение нехарактерно для суф. *-ьль*, обычного после предшествующего корня на согласный); Л. А. Булаховский. Указ. соч., 98—99; Brückner 268 («od skrzegotu»); А. А. Зализняк ВСЯ 6, 39; Machek² 288.

**korica*: цслав. *корица* ж. р. мн. *коруѣцѣ*, *сиппатоитум* 'корица' (Mikl., SJS), болг. *корица* ж. р., ум. от *корѣ*, 'корка' (Геров; БТР), макед. *корица* ж. р. 'обложка, переплет', сербохорв. *kd-rica* ж. р. 'кора (дерева)', 'корка (хлеба)' (RJA V, 326; PCA X, 269—270), диал. *корица* 'средняя часть бараньей туши в сушеном мясе' (Ровинский 657), словен. *kōrica* ж. р., ум. 'кора', 'корка (хлеба)', 'корица' (из русск.) (Plet. I, 439), чеш. *kořice* 'корица' (Kott I, 753), словц. *korica* 'корзинка для хлеба' (Kálal 259), словин. *k^uōrca* ж. р. = *k^uorc* (Lorentz Pomor. I, 418), др.-русск., русск.-цслав. *корица* ж. р. 'коричное дерево' (Исх.

XXX. 23 по сп. XIV в.; Афан. Никит., 21. XV—XVI ~1472 г.), 'крюковой знак' (Стихирарь. Рум., 654. XVII в.) (Срезневский I, 1287; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 314), русск. *кори́ца* ж. р. 'высушенная душистая кора некоторых тропических растений из сем. лавровых, употребляемая как пряность и в медицине', диал. *кори́ца* ж. р. 'кора' (перм., Филин 14, 333), *кори́ца* ж. р. 'из названий болезней' (нижегор., там же), *кори́ка* ж. р. 'корица' (влад., яросл., моск., орл., ряз., сарат., Филин 14, 332; Деулинский словарь 240), укр. диал. стар. *кори́ця* ж. р. 'высушенная кора дерева' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 79), ст.-блр. *кори́ца* (. тростка и *кори́ца* Скарына 1, 278), блр. *кары́ца* ж. р., ум. 'корочка', 'корица' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *кары́ца* ж. р., ум. 'кора; тонкая кора с молодых деревьев' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kora* (см.).

**korina*: болг. *кори́нка* ж. р. 'корка' (Геров), макед. диал. *коринка* 'корка хлеба' (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 130), сербохорв. *кдрина* ж. р. 'наружный покров волос, шерсти, по которому распознается их цвет, масть' (РСА X, 261), словен. *korina* ж. р. 'цветок', 'растение *Origanium vulgare*' (Plet. I, 439), русск. диал. *кори́на* ж. р. 'кора дерева' (твер., арх., тобол., иркут., новг., Филин 14, 332; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), *кори́нка* ж. р. 'кора' (том., краснояр.), 'кожура овощей, фруктов' (волог.) (Филин 14, 332), 'корица' (яросл., ленингр., там же), укр. *кори́на* ж. р. 'древесная кора' (Гринченко II, 283), блр. *кары́на* ж. р. 'кусок, обломок коры дерева' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 651), диал. *кары́на* ж. р. 'кора' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 427).

Производное с суф. *-ina* от **kora* (см.).

koristati*/koristiti*: макед. *користи* 'пользоваться, использовать' (И-С), сербохорв. *кдристити*, *кори́стити* 'приносить пользу, благоприятствовать, способствовать', *користити се* 'пользоваться' (РСА X, 264; RJA V, 337: с XVII, XVIII вв.), диал. *korlstit* (Hraste—Šimunović I, 446), словен. *koristiti* 'приносить пользу', *koristiti se* 'извлекать пользу, пользоваться' (Plet. I, 439), ст.-польск. *korzystać* 'высоко ценить', 'иметь выгоду, извлекать пользу' (Sl. polszcz. XVI w., X, 672), польск. *korzystać*, стар. *korzyścić* 'использовать', 'пользоваться', 'похищать, присваивать' (Warsz. II, 486), русск. *кори́ститься* 'гнаться, жадно кидаться для добычи', 'завидовать, завистливо смотреть' (Даль³ II, 437), диал. *кори́ститься* 'стараться изо всех сил приобрести' (пск., твер.), 'завидовать' (пск., твер.) (Филин 15, 34), укр. *кори́стати(ся)* 'пользоваться' (Словн. укр. мови IV, 290; Укр.-рос. словник), блр. *кары́таць* 'пользу получать, пользоваться' (Носов.), *кары́тацьца* то же (там же), *кары́та́цца* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *кары́таць* 'пользоваться'

(Слоўн.-паўночн.-заход. Беларусі 2, 427). — Ср. сюда же производное цслав. *користивъ*, прилаг. *spoliogum* (Mikl.).

Глагол, соотносительный с **koristь* (см.).

**koristь*: ст.-слав. *користа* ж. р. та σκῆλα, spolia 'добыча, трофей', 'корысть' (Zogr., Mar., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кѳрист* ж. р. 'выгода, польза' (БТР), макед. *корист* ж. р. 'польза' (И-С), сербохрв. *кѳрист*, *кѳрист* ж. р. 'польза', 'выгода, привилегия' (РСА X, 262—263; RJA V, 332—335), диал. *korlst* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 446), *koris(t)*, нареч. 'напрасно' (M. Tentor JФ V, 1925—1926, 212), словен. *korist* ж. р. 'польза, выгода', 'благо' (Plet. I, 439), чеш. *kořist* ж. р. 'добыча', 'улов', 'трофей', 'выгода', слвц. *korist'* ж. р. '(награбленная) добыча', 'военные трофеи', 'улов' (SSJ I, 748), диал. (вост.-слвц.) *korisc* (Káral 259), ст.-польск. *korzyść* ж. р. 'добыча (военная, краденая)', 'имущество, добро', 'польза, выгода' (Sł. stpol. III, 354; Sł. polszcz. XVI w., X, 672—673), польск. *korzyść* ж. р. 'прибыль, выгода, польза', (стар.) 'добыча, военные трофеи' (Warsz. II, 486), диал. *korzyść* 'рукоятка' (Sł. gw. pol. II, 438), словин. стар. *kořest* ж. р. 'перекладина у мотовила', 'прибыль, выгода' (Sychta II, 210), др.-русск., русск.-цслав. *користь*, *корысть* ж. р. 'польза' (Изб. Св. 1076 г., 156), 'выгода' (Польск. д. II, 93. 1537 г.), 'приобретение, добыча' (1152 г. Ник. лет. IX, 196) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 353; Срезаневский I, 1286—1287), русск. *корѣсть* ж. р. 'страсть к приобретению, к поживе', 'выгода, польза', 'нажива, пожива', (пск., твер.) 'зависть' (Даль³ II, 437; Филин 15, 36), укр. *корѣсть* ж. р. 'польза, выгода, прибыль', 'добыча' (Гринченко II, 283—284), диал. *кѳристь* ж. р. 'еда' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), ст.-блр. *користь*, *користь* 'добыча' (Скарына 1, 279), блр. *карѣць* ж. р. 'польза', 'выгода, корысть', также диал. *карѣць*, *карѣсь* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 427).

Лексическое гнездо **koristь* целиком отсутствует в серболуж. языках, что правдоподобно объясняется реликтовым характером серболуж. языков, выражающимся, в частности, в убывании исконнослав. элементов словаря, в данном случае — слова, представленного во всех остальных слав. языках. См. F. Korešný. Základní všeslovanská slovní zásoba (Praha, 1981) 10, 51, 156.

Относительно этимологии слова в литературе царит неясность, хотя положительных результатов исследования достаточно для достижения относительной ясности. Судя по противоречивым толкованиям, у большинства исследователей отсутствует четкое представление о направлении деривации: **koristь* \rightleftharpoons **koristati* (см.), вернее сказать — преобладает концепция производности глагола от имени (**koristь* \rightarrow **koristati*), тогда как наиболее вероятной сейчас представляется как раз обратная деривация: **koristiti*, **koristati* \rightarrow **koristь*, ср. ниже Махек, от которого мы в остальном отклоняемся в существенных деталях этимологии и реконструкции.

С самого начала следует выделить то обстоятельство, что имя **koristь* обладает явно отглагольной семантикой. Это значения 'добыча', 'улов', 'нажива', 'зависть' (не говоря о близких или производных значениях). Лексемы с такими значениями обычно образуются путем отглагольной деривации. Однако было бы, пожалуй, упрощением считать первичным значение 'военная добыча' в силу, скажем, того обстоятельства, что таково употребление слова **koristь* в древнейших письменных — ст.-слав. и цслав. текстах. Не менее архаичной представляется производственная семантика выразительно диалектных (в основном — польск. и словин., см. отчасти выше) примеров, обозначающих разного рода рукоятки (мотовила, лопаты), ср. и производное русск. диал. (олон.) *коры́стка* 'деревянная ложка или лопаточка для помешивания пива при варке' (цит. по статье Ж. Ж. Варбот, см. ниже). Эти народнодиалектные производственные значения существенно корректируют семантическую реконструкцию нашего слова, поскольку сопротивляются постулированию древнего значения 'добыча' и как бы подсказывают более широкое 'захват', которое вполне могло затем специализироваться и в военное (→ 'добыча, трофей') и в производственное (→ 'рукоятка') употребление.

Учитывая описанную отглагольную семантику имени **koristь*, целесообразно объяснять его как именное производное от глагола **koristiti*, **koristati* (предпочтительнее от первой из этих двух форм, глагола на *-iti*, ср. *-i*-основу имени **koristь*). Сам глагол **koristiti*/ **koristati* представляет собой сложение местоименного (экспрессивного) префикса *ko-* и глагола **ristati* (см.) 'гнаться'. Семантика 'гнать(ся)' уже включала в себя практически значение 'захватывать', ср. нем. *jagen* 'гнать, гнаться' и 'охотиться за', а также *aufreiben* 'добывать', сложение глагола *treiben* 'гнать, прогонять' с приставкой. Префиксальный глагол **koristiti*/ **koristati* уже всецело выражал семантику захвата, обладания, использования. См. специально: Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1970 (М., 1972), 65—70: автор высказывает мысль об образовании **koristь* с приставкой *ko-* от бессуффиксного имени **ristь*, производного от **ristati*, однако допускает появление приставки *ko-* еще при глаголе по аналогии русск. *колы́пать* и других подобных случаев. Существование имени **ristь* (см.), обозначавшего определенный аллюр, бег (рысь), несомненно, очевиден и параллелизм **ristь* и **koristь* (интересные примеры приводятся у Варбот, там же), который мог, однако, сложиться вторично.

Прочие этимологии встречают серьезные возражения. Из них наиболее интересна этимология Махека, который, как уже упоминалось, также выдвинул deverбальную концепцию: он считал исходным глагол **korystati* (форма на *y* противоречит известным слав. соответствиям, см. выше), сложение усилительной при-

ставки *ko-* и глагола **rystati* (реконструкция опять противоречит более первоначальному **ristati*), который якобы, по Махеку, возник как интенсив **ryp-stati* от корня, родственного нем. *rauben* 'грабить' и **lupiti* (см.). См. Machek² 279. Но как последовательно глагольная версия точка зрения Махека свидетельствует, что он искал в верном направлении.

Этимологии остальных авторов отражают либо неясность представлений, либо явно ошибочные мнения на базе версии именного происхождения **koristъ*. См. Miklosich 130, где **koristъ* связывается с **koriti* (см.). «Ничего неизвестно об образовании *користъ* та *сѣбла*», — пишет Мейе, см. A. Meillet. *Études* II, 286. Ср. Verneker I, 571: «Dunkel»; Преобр. I, 364: «Неясно». В сущности ничего не может к ним добавить и Фасмер (II, 343).

Брюкнер, взяв за исходную все ту же идею 'добыча', возводит ее к значению 'ободрать' (таково, по его мнению, первоначальное значение глагола *korzystać*) и на этом основании связывает **koristъ* с **kora* (см.), см. Brückner 258. Но мы видели выше, что значение 'добыча' — всего лишь специализация более общего значения 'захват'. Сближение с **kora* абсолютно неприемлемо, поэтому ошибочна новая попытка Славского, повторяющего этимологию Брюкнера, см. Sławski II, 514. Славский неудачно отстаивает мысль Брюкнера о первоначальности формы праслав. **korystъ*, весьма ослабленной известными и ему фактами; далее, совершенно неудачно его объяснение **korystъ* от глагола **(s)korati*, якобы лежащего в основе польск. *wskórać* 'добиться, достигнуть' и одновременно родственного слову **kora*. Этот глагол, разумеется, не имеет ничего общего с названием коры, но объясним единственно как **vъ-skorati* от прилаг. **skorъ(ѣ)* 'скорый' (см.), как верно указано в упомянутой статье Варбот.

Ничего не дает крайне умозрительное толкование Чопа, который также исходит из первоначальности значения 'добыча' и даже — 'война', ср. лит. *kāras*, причем автора не смущает отсутствие соответствий последнему в слав.; в целом **koristъ* он реконструирует как сложение **kori-dh-ti-* со ступенью редукции от и.-е. **dhē-* 'класть', якобы продолжение и.-е. оборота **korī dhē-* 'положить для войска' = 'отдать на разграбление'. См. В. Čop SR XIII, 1961—1962, 181—185. Поучительно лишь как пример отрицательного давления семантического схематизма.

***koristъпъ(ѣ)**: цслав. *користъпанъ*, прилаг. *utilis* (Mikl.), макед. *корисен* 'полезный' (И-С), сербохорв. *кѡрѣстан*, *кѡрѣстан*, *-сна*, *-сно* 'полезный, выгодный' (PCA X, 263; RJA V, 335—337), диал. *koristan*, *-сна*, *-сно* (Hraste—Šimunović I, 446), словен. *koristen*, *-stna*, прилаг. 'полезный, благоприятный' (Plet. I, 439), чеш. *kořistný* 'корыстный, падкий на добычу' (Kott I, 753), словц. *koristný*, прилаг. к *korist*' (SSJ I, 748), ст.-польск. *korzystny*, *korzysny* 'алчный, корыстолюбивый' (Sł. stpol. III, 353—354) 'полезный, ценный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 672), польск. *korzystny*

‘полезный’, ‘выгодный’, ‘благоприятный’ (Warsz. II, 486), словин. *k*ořastni*, прилаг. ‘выгодный’ (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *корыстный, карысный*, прилаг. ‘торговый, относящийся к торговле, к торговой прибыли’ (1536 г. Новг. IV лет., 573), ‘полезный’ (Назиратель, 371. XVI в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 352; Срезневский I, 1292), русск. *коры́стный, -ая, -ое* ‘основанный на корысти, корыстолюбивый’, диал. *коры́стный* ‘хороший’ (перм., Опыт 90), ‘полезный’ (волог., свердл., краснояр.), ‘уважаемый’ (курган., иркут.), ‘завистливый’ (пск., твер., терск.) (Филин 15, 34), ‘большой, обильный’, ‘хороший’ (Сл. Среднего Урала II, 51; Иркутский областной словарь I, 222), *коры́сный* ‘маленький, небольшой’, ‘худой, тщедушный, захудалый’ (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240), *коры́сный* ‘хороший’ (Словарь Красноярского края 92; Филин 14, 332), укр. *користний, -а, -е* ‘полезный, выгодный’ (Гринченко II, 283: Харьк. губ.), блр. *кары́сны* ‘полезный’.

Прилаг., производное с суф. *-ьнъ* от **koristъ* (см.).

***koriti** I: ст.-слав. корити *βλασφημεῖν, ὀβρισεῖν, probris operare* ‘хулить, оскорблять’, ‘осуждать, стыдить’ (Supr., Mikl., Sad., SJS), болг. *коря* ‘корить, бранить’ (БТР), макед. *кори* ‘корить, укорять, бранить’ (И-С), сербохорв. *корити* ‘корить, укорять’, словен. *koriti* ‘корить, укорять’, ‘наказывать’, ‘мучить’, *koriti se* ‘ссориться’ (Plet. I, 439), *koriti* ‘беспокоить, заботить’ (Štrekelj Slov. 20), чеш. *kořiti* ‘принижать, покорять’, *kořiti se* ‘покоряться’, ‘склоняться (перед кем-либо или чем-либо)’, словц. *korit’ sa* ‘покоряться, подчиняться, склоняться, склонять голову’ (SSJ I, 748), диал. *korit’sa* ‘насмехаться’ (Prochot., Tekov. Диалект., Братислава), в.-луж. *korić* (обычно *rokorić*) ‘унижать, покорять’ (Pfuhl 274), ст.-польск. *korzyć* ‘мучить’ (Sł. polszcz. XVI w., X, 671), *korzyć się* ‘смиряться’ (Sł. stpol. III, 353; Sł. polszcz. XVI w., X, 671), польск. *korzyć* ‘корить, унижать’ (Warsz. II, 485), словин. *kūřęc sa* ‘унижаться, смиряться’ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kœřęc sa* (Ramult 76), др.-русск., русск.-цслав. *корити* ‘ругать, хулить, осуждать’ (1159 г. Моск. лет., 64; Ж. Нифонта, 278. 1219 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 314; Срезневский I, 1287), *коритися* ‘каяться’ (Пат. Син. XI в. 37), ‘ругаться, браниться’ (Якут. а., карт. 4, № 12, сст. 6. 1642 г.) ‘насмехаться, издеваться’ (984 г. Радзив. лет., 47 об.) (там же), русск. *корить* ‘укорять, упрекать, попрекать’, диал. *корить* ‘упрекать’ (яросл., новг., костр., тул.), ‘разносить дурную молву, порочащие слухи о ком-либо’ (ряз., ворон., тул.), ‘угрожать’ (пск., твер.), ‘в свадебных песнях — петь песни, содержащие укор или насмешку’ (астрах., пенз., влад., моск.), ‘возводить на кого-либо ложное обвинение’ (волог.), ‘усмирять, укрощать’ (олон., онеж.) (Филин 14, 333; Словарь говоров Подмосковья 218), ‘ругать, бранить’ (Картотека Словаря рязанской Мещеры), ‘ругать, унижать’ (Картотека Рязанского областного словаря),

коріться 'жаловаться' (калин., арх.), 'мучиться' (север., свердл.) (Филин 14, 333), 'покоряться, подчиняться' (Деулинский словарь 240; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 248; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), ст.-укр. *коритися* 'покоряться' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *коріти* 'покорять', 'упрекать, укорять' (Гринченко II, 284), *корітися* 'подчиняться, покоряться', 'повиноваться' (там же), диал. *корити* 'надоедать, докучать' (Онышкевич 368), ст.-блр. *коритися* 'каяться' (Скарына 1, 278), блр. *кориць* 'укорять, приучивать к повиновению, к покорности' (Носов.), *каріць* 'упрекать, укорять' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), *коріцьца* 'покоряться, быть покорным', 'виниться, признаваться в вине', 'кланяться, прося прощения, или во время свадьбы' (Носов.), *каріцьца* 'покоряться, смиряться' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652).

Этимологически трудное слово. Обращает на себя внимание такая семантическая особенность как принадлежность к сфере морального и отрицательная экспрессивность ('осуждать, хулить, оскорблять, унижать'). Четко прослеживается и такая черта как обозначение преимущественно у ст н ы х действий (ссора-перебранка, ругань, насмешка, дурная молва, порочащие слухи, угроза, обвинение). Слово представлено достаточно богато и активно употребляется, но полное представление о широте употребления этого корня в слав. языках и диалектах можно получить лишь с учетом разнообразных его префиксальных сложений, ср. **ukorъ*, **ukoriti*, **pokoriti*, **perkorъ* (см. s. vv.). Наблюдается и экспрессивная суффиксация, ср. ниже **korizna* (см. об этом также Махек, ниже). Однако, при всей активности употребления, корневой вокализм явно статичен, и констатацию каузативных примет (-o- в корне и глагольный исход -iti, см. Machek² 279) можно принимать только с оговорками, потому что нет никаких следов отношений типа **merti* — (каузатив) **moriti*, иными словами — ступень -e- для **koriti* не восстанавливается. Может быть, поэтому следует остановиться на тех сближениях (ниже), которые предполагают и.-е. **kar-* с экспрессивным (неапофоническим) -a- вокализмом корня. Вместе с тем, учитывая вышесказанное, нужно довольно решительно отвести альтернативные сближения части авторов с и.-е. **koro-*, **korjo-* 'войско, война' или с и.-е. *(s)*ker-* 'резать' (последнее см. Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 625).

Представляют поэтому интерес те сближения, которые последовательно отражают и.-е. **kar-*: греч. *κάρνη, ζημία* (Гесихий), лат. *carināre* 'насмехаться, издеваться', ирл. *caire*, кимр. *caredd*, корн. *cara* 'хула, порицание' (но уже лтш. *karināt* 'дразнить, раздражать', др.-в.-нем. *harawēn* 'высмеивать', также обычно приводимые в сравнение, двусмысленны фонетически). См. Berneker I, 578—579; Kuryłowicz. *Études indo-européennes* I, 9; Walde—Hofm. I, 168—169; Фасмер II, 320—321; Pokorny I,

530: *kar-* 1. 'schmähen, strafen'. Правда, не следует упускать из виду мнение специалиста о том, что глоссовое *κάρνη* у Гесихия — в общем темное слово, см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 499. Это неудивительно тем более, что речь идет об экспрессивной лексике.

Поскольку слав. **koriti*, как и другие и.-е. соответствия, объединенные в словаре Покорного вокруг праформы **kar-* 1. 'порицать, наказывать', обозначают, как уже сказано выше, преимущественно (или первоначально) устные действия, было бы нелогично, следуя за Покорным (там же), отделять эти слова от тех, которые он помещает под **kar-* 2. 'громко хвалить': др.-инд. *carkarti* 'отзываться с похвалой', *karkari-* 'вид музыкального инструмента', *kāru-* 'певец, поэт', греч. *καρχαίρω* 'прогrometer', *κῆρυξ* 'глашатай'. Можно не согласиться с семантической реконструкцией Покорного — **kar-* 2. 'laut preisen, rühmen'. Она, конечно, представляет собой слишком поверхностную транспозицию отдельных упомянутых выше значений (прежде всего др.-инд.). Исходным здесь было обозначение громкого голоса, причем в том числе и порицающего. Во всяком случае внимательное рассмотрение производного глагола греч. *κηρύσσω*, особенно же с префиксом *ἀπο-κηρύσσω* 'публично отрекаться', 'изгонять', вызывает в памяти конкретный слав. глагол **po-koriti*, **pokoriti se* 'признать унижение, отречься от прав', что перспективно, кажется, и семантически, и этимологически (учитывая родство префиксов *po-* и *ἀπο-* и корней этих глаголов).

До сих пор некоторые исследователи придерживаются также старого сближения **koriti* с лит. *kāras* 'война', Славский даже называет его «dokładnym odpowiednikiem» слав. **korь* (Ślawski II, 511). Конечно, если понимать войну как спор, брань, как это и делают соответствующие авторы, то мотивы для такого сближения имеются. Названия войны, как правило, оказываются старыми названиями боя, борьбы, немирного состояния; часто тесно связаны названия войны (похода) и войска, даже народа, ср. др.-русск. *рать* и сербохорв. *rat*, а также слав. **рълкъ* (см.) в значениях 'поход', 'войско' и 'народ' из герм. **fulka-* 'народ' как 'войско'. Обозначение организованной группы людей, особенно воинов, повинующихся приказу, как 'призыва' тоже естественно, достаточно вспомнить лат. *classis* 'военный флот, эскадра', 'ополчение', буквально — 'призыв, сигнал, звук трубы' и нем. *Aufgebot* 'ополчение' как 'призыв'. Это, возможно, дало бы дополнительные серьезные аргументы к сближению нашего **koriti*, и.-е. **kar-* и лит. *kāras* 'война', *karias* 'войско', лтш. *karš* 'война, войско', др.-перс. *kāra-* 'войско; народ', гот. *harjis*, др.-в.-нем. *heri* 'войско'. Однако реальной праформой этих последних названий войны и войска является и.-е. **koro-*, **korlo-* с корневым гласным *-o-*, ср. показательное в этом отношении родственное греч. *χοίρανος* 'полководец, царь' от **χοριο-* (см.

Rokorny I, 615—616), что сообщает данному имени регулярный облик в отличие от нашего экспрессивного *kar-. Поэтому приходится учитывать возражения, отвергающие родство *koriti с лит. *kāras*, см. Fraenkel I, 220.

*koriti II: сербохорв. *kōritи се, kōritи се* 'покрываться корой, твердеть' (РСА X, 267), русск. диал. *корить* 'снимать кору с дерева' (олон., петерб., арх., волог., пск., калин., сиб. Филин 14, 332—333; Куликовский 41; Опыт словаря говоров Калининской обл. 103; Словарь русск. гов. Новосиб. обл. 237), укр. диал. *коріти* 'сдирать кору с дерева' (Онышкевич 368), блр. *карыць* 'отчищать от коры' (Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *карыць* то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428; Матэрыялы для слоўніка 30), *карыцца* 'очищаться от коры' (Юрчанка. Народнае слова 271).

Глагол на *-iti*, производный от *kora (см.).

*korizna: др.-русс., русск.-цслав. *коризна* ж. р. 'укор, укоризна' (1114 г. Ипат. лет., 279. СлРЯ XI—XVII в. 7, 313; Срезневский I, 1286), ст.-укр. *коризна* 'покорность, подчинение' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), блр. *Карызна*, фам. (Бірыла 189).

Производное с суф. *-izna* от глагола *koriti I (см.).

*korkatъ: сербохорв. *křakat*, *-a*, *-o* 'длинноногий', 'многоногий, разветвленный' (РСА X, 411—412; RJA V, 448), укр. *карака́тий*, *-a*, *-e* 'невзрачный на вид, кривоногий (о человеке)' (Словн. укр. мови IV, 100), диал. *карака́ти*, *-a*, *-e* 'кривоногий (о человеке)' (Лисенко. Словник поліських говорів 91), *карака́ти* мн. 'короткие сапоги' (Желех., см. Гринченко II, 220). — Ср. сюда же суффиксальное производное (субстантивация) *карака́тица* ж. р. 'морской слизень, слизняк Serbia' (Даль³ II, 222).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от *korkъ (см.).

*korkotoць: полаб. *kort'ētūc* м. р. 'крот' (Polański—Sehnert 81, с реконструкцией *korkotoць).

Сложение *korkъ (см.) и корня глагола *točiti (см.), т. е. 'роющий ногами'. См. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich 2, 275.

*korkъ/*korka: цслав. *кракъ* м. р. *сгус* (Mikl.), болг. *крак* м. р. 'нога' (БТР; Геров также: 'паголенок, голенище'), также диал. *крак* м. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70 (там же — специальные значения), 'нога, спица колеса' (С. Стойков. Днешно състояние на еркечкия говор 360; Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), макед. *крак* м. р. 'ответвление, отросток, ветка', (диал.) 'нога' (И-С), сербохорв. *кряк* м. р. 'продолговатая часть предмета', 'ответвление', 'нога (длинная)' (РСА X, 410—411; RJA V, 447—448; также в переносных значениях, см. FG. 12), словен. *krāk* м. р. 'длинная нога', 'окончания оленьих рогов', 'выступающая кость' (Plet. I, 455), *krāka* ж. р. 'нога свиньи, окорок' (там же), ст.-польск. *krok* м. р. 'шаг' (Słown. polszcz. XVI w., X, 198), польск. *krok* м. р. 'шаг' (Warsz. II, 556),

также диал. *krok* (Sl. gw. pol. II, 480), словин. *krok* м. р. 'шаг' (Sychta II, 255; Lorentz Pomor. I, 381; Ramułt 80), русск. диал. *кѳрѳк* м. р. 'окорок' (том.), 'бедро' (смол.) (Филин 14, 359).

Некоторые формы двусмысленны, так, напр., польск., словин. *krok* (выше) допускают реконструкцию праслав. **krokъ* (см.). Если добавить сюда близкородственное праслав. **korakъ* (см.), то картина отношений в этом гнезде слов окажется довольно сложной, хотя было бы неверно видеть здесь «полное смешение», как это делает Брюкнер (Brückner 268). Перед нами бесспорная инновация или ряд инноваций. В формальном плане здесь имеется как регулярная формула *tort* — **korkъ*, так и ее преобразование праслав. времени — **korakъ*. Реальность также праслав. формы **krokъ* проливает дополнительный свет на формантную сторону, показывая наличие суффиксального *-k-* (в сочетании с гласными и без них: *-k-*, *-okъ*, *-akъ*), вероятное и по соображениям другого рода, ср. нижеследующую этимологию.

При этимологизации слав. **korkъ* надо иметь в виду его очевидную экспрессивную природу. Хотя происхождение образования **korkъ* имеет относительную древность, его употребление в функции названия ноги — факт сравнительно поздний, с чертами вторичности и локальности. Сохранив на части слав. территории разные специальные значения ('нога свиньи, окорок', 'бедро'), это слово полностью вытеснило слово **noga* (см.) в значении 'нога (вообще)' главным образом в болг. лексике. См. S. Stojkow. Dwie leksykalne izoglosy w języku ̢ bułgarskim: *крак/нога*, *риза/кошуля*. — *Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński* 270—271. Новообразования в лексике обозначений ноги появляются довольно интенсивно по причине своей экспрессивности (а отсюда иногда и недолговечности). Можно напомнить, что праслав. **noga* (см.) тоже было в свое время экспрессивной заменой более древнего названия ноги (см. **podъ*). При этом, если **noga* первоначально значило что-то вроде 'копыто', то инновация **korkъ* была почерпнута из иной экспрессивной сферы. Следы давнего происхождения слова **korkъ* еще просматриваются в тех случаях, напр., когда **korkъ* в некоторых слав. языках (сербохорв., словен.) до сих пор обозначает не всякую ногу, а только длинную. Но природа этого так и оставалась долгое время нераскрытой, пока ограничивались старым верным сближением **korkъ* с лит. *kārka* ('передняя) нога свиньи', см. Miklosich 131; Berneker I, 571—572; Фасмер III, 130; Младенов ЕПР 255; Skok. Etim. rječn. II, 177; Fraenkel I, 222; Sławski III, 121. Лит. слово не проясняет особенно значение слав. **korkъ* (хотя Траутман, ниже, вывел, видимо, из него реконструированное им значение балто-слав. **kārka-* 'Schweinefuß'), зато к числу имеющихся проблем добавляет новые, в данном случае — акцентологические. Дело в том, что акутовая интонация лит. *kārka* (из **korākā*?) не находит подтверждения (соответствия) в слав. **kořkъ*

с его циркумфлексной интонацией, ср. ударение русск. *бкорок*, болг. (членная форма) *кракът*, см. Trautmann BSW 118. Впрочем, древняя подвижность слав. ударения естественна в этом разветвленном словарном гнезде и может служить полезным дополнительным сигналом производности слова, ср. выше о суффиксальном характере *-k-*. В свете этого оправданы поиски отглагольного происхождения имени **korkъ* и предложенная в свое время дальнейшая этимология слав. **korkъ*, лит. *kárka*, ср., далее, сюда же лтш. *kařcinēt* 'сидя болтать ногами' (Mühlenbach—Endzelin II, s. v.; I. Papildinājumi, 588) и в более общем значении — лтш. *kařcināt* 'трясти, судорожно дергать' < **kark-*. Семантика и форма этих экспрессивных лтш. глаголов указывает на родство, с одной стороны — с лит. *kárka* 'нога', а с другой стороны — с глаголом лит. *kárti* 'висеть', уже без суф. *-k-*. См. О. N. Trubačev ZfS IV, 1, 1959, 83—84. См. так же БЕР 2, 712. К этой первоначально экспрессивной глагольной семантике восходит также значение 'шаг' в ряде слав. языков. За счет этой экспрессивности стоит отнести и спорадическое префигирование своеобразными «подвижными» элементами *s-*, *š-*, ср. словен. диал. *skrāk* 'задняя нога', *skraki* 'длинные ноги', *škrok* 'шаг'. См. о них А. Debeljak SR V—VII, 1954, 176; Р. М. Козлова. Образования с корнем **(s)kork-*, **(s)korč-* в славянских языках. — Этимология. 1982 (М., 1984). Правда, едва ли нужно так глубоко датировать этот начальный элемент, предполагая его еще в производящем глаголе — и.-е. **(s)ker-* 'сгибать, крутить', как это делает упомянутая исследовательница. Как видим, она тоже ищет производящую глагольную основу, хотя конкретный результат ее поисков и отличается от нашего. Еще одну глагольную основу — герм. **skrekk-* — привлекает для сравнения Копечный (F. Корещный. — Slovo a slovesnost 20, 1959, 2, 129). Вслед за Петерссоном сближает слав. **korkъ*, **korakъ*, **krokъ* с др.-инд. **kráma-* 'шаг', **krámati* 'шагать' Махек (Machek² 294; Н. Petersson LUÅrs NF I/XI, № 5, 1915, 171), сопровождая сближение оригинальными комментариями. Он полагает, что слав. **krokъ* имеет соответствие только в арийских, причем первоначальная слав. форма, близкая др.-инд. **kráma-*, изменилась, возможно, под влиянием слова **skokъ* (см.) или (другой вариант) др.-инд. **kraka-* под воздействием рифмы с **gámati* 'идти' изменилось в **kráma-*. Очень затруднительно согласовать эти внешние сравнения с тесным взаимодействием внутрислав. формы **korkъ*, **korakъ*, **krokъ*, о котором см. выше. К тому же, др.-инд. **kráma-*, **krámati* сами недостаточно ясны этимологически, см. Maughofer I, 278.

См. еще V. Jagić AfslPh I, 1876, 390 (устаревшее толкование сербохорв. *korak* из редуцированного **kokrak* < **kokorkъ*); Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 140 (уже выделяет суф. *-kъ*, *-akъ*, *-okъ* в известных нам трех слав. названиях шага и нога); К. Oštir

«Etnology» I, 1926/1927, 2 (слав. **korakъ*, **krōkъ* сближает с алб. *krahē* 'плечо', но это старое сравнение, встречаемое и у других авторов, лучше оставить ввиду особого образования отличного алб. слова, где $h < sk$); В. Георгиев. — Slavia XLVII, 4, 1978, 350—351 (пытается объединить **korķъ* и **krōkъ* в одной первоначальной парадигме склонения, а сербохорв. и словен. *korak* вообще считает не праслав. формой, а результатом вторичной контаминации *скок*+*крак*).

*korl'evъ: цслав. *кралекъ*, прилаг. *regis* (Mikl.), сербохорв. *krájev*, прилаг. 'принадлежащий королю, королевский' (RJA V, 452—453), диал. *krōjev* то же (Hraste—Šimunović I, 464), *Кралеѡв*, фам. (РСА X, 414), сюда же производное *krájević* м. р. 'сын короля, королевич' (с XIV в., RJA V, 455—456), словен. *králjev*, прилаг. 'принадлежащий королю' (Plet. I, 455), ст.-чеш. *králový*, *králevý* 'королевский' (Novák. Slov. Hus. 50), субстантивированное *křalová*, *králevá* ж. р. 'королева' (Sejnar. Čes. legendy 270; Vážný. Středověk. list. 31), чеш. *králův*, *-ova*, *-ovo* 'королевский', также *králový* (Kott I, 783), производное *královic* м. р. 'сын короля, королевич' (Kott I, 782), словц. диал. *královi*, прилаг. 'королевский' (Gregor. Slovak. von Pilisszántó 236), ст.-польск. *królów(y)*, *królew(y)* 'королевский' (Sł. stpol. III, 404), польск. *królówy*, стар. *królbw*, *królew*, диал. *królbw*, *królbw* 'королевский', субстантив. *królowa* ж. р. 'королева' (Warsz. II, 570), словин. *królovi*, прилаг. к *król* (Lorentz. Pomor. I, 383), *królovi* (Lorentz. Slovinsz. Wb. I, 493), др.-русск. *королевъ*, прилаг. к *король* (1150 г. Ипат. лет., 407 (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 336—337; Срезневский I, 1289), *королева*, *королеваѡ* 'королева' (там же), производное *королевичъ* м. р. 'королевич, сын короля' (1219 г. Новг. I лет., 210. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 337; Срезневский I, 1289), русск. *Королѡв*, фам., ст.-укр. *королевъ*, *королювъ*, прилаг. 'королевский' (1349 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *королів*, *-лева*, *-ев* 'королевский' (Гринченко II, 286), блр. *каралёў*, *-лева* 'принадлежащий королю' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637).

Притяжательное прилаг., производное с суф. *-овъ* от **korlъ* (см.)*

*korl'evъskъ(jъ): цслав. *кралекъскъ*, прилаг. *regius* (Mikl.), сербохорв. *krájevski*, прилаг. 'королевский' (с XIII в., RJA V, 456—457), также диал. *krōjevski* (Hraste—Šimunović I, 464), словен. *králjevski* прилаг. 'королевский' (Plet. I, 455), чеш. *královský* 'королевский' (Kott I, 782), словц. *král'ovský* то же (SSJ I, 762), в.-луж. *kralowski*, *-a*, *-e* 'королевский' (Pfuhl 282—283), ст.-польск. *królewski* 'королевский' (Sł. stpol. III, 400), *królewski* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 224), польск. *królewski*, диал. *królowski*, прилаг. от *król* (Warsz. II, 568), словин. *królevsk'i* то же (Sychta II, 257), *królevsk'i* (Lorentz. Pomor. I, 381), др.-русск.

королевський, королевский, прилаг. к *король* (1255 г. Ипат. лет., 826. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 337; Срезневский I, 1290), русск. *королéвский*, ст.-укр. *королевский, королевский*, прилаг. 'королевский' (1390 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *королівський, -а, -е* 'королевский' (Гринченко II, 286), блр. *каралéўскі, -ая, -ае*, 'королевский' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637; Блр.-русск.).

Вторичное, относительно позднее прилаг., производное с суф. *-ьскъ* от **korl'evъ* (см.). Межслав. влияния и заимствования вполне реальны.

**korl'evъstvo*: цслав. *кравькѣство* ср. р. *regnum* (Mikl.), сербохорв. *krájevstvo*, стар. (босн.) *krájestvo* ср. р. 'королевство, королевская власть' (с XIV в., RJA V, 457—458), также диал. *krajestvo*, (Hraste—Šimunović I, 455), словен. *kraljévtvo* ср. р. 'королевский сан', 'королевство' (Plet. I, 455), ст.-чеш. *království* ср. р. 'королевство' (Vážný. Středověk. list. 31), *královstvo* (Kott I, 783), чеш. *království* ср. р. 'королевская власть', 'королевство' (Kott I, 782—783), словц. *král'ovstvo* ср. р. 'королевство' (SSJ I, 762), ст.-польск. *królestwo, królewstwo, królowstwo* 'королевство', 'королевский сан' (Śl. stpol. III, 398—399), *krolestwo, krolewstwo, krolowstwo* (Śl. polszcz. XVI w., XI, 212—222), польск. *królestwo* 'королевство' (Warsz. II, 569), словин. *krelištvó* ср. р. 'королевство' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), др.-русск. *королевство* ср. р. 'королевство' (Речи посла цес., 50. XV в.), 'власть, правление короля' (Ст. сп. Флетчера, 58. 1589 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338), русск. *королéвство* ср. р. 'государство, управляемое королем' (Даль³ II, 428), ст.-укр. *королевство* ср. р. 'королевство' (1361 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *королівство* ср. р. 'королевство' (Гринченко II, 286), блр. *каралéўства* ср. р. 'королевство', 'правление короля' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637).

Производное с суф. *-ьство*, образованное от прилаг. **korl'evъ* (см.). Относительно позднее происхождение, распространение путем межслав. заимствований очевидны.

**korlica*: цслав. *квалица* ж. р. *regina* (Mikl.), болг. *квалица* ж. р. 'королева' (Геров), макед. *квалица* (И-С), сербохорв. *králica* ж. р. 'королева', 'королевна' (RJA V, 459—460), диал. *krajica* ж. р. 'королева', 'мать божья' (Hraste—Šimunović I, 455), словен. *králjica* ж. р. 'королева', 'пчелиная матка' (Plet. I, 456), чеш. *Kralice* мн. ж. р., местн. название (Jungmann II, 163), словц. стар., поэт. *králica* ж. р. 'королева' (SSJ I, 762), др.-русск. *квалица* ж. р. 'королевна и королева' (1377 г. Рог. лет., 117. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338; Срезневский I, 1290), русск. диал. *квалица* ж. р. 'королева' (Филин 14, 361: олон., вят., самар., иркут.; Элиасов 165), ст.-укр. *квалица* ж. р. 'королева' (1388 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499).

Производное с суф. *-ica* от **korl'ъ* (см.).

*korl'ь: болг. *крал* м. р. 'король' (БТР; Геров: *краль*), *Кралё* м. р., личное имя собств. (Геров), макед. *крал* м. р. 'король' (И-С), сербохорв. *krāl* м. р. 'король' (RJA V, 449—452: «нельзя сказать, что это праслав. слово, уже из-за эпохи, в которую оно было заимствовано, а также потому, что в древнейших ст.-слав. книгах вместо *краль* всегда стоит *цѣсарь*»), также диал. *krōj* (Hraste—Šimunović I, 463—464), производное стар., редк. *krā-lja* ж. р. 'королевство' (XVII и XVIII вв., RJA V, 461), также диал. *кралѣја* (Елез. I), *krālski*, прилаг. 'королевский' (с XVI в., RJA V, 461), словен. *krālj* м. р. 'король' (Plet. I, 455), чеш. *král* м. р. 'король', производное *kralka*, *králka* ж. р. 'королева' (Kott I, 782), словц. *král* м. р. 'король' (SSJ I, 761), в.-луж. *kral* м. р. 'король' (Pfuhl 282), н.-луж. стар. *krol* м. р., наряду с *kral*, 'король' (Muka Sł. I, 698), ст.-польск. *Krol*, личное имя собств. (1369 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 144), *król* м. р. 'король' (Sł. stpol. III, 396), *krol* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 201—202), польск. *król* м. р. 'король' (Warsz. II, 566), словин. *krōul* м. р. 'король' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 493), *król* (Sychta II, 256—257), др.-русск. *король* м. р. 'король' (Сл. о п. Иг., 80; 1348 г. Псков. лет., II, 26. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338—339; Срезневский I, 1290), *Король*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 269; II, 673. Тупиков 254—255), *Королевъ* (1495 г. Писц. I, 616. Тупиков 645—646), русск. *корбль* м. р. 'государь, управляющий королевством' (Даль³ II, 428), ст.-укр. *король* м. р. 'король' (1349 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *корбль* м. р. 'король' (Гринченко II, 286—287), блр. *карбль* м. р., также диал. *карбль* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421), фам. *Кароль*, *Каралёў* (Бірыла 187).

Прежде всего стоит отметить абсолютную бесперспективность поисков исконнослав. этимологии слова *korl'ь. Заимствованное, иноязычное происхождение названия монарха (как и других близких по значению названий — *cēsary, *kъnezь, см. последнее) естественно отнюдь не потому, что «славяне, по природе своей анархисты, не создали ни одного исконного названия царствующей особы», как выразился Брюкнер (см. Вrückner 269). Причина — в живучем архаизме слав. родоплеменного устройства, при котором еще не было необходимости в более высоком сане, чем племенной вождь, тогда как свое название для вождя было у славян с ранней эпохи — *vodъjь (см.), следует иметь в виду, что оно засвидетельствовано в неслав. письменности VI в. — в рассказе Иордана о событиях IV в. (гех *Boz*, король антов, обычно читают *Бож*), см. О. Н. Трубачев ВЯ 1982, № 4, 11. Поэтому чисто умозрительными натяжками выглядят попытки объяснить слово *korlь как исконнослав. образование — из *kor-lio- от глагола *koriti I (см.), см. так М. Rudnicki SO 31, 1974, 97—102. И словообразовательно, и семантически эта этимология крайне сомнительна ('тот, кто покоряет, унижает?'), заметим, что там, где на-

звания короля исконны, они выросли из родоплеменной терминологии, ср. germ. **kuninga* < **kunja* 'род', и.-е. **rēg*'- из первоначального 'верховный жрец, распорядитель'. Не имеют под собой почвы и сближения слав. **korl'ь* с отдаленно созвучными словами и.-е. анатолийских языков (см. М. Будимир. — Зборн. Филоз. фак-та у Београду 2, 1952, 265). Очень древней эпохой датировать появление слова **korl'ь* у славян вряд ли можно, а у южных славян, особенно их вост. группы, наиболее близкой к Малой Азии, как раз продолжения **korl'ь* не имеют особенно глубокого народного характера, несмотря на (относительно позднюю) популярность образа и имени эпического героя Крали Марко. Следы позднепраслав. **korl'ь* ведут на запад и именно на западе славянства характеризуются первоначальностью и почти исключительностью употребления. Несколько превосходящая нижеследующее, заметим, что это слово никогда не было по-настоящему народным для вост. славян и употреблялось в народе всегда о чужом (западном) государе, что сближает вост. славян с болгарями и в какой-то мере совпадает с ареалом православной Славии, включая и древнюю Сербию. В пределах *Slavia orthodoxa* свои монархи и древние монархи православных богослужебных книг (в основном — из стран Востока) назывались царями. В нашей современной политической литературе под влиянием унифицирующей западной терминологии (ср. англ. *king* как единый эквивалент наших слов *король* и *царь*) главы нынешних монархических режимов не только Запада, но и Востока именуется одинаково королями: король Иордании, король Непала, хотя традиционно этих последних надлежало бы звать царями, ср. царь Иудеи, царь Дарий, индийский царь.

Вместе с тем появление упомянутых попыток исконнослав. этимологии до известной степени симптоматично, так как является реакцией на некоторые трудности, с которыми сопряжена germ. этимология слова **korl'ь*. Эта последняя этимология была выдвинута очень давно и в общем выдержала проверку временем и научным языкознанием, и то обстоятельство, что ей согласуются некоторые накопившиеся за столь долгое время неясности, не может серьезно повлиять на общий итог. Еще Добровский объяснил слав. название короля как заимствование имени Карла Великого, императора франков, и позднее эта мысль прочно вошла во все этимол. словари и литературу. См. Miklosich 131; C. C. Uhlenbeck. Die germ. Wörter im Altslavischen. — AfslPh XV, 1893, 488; Berneker I, 572—573 (с литеp.); A. Meillet. De l'unité slave. — RÉS I, 1921, 8; Преобр. I, 359 (с изложением сомнений Фортунатова касательно появления слова уже после основного осуществления слав. метатезы плавных, а также в связи с различиями в ударении); T. Lehr-Splawiński. Pochodzenie i rozpowszechnienie wyrazu *król* w polszczyźnie i w innych językach słowiańskich. — PF XII, 1927, 44 и сл.; Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter

aus dem Germ. 240 и сл.; Фасмер II, 333—334 (с дальнейшей литер., но трактовка слишком суммарна, многие проблемы оставлены без внимания); Sławski III, 153—155 (в изложении много спорного и противоречивого); Machek² 289; БЕР 2, 712—713; Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 662—663 (о заимствовании серболуж. формы *kral* из чеш. во время господства чеш. королей над Лужицей, вследствие чего было вытеснено первоначальное серболуж. **król*).

Воссоздание истории слова **korl'ь* предъявляло большие требования к науке, которые могли быть выполнены не сразу и вообще оказались под силу только современному сравнительно-историч. языкознанию с развитыми представлениями об относительной хронологии, звуковой субституции, лингвистич. географии и даже о социолингвистич. аспекте явления. Например, старое мнение о более раннем (до VIII в.) завершении процесса слав. метатезы плавных не учитывало гораздо более длительного функционирования различных местных фонетич. субституций уже после осуществления самого процесса. Мейе, признавая здесь наличие таких субституций (A. Meillet BSL 29, 1929, 202), все же усматривает в общеслав. распространении заимствованного **korl'ь* проявление слав. единства в эту эпоху, что, конечно, не соответствовало действительности. Действительность заключалась в способности новых явлений языка, лексикки распространяться, преодолевая существующие языковые границы (лингвистич. география), а также в особой популярности и способности к проникновению слов социально престижных (социолингвистический аспект).

Слово **korl'ь* появилось вначале в области полабских славян. Эти славяне, главным образом к востоку от Эльбы, жившие в племенных группировках, довольно многочисленных, вступили в VII—VIII в. в довольно активный контакт с усиливающимся германским государством франков. Обе стороны представляли друг для друга реальную военную опасность. Франкское государство укрепляло в первую очередь именно эту границу со славянами (*limes Saxonicus*, *limes Sorabicus*), капитуларий Карла Великого 805 г. не случайно содержит запрет на продажу оружия славянам. И хотя историки отмечают наличие по обе стороны этой славяно-герм. границы совершенно разных общественно-политических организаций (славяне — на уровне развития военной демократии родоплеменного строя, а германские народности — в составе феодальной Франкской империи), все же политических точек соприкосновения было достаточно: у полабских и древнелужицких славян были князья, разные слав. племенные союзы даже обращались за помощью в спорах о княжеской власти к франкским монархам (эти сведения см.: G. Labuda. *Frankonia. Frankowie. Stosunki ze Słowianami.* — In: *Słownik starożytności słowiańskich II* (Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964) 68, 69, 70).

Создалась благоприятная ситуация для заимствования славянами более престижного иноязычного титула государя. В этой функции было употреблено имя знаменитого Карла Великого, которое у самих франков, германцев, правда, никогда не превращалось из имени в название сана, в отличие от случая с именем *Caesar*, с которым слав. *korl'ь обычно сравнивают для аналогии. Но имя Карла Великого было, конечно, у всех полаб. славян на устах не одно десятилетие; после 780 г. он начал вести против них активную военную политику. Заимствование имени Карла Великого полаб. славянами делается иногда объектом прямолинейных критических замечаний. Так, например, указывают, что у полабских славян не было королевской власти, но при этом забывают, что объем древнего значения таких терминов как *rex*, βασιλεύς мог быть очень зыбким (вспомним латинско-слав. глоссу *rex Bog* = *vodjь 'вождь' у Иордана), в известном эпизоде Жития Мефодия, о котором — ниже, «король», вопрошающий Мефодия, был, вероятнее всего, маркграфом баварским. Кроме того, высший титул мог относиться первое время не к своим полабским князьям, а к иноземному — франкскому монарху, ведь и на Руси слово *царь* длительное время употреблялось сначала о византийском императоре, затем даже о татарском хане и лишь позднее — о собственном государе. Любопытно сведение о том, что князь славян-велетов Дроговит, покоровшись в 789 г. Карлу Великому, упоминает, что уже раньше подчинялся какому-то Карлу. Историки стремятся сообразить, какого именно Карла имел в виду этот давний полабский князь, допускают, что это был Карл Мартелл (см. G. Labuda. Указ. соч., 69), на самом же деле здесь перед нами одно из первых свидетельств апеллативизации личного имени собственного (*Карл* → *король*). Далее, пытаются возразить, ссылаясь на тот факт, что как раз в полабском языке соответствие *korl'ь неизвестно. Но полабский язык дошел до нас в виде таких скудных остатков и в такой степени германизации, что к указанному аргументу (случайного) отсутствия свидетельства прибегать некорректно. В антропонимии и топонимии полабской территории следы *korl'ь отмечаются, причем как в послеметатезной, так и в дометатезной форме: *Kraul*, *Gruhlfeld*, *Gruhlstücke*, *Karlowe* (см. G. Labuda. *Król*. — In: *Słownik starożytności słowiańskich* II, 525). Такое колебание в отражениях форм *tort* как раз характерно для полабского и вообще для языка поморских славян, типично периферийных в отношении ряда слав. фонетических процессов, в частности — метатезы плавных, которая, вероятно, шла с юга (точнее — из центра) на север, тогда как *korl'ь распространялась наоборот — с севера, северо-запада на юг и восток. Поэтому Мейе вслед за Лер-Сплавинским принимает в качестве исходной слав. формы полабскую форму с сохранением дометатезного *or*, см. A. Meillet BSL 29, 1929, 202. Имя Карла Великого бывало в двух основных вариантах —

др.-ниж.-нем. (др.-сакс.) *Karal, Karl* и собственно др.-в.-нем. *Charal, Charl*. Др.-сакс. форма пользовалась, очевидно, наибольшей популярностью, именно из нее заимствовано было далее лат. *Carolus (Magnus)* 'Карл Великий', она была основной для собственно франкских и саксонских земель, на рубеже с полабскими славянами. Слав. **korl'ь* может быть объяснено только из др.-ниж.-нем. *Kar(a)l*, но не из др.-в.-нем. *Charal, Charl* с придыханием, более характерного, видимо, для алеманнского и баварского юга Германии. Последняя форма дала бы только слав. **xorl'ь* (см. так уже Kiparsky. Указ. соч., 241), и это обстоятельство не позволяет нам согласиться с теми авторами, которые думают, что слово **korl'ь* возникло у славян впервые на Среднем Дунае, и в этом смысле толкуют данные Жития Мефодия, о которых см. также ниже. История и языковедение согласно свидетельствуют о том, что слав. **korl'ь* было заимствовано полабскими славянами и только из имени Карла Великого. Небезынтересно отметить, что после Карла Великого долгое время вообще не было соседнего германского монарха по имени Карл (после смерти Карла Великого в 814 г.): Людовик Благочестивый (814—840), в 843 г. — распад Франкской империи, затем — Людовик Немецкий (843—876), полоса смуты, затем — император Арнульф (887—899), Людовик Младенец (900—911), наконец распад каролингской державы. Карл Лысый правил после 843 г. к западу от Рейна, т. е. далеко от славян. Странно было бы поэтому думать, что в термине *король* Жития Мефодия отражено специально имя германского принца Карломана в одном месте (ЖМ IX, X) и Карла III (Толстого) — в другом (ЖМ XVI), монархов, кратко-временно правивших в десятилетие с 876 по 887 г., см. так Н. G. Lunt. Old Church Slavonic **kraljъ*? — In: Orbis scriptus. Festschrift für D. Tschizewskij (München, 1966), 483 и сл. Автор обходит молчанием элементарный вопрос, почему тогда, напр., имя *Karloman* не было передано целиком, а подвергнуто непонятному усечению в слав. тексте, который Лант читает как *крага моравьскаго Карла* (вместо *корола*), т. е. 'моравского Карла' или даже «Карла Моравского», под которым якобы подразумевался именно Карломан (!). Дело можно объяснить только таким образом, что слово **korl'ь* было уже терминологизировано в слав. и употреблялось о чужом монархе, государе или принце. Оно наверняка уже было в протографе Жития Мефодия, таким образом, отрицать наличие **korl'ь* в моравско-паннонских текстах ст.-слав. языка нельзя. Не следует также забывать о социолингвистич. стороне проблемы, ставя на одну доску громкое имя Карла Великого и прочих незначительных Карлов, как это делает Лант, считая слово **korl'ь* не более как транскрипцией личного имени одного из этих последних. Другое дело (не решенное наукой до сих пор) — считать ли вторичной, русской записью полногласную форму *король*, исключительную в архаичном и чистом по

языку ст.-слав. тексте Жития Мефодия, как, кажется, считает и Лант, или вопрос сложнее, чем принято думать, и уже сейчас наука располагает иными вариантами ответа на него, ср. ниже. Резюмируя эту часть проблематики, можно лишь признать, что слушанием дела Мефодий едва ли занимался сам «король» (в нашем смысле слова) в присутствии синода епископов; источники о таком синоде не упоминают, но разбирательство спора Мефодия с нем. духовенством, очевидно, имело место в Баварии, под начальством крупного местного феодала, «врага моравского, короля», как допустимо читать ЖМ IX, 1 (ср. подробное изложение разных точек зрения в комментариях Б. Н. Флори в кн.: «Сказания о начале слав. письменности». М., 1981, 156). В свете допускаемой нами зыбкости значения апеллатива *король* делается понятным и употребление в ЖМ XVI, 1: *пришлѣдъшю же на страны доунаиски королю оугрѣскомуу. «Короля венгерского»* тогда еще не существовало (конец IX в.), и в ЖМ явно имелся в виду какой-то из венг. воевод на Дунае (благополучный исход рискованной встречи праведника с языческим царьком — эпизод в духе житийной литературы), поэтому абсолютно излишняя громоздкая и искусственная эмендация Ланта, прочитавшего здесь «огрѣскомуу королю», что значило будто бы 'Карлу с реки Огрже', т. е. Карлу III, который в юности своей проехался долиной реки Огрже (Эгер) в походе на славян.

Единственное, пожалуй, к чему следует прислушаться в разбираемой статье Ланта, — это интерпретация исхода *-jь* в **korl'ь* как суффикса принадлежности с первоначальным значением целого 'Карлов, принадлежащий Карлу' (Lunt. Указ. соч., 488). В самом деле, из др.-сакс. *Kar(a)l* ожидалось бы слав. **korl'ь* с твердой основой, и никаких чисто фонетических причин смягчения здесь не видно. Правда, может быть, не совсем ясна и мотивация притяжательности в данном случае (аналогия мягкого исхода **cěsarь*, которую приводит Славский, там же, совершенно не пригодна, так как исход имени **cěsarь* модифицировался по активному разряду имен на суф. *-arь*, с которым у нашего слова формально нет ничего общего), но факт производного характера имени **korl'ь* помогает прояснить очень важную — акцентологическую сторону проблемы. Герм., др.-сакс. *Karal* имело начальное ударение, как и заимствованное отсюда лат. *Carolus*, об этом же четко свидетельствует франц. *Charles* с сохранением подударного первого слога лат. *Carolus*. В противоположность этому в слав. **korl'ь* представлена окситонеза, окончное ударение во всех падежах — русск. *король, короля, мн. короли*, а не ожидаемое **кѣроль, *кѣроля, *кѣроли*. Еще Фортунатов обратил внимание на это несоответствие ударений, но приемлемого истолкования до сих пор не предложил никто. Таковым нельзя считать мнение об исконнослав. происхождении слова **korl'ь*. Равным образом неудовлетворительна в данном примере известная новая теория

Куриловича об отражении герм. долготы в виде окситонезы в позднем слав. заимствовании, хотя эта теория получила довольно широкое признание, см. V. Kiparsky. *Zur Datierung der gemeinslav. Lehnwörter aus dem Germ.* — AION (sez. slava) I, 1958, 19; H. G. Lunt. *Ibid.*; Sławski III, 154 (здесь вообще неточно говорится о «сохранении долготы герм. вокализма»). Но наличие долготы в герм. личном имени собств. *Karal, Karl* само по себе сомнительно и сравнительными данными не подтверждается. Лежащий в основе герм., др.-в.-нем. аппеллатива *karal* 'зрелый муж' (давшего личное имя *Karal*) и родственного ему нем. *Kerl* 'парень, субъект' и.-е. корень **ǵer-* 'зреть, стареть' выступал также в виде долгой ступени **ǵerā-/ǵǣ-*, но эта долгота практически не отразилась в герм., ср. сюда же родственные нем. *Korn* 'зерно', *Kern* 'ядро' (< и.-е. **ǵǣno-*), отношения которых очень напоминают отношение *Karl* : *Kerl*. См. об этимологии герм. слова и имени (без каких-либо указаний на отражение долготы в герм.) Kluge²⁰ 365; Pokorný I, 391; Gutierre Tibón. *Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona* (Mexico, 1956) 98. Упомянутая теория Куриловича как бы имплицитно идею исторического тождества герм. *Karal* и слав. **korl'ь*, что не совсем верно ввиду наличия в слав. форме добавочного чисто слав. форманта, который заставляет трактовать все слово как слав. производное. С этим полностью согласуется и окситонеза, также сигнализирующая о производности, между прочим — в духе другой известной идеи Куриловича — об окситонном, конечном ударе как показателе производных имен, т. е. *король*, *королья*, *король* аналогично *стол*, *столá*, *столъ*.

Герм. *Karal* дало слав. **korl'ь* (откуда затем все известные послеметатезные формы слав. языков, см. выше), вернее будет сказать, что оно ведет себя по формуле *tort* и ее рефлексов. Однако следует сказать, что механизм слав. метатезы плавных, ее древнейших и промежуточных состояний изучен не до конца, его изучение призваны как раз способствовать такие факты внешнелингвистической истории, как заимствование герм. имени *Karal*. Формула *tort* не вполне адекватно отражает исходное состояние в случаях метатезы плавных, данные об этом уже накопились, их исследовал Мареш в своей работе о фонологическом развитии праслав. языка. В нашем случае следует отметить, что герм. *Karal* (преобладающая полная огласовка) не обязательно должно было дать обычно принимаемую форму — слав. **korl'ь*. С достаточной вероятностью мы ожидали бы исходную слав. форму **kāräl'ь*, или **korol'ь*, «русского» вида. Ср. аналогичное (правда, значительно более древнее) заимствование праслав. **korva* (см.) из кельт. *car(a)vos* 'олень', предполагающее стадию **kārāvā* или **korāvā*. Последующая рефлексация праформ **kāräl'ь* и **kārāvā* как постметатезных *trat*, *trot* и *torot* в разных слав. языках проливает свет и на начальную стадию и на результат развития.

В этом свете, напр., вост.-слав. (русск., укр., блр.) *torot* уже не кажется наиболее далеко зашедшей эволюцией, оно скорее похоже на архаизм. Имеет смысл пересмотреть вопрос о ст.-слав. продолжении **korl'*ъ. Вполне возможно, что форма **кралъ* никогда не существовала в ст.-слав. Правильной ст.-слав. формой слова могло быть *корола*, и эта форма совершенно закономерно присутствует в Житии Мефодия, не противореча ст.-слав. характеру текста и не будучи поздней русск. вставкой. Праслав. метатеза плавных в целом ряде случаев начиналась с раннего полногласия. Исходное сочетание двух гласных в корне для **korl'*ъ предполагал еще, вслед за Сольмсеном, Вондрак. См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 309—310; Преобр. I, 359. К сожалению, последующие авторы не уделяли этим моментам внимания.

Другая герм. этимология слав. **korl'*ъ (начиная с Томсена, ср. в последнее время Мартынов. Слав.-герм. лексич. взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, 68 и сл.) по материалу очень близка к рассмотренной этимологии, отличаясь от нее только допущением большей древности заимствования и апеллятивного источника — герм. **karla-* '(свободный) муж'. В этих допущениях, однако, нет надобности.

**korŋola*: ст.-слав. *кромола* ж. р. *στᾶσις*, *seditio* 'бунт, восстание, крамола' (Zogr., Mar., Supr., Mikl., SJS), болг. *кромолá* ж. р. 'шум, ссора', 'волнение, мятеж' (Геров), сербохорв. стар. *kramola* ж. р. 'бунт, смута, возмущение' (до XIV в., RJA V, 463), *Kramol* м. р., личное имя собств. (XIV в., там же), словен. *kramola* ж. р. 'мятеж' (Plet. I, 456: «ст.-слав.»), ст.-чеш. *kramol* м. р., *kramola* ж. р. 'ссора, спор' (Gebauer II, 130), др.-русск. *коромола*, *коромоля* ж. р. 'мятеж, заговор; крамола' (СГД II, 8. 1289 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 339; Срезневский I, 1290), укр. *коромбла* ж. р. 'крамола, заговор' (Гринченко II, 287).

В моравско-паннонскую эпоху истории ст.-слав. языка слово заимствовано из др.-в.-нем. (др.-бав.) *karmala* 'мятеж', откуда и ср.-лат. *carmula* то же. Постепенно распространилось в некоторые другие слав. языки.

См. Miklosich 131; Verneker I, 573; Б. М. Ляпунов ИОРЯС XXX, 1926, 13; Фасмер II, 365; Machek² 289.

korojědъ*/korojěda*: сербохорв. *korōjed* м. р. 'жук-короед' (РСА X, 281), польск. *korojad* м. р. 'вид гусеницы, объедающей кору с деревьев' (Warsz. II, 478), русск. *короед* м. р. 'насекомое *Bostrychus*' (Даль³ II, 409), укр. *короїда* 'насекомое короед *Bostrychus*' (Гринченко II, 286), блр. *караѣд* м. р. 'жук-короед' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 636).

Сложение **kora* (см.) и корня **ědmъ*, **ěsti* (см.).

**koroľupъ*: сербохорв. *Kralup'*, местн. название (XIV в., Босния, Герцеговина, RJA V, 449), сюда же производное диал. *кряљупина* ж. р. 'кожура', 'кора, отдирающаяся, отходящая от дерева' (РСА X, 419), чеш. *Kralupy*, местн. название (Kott I, 783; Profous

II, 363: *Korolupy > *Korlupy > Kralupy), русск. *королуп* м. р. 'кто лупит, сдирает кору' (Даль³ II, 409). ■

Сложение *kora (см.) и корня глагола *lupiti (см.). Близко по составу и образованию *skorolupъ / *skorolupa (см.). Достаточно старое образование, интересное своей трактовкой первоначального полногласного «звукосочетания» *torot* как *tort*. Ср. аналогичные данные на *korl'ь, *korva (см.).

*korolušča: русск. диал. *корлүшчá* ж. р. 'кора', 'скорлупа', 'кожура', 'кожица ягод' (Сл. Среднего Урала II, 50; Иркутский областной словарь I, 220), производное *корлүшина* ж. р. 'корка на заживающей ране' (волог., Филин 14, 335), блр. диал. *карлүшчы* мн. 'яичная скорлупа' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 414), *карлүшчо* ср. р. то же (3 народнага слоўніка 43).

Несмотря на ограниченное распространение, достаточно старое образование — сложение *kora (см.) и корня глагола *lušciti (см.). Ср. предыдущее.

*kogra: словц. редк. *гара* ж. р. 'рубец, оспинка (на лице)' (SSJ III, 696), укр. *корба* ж. р. 'жаба' (Вх. Зн. 28, Гринченко II, 287), сюда же диал. *коробан'а* (Онышкевич 370; П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика и морфология). (Канд. дисс. рукопись). Ужгород, 1958, 324), *коробатий*, -а, -е 'шероховатый, в бугорках' (Гринченко II, 287), *коробата жаба* 'жаба' (там же), блр. *кyрапа* 'жаба' (Гарэцкі 85), 'лягушка' (Расторгуев, Северск.-блр. 146).

Близкородственно лит. *kāpra*, лтш. *kāpra* 'бородавка'. Балт. слова соответствуют слав. *kogra* вплоть до интонации, видимо, продолжая более древнее *kogarā. В связи с этим, может быть, стоит рассматривать -р- как суф. производного имени, а не как губной расширитель глагольного корня *(s)kerp- (см. так Rokorny I, 944). Ср. *xopra (см.).

См. Miklosich 131; Verneker I, 574—575; Фасмер II, 335; Machek² 204—205; Fraenkel I, 222.

*kogravica: словен. *kráravica* ж. р. 'жаба' (Plet. I, 456), укр. *коробавиця* ж. р. 'жаба' (Гринченко II, 287).

Производное с суф. -ica от прилаг. *kopravъ (см.), *koprava; субстантивация. О словен.-укр. изолексе см. Ф. Безлай ВЯ 1967, № 4, 53; Bezljaj. Jezikovne priče 137.

*kopravъjъ: словц. *гараву*, прилаг. '(о коже) покрытый рубцами, шрамами, побитый оспой' (SSJ III, 697), укр. *коробавий*, -а, -е 'шероховатый, в бугорках' (Гринченко II, 287), блр. диал. *карбава жаба* 'жаба' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422). — Ср. сюда же суффиксальное производное укр. *коробавка* ж. р. 'жаба' (Вх. Зн. 24, Гринченко II, 287).

Прилаг., производное с суф. -(a)въ от *kogra (см.). Ср. вариант *xopravъ (см.).

*kogrъ: болг. стар. обл. *кpап* м. р. 'карп, сазан *Syrpinus*' (Младенов БТР; Геров: *кpапъ*), макед. диал. *кpап* (Р. Петковски. Охрид-

ски говор. — MJ I, 6, 1950, 137), сербохорв. диал. (ю.-зап.) *krāp* м. р. 'карп, сазан' (РСА X, 424; RJA V, 464; *Leksika ribarstva* 170), словен. *krār* м. р. 'карп, сазан *Syrpinus carpio*' (Plet. I, 456), чеш. *kapr*, м. р. 'карп' (Kott I, 669), слвц. *karor*, род. п. *-pra*, м. р. 'карп, сазан' (SSJ I, 674), др.-русск. *коропъ* м. р. 'рыба карп' (Х. Дан. иг., 102. 1496 г. ~ 1113 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342, с вар. *капоръ*, *карпъ*, *коропиць*, *коропчий*; Срезневский I, 1291), русск. диал. *кóроп* 'вид белой рыбы, сазан' (кубан., В. Водарский РФВ LXVIII, 1912, 400), 'карп' (арх., брян., курск., смол., нижегор., донск., кубан., Филин 14, 365), ст.-укр. производное *коропинъ*, прилаг. 'нагруженный каршами' (Сучава, 1466 г., Словник старукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *кóроп* м. р. 'карп *Syrpinus barbuis*' (Гринченко II, 287).

Обширный обзор форм см. В. В. Усачева. Материалы для словаря славянских названий рыб. IV (семейство *Syrpinidae*). — Этимология. 1976 (М., 1978), 79 и сл.

Название карпа имеет сложную, до конца не выясненную проблематику, происхождение слова по-прежнему неясно, положительный результат ограничивается лишь констатацией близости ряда форм и хронологических различий между ними, а также указанием на заимствование некоторых более поздних форм вроде русск. *карп*, польск. *karpi*.

Наличие праслав. формы — **когръ* — доказывает древность слова. Дальнейшие связи, однако, неясны. Почему-то обычно считают, что ср.-лат. название карпа — *carpa* (Кассиодор, VI в. н. э.) — происходит из герм., см. Walde—Hofm. I, 171; Berneker I, 575 (со ссылкой на Турнайзена); Kluge²⁰ 354 (лат. *carpa* из незасвидетельствованного гот. **carpa*). Однако реально приходится считаться с нем. формой — *Karpfen*, которая начиная с др.-в.-нем. *karpfjo* отличалась такой характерной особенностью как наличие сочетания *pf*, встречающегося как правило в заимствованной лексике. Герм. название карпа не имеет этимологии и не является исконным словом. Неубедительно поэтому мнение о заимствовании слав. **когръ* из герм. до VIII в. Так см.: В. Т. Коломиец. Ихтиологическая номенклатура славянских языков как источник для исследования межславянских этнических взаимоотношений. Киев, 1978, 21. Она же. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983. Ср. еще Фасмер II, 334—335: *кóроп* 'карп *Syrpinus carpio*'. . . «Нельзя отделять от др.-в.-нем. *karpfjo*, *karpo* 'карп' . . . Скорее всего, слав. из герм.» Ссылка Фасмера на давнее распространение этой рыбы «в районе Дуная и Альп» не укрепляет исконногерм. версию происхождения слова, так как достоверно известно, что германцы — не аборигены в Южной Германии, а пришельцы, пришедшие туда (т. е. на Верхний Дунай и в Альпы) во всяком случае после кельтов.

Из этого еще не вытекает, что герм., нем. название карпа было заимствовано обязательно из слав. **когръ*, как думает Бернекер,

см. Berneker I, 575. Он предлагает слав. этимологию слова, считая его родственным слав. **korpaвъ* (см. у нас **korpa*) на том основании, что карп (особенно зеркальный карп) со своими немногочисленными крупными чешуйками казался покрытым коростой или паршой (?). Неудивительно, что это толкование не вызвало особого одобрения ни у этимологов, ни у ихтиологов, см. специально против: Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — В кн.: Л. С. Берг. Избранные труды. Т. 5. М., 1962, 34.

Таким образом, в литературе господствует пока неясность в вопросе происхождения слав. **korpъ*. Этой неясности давно придали форму предположения о заимствовании названия карпа у первобытного, неизвестного, древнего, доиндоевропейского населения Европы. Ср. Miklosich 132: «Европейское слово темного происхождения»; Г. Майер у Бернекера, там же: «vogarisch-europäisch»; Machek² 240: «праеввропейское» слово.

Карп «с давних пор водится в альпийской области» (Коломиец. Указ. соч., 20), иначе говоря — за пределами ареала древнего обитания славян, как его обычно понимают, т. е. (с вариантами) от Балтийского моря до Карпат и от Вислы до Днестра. Позднейшее развитие прудового рыбного хозяйства распространило довольно рано из Германии по Европе, в том числе в слав. странах уже чисто нем. форму названия рыбы: *karpe*, *karpi*. Это наиболее позднее культурное заимствование вытеснило в некоторых слав. языках древнее **korpъ*, как напр. в польск. См. Sławski II, 82. Аккультурация карпа шла, таким образом, тоже из Центральной Европы, где он первоначально эндемичен. Возможно, его более древнее слав. название **korpъ* — тоже культурное заимствование, предполагающее, в свою очередь, относительную близость к Центральной Европе и наличие обмена с ней у славян. Это не значит обязательно, что источником был неиндоевропейский язык. У нас нет никаких указаний о том, что **korpъ* или лежавшее в его основе слово неизвестного языка **karpo-* было неиндоевропейским. Единообразие форм **karpo-* / **korpo-* не способствует тому, чтобы рассеять неясность. И все же слав. соответствия дают некоторый материал для дальнейших поисков. Обращает в этой связи на себя внимание форма чеш. *kapr*, словц. *karog* (см. выше), резко выделяющаяся из всех остальных соответствий праслав. **korpъ* в слав. языках. На этом основании принято считать чеш. *kapr* результатом метатезы первоначального **krap*, см. Machek, там же. Если учесть, что это **krap* (в чеш. и словц.), в свою очередь, появилось в итоге общеслав. метатезы плавных из известного уже праслав. **korpъ*, то на долю чеш. слова придется уже две метатезы, а это слишком сильное допущение в методологическом плане. Возможно, стоит попробовать пойти иным путем и факт выпадения чеш. *kapr* из общеслав. картины трактовать самостоятельно — как древнее локальное

явление. Изолированность чеш. формы кажущаяся, в более отдаленных языках имеются аналогичные названия карпа и близких ему рыб. Берг (указ. соч., 34) приводит перс. *kopur* (в провинции Гилян, южн. берег Каспийского моря), не должно остаться в стороне и греч. *κίπριος* 'карп' (Аристотель), производное с суф. *-ιος*, но отнюдь не от названия хны якобы по цвету (вопреки Frisk II, 51; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 600). Ср. еще др.-инд. *saphara* 'вид карпа Cyprinus saphore', лит. *šāpalas* 'вид карпа Cyprinus do-bula', суждения о которых затруднены.

В порядке гипотезы кажется полезным предложить реконструкцию и.-е. **kǵǵro-/*kǵǵpro-* 'карп' < 'надутый' (ср. вокализацию тембра *u* в греч. *κίπρ-ιος*!). Округлость тела и брюшка характерна для карпа, сазана. Здесь опять на помощь приходит чеш. язык с его крайне любопытным словоупотреблением: *kaprovité nebe* 'небо в «карпах»' (пример из: Machek, там же), т. е. 'в отдельных облачках'. Если это метафора, то довольно странная. Скорее, это след давнего более общего значения и.-е. корня **kǵǵr-/*kǵǵr-* 'дуть, надувать', который мог лечь в основу обозначений всего округлого, надутого — и облака особой формы и живого существа.

Тогда еще более древней формой, преобразованной затем в **kǵǵro-/*kǵǵro-* в слав. и других и.-е. языках Европы, оказывается — тоже и.-е. — форма **k(u)ar-ro-*, суффиксальная производность которой не вызывает сомнений. Можно отметить ее сохранность в чеш.-слвц., наиболее «дунайской» группе из всех слав. языков.

*korsta: ст.-слав. *красѣ* ж. р. *στίγμα λέπρας*, *crusta lęprae* 'язва (проказы), короста' (SJS; Mikl.), болг. *красѣ* ж. р. 'чесотка Scabies' (БТР; Геров—Панчев), также диал. *красѣ* (С. Ватев. Материали по народната медицина в България. — СБНУ XXI, 1905, 22; М. Младенов БД III, 93), *красѣ* ж. р. (С. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), макед. *красѣ* ж. р. 'чесотка; парша' (И-С), диал. *красѣ* 'болезнь скота' (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), *krásta*, мн. *krásti* (Mačeski 54), сербохорв. *красѣ* ж. р. 'короста, струпья', 'оспа', 'проказа', 'ряска, зелень на стоячей воде' (РСА X, 432; РЈА V, 470), также диал. *красѣ* (РСА IX, 324), *krásta* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krásta* ж. р. 'струп, короста' (Plet. I, 457), ст.-чеш. *krásty* 'парша' (Novák. Slov. Hus. 51), чеш. *chrásta* ж. р. 'парша', 'струп', *chrásty* 'чесотка' (Kott I, 541), диал. *chrásta* 'чесотка' (Hruška. Slov. chod. 35), *chrast* 'болячка' (Bartoš. Slov. 120—121), *chrasty* мн. (Kellner. Východolaš. II, 181), *chrásti* мн. 'чесотка' (Vydra. Hornoblan. 103), слвц. *chrasta* ж. р. 'струп', 'короста' (SSJ I, 572), диал. *krasta* (Kálal 269; Stanislav. Lipt. 191; 212; Habovštiak. Orav. 116), *krasta* ж. р. (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 228), ст.-польск. *krosta* ж. р. 'короста, болезненная сыпь на коже' (Sl. stpol. III,

392; Sł. polszcz. XVI w., XI, 250), польск. *krosta*, диал. *chrosta* ж. р. 'сыпь', 'короста' (Warsz. II, 562), *krosta* 'костра, отделяющаяся при чистке конопли' (Sł. gw. р. II, 482), словин. *krosta* ж. р. 'сыпь', 'короста' (Suchta II, 260), др.-русск. *короста* ж. р. 'короста, болячки на коже; болезнь чесотка' (Втз. XXVIII, 27. XIV в.), (мн.) 'струнья, чешуйки' (Назиратель, 474. XVI в.) (Срезневский I, 1291; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342), русск. *корбста* ж. р. 'чесотка' (Даль³ II, 430), 'гнойные струнья на коже при заболевании чесоткой', диал. *корбста* ж. р. (мн.) 'трещины на руках и ногах от холодной сырой погоды' (влад.), 'полосы грязи на теле' (влад.), 'корка, образующаяся на поверхности глинистых почв при засухе' (вят.), 'наплыв или нарост на древесном стволе' (костр.) (Филин 14, 366), 'растение белена' (твер., там же), *карбста* 'чесотка' (Картотека Словаря брянских говоров), укр. *корбста* ж. р. 'чесотка' (Гринченко II, 287), диал. *корбста* 'кострика' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 231; Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 222), *кброст* м. р. 'корни и пр. на поле' (Гринченко II, 287; Чигир. у.), ст.-блр. *короста* (Скарына 1, 279), блр. *карбста* ж. р. 'короста', 'чесотка', также диал. *карбста* 'короста', 'кострика' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422), 'ряска' (там же).

Обычно сближали с лит. *kařšti* 'чесать (шерсть, лен)', др.-инд. *kaṣ-* (из **kars-*) 'скрести, царапать', см. Miklosich 132; F. Fortunatov KZ XXXVI, 1900, 2. Сравнение с лат. *carrere* 'скрести, чесать', нем. *harsch* 'грубый, жесткий' см., вслед за Вальде и И. Шмидтом, Bergker I, 575; Преобр. I, 360; Фасмер I, 335. Аналогия семантической связи русск. *чесотка* — *чесать*, нем. *Kratze* — *kratzen* как будто делает эту этимологию вполне вероятной, однако окончательно принять ее мешает акцентологический критерий, а при дальнейшем рассмотрении может быть иначе понята семантика. Еще Траутман обратил внимание на различие интонаций: слав. акут сербохорв. *kr̄bsta*, русск. *корбста*, но балт. циркумфлекс лит. *kařšti*, см. Trautmann BSW 118. Однако он неубедительно толкует слав. акутовую долготу здесь аналогично отношению русск. *вброн* (циркумфлекс) — *ворбна* (акут в производной форме с продлением корневого гласного). Похоже, что должным образом не оценили свидетельства слав. интонации и другие этимологи, ср. напр. Sławski III, 141, где содержится констатация акутового ударения праслав. **korsta* и одновременно говорится, что лит. *kařšti* — его ближайшее соответствие.

Исследователи, воспринимающие слав. **korsta* как отглагольное имя, не довольствуясь глагольными соответствиями за пределами слав. языков (выше), реконструируют или отыскивают исходные слав. глаголы **čersti* или **čьrзati*, **čьrsnqti*, продолжающие, в общем, и.-е. **kers-* 'резать'. См. В. А. Меркулова. — Этимоло-

гия. 1970 (М., 1972), 186; Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1971 (М., 1973), 7—8. Однако сомнительно, чтобы эти глаголы в данной апофонической связи дали акутовую интонацию слав. **kōbsta*, которое имеет смысл трактовать как старую долготу в корне **korastā*. Отглагольная этимология делается затруднительной. Точно так же не могла бы рассчитывать на успех, скажем, этимология **korsta* < **kostra* (см.) через метатезу.

Поэтому целесообразно обратить внимание на значение 'кора' как основное и, возможно, допускающее членение **kor-sta*, производное с суф. *-sta* от **kora* (см.).

**korstavica*: болг. *крáставица* ж. р. 'огурец *Cucumis sativus*' (РБЕ; Геров: 'огурец', 'волдырь'), диал. *крáставица* ж. р. 'огурец' (М. Младенов БД III, 93; Журавлев. Криничное 148), *крáставицъ* ж. р. 'огурец', 'шишка на голове от удара' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70), *крáстъвицъ* ж. р. то же (Колев БД III, 302; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 123; Л. Ралев БД VIII, 138), *крáстъйцъ* ж. р. (Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207), макед. *крáставица* ж. р. 'огурец' (И-С), также диал. *krastavica* (Małecki 54), сербохорв. диал. *крáставица* ж. р. 'огурец *Cucumis sativus*', 'вид тыквы с шершавой кожурой', 'болезнь виноградной лозы в виде желтой или красноватой сыпи на листьях' (РСА X, 433), 'жаба *Bufo L.*' (RJA V, 471), словен. *krástavica* ж. р. 'жаба *Bufo cinereus*' (Plet. I, 457).

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **korstavъ* (см.), **korstava*.

**kōrstavъ(jь)*: цслав. *красѣвъ*, прилаг. *φραγρῖδων*, *scabie laborans* (Mikl.), болг. *крáстав*, *-а*, *-о*, прилаг. 'чесоточный, шелудивый, паршивый' (РБЕ; Геров), диал. *крáстаѣ*, *-ѣа*, прилаг. (М. Младенов БД III, 93), *крáстѣѣ* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *крáстаѣ*, прилаг. 'чесоточный' (Журавлев. Криничное 148), макед. *крáстав* 'чесоточный, большой чесоткой', 'паршивый' (И-С), также диал. *krástaf* (Małecki 54), сербохорв. *крáстав*, *-а*, *-о* 'покрытый коростой', 'шероховатый, заскорузлый, потрескавшийся (о коже плодов, овощей)' (РСА X, 432—433; RJA V, 470—471), также диал. *krāstov* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krástav*, прилаг. 'покрытый струпьями', 'чесоточный' (Plet. I, 457), также *hrástav* (Plet. I, 279), чеш. *chrastavý*, прилаг. 'покрытый струпьями, паршивый', ст.-польск. *krostawy* 'чесоточный' (1444 г., Sł. stpol. III, 392; Sł. polszcz. XVI w., XI, 251), польск. *krostawy* то же (Warsz. II, 563), др.-русск., *короставыи*, *коростовыи* 'покрытый коростой, струпьями' (Изб. 1073 г., 49. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342; Срезневский I, 1291), *Короставый*, личное имя собств. (Псков, 1435 г., Веселовский. Ономастикон 157), укр. *корбставий*, *-а*, *-е* 'чесоточный', 'шероховатый (о твердой поверхности)' (Гринченко II, 287), диал. *корбстовы* 'костристый' (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 222), ст.-блр. *короставыи*, прилаг. от *короста*

(Скарына 1, 279), блр. диал. *карбстаавы*, прилаг. 'связанный с коростой, чесоткой' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі, 2, 422), *карбставая жаба* 'жаба' (там же).

Об исконности польск. *krostawy* см. специально М. Basaj, J. Siatkowski. — *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 8, 10.

Прилаг., производное с суф. *-(a)въ* от **korsta* (см.).

**korstavьka*: сербохорв. диал. *крѣстѣвка* ж. р. 'сорт яблек', 'рыба *Leuciscus virgo*' (РСА X, 433; РЈА V, 471), словен. *krástavka* ж. р. 'чесоточная женщина', 'огурец *Cucumis sativus*' (Plet. I, 457), польск. *krostawka* ж. р. 'растение *Psoralia*' (Warsz. II, 563), укр. диал. *корбставка* ж. р. 'женщина, больная чесоткой' (Шух. I, 34), 'жаба' (Вх. Зн. 28) (Гринченко II, 287), блр. диал. *карбстаўка* ж. р. 'клоп' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 215).

Производное с суф. *-ька* от прилаг. **korstavъ* (см.), **korstava*.

**korstavьсь*: болг. диал. (Геров—Панчев: Кавадарци—Македония) *красѣвецъ* м. р. 'растение *Anchusa officinalis*', сербохорв. *крѣставац*, род. п. *-ѣвца*, м. р. 'огурец *Cucumis sativus*', (диал.) 'сорт дыни с шершавыми плодами', 'сорт картофеля' (РСА X, 433; РЈА V, 471: 'чесоточный человек', с XIV в.), *krāstovac* 'чесоточный человек' (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krástavec*, род. п. *-vca*, м. р. 'чесоточный человек', 'огурец *Cucumis sativus*' (Plet. I, 457), ст.-польск. *krostawiec* 'растения *Senecio Jacobaea L.*, *Sanicula Europaea L.*' (XV в., Sł. stpol. III, 392), польск. стар. *krostawiec* 'прокаженный' (Warsz. II, 563).

Производное с суф. *-сь* от прилаг. **korstavъ* (см.).

korstель*/korstěль*: ст.-слав. *красѣлъ* ж. р. *орѣшѣцѣра, coturnix* 'коростель, перепел' (Psalt., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., книжн. *krastijel*, *krastjel*, *krastaļ* ж. р. 'перепел' (РЈА V, 473), ст.-чеш. *chřiestel*, *chřástel* м. р. 'коростель' (Gebauer I, 556), чеш. *chřástal* м. р., слов. диал. *chřašt'el* (Stanislav. Lipt. 212), польск. *chruściel* м. р. 'птица из сем. *Rallidae*' (Dorosz. I, 918), др.-русск. *коростель* м. р. 'птица коростель' (Ав. Кн. бес., 403. 1675 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342), *Коростель*, *Коростелев* (XV в., Тупиков 255, 646), русск. *коростель* м. р. 'птица из сем. пастушковых, отличающаяся резким скрипучим криком; дергач', диал. *коростель* м. р. 'трещотка у сторожа на бахче' (донск., Филин 14, 366), *кбростель* м. р. 'коростель, дергач' (Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 250), *кбрось*, *кбрость* 'коростель' (Картотека СТЭ).

Суффиксальное производное от звукоподражания **korst-* с вариантом **xorst-* (ср. выше примеры на начальный придыхательный), но не **xvorstъ* (см.), так как вариант **xorst-*, скорее всего, вторичен, см. Махек, ниже, а также Малиновский.

См. уже С. Микудкий Изв. ОРЯС IV, 5, 1855, 334; Miklosich 132; L. Malinowski PF I, 1885, 155; Verneker I, 575—576; Преобр. I, 360; Л. А. Булаховский. Общеслав. названия птиц. — ИАН ОЛЯ

VII, 2, 1948, 112 (производит от звукоподражательного глагола); Фасмер II, 335; R. Jakobson, — Word 11, 1955, № 4, 611 (сближает с чеш. *chrastiti*, как уже Микуцкий, выше, ровно за сто лет до этого); Machek² 207 (исходит из корня, родственного звукоподражательному глаголу лит. *kařkti*, что является уже лишним); Oštir. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen 89 (**korstěľ* < **korstěrb*, ср. лат. *cōturnix* 'перепел' < **koṭr*- < **kosthr*- < **korsthr*-).

**korstiti*: сербохорв. диал. *krāstīmi* 'рубить, срезать ветки с листьями, подрубать' (РСА X, 434), русск. диал. *коростить* 'укрываться, шалить' (новг., влад., Филин 14, 367), *корбститься* 'чваниться, важничать' (волог.), 'капризничать, быть чрезмерно обидчивым и щепетильным' (твер., пск., костр.), 'жаловаться, плакаться' (пск., твер.) (Филин, там же; Даль² II, 430). — Не свяzano, по-видимому, с отыменным (см. **korsta*) производным глаголом словен. *krāstiti se* 'рубцеваться, зарастать (о ране)' (Plet. I, 457).

Приведенные слова пропущены в соответствующих этимол. словарях (Скок, Фасмер); это вызвано тем, что они как бы затенены широкоизвестным словом **korsta*, к которому, скорее всего, не имеют отношения. Можно лишь допустить определенное вторичное акцентологическое влияние: **kōrsta* → **kōrstīti*. Наш глагол формально повторяет акутовое ударение, характерное для **korsta* и его производных. В действительности же есть основания говорить об особой этимологической связи для нашего **korstīti*, ср. лит. *kiršti*, *kertū* 'рубить, бить, ударять', лтш. *cīrst*, *cērtu* 'рубить, кусать, колоть' с корнем *kert-* и его именной производной формой лит. *kařtas* 'раз' (см. у нас **kortě*; о балт. словах см. Fraenkel I, 258, без упоминания разбираемого здесь слав. глагола **korstīti*). Слав. **korstīti* можно было бы интерпретировать в таком случае как глагольный интенсификатор **kort-t-iti* или **kort-st-iti*, производный от **kortě*.

Довольно показательна семантика **korstīti*, ср. первичное значение 'рубить, срезать, подрубать' (сербохорв., выше) и ряд производных, переносных значений: 'шалить', 'капризничать', 'жаловаться, плакаться' (русск.). Производность этих последних от 'бить, рубить' весьма правдоподобна, ср. аналогии нем. *Streich* 'удар' и (вторично) 'шалость', а также лит. *plàkti* 'бить, ударять' и слав. **plakati* (см.), русск. *плакать*.

**kortati* (se): болг. диал. *krātam se* 'кончать' (Горов. Страндж. БД I, 100), *krātam* 'кончать', *krātam sa* 'кончаться' (Стойчев БД II, 192), русск. *коротать* 'проводить, занимать чем-либо время', диал. *коротать* 'делать что-либо короче, укорачивать' (волог., смол., заурал.), 'делаться короче' (яросл.), 'проходить (о времени)' (пск.) (Филин 14, 368), укр. *коротати* 'коротать, проводить' (Гринченко II, 287), также *каротати* (Гринченко II,

220), диал. *коротати* 'перебиваться, бедствовать', 'донимать' (Онышкевич 370), блр. *коротыць* 'проводить, сокращать время' (Носов.).

Глагол на *-ati* (итератив-дуратив), производный от **kortъ* (см.) и соотносительный с прилаг. **kortъкъ* (см.). Формально идентично лит. *kartoti* 'повторять', но эти образования совершенно независимы, так как семантика краткости, укорачивания манифестируется в балт. лексике другими средствами (ср. об этом подробнее на **kortъкъ*).

**kortelъ*: сербохорв. диал. *крѣтель* м. р. 'тяжелая инфекционная болезнь с непродолжительным течением и смертным исходом', 'мор, эпидемия', 'короткая, маленькая папья', 'короткая ядовитая змея' (РСА X, 436—437; RJA V, 479—480), русск. диал. *коротель* ж. р. 'рыба небольшого размера', 'низкая трава' (Элиасов 165).

Производное с суф. *-elъ* от **kortъ*, **kortъкъ* (см.). Совершенно очевидна лежащая в основе разных значений идея краткости, поэтому более сложная этимологизация неуместна (см. Ё. М. Škarčić. *Nast. V. XV*, 737—741. Цит. по: RS I, 1908, 299). Дополнительно о значениях сербохорв. слова см. П. К. Булат. *ЖФ V*, 1925—1926, 139.

**kortěti*: сербохорв. стар., редк. *крѣтјети* 'становиться короче' (XVII в., RJA V, 483), польск. *krócieć* 'становиться короче, сокращаться' (Warsz. II, 565), русск. диал. *коротеть* 'делаться короче' (яросл., смол., Филин 14, 369), блр. *карацѣць* 'укорачиваться, становиться короче' (Блр.-русск.), *короцѣць* (Носов.).

Глагол на *-ěti*, производный от **kortъ*, **kortъкъ* (см.).

**kortiti*: болг. (Геров) *кратж* 'окончить', диал. *крати се* 'кончиться' (М. Младенов БД III, 93), *кратъ съ* (Т. Бояджиев. Дедеагачко. — БД V, 230), *кратъ* 'кончить' (Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *крате* 'обломать' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), *крате се* 'бороться', 'ругаться, ссориться' (там же), макед. *крати* 'укорачивать' (И-С), сербохорв. *кратити* 'укорачивать, сокращать', 'обрубать', 'запрещать', 'препятствовать, мешать' (РСА X, 437—438; RJA V, 483), также диал. *krōtit* (Hraste—Šimunović I, 465), словен. *krātiti* 'укорачивать, сокращать', 'притеснять, мешать' (Plet. I, 458; Tominec 118), чеш. *krātiti* 'укорачивать, сокращать', 'коротать (время)', словц. *krātiti* 'укорачивать, сокращать' (SSJ I, 764), ст.-польск. *krōcić* 'сокращать (время)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 193), польск. *krócić* 'укорачивать, сокращать', 'сдерживать, удерживать, унимать' (Warsz. II, 565), словин. *krāčec* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 495), *krōcас* (Lorentz Pomor. I, 380), русск. *коротить* 'делать короче, урезать, ушивать' (Даль³ II, 432), укр. *коротити* 'укорачивать' (Гринченко II, 288), блр. *караціць* 'укорачивать, делать короче' (Блр.-русск.), *короціць* (Носов.).

Глагол на *-iti* (каузатив), производный от **kortъ*, **kortъкъ* (см.).

***kortonogъ**: сербохорв. диал. *kr̃atonoга* ж. р., кличка вола (РСА X, 445), ст.-чеш. *Kratonohy* мн., местн. название (Ст.-чеш., Прага), чеш. *Kratonohy* то же (Kott I, 807; Profous II, 372—373), др.-русс. *Коротноговь*, фам. (в Сибири, 1680 г. Туников 646).

Сложение **kortъ* (см. **kortъkъ*) и безаффиксного прилаг. *-nogъ* (обычно в роли второго компонента адъективных сложений, напр. **beznogъ*), тождественного **noga* (см.). Ср. **kortъkonogъ* (см.).

***kortostъ**: цслав. *kr̃atostъ* ж. р. *brevitas* 'короткость, краткость' (SJS), польск. стар. *kr̃atosć* ж. р. 'краткость' (Warsz. II, 564).

Производное с суф. *-ostъ* от **kortъ* (см. **kortъkъ*). Ср. более распространенное **kortъkostъ* (см.).

***kortošъjъjъ**: цслав. *kr̃atoshii*, прилаг. *breve collum habens* (Mikl.), сербохорв. *kr̃atoshija*, *kr̃atoshija* ж. р. 'сорт черного винограда' (РСА X, 445; RJA V, 468), др.-русс. *коротошии*, прилаг. 'имеющий короткую шею' (Хрон. И. Малалы, V, 10. XV в. ~ XIII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 344; Срезневский I, 1291).

Адъективное сложение **kortъ* (см. **kortъkъ*) и прилагательного от **šъja* (см.).

***kortъ**: ст.-слав. *kr̃atъ*, *kr̃ata*, *kr̃aty*, нареч. числ. 'раз', дѣла *kr̃aty* *dis*, *bis* (Zogr., Mar., Euch., Supr., Mikl., Sad., SJS), болг. диал. *kr̃ata* ж. р. 'конец' (Горов. Страндж. БД I, 100), макед. диал. *kr̃at*, *kr̃ata* 'часть аршина, равная 2 см' (Св. Николско MJ II, 7, 1951, 166), сербохорв. стар. *kr̃at* м. р. в сочетаниях с количественными числ. 'раз' (РСА X, 435; RJA V, 474—476), словен. *kr̃at* м. р. 'краткость' (Plet. I, 457), *kr̃at* м. р. 'раз' (там же), ст.-чеш. *kr̃at* 'раз' (*mnoho jste mi krat psali*. 1453 г. *Vázný. Středověk. list.* 31), чеш. *kr̃at* (Jungmann II, 170), *Kraty*, местн. название (Profous II, 374), слвц. *-kr̃at* в составе нареч. числ.: *dvakrát* 'два раза, дважды' и т. п. (SSJ I, 764), н.-луж. *kr̃ot* м. р., несклон. суц., только в сочетаниях с числит. 'раз' (Muka Sł. II, 700), словин. *kr̃ót*, нареч. = *kroc* (Lorentz Pomor. I, 384).

Весьма любопытно отсутствие соответствий в вост.-слав. языках, где рано появилось заимствованное ст.-слав. (др.-болг.) *kr̃atъ* и числительных оборотов с ним. См. Фасмер II, 368. В остальных — южн. и зап. — слав. языках слово представлено достаточно широко, ср. также вариант **korta* ж. р., который мог бы быть реконструирован на базе болг. диал. *kr̃ata* ж. р. 'конец' (выше). Любопытно, что Миклошич дает для ст.-слав. *kr̃atъ* (дѣла *kr̃aty*) особую реконструкцию *kartü*, отличную от праформы *kortü*, которую он дает для ст.-слав. *kr̃atъkъ*, см. Miklosich 132. Между прочим, уже выявление варианта ж. р. **korta* помогает путем внутренней реконструкции констатировать для праслав. **kortъ* наличие основы на *-o-*, факт, кажущийся настолько очевидным, что о нем забывают, переходя к рассмотрению близкородственного **kortъkъ* (см.), связь с которым, действительно, очень тесная, ср. варьирование этимологически тождественных, более простых форм на *korto-* (вместо *kr̃otъko-*) в словообразовании и формообразовании.

Родственно лит. *kařtas* 'раз', *kartà* ж. р. 'слой', 'поколение', которые объединяет со слав. также интонация корневого гласного (циркумфлекс), ср. сербохорв. *krām* (выше). Древняя семантика вполне ясна: 'счетный раз' < 'бить, ударять'. Как балт., так и слав. слово являются производными от близкородственных глаголов — лит. *kertù*, *kirsti* 'рубить, ударять' слав. **čersti*, *čьrtq* (см.). См. Verneker I, 576; Trautmann BSW 130—131; Brückner 267—268; Fraenkel I, 258; Sławski III, 115—117; Machek² 290; БЕР 2, 721 (болг. диал. *krāma* ж. р., выше, не учитывают; любопытно, что циркумфлексную интонацию восстанавливают не только для праслав. **kortъ*, в БЕР — **kārtъ*, но и для **kortъkъ* — **kārtъkъ*, хотя последнее неверно); Skok. Etim. gječn. II, 182 (неточно говорится об общеслав. распространении **kortъ*, ср. выше); Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 72 (связывает **kortъ* и **kolъ*, см.).

**kортъkonогъjъ*: сербохорв. *kratkōnog*, прилаг. 'коротконогий' (RJA V, 484), словен. *kratkōnog*, прилаг. то же (Plet. I, 458), чеш. *krátkonohý*, прилаг. 'коротконогий' (Jungmann II, 171; Kott I, 806), слов. *krátkonohý* (SSJ VI, 46), в.-луж. производное *krótkonohaty*, -а, -е 'коротконогий' (Pfuhl 292), польск. *krótkonogi* (Warsz. II, 571), русск. *коротконогий* (Даль³ II, 432), укр. *коротконогий*, -ая, -ое, 'с короткими ногами' (Желех., Грищенко II, 288), блр. *каратканогі*, -ая, -ое (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 639).

Сложное прилаг. из **kortъkъ* (см.) и -*ногъ* (см. **noga*).

**kортъkopовъjъ*: сербохорв. *kratkōnos*, прилаг. 'коротконосый' (RJA V, 484), словен. *kratkōnos*, прилаг. то же (Plet. I, 458), чеш. *krátkonosý*, прилаг. 'коротконосый' (Jungmann II, 171; Kott I, 806), в.-луж. производное *krótkonosaty*, -а, -е 'коротконосый', ст.-польск. *krótkonosy* (Sl. polszcz. XVI w., XI, 259), польск. *krótkonosy* (Warsz. II, 571), др.-русс. *коротконосый*, прилаг. 'имеющий короткий нос' (Новг. каб. кн., 260. 1594 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 343), русск. *коротконосый*.

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного компонента -*носъ* (см. **nosъ*).

**kортъкоокъjъ*: сербохорв. *kratkōk*, *kratkook*, прилаг. 'близорукий' (RJA V, 484), чеш. *krátkooký*, прилаг. то же (Jungmann II, 171), польск. редк. *krótkooki* 'близорукий' (Warsz. II, 571).

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного -*окъ* (ср. **bezokъ*) от **oko* (см.).

**kортъкоркъjъ*: сербохорв. *kratkōruk*, прилаг. 'короткорукый' (RJA V, 484), словен. *kratkōruk* то же (Plet. I, 485), чеш. *krátkoruký*, прилаг. 'короткорукый' (Jungmann II, 171), в.-луж. производное *krótkorukaty*, -а, -е (Pfuhl 292), польск. *krótkoręki* то же (Warsz. II, 571), русск. *короткорукый*, диал. *короткорукый*, -ая, -ое 'склонный к плутовству, плутоватый' (Элиасов 165), укр. *короткорукый* 'короткорукый' (Укр.-рос. словн. II, 380), блр. *картакрукі* 'короткорукый' (Блр.-русс.).

Сложение *kортъкъ (см.) и адъективного -ръкъ (см. *ръка).

*kортъкъсть: болг. *краткост* ж. р. 'краткость' (РБЕ), макед. *краткост* ж. р. (И-С), сербохорв. *краткост* ж. р. 'краткость' (РСА X, 443; RJA V, 485: «Слово праслав.»), словен. *kratkost* ж. р. (Plet. I, 458), чеш. *krátkost'* ж. р. (Kott I, 806), *krátkost*, слвц. *krátkost'* ж. р. (SSJ I, 764), в.-луж. *krótkosé* ж. р. 'краткость' (Pfuhl 292), н.-луж. *krotkosé* ж. р. 'короткость' (Muka Sl. I, 700), ст.-польск. *krótkosé* 'краткость', 'ущемление в правах, кривда' (Sl. stpol. III, 406), *krótkosé* ж. р. 'краткость', 'малость', 'конец, предел' (Sl. polszcz. XVI w., XI, 259—260), польск. *krótkosé* ж. р., суц. от прилаг. *krótki* (Warsz. II, 571), словин. *krótkosc* ж. р. 'близость', 'кратковременность' (Sychta II, 261), *krótkosc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), *krótkosc* (Lorentz Pomor. I, 384), русск. *короткость* ж. р. 'свойство короткого' (Даль² II, 169), укр. *короткість*, род. п. -*кості*, ж. р. 'короткость; краткость, непродолжительность' (Укр.-рос. словн. II, 380), блр. *кароткасць* ж. р. (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 646).

Производное с суф. -*ость* от прилаг. *kортъкъ (см.). Ср. *kортость (см.).

*kортъковѣкъ(жь): сербохорв. *kratkòvjek*, прилаг. 'недолговечный' (RJA V, 485), чеш. стар. *krátkověký* то же (Jungmann II, 171), польск. *krótkowieki*, прил. 'недолговечный' (Warsz. II, 572).

Сложение *kортъкъ (см.) и адъективного -вѣкъ (см. *вѣкъ).

*kортъкъ(жь): цслав. кратъкъ, прилаг. βραχύς, brevis 'короткий, краткий' (Mikl., SJS), болг. *кратък*, прилаг. 'короткий, краткий' (РБЕ; БТР), также диал. *кратък* (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240), макед. *краток* (И-С), сербохорв. *kratak*, *krátka*, прилаг. 'короткий, краткий' (RJA V, 476—479), также диал. *kròtak* (Hraste—Šimunović I, 465), *kràtka vòda* 'непродолжительный, кратковременный подъем уровня воды' (Leksika ribarstva 170), словен. *krátek*, -*tka*, прилаг. 'короткий, краткий' (Plet. I, 457—458), ст.-чеш. *krátký* 'краткий, скудный, недостаточный' (řeč česká v tom jest *krátká*. Novák. Slov. Hus. 51), чеш. *krátký*, прилаг. 'короткий, краткий', также диал. *krátký* (Kubín. Čech. klad. 190), *krátkýj* (Hruška. Slov. chod. 45), слвц. *krátky* 'короткий, краткий' (SSJ I, 764), в.-луж. *krótki* (Pfuhl 291), н.-луж. *krotki* 'короткий' (Muka Sl. I, 700), полаб. *kort'ě*, прилаг. 'короткий, краткий' (Polański—Sehnert 81), ст.-польск. *krótki* 'короткий, непродолжительный', 'краткий' (Sl. stpol. III, 405—406), *krotki* (Sl. polszcz. XVI w., XI, 253—257), польск. *krótki* (Warsz. II, 570), словин. *krótki* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), *krótk'i* также 'густой (о кушаньях)' (Sychta II, 260—261), др.-русск. *коротъкъи* (И нбо и лѣта ны су^т *коротка*, и трудъ малъ на земли. Паис. сб. 181. Пр. соб. Срезневский I, 1291; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 343), *Короткой*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 649. Тушиков 255), русск. *короткий*, -*ая*, -*ое* 'небольшой, малый по длине', 'непродолжительный, малый по времени' (разные употребления диал. *короткий* см. Филин 14, 369), укр. *короткий*,

-а, -е 'короткий,' 'краткий' (Гринченко II, 288), блр. карбтки 'короткий', также диал. карбтки (Слоун. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422, фам. Карбтки (в XVI—XVIII вв. — *Короткий, Коротки, Каротки*. Бірыла 187).

Собственно говоря, еще во времена Миклошича было ясно, что речь идет о производном от глагольного корня *kert-, ср. лит. *kirsti, kertù* 'рубить', т. е. об имени с корневым гласным -о- *kortъ, см. Miklosich 132; A. Meillet MSL 14, 4, 1907, 384. Таким образом, это *kortъ, абстрагируемое из *kortъkъ, этимологически тождественно другому нашему *kortъ (см.) 'раз, (счетный) удар' < 'режущий удар'; при этом значение 'короткий' развилось из 'куцый, обрезанный', см. Verneker I, 576—577. Этого тождества, а также наших сведений о том, что *kortъ 'раз' было -о- основой (ср. лит. *kařtas* 'раз', а также вариант ж. р. с исходом -а, разбираемый выше в статье о *kortъ), казалось бы, вполне достаточно для того, чтобы считать и этимологически идентичное *kortъ в составе *kortъkъ основой на -о-. Однако, начиная с Фика, были выдвинуты этимологические сближения, которые, несмотря на очевидное противоречие достоверным фактам, утвердились в качестве основной характеристики слав. *kortъkъ и некритически повторяются до сих пор большинством исследователей, временами даже вытесняя единственно достоверное тождество двух *kortъ. Так, у Фасмера (II, 336) уже совершенно не упоминается тождество с *kortъ 'раз', которое Бернекер ставит в первый ряд, но дается лишь ссылка на связь чередования гласных с русск.-цслав. *чрътж, чръсти* 'резать', явно недостаточная сама по себе. На первый план выдвинулись сближения с др.-инд. *kařuř* 'острый, едкий' и лит. *kařùs* 'горький'. Однако оба слова вызывают особые замечания, подрывающие надежность этих сравнений. Еще Мейе указал, что *kařùs, kařùh* — это форма на своеобразном санскритизированном пракрыте и что ей соответствовала бы правильная санскритская форма *křtu-, которая вместе с тем не соответствует слав. *kortъkъ. См. Meillet. *Études* II, 325; ср. так же о др.-инд. слове Maughofer I, 143. Тем самым, строго говоря, отпадает и тождество *kařùh* — лит. *kařùs*. Лит. слово в значении 'горький' достоверно образовано от лит. глагола *kirsti* 'горчить', а также (первоначально и до сих пор) 'рубить, бить, ударять' (см. о них Graenkel I, 225, 258). Нет никакой уверенности в том, что *kařùs* — старое образование. Напротив, оно полностью укладывается в наши представления о вторичной (поздней) продуктивности основ на -и- среди прилагательных лит. языка. Мейе, опираясь на Лескина, судил об этом достаточно четко, см. Meillet. *Études* II, 324. Он отметил там, что позднее развитие типа прилагательных на -и- в лит. имеет аналогию во вторичном развитии слав. прилагательных на суф. -ко-. Вторичность прибавления последнего ясна из того обстоятельства, что во всех мало-мальски старых производных от прилагательных на -ко- суф. -ко- отсут-

ствует. Это относится в полной мере и к прилаг. *kортъкъ. Все производные от него произведены в сущности от *kорт- в формах словоизменения, как напр. сравн. степ. *kортје) или — что особенно показательно — от *kортo- (в сложениях *kортоногъ, *kортoтъсь и др., вариантных к более поздним сложениям с *kортъкъ). Никаких данных в пользу образования слав. *kортъкъ от основы на -u- нет. Единственное точное лит. соответствие для праслав. *kортъкъ — это *kařtas* 'раз' (< 'удар'), как и для праслав. *kортъ. Лит. *kartùs* 'горький', как и др.-инд. *kañuṣ* 'острый', должны, по всей вероятности быть удалены из числа форм, этимологически родственных слав. *kортъкъ. Последнее лишь чисто внешне оказывается в одном ряду с другими слав. прилагательными на -ko-, которые действительно являются расширенными формами более древних прилагательных на -u- (ср. N. Troubetzkoу. *Les adjectifs slaves en -ъкъ*. — BSL 24, 1923, 131, где в разряд таковых зачисляется и кратъкъ, сближаемое с др.-инд. *kañuh*). В свете сказанного нам представляется скомпонованной из разнородного материала статья о (балто-слав.) *kартu- 'schneidend, bitter; abgeschnitten, kurz' в словаре Траутмана (Trautmann BSW 131). К слову сказать, семема 'короткий' выражена в балт. лексике совсем иначе, хотя на тех же основаниях развития значения, ср. лит. *truņpas* 'короткий' — из *tru-n-pas, с носовым инфиксом, к этимологическому *trūpūtis* 'крошка', *trupėti* 'крошиться, ломаться' (см. подробно V. Urbutis. *Žodžio truņpas etimologija*. — In: V. Urbutis. *Baltų etimologijos etiudai*. Vilnius, 1981, 85 и сл.). В итоге все существенные положения о праслав. *kортъкъ, которые приводит согласно с традицией, напр., в своем польск. этимол. словаре Славский («Продолжает древнее прилаг. с основой на -u-: *kортu-. . .»; «Точное соответствие: лит. *kartùs* 'горький'. . .», см. *Ślawski III*, 159), должны быть подвергнуты пересмотру. Любопытно, что он только констатирует родство с праслав. *kортъ, но о принадлежности последнего к -o- основам и о словообразовательных формах *kортo-, соотносительных с *kортъкъ (у нас, выше), даже не упоминает. Критик Славского Э. Хэмп, к сожалению, лишь повторяет реконструкцию *kортъкъ < *kортú- и сравнение с лит. *kartùs* 'горький', см. E. Hamp RS XXX, № 1, 43 (лат. *curtus* 'короткий' < *kerto-, к которому апеллирует и этот автор, лучше всего, говоря о слав. слове, оставить в стороне).

⁷ Известно, что это слав. прилагательное имело акутовую интонацию: *kóртъкъ, ср. русск. *корбткий*, но есть основания думать, что это ударение сменило более древний циркумфлекс (ср. и Хэмп, там же). Таким путем мы приходим к реконструкции того же *kортъ, что и для *kортъ 'раз'. Инновационное появление у этой основы значения 'обрезанный, короткий' отразилось и в акцентуационной инновации (продление корневого гласного в про-

изводном): *korto- > *kórto-, ср. *vorno- > *vórnā (см. *vorna, *vornъ).

Особняком стоящую этимологию Махека — *kortъ(къ) к ирл. *garit, gairit* 'короткий' (Machek² 290) едва ли можно принять; для Махека важнее всего тождество значений, тогда как типологически значение 'короткий' прежде всего — значение вторичное и задача состоит во вскрытии пути, которым оно пришло к конечному результату, а пути бывают разными.

*kortyŭš: н.-луж. *krotuš* м. р. 'маленький человек, карлик' (Muka Sl. I, 700—701), русск. *коротыш* м. р. 'малыш, низенький человек' (Даль³ II, 431), диал. *корбтыш* м. р. 'животное с коротким туловищем (арх., Филин 14, 370), 'короткий обрубок бревна' (волог., костр., яросл., нижегор., новосиб., там же), укр. диал. *коротыш* м. р. 'короткое бревно' (Лексика Полесья 141), блр. *каратыш* м. р. 'человек невысокого роста' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 639), *коротыш* м. р. 'малорослый мужчина' (Носов.).

Производное с суф. -yŭš от *kortъ, см. *kortъкъ.

*kortъ: сербохорв. стар., редк. *krât* ж. р. = *krat* м. р. (только в тв. ед. *krâti*, Дубровник, XVII в., RJA V, 474), словен. *krât* ж. р. 'раз', 'срок' (Plet. I, 457), слов. диал. *krât* (Habovštiak. Ograv. 265), в.-луж. *króc* м. и ж. р. 'раз' (Pfuhl 290), польск. *kroc* 'раз' (*dwakroc* 'два раза, дважды', *trzykroc* 'три раза, трижды' (Warsz. II, 556), словин. *kroc* (Lorentz Pomor. I, 380).

Этимологически тождественно *kortъ (см.).

*koruba/*когуръ: болг. *коруба* ж. р. 'душло в дереве' (БТР; РБЕ: 'душло; полость', 'выпуклость'; Геров: 'душлистое дерево'; *коруба жлаба* 'черепаха'; Геров—Панчев: *коруба* 'срубленный ствол дерева', 'желоб'), диал. *коруба* ж. р. 'скорлупа (ореха, яйца)' (Г. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), 'раковина улитки' (М. Младенов. Из лексиката в Кюстендилско. — БД VI, 143), 'толстое бревно, чурбан', 'мельничный желоб', 'внутренность тела' (Д. Маринов. Думи и фразы из западна България. — СБНУ XII, 1895, 289; СБНУ, XIV, 203; С. Стойков, К. Костов и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско 309; Кепов СБНУ XLII, 264; М. Младенов БД III, 92), 'колода, выдолбленная внутри', 'опалубка колодца' (с. Веригово, Карловско, РРеч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), *корубъ* ж. р. (Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 196), *коруба* ж. р. 'толстая кора тыквы вместо посуды для корма животным' (Стойчев БД II, 191), *курубъ* ж. р. 'пустой внутри ствол, пень' (Н. Ковачев. Севлиево. — БД V, 26; П. Петков. Еленски речник. — БД VII, 75), *корлуба* ж. р. 'скорлупа' (Гъльбов БД II, 86), производное *коруба се* 'гнуться, нагибаться' (Кепов СБНУ XLII, 264), *коруп* м. р. 'душлистое дерево, пень' (Г. Горов. Страндж. — БД I, 99), макед. диал. *коруба* 'сухая древесная кора' (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), *корупка* ж. р. 'корка, кожура; скорлупа',

‘панцирь (черепашки и т. д.)’ (И-С), сербохорв. *кору̀ба* ж. р. ‘кора; кожа’, ‘раковина’, ‘желоб из дерева или коры’, ‘деревянное корыто’ (РСА X, 288), диал. *кору̀б* м. р. ‘сетка с обручем из гнutoго прута (для ловли птиц)’ (там же), производное *кору̀бати* ‘чистить (кукурузу)’ (РСА X, 288; RJA V, 348), также *кору̀жбати* (РСА X, 289), *кору̀пина* ж. р. ‘кора, кожа, шелуха’ (РСА X, 290), блр. диал. *кору̀п* м. р. ‘сброшенная гадюкой или ужом кожа во время линьки’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 504).

Г. П. Клепикова (Сб. в честь С. Б. Бернштейна 419 и сл.) обращает внимание на карпатскоукр. *кору̀ба* ‘ящик’, ‘старая раскохшаяся бочка’, на основании сравнения которого с многочисленными ю.-слав. примерами она говорит о карп.-укр.-ю.-слав. лексической параллели. Приведенный выше у нас интересный блр. пример позволяет расширить названную изоглоссу.

Форма на *-b* **koruba*, несмотря на ее широкое распространение, видимо, вторична, представляет собой озвончение («ослабление») первоначального **korurь*, которое мы считаем этимологически наиболее авторитетным вариантом. В общем уже Миклошич был близок к признанию наличия здесь корня *kor-* от **kora* (см.), ср. отмеченную им суффиксальную вариантность укр. *закорублий*, *закорузлий* (см. Miklosich 132). Словарь Бернекера представляет регресс в исследовании этого слова, поскольку опускает наиболее достоверные данные Миклошича, довольствуясь его случайным сравнением с рум. *cărîmb* ‘стебель’ и собственной резолюцией «Dunkel» (см. Berneker I, 577).

Исследование слова **koruba* / **korurь* затрудняется определенным влиянием со стороны словосложений **korolupa*, **skorolupa* (см.), даже фактом существования слов **cerupa* / **cerolupa* (см.), ср. хотя бы упомянутый выше болг. диал. вариант *коруба*. Тем не менее, и после этих замечаний основным образованием в данном случае должно быть признано **korurь*, производное от **kora* с суф. *-urь*, ср. с тем же формантом слово **gorurь* / **gorupa* (см.), известное не только у южных, но и у вост. славян (и, кстати, тоже подвергшееся осложняющему влиянию форм с полнозначным компонентом *-луна*).

См. S. Romanski REŚ II, 1922, 53 (который сюда напрасно относит также **korabь*, см.); БЕР 2, 647—648; Skok. Etim. rječn. II, 151 (говорит об образовании «с помощью редкого суф. *-uba*»). Ошибочно поэтому толкование производного отсюда глагола сербохорв., словен. *korubati* ‘чистить, шелушить (кукурузу)’ как якобы сложения префикса *ko-* и глагола *rubati*, *rubiti* ‘рубить’ (так А. Debeljak SR V—VII, 1954, 170).

kору̀ša*/kору̀шь*: сербохорв. диал. *кору̀шка* ж. р. ‘растрескавшаяся поверхность земли’, ‘кора, кожа’ (РСА X, 292; Mić. 11), производные *кору̀шати* ‘сдирать кору’ (RJA V, 349), *кору̀шав*, *-а*, *-о* ‘заскорузлый’ (РСА X, 291), *кору̀штити се* ‘покрываться корой,

ссыхаться' (РСА X, 292), русск. диал. *корушá* ж. р. 'кожура' (олон., Филин 15, 28), *коруш* 'корка хлеба' (Картотека Псковского областного словаря).

Производное с суф. *-uš-* от **kora* (см.).

**koruza*: макед. диал. *коруза* ж. р. 'струп' (И-С), словен. диал. *korúze*, род. п. *-eta*, ср. р. 'кляча, скверная лошаденка' (Štrekelj 16), блр. диал. *карúза* ж. р. 'задира, забияка' (Матэрыялы для слоўніка 99, 114).

Производное от **kora* (см.) с суф. *-uza* подобно **koruša* (см.) — с суф. *-uša*. Судя по производному **koruzlъ* (см.) в зап. и вост.-слав., слово **koruza* отличалось вначале значительно более широким распространением. О производности с суф. *-uz-* от **kora*, правда — только применительно к словен. *korúze* (выше) см. Л. В. Куркина. — Этимология. 1970 (М., 1972), 95.

Скорее всего, сюда же — к исконнослав. **kor-uz-a* — восходит распространенное название злака *Zea mays* — болг. *кукуруз*, сербохорв. *кукуруз*, *кочоруз*, русск. *кукуруза* и др. Большинство исконнослав. этимологий этого названия (начиная с Бернекера) построены на допущении производности его от слав. **kokoga* (см.), см. БЕР 3, 110—111 (с литер.), однако происхождение от **kora* вероятнее реально-семантически, если учесть жесткое покрытие зрелого початка кукурузы. Вторичный перенос с местных (балканских) видов растений на импортированную позднее американскую культуру вполне естественен. Вопросом этого переноса и ранней, «доколумбовской» датировки ю.-слав. названия занимался в последнее время М. Шимундич.

**koruzlъ(jъ)*: словин. *k'oruzel*, род. п. *-zla*, м. р. 'кривое, карликовое дерево' (Sychta II, 210), русск. диал. *корюзлый*, *карюзлый* 'небольшой, корявый (о дереве и т. п.)', (смол.), 'скрученный' (том.), 'небольшого роста (о человеке)' (калуж. тамб.) (Филин 13, 113), 'сухой, заскорузлый' (орл., Даль³ II, 438); блр. *карúзлы* 'корявый, закорузлый' (Байкоў—Некраш. 143), диал. *карúзлы* (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 216).

↓ Прилаг., производное с суф. *-lъ* от **koruza* (см.).

**korva*: цслав. *кѣрка* ж. р. *ѡѡѡ*, *ѡѡѡ* (Mikl.), болг. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (БТР; Геров); также диал. *кѣѡѡ* (М. Младенов БД III, 92), *кѣѡѡ* (П. И. Петков. Еленски речник. — БД, VII, 70), *кѣѡѡ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *кѣѡѡ* (Стойчев БД II, 193), макед. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (И-С), сербохорв. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (РСА X, 388; RJA V, 486—487), также диал. *кѣѡѡ* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (Plet. I, 459), чеш. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова', словц. *кѣѡѡ* ж. р. (SSJ I, 764), в.-луж. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (Pfuhl 294), *кѣѡѡ* (Pfuhl 292), н.-луж. *кѣѡѡ* ж. р. (Muka Sł. I, 701), полаб. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (Polański—Sehnert 81), ст.-польск. *кѣѡѡ* 'корова' (Sł. stpol. III, 392—393; Sł. polszcz. XVI w., XI, 264), польск. *кѣѡѡ* ж. р. 'корова' (Warsz. II, 564), также диал. *кѣѡѡ* (Kusała

73; Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 190—191), *kr^vova* (Tomasz. Łop. 141), *karwa* (Sł. gw. p. II, 483; Warsz. II, 285), словин. *kr^vova* ж. р. 'корова' (Sychta II, 262), *kr^vov^a* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497; Ramušt 80: «Более старая форма *karva* сохранилась еще кое-где в северо-западных повятах»), др.-русск. *корова* ж. р. 'корова' (Правда Рус. (кр.), 72. XV в. ~ XI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 333; Срезневский I, 1289), *Корова*, личное имя собств. (XV в., Тупиков 254), русск. *корбва* ж. р. 'крупное парнокопытное домашнее животное, дающее молоко', ст.-укр. *корова* ж. р. 'корова' (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 497), укр. *корбва* ж. р. (Гринченко II, 285), блр. *карбва* ж. р. 'корова', диал. *карбва*, *корбва* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421).

История слав. **korva* — пример того, как этимология, казалось бы, с полной ясностью установленная еще свыше ста лет назад, с течением времени, с притоком фактов и уточнением методов исследования предстает перед нами во всей сложности, которую не вправе односложно интерпретировать даже краткий вариант изложения. Правильное сравнение ст.-слав. *крака*, лит. *kárvė* 'корова' с авест. *çrva-* (*çruva-*) 'рога́', лат. *cervus* 'олень', греч. *κέρας* 'рогатый', см. Fick³ I, 58; J. Schmidt KZ XXV, 1881, 127; Miklosich 132.

Таким образом, давно пришли к выводу, что **korva* этимологически обозначало рогатое животное, собственно — 'рогатая'. См. A. Meillet MSL 8, 4, 1893, 298 (авторская интерпретация *k* неубедительна). Но соответствующая и.-е. лексика восходит к и.-е. **ker(ə)-*, **keru-* **kern-* с выразительным наличием *k̑* палатального, ср. сюда еще греч. *κέρας* 'рог', др.-инд. *śṛṅga-* то же, герм. **herut* 'олень', нем. *Hirsch*, кимр. *carw*, корн. *carow*, брет. *karō* то же, др.-прусск. *sirvis* 'косуля' (из соответствующей последнему прабалт. формы **širvis* 'рогатое животное, олень' было заимствовано фин. *hirvi* 'лось, олень' с переходом *š* > *h*; не следует смешивать с этим балт. **širvis*, которому отвечало бы лит. **širvis* с древней долготой корня < **k̑r̥-* или **k̑er̥-*, другое лит. *širvis*, ц в е т о о б о з н а ч е н и е, обозначающее животное серой масти, ср. и разницу в интонации; путаница на этот счет несомненно наличествует у Френкеля, см. Fraenkel II, 989). Обзор и.-е. названий рога и производных см. Pokorny I, 574 и сл. Нельзя преуменьшать тот факт, что слав. **korva* содержит как раз заднеязычный *k* «зап.-и.-е.» типа (ср. Walde—Hofm. I, 208), т. е., достоверно принадлежа к перечисленным названиям рогатых животных, в то же время отклоняется от нормальной для славянского сатэмной рефлексации и.-е. *k̑* > *s*. Это отклонение нельзя списать ни за счет фонетич. позиции, ни за счет случайности («исключение»). Дело в том, что слав. **korva* с его веллярным *k* наряду с **srna* (см.) < и.-е. **k̑r̥n-* явно маркировано в слав. словарном составе подобно тому, как и лит. *kárvė* наряду

с регулярным балт. *širvis, др.-прусс. *širvis* (выше) выступает как отмеченный член терминологической оппозиции в балт. лексике. Лаконичная констатация родства, скажем, русск. *корова* и *серна* и вариации задненебных в них (ср. Фасмер II, 331—332) просто недостаточна в современном этимол. словаре, ср. и Sławski III, 146: «Psł. *kórva 'vacca' Prarokrewne: łac. *cervus*...». Здесь нет также оснований говорить о нарушениях нормальной спирантизации и.-е. $k >$ слав. *s*, балт. *š*, на периферии, так как существующие рядом слав. **srna*, балт. **širvis* 'косуля, рогатое животное' имеют эту спирантизацию. Маркированность кентумных рефлексов k в слав. **korva*, лит. *kárvė* состоит в том, что они — названия домашнего, хозяйственно важного животного, знаменуют как бы нововведение и в экономике, и в языке сравнительно с более архаичным и фонетически правильным **srna* — о привычном диком животном. См. Трубачев. Дом. жив. 40—41.

Строго говоря, название коровы должно было бы иметь форму праслав. **sorva*, лит. **šárvė* (ср. и Moszyński. Pierwotny zasiąg 18—19), поэтому реально засвидетельствованные нарушения в виде **korva* и *kárvė* могут быть истолкованы единственно как отражение культурного и языкового влияния. Предположения об иноязычном происхождении слав. **korva* строились уже давно. Ср. Корш у Преобр. I, 358 (критику Корша см. Verneker I, 577); Moszyński, там же. Культурное значение 'корова', т. е. 'самка домашнего крупного рогатого скота' имеют только слав. *korva* и лит. *kárvė*. Еще приводят в этой связи алб. *ka* 'вол', реконструируя его из **karv-* вслед за Г. Майером, см. N. Jokl. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaŋer. — WuS XII, 1929, 68. Алб. слово семантически стоит несколько особняком, поскольку не имеет в общем никакого отношения к молочному хозяйству, термином которого по преимуществу было название коровы в балт. и слав. Вместе с тем иллирийский, принявший участие в генезисе албанского, определенно имел формы, близкие к слав. **korva* фонетически и семантически, о чем, возможно, говорят личные собственные имена *Carvius*, *Carvanius* в античной Далмации, на что указал Йокль, там же. Разумеется, трудно уверенно судить о семантике древнего апеллатива по свидетельству ономастики (с равным успехом эти древние имена могли иметь значение 'Олень', 'Олений'). Поэтому особый интерес представляет апеллативное глоссовое $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\eta\upsilon\tau\eta\nu$ βοῶν. Κρῖτες (Гесихий), т. е. $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\eta(v)$ — 'корова' у критян. Широкое распространение получила основанная на этой критской глоссе реконструкция **křtā* у Перссона, см. P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung 2 (Uppsala — Leipzig, 1912), 585, сноска 4; Pokorny I, 576: **kř-tā* 'рогатая'. Однако эта реконструкция представляется нам спорной: во-первых, кажется более правильным предположить здесь долготу корня — и.-е. \bar{k} или *erā*, во-вторых, зубной

расширитель оформляет в известных нам случаях этот корень иначе, ср. герм. *herut- 'олень' < и.-е. *ker-u-d-, сюда же греч. *χόρυδος* 'alauda cristata', к тому же, это достоверно другой расширитель — *d*, а не *t* (греч. *κέρας* < *keras- лишь вторично получило флексию на *-t* *κέρατος* и т. д., см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 517). Предложенное отступление понадобилось нам для обоснования иного прочтения упомянутой глоссы: не *χάρτην*, а *χάρτην*, через дигамму (графический символ древнего *Ϸ*) или просто через гамму, имевшую, в частности в словаре Гесихия, нередко то же факультативное фонетическое значение, спутать же оба написания, особенно в маюскульном письме — *ΚΑΡΗΝ* и *ΚΑΡΤΗΝ* — очень легко. Эмendaция глоссы (ср. еще Specht. Ursprung. 221), кроме мотивов неудовлетворительности прежнего чтения, имеет в свою пользу то обстоятельство, что данное прочтение сразу ставит эту глоссу в один ряд с равноформленными слав. *korva, лит. *kárvė*, имеющими то же самое инновационное значение 'к о р о в а' (*τ ἦ ν βοῦν*). Глоссовое *χάρτην* (**χάρτην*) не было в сущности греч. словом. Слав. **kǫrva* (сербохорв. *kráva*, русск. *корѡва*) и лит. *kárvė* продолжают форму со старой долготой корня — **korǫā*; в этих языках (а также, видимо, в языках, откуда было перенято это древнее слово) срединное и.-е. *ə* исчезло, оставив лишь интонационно-акцентуационный след в виде долготы предшествующего слога. В греческом это *ə* в середине слова, как известно, сохранялось, напр. в родственном греч. *κερας* < **keras*¹. Следовательно, критский диалектизм *χάρτη(ν)* (**χάρτη(ν)*-) имеет принципиально негреч. вид и может быть связан с достигшей древнего Крита волной дорийского вторжения, в котором допустимо предполагать иллир. компонент. Время дорийского нашествия на Грецию (XII в. до н. э.) совпадает с вероятным временем распространения иллир. племен на Балк. полуострове. Локальное культурное обстоятельство подтверждает наши рассуждения. Эта эпоха была близка ко времени действия гомеровских поэм, а гомеровские греки, как и раньше них — древние индоевропейцы, не употребляли в пищу молока (см. Трубачев, Указ. соч. 8). Только этой индифферентностью объясняется фактическое терминологическое неразличение мужской и женской особи крупного домашнего скота в греч. *ὁ, ἡ βοῦς* 'бык, корова', восходящее к древнему неразличению в и.-е. **g^hdu-s*, вторично затем преодоленному в разных языках по-разному, ср. вытеснение общего и мужского значения женским в герм. (нем. *Kuh* 'корова'), развитие сушлетивности противопоставления мужского — жен-

¹ Эта же причина заставляет нас отвести и совершенно иную этимологию слав. **korva* — через сближение с греч. *χόρος*, *χόρη*, ион. *χοῦρος*, *χοῦρη* 'юноша, девушка', якобы из *χοράος*, *χοράφα* (J. Rozwadowski BSL 25, 3, 1925, 116—117), потому что тогда мы ожидали бы рефлекса и.-е. *ə* > греч. *α*.

ского терминов (лат. *bos* — *vacca*). Последнее относится и к способу появления слав. **korva*. Критское глоссовое $\kappa\acute{\alpha}\rho\tau\eta\nu$ (* $\kappa\acute{\alpha}\rho\text{F}\eta\nu$) 'корова' также было маркированным лексическим элементом на фоне первоначальной греч. ситуации. Его следы ведут в северные районы Балканского полуострова, быть может, — в приальпийские районы. Здесь находился древний очаг одомашнивания, а затем и молочного использования самок крупного рогатого скота длиннорогой породы. Они были прозваны поэтому не просто 'рогатые', а 'оленьи' или 'оленихи'. Расселявшийся с древности на западе, вплоть до альпийского ареала, кельтский также подскazyвал такую возможность своим *car(avo)s* 'олень', ср. другие формы названия оленя из кельт. языков, выше. Слав. **korva* лучше объясняется из др.-кельт. *caravos* с сохранением долготы корня, отразившейся в слав. старой долготе (акуте). См. О. Н. Трубачев ВЯ 1982, № 4, 19. Здесь опять, как и в ряде других случаев сохранности внешних свидетельств, мы получаем возможность говорить (как о реконструкции, эквивалентной **korava*, выше) о раннеполногласной праслав. стадии **kārāvā*, лежащей в основе всех слав. донематезных и посленематезных форм. Для реконструкции исходного **kārāvā*, как и для локализации древнего очага возникновения, имеет значение название гор на австрийско-югославской границе: нем. *Karawanken*, ит. *Caravanche*, словен. *Karavánke* мн. Этимологическую связь оронима с кельт. *carvos*, *karvos* 'олень' подтверждает название одного хребта этих гор по-словенски — *Košúta* 'о л е н и х а , л а н ь' (см. Kiss L. *Földrajzi nevek etimológiai szótára*. Budapest, 1978, 317; О. Н. Трубачев, рец. на указ. кн. — *Этимология*. 1979. М., 1981, 189). Топонимическая глосса *Karawanken* = словен. *Košúta* подтверждает реконструкцию древней внутренней формы 'олениха' для праслав. **korva*. Исходное для последнего слова кельт. название имело и.-е. вид **kārāvā*, или **korāvā*, будучи генетически прилагательным, тождественным греч. $\kappa\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\varsigma$ 'рогатый' (ср. выше). Слав. **kórva* исчерпывающим образом, включая интонацию долготы и адъективную форму, отражает этот древний тип, лишь отклонением рефлекса и.-е. *k* выдавая свое иноязычное происхождение. Очень близкое к слав. слову лит. *kārvė* обнаруживает одну лишнюю черту — вторичный суф. *-iē- (-iā)* (Meillet. *Études* II, 372), который, может быть, отражает первоначальное сознание адъективности образования раннего балт. **kārva*. Таким образом, уже априори балт. образование здесь объясняется из слав. формы как более простой. Изолированность *kārvė* среди балт. лексики свидетельствует о том же явлении, которое можно сформулировать как передачу из центральноевропейского очага возникновения через слав. в балт. И хотя Френкель видит в лит. *kārvė* форму, родственную описанным выше и.-е. названиям рога и рогатого животного, оговаривая лишь возможность чередования здесь задненебных (Fraenkel I, 225), положение в балт. далеко

от простоты и по-своему весьма поучительно. Обобщенный прототип **kārūā*, который можно предположить для балт. (см. Trautmann BSW 119), далеко не является общепалт., его нельзя признать общим даже для вост.-балт. группы, поскольку уже лтш. именует корову архаично — *gouvs*, *giouvs* от недифференцированного и.-е. **gʷōǵ-* (ср. выше), а лтш. *kaŗva* — насмешливо о женщине — представляет собой, скорее всего, литуанизм (Fgaenkel, там же). Следы явной замены более новым **kārūā* первоначального **giuo-*, **gu-* в том же значении встречаются и в других частях балт. территории, ср. характерное упоминание деревни *Guty* в Белостоцком воеводстве с вероятным балт. (ятвяжск.) субстратом: *Guthi* alias *Karwowo*, XV в. (пример из: Топоров. Прусский язык. Словарь: I — К. М., 1980, 241). Балт. **kārūā* 'корова' в зап.-балт. (др.-прусс.) нам неизвестно. Др.-прусс. название коровы *klente* — явно позднее слово, по-видимому, местное заимствование (Топоров, там же), что из общей перспективы первоначального отсутствия и вторичного появления особого названия для коровы (о чем — выше) представляет дополнительный интерес. Однако было бы неверно считать, что др.-прусс. совершенно не знал балт. **kārūā* 'корова'. Др.-прусс. *curwis*, *kurwan* 'вол' не заимствовано из польск. *karw*, как думал Брюкнер (Brückner 271), но оно равным образом не восходит и к какому-то особому балт. **kūrūa-* 'вол', как считал Траутман (там же). Естественнее всего видеть в др.-прусс. *curwis*, *kurwan* характерное др.-прусс. фонетическое развитие *ā* (**kārūā*) > *ū*, в частности, после заднебных. Описание этого явления как в древней, так и в более поздней лексике см. Stang. Vgl. Gr. 38; однако ни там, ни в этимологической литературе нам не встретилась такая интерпретация примера *curwis*. Свидетельства др.-прусс. топонимии, богато представленной в цитированном труде Топорова, подчас двусмысленны, но в них можно выделить также ряд вероятных продолжений балт. **kārūā*, причем как в форме *Karv-*, так и в форме *Kurv-*, каковое разнообразие допустимо отчасти объяснять естественным консерватизмом топонимии (*Karv-*) сравнительно с аппеллативной лексикой, отчасти — диал. различиями (иначе Топоров, там же: «трудно объяснимая мена элементов *Karv-*: *Kurv-* (как в синхроническом, так и в диахроническом плане)»). В остальном же в случае с др.-прусс. *curwis*, как и с польск. стар. *karw*, о котором — ниже, нет оснований говорить о каком-то исходном тождестве названия для коровы и быка. Балт. **kārūā*, как и слав. **korva* — это *femininum tantum*, и на вола (не на быка!), к тому же старого и ленивого, как в польск. *karw*, это название коровы перенесено вторично, употреблено экспрессивно, чтобы принизить мужские качества животного. Правильна поэтому лаконичная характеристика у Брюкнера (там же): *karw* 'вол' (презрительно) вторично произведено от *karwa* ж. р. вариант к польск. *krowa* 'корова'. Трез-

вое мнение Брюкнера упорно оспаривалось, и польск. *karw* возводилось к нулевой ступени огласовки нашего корня — и.-е. **k̑ȓ-*, см. Вегнекер I, 577; в последнее время — Е. Hamp RS XXX, 1, 44—45 (там же неверные суждения о др.-прусс. *kurwan*).

Таким образом, ни **k̑rvъ*, ни **korvъ* не реконструируются нами ни для праслав., ни для более древних эпох на примере польск. *karw*. Исходя из наиболее достоверных первичных особенностей слав. **korva* (femininum tantum, термин молочного хозяйства, этимологически 'оленья, олениха'), мы, разумеется, не можем принять концепцию **korvъ* и **korva* как праслав. имен деятеля, якобы родственных с др.-инд. *carvati* 'жевать' (Machek² 290). Идея Махека о том, что **korvā* — производное с продлением корневого вокализма (врддхи) от **korvъ* по типу **vōrna* < **voŋnъ*, неверна, в **korva*, *kārvē*, как мы видели из родственных соответствий, мы имеем дело не с морфологическим продлением, а со старой долготой (греч. *κεραός* < **Kerāos*). Тем не менее, эта идея была некритически подхвачена Славским, который также считает, вопреки показаниям лит. *kārvē* и другим моментам, что **korva* — производное от реликтового **korvъ*. См. Sławski III, 146.

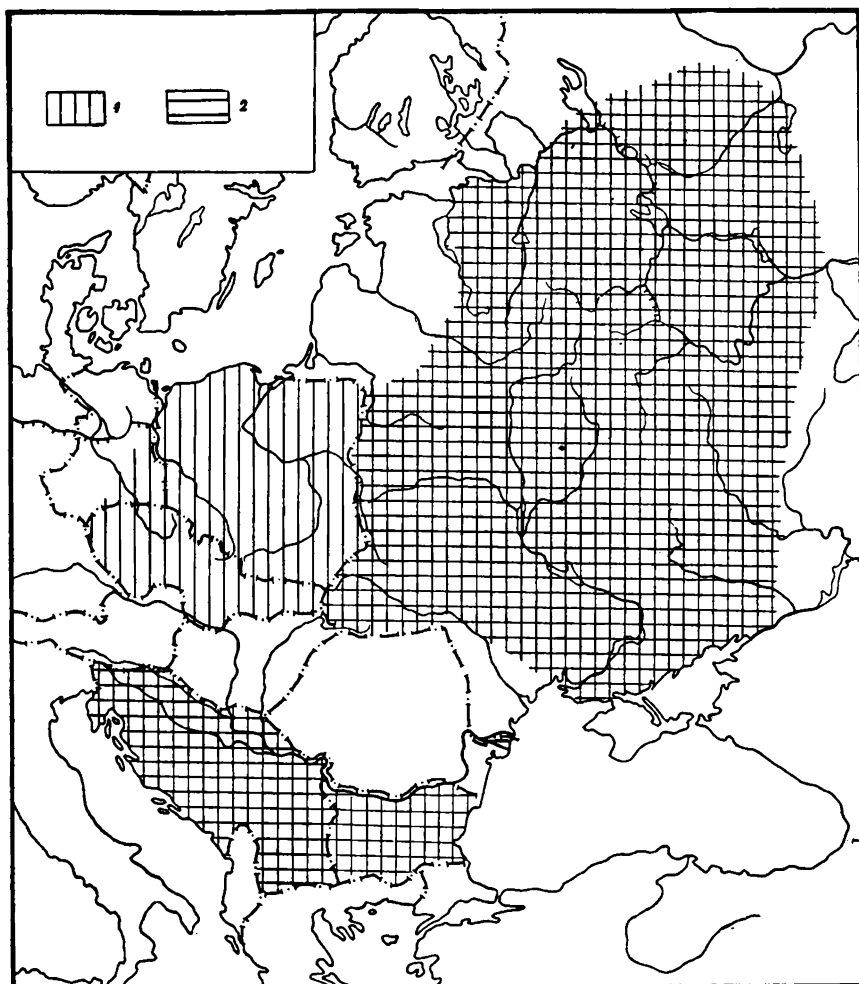
Из прочей литературы см. К. Oštir. — Etnolog IV, 1930, 6 (сближает протобалтослав. **kārw-* 'корова' с правенет. **kērw-* > *ceva*); см. еще Oštir. Drei vor-slavisches-etruskische Vogelnamen 9; V. Pisani. Miscellanea etimologica. Roma, 1933, 123 (цит. по: RS XIV, II, 1938, 190): предпочитает сравнивать с лат. *curvus* 'кривой', а не с *cervus*; Е. Fraenkel. Zur Verkürzung von Komposita in den indogermanischen Sprachen. — МНМННЭ ХАРИН, Gedenkschrift Paul Kretschmer, I, 101: считает, что глосса Гесихия *κάρτη* (выше) — всего лишь усечение сложения *κάρταιπος* 'крупный рогатый скот', *κάρταιπος*, также *κρῆταιπος* 'крепконогий (о быке)', однако это наталкивается на более тонкую спецификацию глоссы — *τὴν βοῶν* 'корова'; см. так же Е. Fraenkel. — Glotta 35, 1956, 87; Fraenkel I, 225; N. Jokl. — Die Sprache 9, 2, 1963, 150; БЕР 2, 700—701; Skok. Etim. gječn. II, 183 (высказывает наблюдение, что *-ца* в **korva* — суф. прилагательного).

О лит. гидронимах, производных от *kārvē* 'корова', об их сравнительно не очень старом образовании см. специально А. Vanagas. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas (Vilnius, 1981) 148—149.

**korvajъ*: слав. *краван* м. р. *ranis* (Mikl.), болг. *кравай* м. р. 'ритуальный круглый хлеб с отверстием посредине' (БТР; Дювернуа: *кравай воскъ* 'круг воска'), 'свадебный каравай' (Ф. К. Волков. Свадбарските обреди. — СБНУ III, 166), диал. *кравай* м. р. (с. Покровник, Благоевградски окр. — Дип. раб. 1977 г., Архив Софийск. ун-та), *кръвай* 'хлеб с узором или с отверстием посредине, которым потчуют гостей' (Песни от село Войнягово. — СБНУ XLVI, 2, 230), *карвай* м. 'ритуальный хлеб' (Попгеоргиев

БД I, 211), макед. *кравај* м. р. 'каравай', 'круг, кружок (сыра, воска и т. п.)' (И-С), сербохорв. *крѡвѡј* м. р. 'свадебный подарок (пирог)', 'подарок роженице и новорожденному (пирог)' (РСА X, 389; РЈА V, 487), диал. *кравај* 'обрядовый пирог' («коледарски кравај», LM. 329), *кравѡј* (Елез. I), *крѡвѡль*, род. п. -*ѡла*, м. р. (Срем, Бачка) 'свадебный пирог', словен. *kravâj* м. р. 'каравай, краюха хлеба' (Plet. I, 459), др.-русск. *короваи* м. р. 'круглый белый хлеб; сдобный пирог из пшеничной муки разных способов приготовления, испеченный в круглой конусообразной посудине' (Рим. имп. д. II, 498. 1597 г.; Дм., 146. XVI в.), 'кусок топленого сала, масла, застывший в виде круга, а также ветчина, свернутая кругом' (Кн. п. Моск. I, 293. 1578 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 333—334; Срезневский I, 1289: Короваи имъ ломя^ч и кѡры имъ рѣжѡ^ч. Ио. Злат. 1523 г.), *Короваи*, личное имя собств. (XV в., Тупиков 254), *Короваевъ* (ок. 1450 г. Тупиков 645), русск. *каравѡй* м. р. 'большой круглый хлеб', диал. *каравѡй*, *коровѡй* м. р. 'буханка ржаного или пшеничного хлеба' (новосиб., ряз., тул., север., вост., сарат., костр., перм., свердл., волог. и др.), 'большой, отрезанный от буханки кусок хлеба' (ряз.), 'пресная лепешка' (ряз.), 'в свадебных обрядах — ржаной или пшеничный хлеб особой выпечки, приготовление которого и вручение молодым сопровождается определенными действиями' (курск., донск., краснодар., оренб., сталингр., калуж., смол., брян., костр., новг., новосиб., тул., моск.), 'круглый пирог с начинкой' (новг., перм., свердл., тюмен., новосиб.) (Филин 13, 66; Опыт 90; Даль³ II, 427), производное *каравѡец* 'тонкий блин' (Картотека Рязанского областного словаря), *Каравай*, местн. название в бывш. Калуж., Псков. губ. (Russisches geographisches Namenbuch IV, 51), ст.-укр. *Короваи* м. р., личное имя собств. (1428 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *коровѡй* м. р. 'свадебный хлеб' (Гринченко II, 285), диал. *коровѡй*, *корогвѡй*, *курогвѡй* 'большая буханка хлеба', 'свадебный хлеб' (Онышкевич 369; Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), производное *коровѡйничка* 'коровница' (Онышкевич 368), блр. *каравѡй* м. р. 'коровай; свадебный пирог' (Байкоў-Некраш. 142), также диал. *каравѡй* м. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 412; 3 народнага слоўніка 300).

Слово **korvajь* без видимых для нас причин полностью отсутствует у всех зап. славян (см. карту 1), в отличие от близкого по значению слова **kolaць* (см.), которое имеется не только у южн. и вост. славян, но и у западных. Возможно, это отличие (отсутствие у зап. славян слова **korvajь*) коренится в различии соответствующих обычаев, потому что **korvajь* у тех славян, которые знают это слово, обозначает не просто печеное изделие из теста круглой формы, как **kolaць*, но в большинстве случаев ритуальный хлеб, пирог, приготовляемый в праздники и в первую очередь, — в свадебных обрядах.

Карта 1

1 — *kolačъ; 2 — *korvajъ

Наиболее вероятна этимология **korvajъ* как производного с суф. *-ajъ*, точнее — *-jъ*, от **korva* (см.). См., вслед за Потебней Преобр. I, 358; А. Соболевский. — *Slavia* V, 1927, 447—44; (нельзя согласиться с авторским объяснением суф. *-ajъ*, причём *корвай*, **korvajъ* якобы диссимилировано из **korvarъ*); Фасмер II, 332; БЕР 2, 701—702; Skok. Etim. gješn. II, 184. Что касается словообразовательной модели на суф. *-(a)jъ*, нельзя сказать, что она исследована вполне. Можно говорить о малочислен-

ной группе производных, построенных по непродуктивной модели. Обычно приводят единичные примеры: русск. *голендай*, *холодай*, польск. *nogaj* 'длинноногий человек' (Miklosich. Vgl. Gr. II, 83); русск. *долга́й*, *голода́й*, *корота́й*, словен. *živaj* 'сторож, страж' (Vaillant. Gramm. comparée IV, 532); **bъrзајь*, ст.-польск. *nogaj* 'длинноногий человек', *łabaj* 'большая собака', укр. *носáй* 'длинноносый человек' (Słownik prasłowiański I, 88). Вайян предпочитает сводить все образования к первоначальной модели на *-ějь*, *-(j)ajь*, т. е. типично отглагольным производным, сохраняющим связь с глаголами на *-ěti* и *-iti*; видимо, под влиянием нескольких относительно поздних экспрессивных производных на *-aj-* он считает модель на *-aj-* вторичной, хотя приводит тут же балт. параллели отыменных производных на *-āj-*: лит. *vasarōjis* 'яровой хлеб' — *vasarà* 'лето', лтш. *eglājs* 'сосняк' — *egle* 'сосна'. Ни один из перечисленных трудов по слав. словообразованию не упомянул **korvajь*, хотя оно является достаточно старым и в целом прозрачным производным с суф. *-jь* от *-a-*основы **korva* подобно ст.-польск. *nogaj* — *noga* и лит. *vasarōjis* — *vasarà*. Суф. *-jь* оформляет здесь неизменную номинативную падежную основу аналогично тому, как он в других случаях может оформлять основу род. п. — **našь* (см.) < **našь*+*-jь* или, напр., древнего отложительного (аблатива) — **domatjь* (см.) < **domōt*+*-jo-*. Эти последние примеры являются прилагательными. Не является ли и **korvajь* генетически прилагательным, может быть, функционально отличным (ритуальное употребление) от другого известного прилагательного — **korvajь* (см.)?

В народном (напр. вост.-слав.) свадебном обряде корова служит символом невесты, и это вполне согласуется с тем, что устанавливается о слове **korva* (см.) этимологически и исторически как о *femininum tantum*. Тогда сущность коровая — в противопоставлении невесте-корове как мужского начала женскому. Лучше всего это раскрыл Потебня (у Преобр., там же) в формуле «коровай есть бык-жених». Первоначальное значение слова **korvajь* не исчерпывается отнесенностью к круглому испеченному тесту (это лишь символ, оставшийся на поверхности лексики и семантики). Праслав. **korvajь* обозначало одушевленное лицо, активного мужского исполнителя брачной церемонии (ср. *коровай-воронай*, т. е. 'налетчик, похититель' в вост.-слав. народной свадебной терминологии). Богатый фольклорный (главным образом белорусский) материал на эту тему собран в книге: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей (М., 1974), 243 и сл.: глава 9. К символике корова в связи с происхождением коровайного обряда. — Правда, авторы, кажется, несколько растворяют сущность корова в мифе о мировом дереве.

Не совсем ясно отношение ударений русск. *корваа* — *корова́й*: постоянное восходящее ударение (акут) на корне производящего

слова сменено постоянным ударением на суф. (новый акут?) в производной форме.

Иные суждения о **korvař* либо устарели (как напр. Verneker I, 578: «Dunkel»), либо неприемлемы этимологически и исторически, ср. L. Loewenthal AfslPh XXXVII, 1920, 386 (о связи с лат. *cervus* 'кривой'); Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. LXXVI. Русск. коровай 'большой круглый хлеб'. — ИОРЯС XXIV, 1, 1923, 121—122 (производит вместе с греч. *κωρῶνος* 'кривой' от и.-е. **koru-*); К. Oštir.—Etnolog IV, 1930, 7 (сближает с галльск. *cervisia* 'вид пива', в котором усматривает **kā/ēr-* 'ячмень или пшеница'); V. Machek. Aus der slavischen Hochzeitsterminologie. — ZfslPh XVIII, 1942, 323—331 (сравнивает **korvař* с др.-инд. *carū-* 'жертвенное кушанье из риса' < **keru-*); Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования (Л., 1967), 214—216 (членил **korvař* как **kor-ū-ař-* и связывает с русск. *коротай* 'короткий кафтан', сюда же относя вышеупомянутое крит. *κάρτη* 'корова' (?), откуда якобы *коровай* всего-навсего — 'отрезанный ломоть', к и.-е. **ker-/kor-* 'резать' с меной суффиксов, что будто бы лучше объясняет значения *коровай* 'кусоч сыра, сала', вторичные, по нашему убеждению).

**korvař*: цслав. *кравар* м. р. *βοῦκόλος*, *bubulcus* (Mikl.), болг. *кравар* м. р. 'работник, ухаживающий за коровами' (РБЕ), диал. *кравар* м. р. 'коровий пастух' (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *Краварев*, *Краваров*, фам. (С. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 274), макед. *кравар* м. р. 'пастух (пасущий коров)', 'скотник' (И-С), сербохорв. *krāvār* м. р. 'скотник, работник, ухаживающий за коровами' (RJA V, 487), *Kravari* мн., местн. название в Сербии (там же), словен. *kravār*, род. п. *-rja*, м. р. 'коровий пастух, скотник' (Plet. I, 459), чеш. *kravař* м. р. то же (Kott I, 808), также диал. *kravař* (Bartoš. Slov. 162; Svěrák. Karlov. 120), словц. *kraviar* м. р. (SSJ I, 765), также диал. (Banská Bystrica, Slovenské Pravno v Turč. ž., Kálal 269), в.-луж. *kruwař* м. р. 'коровий пастух', 'владелец коров, скотник' (Pfuhl 294), н.-луж. *krowař* м. р. 'коровий пастух', 'продавец коров' (Muka Sl. I, 704), ст.-польск. *krowiarz* м. р. 'коровий пастух, скотник' (Sl. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. *krowiarz* м. р. 'коровий пастух' (Linde II, 1143), 'скотник', 'молочник' (Warsz. II, 564), также диал. *krowiarz* (Sl. gw. р. II, 483), *krowiař* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 191), *krovoř* (W. Herniczek-Mórozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 103), словин. *krovař* м. р. 'владелец одной коровы', 'доильщик' (Syhta II, 264), *krāvājōř* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), *krowař* (Lorentz Pomor. I, 382).

Производное с суф. *-ař* от **korva* (см.). Древность образования проблематична. Любопытно отсутствие слова в вост.-слав.

korvēti*/korviti* (sę): болг. (Дювернуа) *кравѣж* 'делаю толстым',

кравѣ са 'толстеть', сербохорв. *кравѣти* 'растоплять', *кравѣти се* 'таять, растопляться' (РСА X, 391—392; RJA V, 488), диал. *кравѣти се* 'валиться, бездельничать' (РСА X, 391; RJA V, 488: 'валиться ничего не делая («как корова»)'), словен. *krāviti* 'лентяйничать, валиться в постели' (Plet. I, 459), словин. *kroūe* 'толстеть (о женщине)' (Syhta II, 265), русск. диал. *коробѣтѣся* 'плакать; капризничать' (пск., твер., Филин 14, 352; Даль³ II, 427), укр. диал. *коровѣти* 'развращать, сбивать с правильного пути' (Онышкевич 369).

Возможно, что укр. диал. *коровѣти* с его специфическим значением (выше) преобразовано из *курѣти* (см. **kur'viti*). Основное же значение **korv'eti*/**korv'iti se* — 'толстеть' (ср. наличие его в болг. и словин., выше) на базе первоначального 'уподобляться корове, делаться как корова', откуда ответвляются и такие переносные значения, как 'валиться как корова', 'плакать' = 'реветь как корова'. Образ «тучных коров» древен и символически емок, достаточно сослаться на Библию. Поэтому естественно видеть здесь производное от **korva* (см.), несмотря на отдельные неясности, напр. приводимое выше *кравѣти се* 'таять', кстати, отличное и по ударению от *кравѣти се* 'валиться, бездельничать', возможно, скорее, связано с **kogavъ*, **koga* (см.), ср. сюда же русск. диал. *от-коровѣть* 'отбужнуть', отомкнуть, оттаять (напр., о каше, прикипевшей к горшку)', см. Преобр. I, 699; неоправданные сомнения см. Фасмер I, 171: *откоровѣть*, *отжоровѣть*.

Едва ли следует считать слово темным (так см. Verneker I, 578, который, правда, имеет в виду только глагол со значением 'таять' и в сущности не учитывает наше **korv'eti*, **korv'iti se* 'толстеть' и т. д.). Прочие этимологии просто неправдоподобны. Ср. толкование от *korvъ* 'кора' (Х. Барий. Прил. I, 1921, 231—237; цит. по JФ III, 1922—1923, 200; ср. еще Skok. Etjm. gječn. II, 184); V. Machek ZfslPh XVIII, 1942, 23 (**korviti* в значении 'оттаивать' производит от балто-слав. **korvo-*, ср. лит. *šarvai* мн. 'menses'); БЕР 2, 703 (неправильная интерпретация болг. *кравѣ*, диал. *кравѣ са* 'толстеть', как *кр'вѣ* и *кравѣн* 'толстый, тучный' — как *кр'вѣн* от *кр'вѣ* 'кровь'; достаточно обратить внимание на словин. *kroūes* 'толстеть', выше, чтобы убедиться в иных связях).

**korvica*: болг. *кравѣца* ж. р., ум. 'коровка' (РБЕ; Геров), также диал. *кравѣца* (М. Младенов БД III, 92), сербохорв. *krāvica* ж. р., ум. 'коровка', 'божья коровка *Coccinella septempunctata* L.' (RJA V, 488), диал. *krāvica* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krāvica* ж. р. то же (Plet. I, 459), чеш. *kravice* ж. р. 'коровка' (Kott I, 808), в.-луж. *kruwica* ж. р. (Pfuhl 294), н.-луж. *krowica* ж. р. 'коровка' (Muka Sl. I, 701), польск. диал. *krowica* 'корова', 'коровий навоз' (Sl. gw. р. II, 483; Warsz. II, 564), русск. диал. *коробѣца* ж. р. 'корова' (новг., Филин 14, 352), укр. *коробѣця* ж. р. 'корова' (Гринченко II, 285), блр. диал. *карбѣця* ж. р.

‘корова’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421; Мінска-маладзеч. 62), *каравіца* (Юрчанка. Народнае слова 268).

Производное с суф. *-isa* от **korva* (см.).

**korvina*: сербохорв. *krāvina* ж. р. ‘коровья шкура’ (РСА X, 391; РЈА V, 488), словен. *kravina* ж. р. то же (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kravina* ж. р. ‘коровья шкура’ (XIV в., Slovník Velešínův, Gebauer II, 136), чеш. диал. *kravina* ‘корова’ (Kubín. Čech. klad. 191), ‘запах коровы’ (Bartoš. Slov. 162), словц. *kravina* ж. р. ‘коровья шкура’ (SSJ I, 765), ст.-польск. *krowina* ж. р. ‘коровья шкура или коровьи кости’ (Sł. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. диал. *krowina* ‘коровенка’ (Sł. gw. р. II, 483; Warsz. II, 565), словин. *kr'ováina* ж. р. (Sychta II, 263), *kr'ováina* ж. р. ‘коровье мясо’ (Lorentz Pomor. I, 382), *kr'ovájiná* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), стар. *k'arovina* ж. р. ‘стадо из коров, телят и волов’ (Sychta II, 143), русск. диал. *корбѣйна* ж. р. ‘говядина’ (пск., ленингр.), ‘шкура коровы’ (камч., свердл.), ‘коровья шерсть’ (иван., нижегор., волог.) (Филин 14, 352), *корбѣвина*, *корбѣвня* ж. р. ‘корова’ (арх., смол., там же), укр. диал. *коровѣйна* ж. р. ‘корова, плоховатая корова’ (Гринченко II, 285), также диал. *корбѣвина* ж. р. (Материалы до словника буковинських говірок 6, 81), блр. диал. *карбѣйна* ж. р. ‘говядина’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421), ‘телятина’ (Народнае слова 199).

Производное с суф. *-ina* от **korva* (см.). Ср. параллельное лит. *karvėnė* ‘коровье мясо’ (см. Trautmann BSW 119).

**korvinъ*: сербохорв. *krāvin*, *-a*, *-o* ‘коровий’ (РЈА V, 488: в слове Вука), чеш. *kravín* м. р. ‘коровник’ (Kott I, 808), н.-луж. *krowiny*, *-a*, *-e*, прилаг. притяж. ‘коровий’ (Muka Sł. I, 702), словин. *kr'ovin*, прилаг. притяж. ‘коровий’ (Lorentz Pomor. I, 382), *kr'ovájin* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), русск. диал. *корбѣин* ‘коровий’ (Картотека Псковского областного словаря), блр. *карбѣин* ‘коровий’ (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 645).

Первоначальное прилаг. с суф. *-inъ* (сюда же случай субстантивации в чеш. *kravín*), производное от **korva* (см.). Ср. **korvina* (см.).

**korvъka*: чеш. *kravka* ж. р. ‘коровка’ (Jungmann II, 175), словц. *kravka* ж. р., ум. то же (SSJ I, 765; Kálal 269), н.-луж. *krowka* ж. р. ‘коровка’, ‘навозный жук’ (Muka Sł. I, 702), ст.-польск. *krówka* ‘растения Polygonatum officinale All., Glechoma hederacea L., Veronica chamaedrys L.’, ‘жук Melolontha vulgaris L.; Geotrupes stercorarius L.’, ‘саранча locusta’ (Sł. stol. III, 406), *krowka* ум. ‘коровка’ (Sł. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. *krówka* ж. р. ‘коровка’, ‘гриб Agaricus subdulcis’, ‘насекомые Geotrupes, Lucanus cervus’ (Warsz. II, 572), диал. *krówka* ‘навозный жук’ (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 58), *krówka* ‘Lactarius rufus Fr.’ (Kusała 67), *krówka*, ум. ‘коровка’ (Tomasz., Łop. 141), ‘навозный жук’ (там же), словин. *krówka* ж. р., ум. ‘коровка’

(Sychta II, 263), др.-русск. *коровка* ж. р., ум. к *корова* (Дм., 115. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 335), *Коровка*, личное имя собств. (XV—XVI вв., Тупииков 254), русск. *корбѣка* ж. р., ум. к *корбѣа*, диал. *корбѣка* ж. р. 'порода небольших диких голубей' (влад., Филин 14, 353), 'букашка из сем. божьих коровок' (яросл., смол.), 'жук-носорог *Oryctes nasicornis* L.' (калуж., ряз.), 'белый гриб' (влад., твер., новг., костр., пск., моск., орл.), 'гриб-свиноушка' (калуж.) (там же; много других вторичных значений), укр. *корівка* ж. р., ум. от *корова*, 'коровка' (Гринченко II, 284), диал. *корбѣка* ж. р. 'гриб-сыроежка', 'растение дурман' (Материалы до словника буковинських говірок 6, 81), блр. диал. *карбу́ка* ж. р. 'вид гриба' (Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 215).

Ум. производное с суф. *-ѣка* от **korva* (см.).

***когъвьъ**: ст.-слав. *кравни*, прилаг. *тѣмъ воѣмъ*, *воумъ* 'коровий' (Воп., SJS), болг. *кравѣи*, прилаг. 'коровий' (БТР; РБЕ; Дювернуа), диал. *кравѣе мѣсло* 'коровье масло' (Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *кравѣо мѣлеко* (М. Младенов БД III, 92), макед. *кравѣи* 'коровий' (И-С), сербохорв. *krāviji*, *krāvīi*, прилаг. 'коровий' (RJA V, 488—489), производное диал. *кравѣльѣк* м. р. 'коровяк, коровий навоз' (РСА X, 392), словен. *krāvji*, прилаг. 'коровий' (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kravī* 'коровий' (Novák, Slov. Nus. 51), чеш. *kravī*, прилаг. 'коровий', ст.-слвц. *kravī* (XVIII в., Ист. слвц., Братислава), полаб. *korvĕ*, прилаг. 'коровий' (Polański-Sehnert 81, с реконструкцией **korvĕjъ*), ст.-польск. *krowi* 'коровий' (Sł. stpol. III, 393; Sł. polszcz. XVI w., XI, 265—266), польск. *krowi*, прилаг. 'коровий' (Warsz. II, 564), диал. *kroŕe mlyk*o* (Kusała 73), *krowji gnuł* 'коровий навоз' (Maciejewski. Chetm.-dobrz. 102), *krowi* (сохраняется только в микротопонимии, Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 191), словин. *krāvĕjĕ*, прилаг. 'коровий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), *krovīi* (Sychta II, 263), стар. *karŕa* ж. р. 'пастбище, выгон' (Sychta II, 142), др.-русск. *коровишѣ*, прилаг. 'относящийся к корове' (Правда Рус. (пр.), 154. XV в. ~ XII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 335; Срезневский I, 1289), русск. *корѣвий*, *-ья*, *-ѣ* 'относящийся к корове, принадлежащий ей'.

Прилаг., производное с суф. *-вьъ* от **korva* (см.).

***когъвна/*когъпъжь**: словен. *krāvni*, прилаг. 'коровий' (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kravnŭ*, прилаг.: *kravnĕ penize* 'плата за выпас' (1418 г., Ст.-чеш., Прага), ст.-польск. *krownę*, род. п. *-ego*, ср. р. 'подать, выплачиваемая первоначально рогатым скотом' (Sł. stpol. III, 393; Linde II, 1143; Sł. polszcz. XVI w., XI, 266—267). польск. диал. *krŕowny* 'коровий' (Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), *krāvŕŕŕ*, *krŕownia* 'коровник' (там же), словин. *krŕovŕŕ* ж. р. то же (Sychta II, 264), *korŕovŕo* (Lorentz Pomor. I, 382), др.-русск. *коровниѣ*: *коровной дворъ* 'скотный двор' (Кн. расх. Ипат. м., 127, ок. 1553 г.), *коровня* ж. р. 'коровник' (АХУ III, 193. 1636 г.)

(СлРЯ XI—XVII вв. 7, 336), русск. диал. *корбенья* ж. р. 'коровник' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 238), *корбеньий* 'коровий-кемер.', Филин 14, 354), укр. диал. *корбенья* 'коровник' (белоцерк., Курило 88), *корівне*, род. п. -ного ср. р. 'молочные продукты' (Гринченко II, 284). — Ср. сюда же производные сербохорв. диал. *крѣвник* м. р. 'коровник' (РСА X, 393), словен. *kravnják* м. р. то же (Plet. I, 459), чеш. диал. *kravňák* 'общинный пастух' (Kott. Dod. k Bart. 44), польск. диал. *krówniak* 'коровник' (Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), словин. стар. *króvnik* м. р. 'общинный пастух' (Suchta II, 264), др.-русск. *коровникъ* м. р. 'хлев для скота' (Строг. столб. 1578 г.), 'скотник, работник, ухаживающий за скотом' (Кн. расх. Болд. м. РИБ II, 298. 1586 г.) (Сл. РЯ XI—XVII вв. 7, 335), русск. *корбеник* м. р. 'хлев для крупного рогатого скота', диал. *корбеник* м. р. 'пастух, пасущий коров' (ворон., курск., ряз., новг.), 'тот, кто ухаживает за коровами' (твер., моск.), 'скупщик скота' (арх.) (Филин 14, 353; там же, далее, в значении названий ряда грибов и растений, а также в некоторых специальных значениях), укр. *корівняк* м. р. 'коровий помет' (Гринченко II, 284), блр. *корбеница* ж. р. 'хлев для коров, коровник' (Носов. 247).

Производное (первоначально прилаг.) с суф. -ьн- от **korva* (см.). Ср. **korvinъ*, **korvina* (см.), с количественным чередованием суффиксальных гласных (i : i).

***корвьскъѣ**: болг. (с дополнительными преобразованиями) *крѣвешкый*, прилаг. 'коровий' (Геров), также диал. *крѣвешки* (М. Младенов БД III, 92), сербохорв. *krāvski*, прилаг. 'коровий' (RJA V, 489—490), чеш. *kravský* прилаг. 'коровий' (Jungmann II, 175), словц. *kravský* (SSJ I, 764—765), польск. диал. *krówski* 'коровий' (Warsz. II, 572; W. HERNICZEK-MOROZOWA. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 103; Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), *krůfski* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 192), словин. *kròvskœ* ср. р., уничиж. 'старая, плохая корова' (Ramult 80), русск. диал. *корѣвский* 'коровий' (ЛатвССР, Новосиб., Филин 14, 356), блр. диал. *карѣўскі*, прилаг. 'коровий' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 423), *карѣўскій* (Юрчанка. Народнае слова 270).

Прилаг., производное с суф. -ьскъ от **korva* (см.).

***когъ**: цслав. *когъ* м. р. *повѣрѣнъ рѣма*, contumelia (Mikl.), болг. (Геров) *когъ* м. р. 'прозвище, кличка', диал. *ког* м. р. 'укор, упрек; обвинение' (Хитов БД IX, 269), сербохорв. диал. *ког* м. р. 'укор, упрек' (РСА X, 228).

Соотносительно с глаголом **koriti* (см.).

когъдјавъѣ**/когъдјава**: русск. диал. *коржѣва* ж. р. (новг.) 'ржавое болото', 'спорынья в хлебе' (Даль³ II, 417), *коржѣвый* 'ржавый, покрытый осадком' (Даль³ II, 416), *коржѣвый* 'хилый, слабый; покрытый коростой, стружьями' (Деулинский словарь 240; Филин 14, 329), *кобжавой* 'заржавленный' (Сл. Среднего Урала II,

49), укр. *коржавий*, -а, -е 'высохший и жесткий (о коже)' (Гринченко II, 283).

Сложение местоименного префикса *ko-* и прилаг. **rъdjavъ* (см.). См. Фасмер II, 326. Вместе с тем было бы искусственно отделять *коржавый* 'ржавый' от *коржавый* 'жесткий' (последнее значение естественным путем восходит к первоначальному 'покрытый осадком, коростой, стружьями'), как это делает Фасмер (там же) вслед за Бернекером и другими, производя *коржавый* от *корж* 'вид лепешки, испеченной на сале'.

***корька**: болг. *корка* ж. р., ум. 'корка, корочка' (Младенов БТР), макед. *корка* ж. р. то же (И-С), сербохорв. диал. *корка* ж. р., ум. 'корка (напр. хлеба)' (РСА X, 272; RJA V, 344), чеш. *kôrka* ж. р. 'корка, (поджаренная) корочка', словц. *kôrka* ж. р. 'корка (хлебная и т. п.)' (SSJ I, 759), также диал. (Banská Bystrica, Slovenské Právno v Turč. ž., Kálal 257), польск. *korka* ж. р. 'кора (дерева)' (Warsz. II, 476), диал. *korki* 'доски с корой' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 152), др.-русск. *корка* ж. р. 'затверделый верхний слой печеного хлеба' (Назиратель, 478. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 315), русск. *корка* ж. р. 'наружная оболочка, кожа некоторых плодов', 'твердый наружный слой хлеба, пирога и т. п.', 'кора', диал. *кôrка* ж. р. 'кора дерева (волог., пск., петерб.)', 'скорлупа ореха, яйца' (вят.), 'кожура овощей, фруктов' (вят., арх.), 'пенка на молоке, сливках' (пск., твер., арх.) (Филин 14, 334), 'болезнь корь' (иркут., Филин 14, 334; Сл. русск. гов. Новосибир. обл. 237), укр. *кôrка* ж. р., ум. от *кора*, 'кожица, корка плодов' (Гринченко II, 245), также диал. *к'ôrка* (Онышкевич 332), *кôrка* 'деревянная посуда для воды' (Материалы до словника буковинських говірок 6, 80), блр. *кôrка* ж. р. 'хлебная корка' (Носов.), 'корка вообще' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 714), диал. *кôrка* ж. р. 'шелуха, мякина на хлебных зернах' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503).

Ум. производное с суф. -ька от **кора* (см.).

***korutiti** (се): сербохорв. *кôrитити се* 'изгибаться, гнуться, коробиться (обычно о досках)' (РСА X, 267), словен. *korititi se* то же (Plet. I, 439), польск. диал. *korycić się* 'изгибаться, коробиться (о досках, о сухих листьях)' (Warsz. II, 483; Sł. gw. р. II, 436), русск. диал. *коры́тить* 'коробить, изгибать' (Словарь Красноярского края 93), *коры́тятся* 'делаться неровным, искривленным; коробиться' (Даль), 'падать' (пск., твер.) (Филин 15, 36).

Гл. на -iti (каузатив), производный от **koryto* (см.).

***koryto**: слав. *корыто* ср. р. *дѣръцѣнѣ*, *canalis* 'корыто' (SJS), болг. *коры́то* ср. р. 'корыто', 'русло (реки)' (БТР; РБЕ; Дювернуа; Геров: *коры́то*), диал. *коры́то* ср. р. 'корыто' (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *кору́ту* ср. р. (Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 47), *кору́то* (Стойчев БД II, 193), *Кору́тото*, *Кору́тоно*, *Корута́*, местн. названия (Христов. Местните имена в Маданско 222, 223),

макед. *корито* ср. р. 'корыто', 'русло (реки)' (И-С; Кон.), сербохорв. *кòрито* ср. р. 'корыто', 'желоб', 'русло (реки)' (РСА X, 267—269; РЈА V, 340—341), диал. *koritto* ср. р. 'корыто' (Hraste—Šimunović I, 446—447), *корито* 'сосуд для молока' (Vis. 41), *Кòрито* ср. р., местн. название, напр. ряда горных долин и т. д. (РСА X, 267), словен. *korito* ср. р. 'корыто', 'улей в виде долбленной колоды', 'желоб, канавка', 'русло реки' (Plet. I, 439), диал. *koryto* в топонимии (Бодуэн. Материалы I, 86), чеш. *koryto* ср. р. 'корыто, кормушка', 'желоб, канава', 'русло', словц. *koryto* ср. р. (SSJ I, 750), диал. *korito* 'корыто для стирки' (Palkovič. Z vesn. slovn. Slovákov v Mad'ar. 326), в.-луж. *korto* ср. р. 'корыто', 'желоб' (Pfuhl 275), н.-луж. *kóryto* ср. р. 'корытце', 'русло реки; желоб, канавка' (Muka Sł. I, 678), полаб. *t'öräitě* ср. р. 'корыто' (Polański—Sehnert 155, с реконструкцией **koryto*), ст.-польск. *koryto* 'кормушка', 'корыто' (Sł. społ. III, 348—349), 'желоб (деревянный)', 'долбленный челн' (Sł. polszcz. XVI w., X, 660), польск. *koryto* ср. р. 'кормушка', 'корыто', 'русло реки', 'желоб' (Warsz. II, 483—484), диал. *koryto* 'корыто' (Sł. gw. р. II, 436), 'квашня' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 133), *k^ooryto* 'корыто для солонины' (Kucała 142), *korito* 'кормушка', 'поилка' (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 180), словин. *korěto* ср. р. (Sychta II, 208; VII. Suplem., 128), *kygräto* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), *k^obrato* (Lorentz Pomor. I, 417), др.-русск., русск.-цслав. *кoрыто* ср. р. 'корыто, деревянный, чаще долбленный сосуд продолговатой формы' (Х. Ант. Новг., 27. XVI в. ~ 1200 г.; Быт. XXX, 38. Библ. Генн. 1499 г.), 'вместилище, бассейн из камня для сбора воды' (Георг. Ам., 128. XIV—XV вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 354; Срезневский I, 1292), русск. *кoры́то* ср. р. 'открытый продолговатый сосуд с округленными, расширяющимися кверху боковыми стенками, предназначенный для стирки белья, кормления скота и т. п.', также диал. *кoры́то* ср. р. (в разных значениях, Словарь русских донских говоров II, 81; Иркутский областной словарь II, 222; Филин 15, 37), *кoры́та* ж. р. 'корыто' (Волго-Камье, Филин 15, 36), укр. *кoры́то* ср. р. 'корыто, из которого кормят животных', 'в ручной мельнице: ларь, в который падает мука', 'русло реки' (Гринченко II, 284), диал. *кoры́то* 'желоб, по которому подводится вода к мельничному колесу' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 287), 'русло реки' (шепетов., Курило 72), ст.-блр. *корито* (Скарына 1, 278), блр. *кары́та* ср. р. 'корыто (для скота)', также диал. *кары́та* ср. и ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

О слов. **koryto* в словаре Миклошича находим осторожную и слишком лаконичную фразу: «Man denkt an die W. (urzel) *gy*» (Miklosich 133), т. е. думают о связи с корнем *gy (ti)*, если Миклошич имел в виду предыдущих, неизвестных нам авторов, думавших так же. Впрочем, вполне возможно, что это мысль самого Миклошича, и тогда уместнее перевод иным неопределенно-лич-

ным оборотом, что-то вроде «думаешь о связи с корнем *ry(ti)*». Миклошич был не уверен в правильности этой мысли, поэтому сразу вслед за ней добавил сравнение с др.-прусск. *pracartis* 'корыто', ставшее затем настолько популярным, что первое сближение автора забылось и исчезло из дальнейшей литературы. Можно лишь признать полное отсутствие его аргументации у Миклошича, отчего этимология **koryto* < **ryti* представлялась элементарно повисшей в воздухе, тогда как во втором случае 'корыто' (**koryto*) сравнивалось с 'корытом' же (*pracartis*), и одно это уже выглядело убедительно. Однако убедительность этого последнего сближения кажется возможной лишь при нетребовательности к формально-морфологическим и словообразовательным деталям (которые как раз все решают), что побуждает нас сейчас, как побуждало уже раньше (см. ниже), вернуться к рассмотрению связи **koryto* с глаголом **ryti* (см.).

Слово **koryto* обозначало и обозначает в слав. языках (см. выше) продолговатое желобообразное углубление в дереве, камне, земле — как искусственное, так и естественное. Не исключено, что отнесенность к естественным объектам (русло реки, выбоина в камне) древнее, чем обозначение специально изготовленной утвари. Это объяснило бы участие местоименной приставки *ko-* в образовании слова: 'словно вырытое, как вырытое'? Во всяком случае словообразовательно-семантическая модель приставки *ka-/ko-* и основа глагола 'рыть, долбить' представлена со всей очевидностью еще в таком названии полой колоды, как **kadylbъ* (см.). Это объяснение **koryto* по аналогии с **kadylbъ* см. Трубачев. Ремесленная терминология 169. Определенное подтверждение изложенной этимологии, а именно — отнесенности слова **koryto* первоначально к естественному рельефу почвы и членения слова **ko-ryto* мы черпаем из любопытных свидетельств русск. диал. *корытовина* ж. р. 'корыто' (ворон., Филин 15, 36), далее также *корытовина* ж. р. 'углубление в земле; ложбина' (твер., пск.), (Филин 15, 37), которые так естественно соотносятся с русск. *рытовина*, ср. еще укр. *корычуватий* (из **коритчуватий*) 'корытообразный, усеянный рытвинами' (Гринченко II, 284).

В литературе рано утвердилось мнение о **koryto* как о слове, оформленном тем же суф. *-yto*, что и **kopyto* (см.). См. Meillet. *Études* II, 301; Verneker I, 579. Очевидная соотносительность **kopyto* с глаголом обычно не принималась при этом в расчет, и **koryto* сближали с **korъсь* (см.) (Meillet, *ibid.*; Verneker, *ibid.*; последний развивал это сравнение в том смысле, что допускал дальнейшее родство с др.-инд. *carûs* 'котел'), с др.-инд. *karakas* 'кувшин' (A. Meillet MSL 9, 1896, 377, сн. 1), с **kora* (см.) (S. Romanski RÉS II, 1922, 52—53; Brückner 258; Фасмер II, 343). Впрочем, давно обсуждается также версия отглагольного образования **koryto*, начиная с опыта сближения этого имени с глаголом греч. *κορέω* 'насыщать', см., вслед за Бурдой, F. Solmsen

KZ XXXV, 1899, 484. Эта этимология была вскоре признана неудовлетворительной и оставлена, см. Verneker, *ibid.*; Фасмер, там же. Признаваемое обычно уникальное формантное родство *koryto и *koryto и отглагольность последнего (*kopati) заставляли искать слав. глагол с корнем *kor- 'рыть, долбить и т. п.', но ничего такого обнаружить не удавалось. Поэтому реконструировалась более дальняя и опосредствованная связь с и.-е. глагольными корнями, напр. через слав. *kora — с и.-е. *(s)ker- 'резать, долбить, бить'. См. так Trautmann BSW 119, под «балтослав.» праформой *karūta- 'корыто', которая, строго говоря, лишена точных балт. соответствий. См. еще Младенов ЕИР 252; Sławski II, 503. Под и.-е. праформой *(s)ker- 'резать' помещено «праслав. *karūta- ср. р.» в словаре Покорного (Pokorny I, 942).

Несмотря на отсутствие точных балт. соответствий слав. *koryto, все же укоренилось мнение о наличии близких балт. форм. При этом называют несохранившееся балт. *karta-, косвенно засвидетельствованное в фин. kartta 'корыто', балт. происхождения, см. Trautmann, *ibid.* Сюда же относят, далее, др.-прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prākartas* 'корыто, кормушка, ясли'. Очевидно, что это совершенно самостоятельное образование, что в общем более или менее сознается исследователями, которые вынуждены свою практику объединения этих слав. и балт. форм снабжать оговорками, ср. Sławski, *ibid.*: «koniec końcem do tej samej rodziny». Славский, вслед за рядом других ученых, отмечает производность балт. слов от балт. глагольного корня *kert-* 'бить, ударять, рубить' (-*t*- относится к корню глагола), что элементарно не соответствует признаваемому им (и другими) словообразовательному членению слав. *kor-yto (-*t*- относится к суф.). Ср. также Skok. Etim. г҃еѣп. II, 156: «Балт. соответствия не совсем совпадают с праслав. в суффиксе». Другими авторами родство слав. *koryto и др.-прусск. *pracartis*, лит. *prākartas* принимается безоговорочно, вслед за предшественниками, см. БЕР 2, 639. Весьма показательно трактовка вопроса у Вайяна: выделяя вместе с остальными исследователями только два слав. производных на -yto: цслав. *кopyтo* от *кoпaти* и ст.-слав. *кoрaтo*, он считает «самым точным в том, что касается значения, сравнение с др.-прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prākartas* 'кормушка» (Vaillant. Gramm. comparée IV, 700).

Для суждения о слав. слове необходимо, следовательно, разобратся в сравниваемой с ним лексике балт. языков. Если оставить пока в стороне лтш. *karāite, karūite* 'ложка', в котором некоторые сторонники балто-слав. единства видят соответствие слав. суфф. -yt- < -ūt- в *koryto (см. Р. Агушаа. — Scando-Slavica IX, 1963, 79; ср. еще Фасмер, там же, со ссылкой на Шпехта), то речь идет о неоднократно уже упоминавшихся выше др.-прусск. *pracartis*, лит. *prākartas*. Как отмечалось выше, их возводят к балт. корню *kert-* 'ударять, рубить', вместе с тем у спе-

циалистов, занимавшихся этим вопросом более пристально, полной уверенности в таком словопроизводстве нет. Знакомство с главным современным справочником по балт. этимологии — лит. этимол. словарем Френкеля — убеждает в этом. Правда, к колебаниям автора насчет этимологии слова *prākartas* добавляется еще такая типичная особенность словаря Френкеля, как излишне совокупная, гнездовая трактовка, смазывающая собственный путь каждого слова и затрудняющая объективную оценку также нашего случая. Так, на алфавитном месте, под *prākartas*, мы находим только отсылку на *kiṛsti*, *kertù* 'рубить, бить', которое, по мнению, разделяемому и автором, восходит к и.-е. **ker-* 'резать'. В конце статьи *kiṛsti* Френкель упоминает мнение Егерса о возможности дальнего родства этого глагола с лит. *kárti* 'вешать' и только после этого пишет буквально: «ср. также лит. *prākartas* 'кормушка, ясли', др.-прусс. *pracartis* 'корыто' (см. об этих двух словах еще под *karklas*)». См. Fraenkel I, 258. Эту манеру изложения трудно назвать ясной; отнесение *prākartas* к *kiṛsti* потребовалось для того, чтобы в заключении последней статьи поставить в сущности эту связь под сомнение. Но эти сомнения в общепринятом производстве *prākartas* < *kert-* 'рубить' разделяем и мы. Лит. *prākartas*, вероятнее всего, — местное балт. производное от глагола лит. *kárti* 'вешать'. Странно, что обычно не обращают внимание на наличие здесь приставки *pra-*. Активное значение этой лит. (балт.) приставки — 'про-, мимо', но более старым и этимологическим было, конечно, значение 'перед, вперед, впереди', ср. лит. *pradžia* (< **pra-djā*) 'начало', буквально 'пред-поставленное'. Вполне естественно поэтому понимать *prākartas* этимологически как 'повешенное спереди', т. е. 'торба с кормом для скотины', что близко к нынешнему значению лит. *prākartas* 'кормушка, ясли'. Правда, акутовая долгота исходного глагола *kárti* заставляла бы ожидать сохранения ударения на корне (**prakártas*, а не *prākartas*, ср. ударение *pakárti* 'повесить'), но все-таки это трудность преодолимая, если иметь в виду действие балт. метатонии, возможной также в этом глагольно-именном гнезде, особенно при участии семантического фактора и при условии достаточно раннего образования балт. слова (ср. др.-прусс. соответствие). Главный вывод для нас: эти др.-прусс. и лит. слова не имеют ничего общего с праслав. **koryto*.

Неудовлетворенность оспоренным выше традиционным объяснением слав. **koryto* вызвала к жизни и другие, менее приемлемые попытки его этимологии. Напр., Отрембский устанавливал отношение метатезы между слав. **koryto* и др.-исл. *þró* 'корыто', англосакс. *þrūh* 'ящик', лит. *traukai* 'посуда', лтш. *traūks* то же. См. Otrębski. *Studia indoeuropeistyczne* 187; ср. и Machek² 279: *koryto* связывает с герм. **trogo-*, нем. *Trog* 'корыто', с перестановкой согласных, квалифицируя и то, и другое как «преаевропейского» происхождения. Но герм. названия корыта не нужно за-

числать в таинственный «праевропейский» пласт, они имеют хо-рошую и.-е. этимологию: герм. **troga* < и.-е. **dru-ko* 'деревянное' (Kluge²⁰ 792). Нет оснований относить к субстрату и слав. **koryto*.

***корытько**: чеш. *korýtko* ср. р. 'корытце' (Jungmann II, 135), диал. *korýtko* 'тормоз колеса' (Hruška. Slov. chod. 44), словц. *korýtko* ср. р., ум. (SSJ I, 750), диал., вост.-словц. *korytko* (Káral 260), н.-луж. *kórytko* ср. р. 'ясли', 'корытце, лоток' (Muka Sł. I, 678), ст.-польск. *korytka* ср. р. 'корытце', 'желоб' (Sł. polszcz. XVI w., X, 660), польск. *korytko* ср. р., ум. от *koryto*, 'лопасть (доска) мельничного колеса, о которую ударяет вода, вращая колесо', 'корытце, мельничный ларь', 'желоб, канавка', 'шина, лубок, накладываемый при переломе костей конечностей' (Warsz. II, 483), диал. *korytko* ср. р. (Sł. gw. р. II, 437) 'долбленое корытце для изготовления брызны' (W. HERNICZEK-MOROZOWA. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 96), 'поилка у колодца' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 129), *k*orytk*o* 'корытце' (Tomasz., Łop. 139; Kusała 126), *koritko* (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 180), словин. *korětko* ср. р., ум. от *korěto* (Sychta II, 209), др.-русск. *Корытко* (1500 г.), *Корытковъ* (1545 г.), личное имя собств. (Тушиков 257, 647), русск. диал. *коры́тко*, ум. от *корыто*, 'корытце' (камч., пск., арх., Филин 15, 36), (Картотека Псковского областного словаря), *коры́тки* 'желобки для сбора стекающей со стекол воды' (Сл. Среднего Урала II, 52), укр. *коры́тко* ср. р. 'коробок, прикрепленный под кошем над жерновами, сквозь который высыпается в жернова зерно' (Гринченко II, 284), блр. *Кары́тка*, *Кары́ткін*, фам. (Бірыла 190).

Ум. производное с суф. -ько от **koryto* (см.).

***корытьсе**: цслав. *корытаце* ср. р. *cisterna* (Mikl.), болг. (Геров) *коры́тце* ср. р., ум. от *коры́то*, макед. *коритце* ср. р., ум. от *корито* (Кон.), сербохорв. *кѳрице* ср. р. (род. п. мн. *кѳритѳцѳ*), ум. от *корито* (РСА X, 270—271; RJA V, 326), словен. *korítce* ср. р., ум. 'корытце', 'мельничный лоток' (Plet. I, 439), ст.-чеш. *korytce* ср. р. 'alveolus' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *korýtce* ср. р. 'корытце' (Kott I, 756), словц. диал. *korece* ср. р. 'русло реки' (Matejčík. Novohrad. 83), н.-луж. *kóryśco* ср. р. 'корытце' (Muka Sł. I, 678), др.-русск. *корытце* ср. р. 'корытце, лоток' (Арх. Гамеля, № 256, 3 об. 1670 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 354), русск. *коры́тце* ср. р., ум. (Даль³ II, 437), диал. *коры́тце* 'желоб, желобок' (калин., перм., том.), 'прорубь для подледного лова сетью' (пск.), 'след от копыта; копыто' (курск., арх., Филин 15, 37), укр. *коры́тце* ср. р., ум. от *коры́то* (Гринченко II, 284), блр. диал. *кары́тцѳ* ср. р., ум. 'корытце, в которое вставляется точило' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

Ум. производное с суф. -ьсе от **koryto* (см.).

когы I**/когы**: сербохорв. диал. *кѳр* м. р. 'вид болезни' (РСА X, 228), польск. *kur*, диал. *kor*, *kór*, *chór* м. р. 'корь, инфекцион-

ная болезнь, сопровождаемая красной кожной сыпью' (Warsz. II, 471, 638), др.-русс., русск.-цслав. *корь* 'кора' (Дан. иг., Срезневский I, 1293), *корь* м. и ж. р. 'название болезни' (Травник Любч., 541. XVII в. 1534 г. и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 355), 'вредитель (тканей, меха, кож, хлеба) типа моли' (Крым. д. I, 310. 1500 г. Там же), русск. *корь* ж. р. 'заразная, преимущественно детская болезнь, сопровождаемая сыпью, воспалением дыхательных путей и жаром', диал. *корь* м. и ж. р. 'детская заразная болезнь, корь' (Деулинский словарь 242; Филин 15, 38), 'моль' (там же), 'моль, личинка моли' (Сл. Среднего Урала II, 52; Иркутский областной словарь I, 223; Словарь Красноярского края 93; Элиасов 166), *корь* ж. р. 'моль, тля' (волог., Даль³ II, 438), сюда же, возможно, производное *хорёк* (если из **корёк*) 'жучок, точащий дерево' (Картотека Псковского областного словаря), укр. *кїр*, род. п. *кїру*, м. р. 'корь' (Гринченко II, 245; Укр.-рос. словник II, 335), блр. диал. *кор* м. р. 'корь' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503).

Этимологически тождественно **kora* (см.), ср. подробную реально-семантическую аргументацию: В. А. Меркулова. Народные названия болезней. II (на материале русского языка). — Этимология. 1970 (М., 1972), 172: 'кора, верхний слой дерева' → 'сыпь, покрывающая, как кора' → 'болезнь с такой сыпью'; ср. в диалектах *кора* в значении 'болезнь корь'. См. еще Преобр. I, 365.

С равным, если не с бóльшим правом можно было бы выделить особое **когь* 'насекомое моль, тля' (см. выше), которое вместе с греч. *κόρυς* 'клоп' продолжает и.-е. имя с корневым *-o-*, производное от глагольного *(*s*)*ker-* 'резать'. С этой существенной оговоркой следует принимать совмещенное рассмотрение названного **когь* с **корь* 'болезнь' тем более, что последнее тоже восходит, как и **kora*, к и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать, отделять', чем и продиктована традиция рассматривать их вместе. См. К. Štrekelj AfslPh XXVIII, 1906, 485, 486; Н. Petersson AfslPh XXXVI, 1916, 153—154 (отличия в деталях). Впрочем, ср. отдельно — *корь* I 'название детской болезни', *корь* II 'моль': Фасмер II, 343—344. В конечном счете это, разумеется, этимологически тождественные, вторично омонимизировавшиеся образования.

Столь же старая традиция сближать **когь* 'болезнь' с лит. *karal* 'корь' (Miklosich 133; Berneker I, 579; Фасмер, там же; Sławski III, 387—388) вызывает существенное возражение, что лит. слово — только название болезни, без близких внутриязыковых соответствий со значением 'кора' — скорее всего заимствовано из слав. См. Trautmann BSW 117; возражения Френкеля (Fraenkel I, 219) неубедительны.

**когь* II: русск. диал. *корь* ж. р. 'упрек, укор' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240).

Соотносительно с глаголом **koriti* (см.).

*когѣба: целав. *корѣка* ж. р. *ѣста*, *clades* (Mikl.), сербохорв. стар. *кѣрба* ж. р. 'укор, упрек', (диал.) 'ссора' (РСА X, 238; RJA V, 322), *кѣрба* ж. р. 'шумная ссора' (Hraste—Simunović I, 445), др.-русск. *Корѣба*, личное имя собств. (1538 г., Тушиков 257), русск. диал. *корѣба* ж. р. 'перекор, перебранка', 'укор, укоризна' (Васнецов 111; Филин 15, 38).

Название действия, производное с суф. *-ѣба* от глагола **ko-riti* (см.).

*когѣсь I: ст.-слав. *когѣца* м. р. *кѣрос*, *coqus* 'мера' (Mar., Mikl., Sad., SJS), болг. диал. *кѣрѣц* м. р. 'деревянная посуда для сбора и перевозки винограда' (с. Здравковец, Габровско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), сербохорв. *кѣрац*, род. п. *-рѣца*, м. р. 'кадочка' (РСА X, 237), стар., диал. *когас*, *korec* (Mažuranić 526), словен. *kórec*, род. п. *-гса*, м. р. 'черпак, ковш', 'мера (зерна)' (Plet. I, 437), также диал. *когас* (Бодуэн де Куртэнэ. Терские славяне в Сев. Италии. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 25, 360), *korci* 'кровельная черепица' («Narodopisje Slovencev» I, 81, 96), ст.-чеш. *kořec*, род. п. *-рѣ*, м. р. 'сосуд для сыпучих тел, а также для жидкостей', 'мера' (Gebauer II, 103; Novák. Slov. Hus. 49), также *korec* (Brandl 104), производное *korčák* м. р. 'сосуд, кубок' (Gebauer II, 102), чеш. *kor-ec*, род. п. *-рсе*, м. р. 'старая мера зерна', производное *korčák* м. р. (Kott I, 749), слвц. *korces*, род. п. *-гса*, м. р. 'мера (напр. зерна)', 'лопасть на колесе водяной мельницы' (SSJ I, 746; Kálal 258), производное *korček* м. р. (SSJ I, 745), в.-луж. *kórc* м. р. 'мера' (Pfuhl 273), н.-луж. *kórc* м. р. 'четверик, корец' (Muka Sł. I, 676), полаб. *t'ōrác* м. р. 'мера' (Polański—Sehnert 155), ст.-польск. *korzec* 'мера сыпучих тел', 'лопасть мельничного колеса' (Sł. stpol. III, 349—350), польск. *korzec*, род. п. *-гса*, м. р. (Warsz. II, 484), диал. *korzec* 'сто литров (напр. пива)', 'сто килограммов' (Sł. gw. р. II, 437; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 210), *k*ożec* (Kucała 226), *kofec* 'старая мера зерна' (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 180), производное *korczak* 'деревянный черпак' (Warsz. II, 473), словин. *korc* м. р. 'мера' (Sychta II, 208), *k*orc* (Lorentz Pomor. I, 416), *k*ořec* (Lorentz Pomor. I, 418), производное *kърѣцѣк* м. р. 'черпак' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), др.-русск., русск.-цслав. *корѣцъ*, *корѣць* м. р. 'ковш' (Псков. суд. гр., 24. XVI в. ~ XV в.), 'берестяной или металлический сосуд, тара и мера зерна, масла' (Кн. п. Обон. пят., 23. 1496 г.), 'часть сохи' (Там. кн. Тихв. м., № 1318, 18 об. 1659 г.), 'мельничный ковш, ящик над жерновом, откуда сыплется зерно' (Кн. Тул. и Каш. зав., 115. 1690 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 312; Срезневский I, 1293), русск. диал. *корѣц*, род. п. *-рѣца*, м. р. 'ковш' (твер., влад., калуж., тул., ряз., арх., олон., вят., новг., волог., яросл., перм. и др.), 'совок для насыпания зерна или муки' (ворон., ряз., тамб., орл., донск., брян., сарат.), 'окошко у жерновов, в которое засыпают зерно' (тамб., моск.) (Филин 14, 326; Куликовский 41;

Добровольский 343; Говоры Прибалтики 128; Словарь говоров Подмосковья 215; Деулинский словарь 240), 'берестяной ковш' (Сл. Среднего Урала II, 49), ст.-укр. *корець* м. р. 'мера емкости' (XV в.; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 497), укр. *корéць*, род. п. *-рця́*, м. р. 'мера сыпучих тел', 'железный или деревянный ковш', 'пара соединенных под углом поперечных досок на окружности колеса водяной мельницы, — в них ударяет вода' (Гринченко II, 283; Укр.-рос. словник II, 376), также *кірець* (Гринченко II, 245), диал. *корѣц* м. р. 'кружка' (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — Лексика Полесья 85), *кбриц*, *кбрец* 'единица емкости, 100 литров', 'черпак' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 79), производное *корчак* м. р. 'водяная мельница с наливным колесом' (Гринченко II, 288), ст.-блр. *корец* 'мера сыпучих тел' (Скарына 1, 277), блр. *карѣц* м. р. 'берестовый ковш' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654; Байкоў—Некраш. 143), *корец* 'ковш, из дерева выдолбленный, с рукояткою' (Носов.), *кбрац*, род. п. *-рца*, м. р. 'поставец (сосуд для питья)', *корец* 'ковш, нечто вроде большой деревянной ложки из елового дерева' (Белорусский сборник 362), диал. *карѣц* 'ковш, колодка с отверстием в верхнем жернове' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429), *корѣц* 'посуда для питья воды (скрученная из коры, вырезанная из корня, медная, глиняная и др.)' (З народнага слоўніка 192), *кбръчк* (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243).

Наиболее вероятно образование от **kora* (см.) с суф. *-ьсь*. Регулярное уменьшительное образование от основы на *-a* ж. р. ожидалось бы с суф. *-ьса*, но, по-видимому, сказалось влияние других названий мер объема сыпучих тел, ср. в первую очередь **гъръньсь* (см.). В этом смысле можно было бы ответить на сомнения Бернекера относительно словообразования **когьсь* ← **kora* (см. Berneker I, 580); к тому же словообразовательный акт здесь сложнее, чем простое производство ум. формы. Собственная этимология Бернекера (там же) — сближение с др.-инд. *carūś* 'котел', др.-исл. *huerr* 'котел', гот. *hvaírnei* 'череп', ирл. *cern* 'миска', *coire* 'котел', кимр. *pair* то же — отнюдь не убедительнее и во всяком случае труднодоказуема. Ср. еще раньше А. Meillet MSL 8, 1893, 281. Равным образом, вопреки мнению Мейе (см. А. Meillet MSL 14, 1907, 382), **когьсь* не связано ни с **џага* (см.), ни с **когьто* (см.). Исконослав. слово **когьсь* первоначально обозначало предмет из древесной коры, см. А. Соболевский РФВ LXX, 1913, 85—86. Это значение и по сей день известно в слав. (напр. блр., см. выше) говорах, носители которых до недавнего времени сохраняли прежний уровень культуры. Ср. и Вгückner 258: «Произведено от (названия) коры, которая служила для самых перво-бытных мер-сосудов, опережая всякий прочий материал». Следует при этом иметь в виду преимущественно «деревянный» характер народной культуры славян, как и других народов Северной Ев-

ропы. Деревянный, берестяной корец непротиворечиво вписывается в эту культуру. Широкое распространение слова *когьсь также у северных славян противоречит концепции этого слова как заимствованного культурного термина южного происхождения. См. Machek² 277. Мысль о заимствовании по крайней мере ст.-слав. коръ, коръца из созвучного названия меры — греч. κόρος высказывалась тоже давно, см. Miklosich 133. Некоторые авторы распространяли это объяснение вообще на все слав. формы, см. Skok II, 150; ср. еще J. Kelemina. — Glasnik. . . XIV, 1933, 66. Однако, как уже сказано, широкое распространение и народный характер слова *когьсь у всех славян (включая болгар и сербов, хорватов, у которых, по старым сведениям, соответствия отсутствовали) делает сомнительным книжное заимствование слова семитского происхождения через библейское греч. κόρος (предположительно объясняемое из др.-евр. kōr 'круглый сосуд', см. Chantaine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 568).

Продолжающиеся до недавнего времени попытки нащупать особые исконно-и.-е. связи слав. *когьсь, т. е. не со словом *kora, к сожалению, способствуют скорее затемнению картины. Ср. прежде всего гипотезу Махека — сначала о родстве *когьсь с др.-инд. khārā- 'крупная мера зерна' (V. Machek. — Slavia XVI, 2, 1939, 170), а позднее о существовании и.-е. *koro-s, якобы на базе родства слав. *когьсь, др.-инд. khārā- и греч. κόρος (Machek² 277). Однако эта мысль не выдерживает критики; о греч. слове уже сказано выше, можно добавить, что др.-инд. khāra- само по себе неясно, а сравнение со слав. *когьсь элементарно затруднительно фонетически, см. Mauthofer I, 309; W. Merlingen. — Idg. z. — Die Sprache IV, 47 (о сомнительности соответствия kh слав. k по этимологии Махека). В этом же ряду можно упомянуть остроумное, но маловероятное сближение слав. *когьсь из и.-е. *koriko-s с и.-е. *koruko-s в ирл. curach, кимр. coruc 'плетеный челн' (J. Loewenthal WuS VII, 1921, 177—178).

Словом *когьсь обстоятельно занимался Фасмер, см. «Jagić-Festschrift» (1908), 272—273; Фасмер II, 325—326. См. еще Sławski II, 504—506; Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 622.

*когьсь II: русск. диал. корѣц, род. п. -рѣца, м. р. 'укорщик, доказчик (свидетель)' (ряз., Филин 14, 326).

Имя деятеля, производное с суф. -ьсь от *koriti (см.).

*когьје: сербохорв. kōrje ср. р., собир. 'кора' (с XVI в., RJA V, 342), др.-русск. корье ср., собир. 'кора деревьев' (ААЭ I, 320, 1571 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 355), русск. корьѣ ср. р., собир. 'снятая с дерева кора', диал. корьѣ ср. р., собир. 'ивняк' (Словарь говоров Подмосковья 222; Филин 15, 38), 'измельченная дубовая кора для обработки кожи' (Словарь русских донских говоров II, 81), укр. диал. kīr'je 'кора' (Онышкевич 332).

Производное с суф. -ьсь от *kora (см.) Условно...

для **korъje* праформа **korjom* удивительно совпадает с лат. *corium* 'кожа, шкура', 'кожура, шелуха', будучи по всей видимости независимым параллелизмом.

**когда?*: русск. диал. *карѣза* ж. р. 'птица сойка' (смол.), 'иволга' (смол.) (Добровольский 313; Филин 13, 86), блр. *карбза* ж. р. 'сойка', 'иволга обыкновенная *Oriolus galbula*' (Байкоў—Некраш. 142; Гарэцкі 76), *Карбза*, фам. (Бірыла 187).

Это локальное, в сущности только блр. слово (русск. смол. говоры граничат и во многом генетически связаны с блр.), характеризующее Фасмером (II, 198) как темное, при всей проблематичности древности своего образования, представляет собой вероятное звукоподражание, праформу которого трудно уточнить. Сойка — птица с резким криком, о чем говорят ее названия в разных языках, ср. нем. *Häher* < **kraikr-* 'крикун' (Kluge²⁰ 281—282, там же другие старые и областные названия с такой же семантикой), лат. *garrulus* 'сойка', собственно 'болтливый, болтливая'. Звукоподражаниями, вероятно, являются балт. названия сойки — лит. *rąšis, ranšis* (стар. **ranžis*), лтш. *ruozis* (**ranžis*), ср. несколько иначе Fraenkel II, 701. Звукоподражание же, в конечном счете, наверное, представлено и в русск. *сбійка*, вопреки однозначному иному мнению Фасмера (III, 731).

**коса* I: цслав. *коса* ж. р. *сома* (Mikl.), болг. *косá* ж. р. 'волосы (на голове у человека)' (РБЕ; БТР), также диал. *косá* ж. р. (М. Младенов БД III, 92), *кбса* ж. р. (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 239; Шапкарев—Близнев БД III, 234), *кбса* (Г. Горов БД I, 99), *кбсь* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. *коса* ж. р. 'волосы' (И-С), сербохорв. *кдса* ж. р. 'волосы', 'шерсть, ворс', (диал.) 'ткацкая основа' (РСА X, 293—294; RJA V, 351—354), *кбсе* мн. 'косы (на голове)' (Hraste—Šimunović I, 449), ст.-чеш. *kosá* ж. р. 'волосы на голове' (Gebauer II, 108), в.-луж. *kosá* ж. р., обычно *kosy* мн. 'созвездие Волосы Береники' (Pfuhl 275), н.-луж. *кбсу* мн. 'косари (созвездие)' (Muka Sl. I, 683), полаб. *t'ösá* ж. р. 'серп', 'коса' (Polański—Sehnert 155), ст.-польск. *kosá* ж. р. 'коса (на голове), грива' (Sl. polszcz. XVI w., XI, 1—2), польск. диал. *kosá* ж. р. 'коса (волосы)' (Sl. gw. p. II, 438), 'метелка льна' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 114), 'ткацкая основа, сплетенная косою' (Falińska. Pol. sl. tkackie I, 121), др.-русск., русск.-цслав. *коса* ж. р. 'заплетенные волосы, коса' (Х. Афан. Никит., 13. XV—XVI вв. ~ 1472 г.; Юдифь XIII, 9—10. Библи. Гени. 1499 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 356; Срезневский I, 1294), русск. *косá* ж. р. 'заплетенные волосы', диал. *косá* ж. р., *кбсы* мн. 'волосы мужские и женские' (волог., ряз., тамб., пенз., сарат., Филин 14, 44, там же ряд вторичных употреблений), *кбсь* мн. 'усы, стебли огурцов' (Сл. Среднего Урала II, 55; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 243), укр. *косá* ж. р. 'коса, сплетенные волосы', (мн.) 'волосы вообще' (Гринченко II, 289), ст.-блр. *коса* 'коса

(волосы)', блр. *каса́* ж. р. 'коса', также диал. *каса́* ж. р. (Слоўж. паўночн.-заход. Беларусі 2, 430; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217), *кбсы* мн. 'волосы' (Белорусский сборник 365; 3 народнага слоўніка 102).

Ср. сюда же суффиксальные производные: польск. диал. *kosacz* 'конь с большой гривой' (Sł. gw. р. II, 438; Warsz. II, 487), русск. диал. *косач* м. р. 'конь с длинной густой гривой' (орл., Филин 15, 47); сербохорв. диал. *кдсѧнка* ж. р. 'коса (заплетенная)' (РСА X, 296).

Производное с корневым вокализмом -о- от глагола *česati (см.), вернее — от предшествующего ему и.-е. *kes-, несмотря на сомнения Мейе, который полагал, что родство *kosa и *česati плохо согласуется с основным значением глагола *česati, см. A. Meillet MSL 14, 1907, 338. Однако как раз основное значение этого глагола — 'скрести, чесать, причесывать' — непротиворечиво связано со значением имени *kosa — не вообще 'волосы', а 'расчесываемые, определенным образом причесанные волосы', что придает слову *kosa функцию термина культуры. Далее сближают слав. *kosa с лит. *kasà* 'коса (волосы)', лтш. *kasa* то же, см. Berneker I, 581; Фасмер II, 344; Trautmann BSW 120; Fraenkel I, 226. Имеются и другие именные соответствия слав. *kosa — др.-исл. *haddr* 'длинные женские волосы' < герм. *hazdaz — и.-е. *kas-dho-s, ирл. *cass* 'локон' — *kas-to-s 'причесанный' (ср. W. Steinhauser. — Die Sprache II, 1950, 1—2) и нем. *Haar* м. р. 'лен-сырец' (не смешивать с нем. *Haar* ср. р. 'волос(ы)!', др.-в.-нем. *haro*, род. п. *harwes*, < герм. *hazwa- 'чесаное' < *kasyo-/ *kosyo- (ср. Kluge²⁰ 278). На этом фоне, конечно, близость форм и значений слав. *kosa и лит. *kasà* особенно бросается в глаза. Безоговорочному принятию мнения об исконном родстве этих слов, на котором настаивают вышеназванные ученые, мешает одно существенное обстоятельство: соответствующий балт. глагол — лит. *kàsti* 'рыть, копать, грести (землю)', *kasýti* 'скрести, царапать' и его лтш. пара — как раз не имеют важного культурного значения 'чесать, расчесывать, причесывать'. Думать при этом, что речь идет о каком-то маловажном оттенке употребления, мы не можем, речь идет о важном культурном терминологическом значении 'чесать, причесывать волосы', которое в слав. *česati весьма древне и имеет и.-е. соответствия, а в балт., как и в ряде других и.-е. языков вытеснено особыми новообразованиями, обозначающими, собственно, 'чесать гребнем', ср. лит. *šukuoti*, лат. *pectere*, нем. *kämmen*. Таким образом, комплектной глагольно-именной пары вроде слав. *česati—*kosa балт. языковой материал не обнаруживает. Недаром проницательный Брюкнер, говоря о слове *kosa*, не приводит лит. *kasà*, но только глаголы *kàsti*, *kasýti* (см. Brückner 259), что вызвано, разумеется, не кратким характером словаря, а соображениями, побудившими Брюкнера еще раньше видеть здесь слав. заимствование, что встретило едн-

нодушный, хотя и не очень аргументированный протест у Бернекера (там же) и у других.

Далее см. *kosa II.

*kosa II: цслав. *кога* ж. р. falx 'коса' (Mikl.; SJS: ζιβύνη, zibyna 'вид оружия', Parim.), болг. *коса́* ж. р. 'коса (чем косят сено)' (РБЕ; БТР), также диал. *коса́* ж. р. (Д. Маринов. Думи и фразы из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 290; М. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско 239; М. Младенов БД III, 92), *коба* ж. р. 'косьба' (Стойчев БД II, 191), *кобъ* ж. р. 'коса', 'серп' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кусъ* ж. р. 'коса' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), макед. *коса* ж. р. 'коса' (И-С), диал. *kósa* 'коса' (Mačeski 53), *коба* 'кожевенный струг' (Св. Николско MJ II, 1951, 166), сербохорв. *коса* ж. р. 'коса (косить траву)' (РСА X, 294—295; RJA V, 350—351), диал. *kosā* ж. р. то же (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kósa* ж. р. 'коса' (Plet. I, 440), ст.-чеш. *kāsa*, *kosa* 'алебарда' (Brandl 112), чеш. *kosa* ж. р. 'коса', словц. *kosa* ж. р. (SSJ I, 750), в.-луж. *kosa* ж. р. 'коса' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósa* ж. р. (Muka Sł. I, 679), ст.-польск. *kosa* 'коса (для косьбы)' (Sł. stpol. III, 354—355; Sł. polszcz. XVIw., XI, 1—3), польск. *kosa* ж. р. 'коса' (Warsz. II, 486), диал. *kosa* (Maciejewski. Chełm-dobrz. 99, 119; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), *k^oosa* (Kucała 107), словин. *kosa* ж. р. 'коса' (Sychta II, 214), *kcesa* (Ramušt 76), *k^oosa* (Lorentz Pomor. I, 419), *k^oesā* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), др.-русск., русск.-цслав. *коса* ж. р. 'оружие, имеющее широкую режущую часть, широкое лезвие (резак, секира, боевой топор и т. п.)' (Флавий. Полон. Иерус. I, 216. XVI в. ~ XI в.), 'орудие для срезания травы, коса' (Кн. законные, 47. XV в. ~ XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 356—357; Срезневский I, 1294), русск. *коса́* ж. р. 'сельскохозяйственное орудие в виде узкого изогнутого лезвия, насаженного на длинную рукоятку, служащее для срезывания травы и хлебных злаков', также диал. *коса́* (Подвысоцкий 72; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240; разнообразные местные частные значения см. Филин 15, 44), укр. *коса́* ж. р. 'коса' (Гринченко II, 289), диал. *коса́* ж. р. 'огрех, пропуск при косьбе' (Материали до словника буковинських говірок 6, 83), ст.-блр. *коса* 'коса' (Скарына 1, 279), блр. *касá* ж. р. 'коса', также диал. *касá* ж. р. (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217). — Ср. сюда же суффиксальные производные: болг. *коса́ч* м. р. 'косец' (РБЕ), также диал. *коса́ч* (М. Младенов БД III, 92), макед. *коса́ч* м. р. 'косец, косарь' (И-С), сербохорв. *kosāč* м. р. 'косец' (с XVII в., RJA V, 355), словен. *kosáča* ж. р. 'плохая коса' (Plet. I, 440), чеш. *kosáč* м. р. 'садовый нож' (Kott I, 757), русск. диал. *коса́ч* м. р. 'косец' (свердл., Филин 15, 47); сербохорв. *kosak* м. р. 'резак' (RJA V, 355), словен. *kosák* м. р. 'косец' (Plet. I, 440), чеш. *kosák* м. р. 'серп', 'садовый нож' (Kott I, 757), также диал. *kosák* (Bartoš. Slov. 156; Svěrák. Karlov. 119), словц. *kosák* 'серп'

(Kálal 260), н.-луж. *kóśak* м. р. 'садовый нож' (Muka Sł. I, 679), польск. диал. *kóśak* м. р. 'серп без зубьев' (Sł. gw. р. II, 438—439; Warsz. II, 487), *k*osǫk* (Kusała 108), русск. диал. *косáк*, *кося́к* 'косец' (Сл. Среднего Урала II, 52; Филин 15, 45, 98: вят., волог., свердл. и др.), 'косарь' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 241; Опыт словаря говоров Калининской обл. 104), укр. *косáк* м. р. 'большой нож для сечения капусты' (Гринченко II, 289), блр. *Ка-сáк*, фам. (Бірыла 190); болг. диал. *кóсан* ж. р. 'косьба' (Стойчев БД II, 191), сербохорв. *косáница*, *косáница* ж. р. 'сенокос, луг' (РСА X, 295—296).

В согласии с частью исследователей мы считаем *kosa II и *kosa I (см.) этимологически тождественными, т. е. производными по одной модели от одного и того же глагола. Тождество между обоими словами наблюдается во всем, кроме значения: значение *kosa II 'орудие для срезания, ссекания травы' четко отделяет слово *kosa II от балт.-лит. *kasà*, которому это значение уже неизвестно. Это наблюдение можно развить в том смысле, что слав. *kosa II совершенно не имеет и.-е. соответствий. Приводимое обычно др.-инд. *śāsati* 'резать' имеет характер глагола, а *śastrám* 'нож' является особым суффиксальным производным именем от этого глагола, далее — лат. *castrāre* 'резать, скопить' — это вторичный отыменной глагол от имени предыдущего типа (др.-инд. *śastrám*). Дальнейшие сближения предпринимаются на уровне и.-е. *kes-. См. А. Meillet BSL XII, 2, 1903: *Procès verbaux CX* (сближение *kosa*: *śastrám* и идея о диссимиляции свистящих в слав.); Он же. — MSL 13, 1905, 243—245; *Berneker I*, 581. Мысль особого родства *kosa II с др.-инд. *śāsati*, *śāsti* (см. выше) поддерживает Махек, см. V. Machek. — *Slavia XVI*, 2—3, 1939, 187; *Machek*² 280: *kosa*². Совсем уже невероятны сравнения с др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо', откуда 'коса' якобы из первоначального 'изогнутая' (E. Lewy KZ XL, 419—423. Цит. по: RS I, 1908, 272; *Berneker*, там же). Можно лишь согласиться с тем, что *kosa II не является производным от прилаг. *kosъ(jъ) (см.). Все разнообразие «особых» этимол. сближений *kosa II собрано также у Фасмера (II, 345: *kosá* II).

Как явствует из охарактеризованной выше семантической изоляции *kosa II, оно представляет собой инновацию, вторичное образование, при котором полностью повторен словообразовательный акт *kes- > *kosa (I), но без видимой производности значения *kosa II 'коса режущая' от значения *kosa I 'коса (волосы причесанные, заплетенные)'. С этой оговоркой можно принять простейшую и хронологически правильную схему Брюкнера: *kosa — одно слово в двух значениях: 'коса — волосы' от их чесания и 'коса — орудие для «счесывания» травы, злаков, как серпом'. Праславянское в обоих значениях, однако первое более первоначально, а второе производно: *kosa* — серп названа по форме косы из волос (Brückner 259). На общем происхождении

**kosa* I и **kosa* II настаивал Якобсон (R. Jakobson, — Word 11, № 4, 1955, 611), см. и Г. Якобссон. — Scando-Slavica IV, 1958, 300—303. Своеобразную крайность представляет собой трактовка Славского (Sławski II, 516—518), который даже для отдельного слав. языка — польского — дает одну словарную статью *kosa*, объединяя здесь и 'орудие для срезания травы' и 'длинные, заплетенные волосы'. Так утрировать, очевидно, не стоит, зная о том, что даже для праслав. уровня здесь реальнее реконструировать две особые словарные единицы, впрочем этимологически близко родственные в указанном выше смысле.

Обширно относительно **kosa* II, интересно в деталях, но спорно в главном выводе — **kosa* 'орудие' первоначально 'обрубленная жердь' см. А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 224 и сл., особенно 228. По нашему мнению и в духе изложенных выше данных, **kosa* II — лексико-семантическая инновация на базе **kes-*, **česati* и уже существовавшего **kosa* I. Инновация всегда или часто предполагает фигуральное употребление. Так появилось значение **kosa* II: 'орудие для «счесывания» травы».

**косарь*: болг. книжн., стар. *ко̀сар* м. р. 'косарь' (Речник РОДД; Дювернуа: *ко̀сарь* 'косарь, косец'), диал. *ко̀сар* м. р. 'кривой серповидный виноградарский нож' (М. Младенов БД III, 92), в прозвищах и фамилиях *Кос̀ар*, *Кос̀аров*, *Кос̀арски* (Илчев. Речник на личните и фамилии имена у българите 271), макед. *косар* м. р. 'мастер, делающий косы' (И-С), сербохорв. *ко̀сар* м. р. 'кузнец, кующий косы' (РСА X, 296), словен. *kosár*, род. п. *-rja*, м. р. 'кузнец, кующий косы', 'косарь' (Plet. I, 440), *kosarica* ж. р. 'большой нож' (там же), ст.-чеш. *kosar* м. р. 'кузнец, кующий косы и серпы, *falcifer*' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *kosář*, *kosar* м. р. (Kott I, 757), диал. *kosárek* 'серп' (Kott. Dod. k Bart. 43), словц. *kosiár* 'садовый нож' (Kálal 260), в.-луж. *kosar* м. р. 'кузнец, кующий косы, косарь' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósař* м. р. 'косарь' (Muka Sł. I, 679), ст.-польск. *kosarz* 'косарь' (Sł. stpol. III, 355; Sł. polszcz. XVI w., XI, 3), польск. *kosarz*, *kosiarz* м. р. 'косарь' (Warsz. II, 487), также диал. *k^ośaś* (Kucała 111), *kośar* (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 181), *kosarze* 'созвездие Ориона' (Sł. gw. р. II, 439), словин. *k^ošar* м. р. 'косарь' (Lorentz Pomor. I, 420; Slovinz. Wb. I, 517), др.-русск. *косарь* м. р. 'легкий топорик с удлиненным лезвием, тяжелый нож на топорнице; палаш' (Изм., 214. XVI в. ~ XIV—XV вв.), 'тот, кто косит сено; косец, косарь' (Южновеликорусск. письм., 234. 1705 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 357), *Косарь*, личное имя собств. 1495 г. Писц. II, 592. Тупиков 257), русск. *ко̀сарь* м. р. 'кто косит траву' (Даль³ II, 440), диал. *ко̀сарь* м. р. 'большой нож для хлеба' (новг., иркут.), 'топор' (тул., арх.) (Филин 15, 46), 'рыба чехонь' (влад., там же), *ко̀сарі* мн. 'одно из созвездий Млечного пути' (тул., Филин 15, 46; Даль³ II, 441), ст.-укр. *ко̀сарь* м. р. 'косарь' (1386—1418 гг., Словник староукраїнської мови XIV—

XV ст. 1, 502), укр. *косарь* м. р. 'косарь, косец', 'нож из обломка косы', 'созвездие Орион' (Гринченко II, 290), ст.-блр. *косар* 'нож из обломка косы' (Скарына 1, 279), блр. диал. *касър* м. р. 'косец' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431), *касары* мн. 'созвездие Плеяды, стожары' (там же).

Отсутствие слова *косар* в Черногории отмечает П. Шоћ. Косир, косијер. — НЈ I, 254.

Производное с суф. *-арь* от **kosa* II (см.).

**kosati* (se): болг. диал. *кѡса се* 'нервничать, сердиться' (с. Веригово, Карловско, Р. Реч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), сербохорв. *кѡсати* 'рубить, измельчать' (РСА X, 296; RJA V, 357), диал. *кѡсати се* 'ссориться' (РСА X, 296), словен. *kѡsati se* 'бороться, состязаться' (Plet. I, 440), русск. диал. *кѡсать* 'сильно бить, колотить' (твер., влад., перм.), 'красть что-либо из огорода' (иск.), 'рубить, тесать' (костр.) (Филин 15, 47), *кѡсаться* 'драться, биться' (костр., перм., Филин 15, 47).

Этимологически тождественно **kasati* (см.), сохраняя при этом более первоначальный вокализм, непосредственно соотносительный с **kes-*, см. **česati*. Болг. слово фактически отсутствует в БЕР; сербохорв. слово прямо связывали с **kositi* (см.; см. Skok. Etim. глјеч. II, 162), но последнее — глагол вторичного, отыменного образования. Фасмер (II, 345) считал русск. диал. слово неясным, высказав лишь неаргументированную догадку, что оно «скорее к *кѡснѣться*». Представленная выше семантика резкого удара, скользящего движения ('красть'), не говоря о производных значениях, вполне укладывается в то, что известно о корне **kes-/kѡs-*.

**kosatъ* (jъ) I: болг. (Геров) *кѡсатый*, прилаг. 'тот, у кого длинные красивые волосы', диал. *кѡсат*, прилаг. 'длинноволосый' (с. Суходол, Софийско, СбНУ XLIII, 12. Архив Болг. диал. словаря, София), *Кѡсатев*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 274), сербохорв. *кѡсат*, *-а*, *-о* 'длинноволосый, волосатый', 'гривастый (о лошади)' (РСА X, 296; RJA V, 357 с XVIII в.), польск. *kosaty* 'имеющий косу (заплетенные волосы)' 'гривастый' (Warsz. II, 487), др.-русск. *Косатый*, личное имя собств. (1639 г. Тупикив 257), русск. диал. *кѡсатый*, *кѡсатий* *-ая*, *-ое* 'имеющий длинные заплетенные в косу волосы' (арх. петерб., новг., зап.-брян., перм., том., Филин 15, 47), *касат* м. р. 'о дорогом, желанном человеке' (влад., иван., Филин 13, 115) укр. *кѡсатий*, *-а*, *-е* 'с большими косами' (Гринченко II, 290) блр. диал. *касаты*, прилаг. 'длинноволосый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Прилаг., производное с суф. *-атъ* от **kosa* I (см.).

**kosatъ* (jъ) II: болг. *кѡсат* м. р. 'речная костистая рыба Abramis ballerus, лец' (РБЕ), чеш. *kosatý* 'серповидный, косовидный' (Kott I, 757), 'имеющий косу (орудие)', в.-луж. *kosaty*, *-а*, 'имеющий косу', 'косовидный' (Pfuhl 275), н.-луж. *kѡsaty* 'в виде

косы' (Muka Sł. I, 679), польск. *kosaty* то же (Warsz. II, 487), словин. *kosati*, прилаг. 'колючий, язвительный' (Sychta II, 211), русск. диал. *касáтый* 'с косою' (Расторгуев. Словарь народных говоров Зап. Брянщины 133).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **kosa* II (см.).

**kosenina*: болг. диал. *кóсенина* ж. р. 'свежескошенное сено' (РБЕ; Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467; Гълъбов БД II, 86), 'скошенный луг' (Хитов БД IX, 269), 'трава и бурьян, скошенные с межи и полян' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), макед. *косенина* ж. р. 'сенокос', 'скошенное сено' (Кон.), диал. *косенина* (востг., см. К. Пеев. За македонската диалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 129), словц. *kosenina* 'луг (отава?)' (Kálal 260, 928), русск. диал. *косени́на* ж. р. 'скошенный луг' (иркут., Филин 15, 49).

Производное с суф. *-ina*, соотносительное с глаголом **kositi* I (см.). Ср. **košenina* (см.).

**kosenъje*: цслав. *косение* ср. р. *ἀφή*, *tactus* (Mikl.), болг. (Геров) *косѣние* ср. р. 'косьба', *кóсене* ср. р. 'косьба, укос' (Дювернуа), также диал. *кóсене* (М. Младенов БД III, 92), *косѣн'е* (Шапкарев—Близнев БД III, 234), *кóсен'е* (Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), макед. *косење* ср. р. 'косьба' (Кон.), чеш. *kosení* ср. р. 'косьба' (Kott I, 757), русск. диал. *косѣнье* ср. р. 'косьба, кошение' (Филин 15, 48).

Производное (имя действия) с суф. *-ъje* на базе глагола **kositi* I (см.). Ср. **košenъje* (см.).

koserъ*/kosera*: болг. *кóсер* м. р. 'кривой серповидный виноградарский нож' (БТР; Младенов БТР), 'садовый нож' (Речник РОДД 217), диал. *кóсер* (Шклифов БД VIII, 256), *кóсир* (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 239; Ралев БД VIII, 137), сербохорв. *кóсијер* м. р. 'серповидный садовый, виноградарский нож, резак, косарь' (РСА X, 298; RJA V, 358—359: «Riječ je praslav.»; см. еще Mažuranić 528), *кóсир* (РСА X, 298—299), словен. *kosér* м. р. 'кривой нож' (Plet. I, 440), чеш. *kosír* м. р. 'садовый нож' (Kott I, 757), словц. *kosier* (Kálal 261), ст.-польск. *kosior* м. р. 'кочерга' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4; Sł. str. III, 355), польск. диал. *kosior*, *kosiór* м. р. 'кочерга, дощечка, насаженная на длинную палку, для выгребания жара из печи' (Warsz. II, 488; Sł. gw. р. II, 440), блр. диал. *касѣра* ж. р. 'кочерга' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Не всегда ясна череполосица форм с указанной выше реконструкцией и форм на **kosyъ* (см.). Возможна также вариантная реконструкция **kosērъ*/ь.

Лер-Сплавинский относил сюда же название племени *Chozirozi* < **kosēr-ovsī* 'люди с кривыми ножами', см. Т. Lehr-Splawinski. Z uwag nad tzw. 'Geografem Bawarskim'. — AUC 1962, № 3, 426.

Производное с суф. *-erъ/-era*, соотносительное прежде всего с **kosa* II (см.) и **kositi* I (см.). Все это названия орудий, названные по принципу действия — срезания, сгребания. Настаивать на прямой производности от **kosa* (так см. *Berneker* I, 581; *Machek*² 280; *Skok. Etim. gječn.* II, 162), видимо, не следует. Случаем суффиксальной вариации в рамках этих *nomina instrumenti* является, очевидно, и **kosarъ* (см.) в значениях, близких **kosyръ* (см.) и рассматриваемым здесь **koserъ*, **kosera*. С подобной суффиксальной вариацией ср. **bъlkarъ*/**bъlkyръ* (см.), **mazgarъ*/**mezgyръ* (см.) и, возможно, **bъtarъ* II/**bъtyръ* (см.).

Менее убедительно произведение от прилаг. **kosъ* как якобы 'кривой нож' и т. п. (см.), см. так *Sławski* II, 523; БЕР 2, 658. **kosēja*: русск. диал. *косея* ж. р. 'женщина, косящая траву' (яросл., твер., Филин 15, 49).

Производное (имя деятеля) с суф. *-ėja* от глагола **kositi* I (см.).

kosęzъ*/kasęzъ*: словен. стар. *kasezi*, *kasazi* мн. 'свободные земледельцы, землевладельцы; дружинники', в топонимии — *Kázaze*, несколько раз в Каринтии, близ Клагенфурта, в том числе двойное герм.-словен. название (глосса) *Edling-Kázaze*, а также в форме *Kosęze*, несколько случаев в Крайне (*Lessiak*, цит. по: *M. Vasmer. Edlinge-Kazaze*. — Сборник в чест на Л. Милетич. София, 1933, 164 и сл.; то же см. *M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde* II. Berlin, 1971, 904).

Гипотетически связывалось с тюрк. *kazak* 'вольный человек', якобы аварский элемент в языке местных славян (*Лессиак*, выше), что маловероятно в формальном отношении ввиду доказанного *Рамовшем* наличия в словен. слове суф. *-ęzъ* (*-ęgъ*), ср. также топонимическое диал. (резьян.) *kasęginja gorica*: «*tà na kasęginej hõgýsое*» (*Бодуэн де Куртенэ. Материалы* 360), на основании которого можно говорить о форме ж. р. *kosęgyni*, ср. **kъnęgyni* (см.) от **kъnęzъ* (см.). Вскрытый суф. в большинстве случаев представлен в древних германизмах, ср. уже упомянутое **kъnęzъ*, что рассматривалось другими исследователями как основание для герм. этимологии словен. слова — из лангобардского имени *Gausing-* (*F. Ramovš. Praslovensko kasęgъ 'Edling'*. — *Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede* II, 1925, 303 и сл.; цит. по работам *Фасмера* и *Нахтигала*, ниже) или из герм. **Kasing-* (*Фасмер*, там же; автор критикует предыдущую герм. этимологию за несоответствия в вокализме и консонантизме слов). Герм. генезис принимает и *Вайян*, см. *Vaillant. Gramm. comparée* IV, 503. Правда, герм. источник, как видим, до конца с точностью не выяснен, и предлагавшиеся герм. этимологии больше опираются на общее вероятие, что снижает их ценность ввиду возможности оформления с помощью *-ęzъ* (*-ęgъ*) также достаточно старых слав. производных. Нельзя полностью исключать также вторичного выравнивания исхода, особенно если речь идет о заимство-

вании, каковым скорее всего является **kozezъ*/**kasezъ*. Вполне возможна, напр., связь этого слова с именем Κοσέντζης, которое носил один из вождей хорватов, пришедший с ними в Далмацию, согласно преданию у Константина Багрянородного (De adm. imp. 29). См. R. Nahtigal. O etimologiji izgaza *kosez*. — SR VIII, № 3—4, 1955, 164—167. Нахтигаль напоминает об ирано-сарматском происхождении самого этнонима хорватов, ср. у нас **xъrvatъ* (см.). Продолжаются и поиски тюрк. источников означенного имени. См. подробнее G. Labuda. *Kosentzes*. — Słownik starożytności słowiańskich II, 482; S. Roman. *Kosezi*. — Там же, 482—483 (с дальнейшей исторической и лингвистической литературой).

**kosiba*: словц. диал. *kosiba* 'кривое дерево, кривуля' (Kálal 260), 'циркуляр, оповещение сельского старосты' (Диалект., Братислава).

Производное с суф. *-iba* от глагола **kositi* II (см.). Ср. родственное **kosъba* (см.), более распространенного типа. Суффиксальная модель на *-iba* малопродуктивна в слав. и — соответственно — малоизвестна и недостаточно изучена. Так, Вайян совершенно не упоминает таких производных (см. Vaillant. Gramm. comparée IV: La formation des noms. XXVII. Suffixes en *-b-*), Славский знает только укр. *садѣба*, блр. *садзіба* 'siedziba, siedlisko' (F. Sławski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański I, 62). С инфинитивами на *-iti* нормально соотносятся отглагольные имена на суф. *-ъba*, с которым *-iba* находится в отношении суффиксальной апофонии (**kosъba* : **kosiba*). Славский видит здесь выравнивание по долготе гласного в инфинитиве; но «выравнивание», «влияние» плохо вяжется с крайней непродуктивностью модели на *-iba*.

Значение приведенного выше словц. диал. *kosiba* 'оповещение старосты' нормально развилось из первоначального 'кривая палка, кривуля', ибо первобытным сигналом, оповещением, предназначенным для немедленной передачи от дома к дому, могла быть кривая палка или пучок хвороста (ср. у нас предположение на слово **dereždъje* / **dereždъje*), или пучок шнурков, см. о последнем Brückner 613: *wiċ*.

**kosica* I: болг. *косица* ж. р. 'коса (заплетенная)' (Геров), макед. *косица* ж. р., ум. (Кон.), диал. *косица* то же (Ж. Рабациска. Зборови од Беровско. — MJ IV, 10, 1953, 237), сербохорв. *кѡсица* ж. р., ум. 'волосики (на голове)', (диал.) 'плетенка', 'плетка' (РСА X, 301; РЈА V, 357—358: с XVI в.), *kòsica* ж. р. 'косичка' (Hraste—Šimunović I, 449), словц. диал. *kosica* ж. р. 'коса, косичка' (Диалект., Братислава), др.-русск. *косица* ж. р. (в назв. бортного знамени) 'название знака, условно изображающего косицу, нити, сплетение в виде косички' (Ряз. п. кн. II, 455. 1568 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), *Косица*, личное имя собств. (XVI в., Новгород, Веселовский. Ономастикон 158), русск. *қосица* ж. р., ум. *қосичка*, диал. *қосица* ж. р. 'волосы (че-

ловека)' (волог.), 'женская коса', 'заплетенные волосы конского хвоста' (курск.), 'висок' (яросл., волог., арх., олон., новг., твер., калин., костр., вят., перм., свердл., челябин.) (Филин 15, 53; Опыт 91; Подвысоцкий 72; Куликовский 41), 'половина головы животного, разрубленной вдоль' (Элиасов 167), укр. *ко́сця* ж. р. 'небольшая коса', (мн.) 'начесы на висках у девушки' (Гринченко II, 290), диал. *ко́сця* 'листок травы', 'хохол' (Онышкевич 372—373), блр. *ка́сця* ж. р. 'коса (женская)' (Байкоў—Некрас. 143).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kosa* I (см.).

**kosica* II: болг. *ко́сця* ж. р. 'коса (для косьбы)', 'струг (бондарный, кожевенный и т. д.)' (Младенов БТР; Геров—Панчев), также диал. *ко́сця* (М. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско 239; Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 290), сербохорв. *кѡсця* ж. р., ум. 'коса (для косьбы)', 'тесло', 'резак' (РСА X, 301; RJA V, 357: с XVIII в.), также диал. *косица* (Тг. 74), *kōsica* ж. р. 'жнея' (RJA V, 358: только в словаре Стулли), *kosica* ж. р. 'сенокос' (Hraste—Šimupović I, 449), словен. *kosica* ж. р., ум. 'маленькая коса', 'серп' (Plet. I, 441), чеш. диал. *kosice* ж. р. 'шалаш, где хранятся косы' (Kott I, 757), н.-луж. *kōsyca* ж. р. 'коса' (Muka Sł. I, 683), польск. диал. *kosica* 'резак для капусты' (Warsz. II, 487; Sł. gw. р. II, 439), *k*osička* 'резак (серп) на длинной палке для срезания веток в лесу' (Кусаła 116), русск. диал. *ко́сця* ж. р. 'коса (орудие косьбы)' (смол.), 'женщина, которая косит' (яросл., калин.) (Филин 15, 54), *ко́сичка* ж. р. 'столовый нож' (Иркутский областной словарь I, 223).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kosa* II (см.).

**kosidlo*: болг. *ко́сѝло* ср. р. 'ручка косы' (РБЕ; БТР; Геров; Дювернуа: то же, что *ко́силка*), также диал. *ко́сѝло* (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 290; М. Младенов БД III, 92; Он же. Кюстендилско. — БД VI, 143; СБНУ XLIV, 528; Народописни материали от Разложко. — СБНУ XLVIII, 467; Хитов БД IX, 269), *кѡсѝлу* то же (Традиционен бит и култура на банатските българи. — СБНУ LI, 1963, 34), *ко́сѝлце* ср. р., ум. от *ко́сѝло* (М. Младенов БД III, 92), *кѡсѝлкѡ* ж. р. 'ручка косы' (С. Ковачев. Троянският говор. — БД V, 209), макед. *косоило* ср. р. 'ручка косы' (И-С), сербохорв. *кѡсѝло* ср. р. 'то, чем косят', 'ручка косы' (РСА X, 298; RJA V, 359), диал. *косоило* 'ручка косы' (Тг. 27), словен. *kosilo*, словен. (Blače: *kosidwo*) < **kosidlo* (L. Tesnière RÉS XIII, 1—2, 1933, 55), словц. *kosidlo* ср. р. 'орудие для косьбы' (SSJ I, 751), *kosidlo* ср. р. 'петля' (Kálal 260), в.-луж. *kosydło* ср. р. 'петля, силок' (Pfuhl 277), н.-луж. *kōsydło* ср. р., диал. *kōsydło* 'ствол пера; маховое перо у птиц', 'перо', 'силок' (Muka Sł. I, 684), стар. *kōsuđo* ср. р. (Wo. Ps.) 'грифель' (Muka Sł. I, 683), польск. *kosidło* ср. р. 'ручка косы',

др.-русск. *Косиловъ*, личное имя собств. (Волоцк. уезд, 1491 г. А. К. III, 97. Тупиков 648), русск. диал. *ко́сило* ср. р. 'узкое изогнутое лезвие косы' (рост., моск., ряз., Филин 15, 50), *ко́сило* 'ручка косы' (Словарь русск. донских говоров II, 81; Картотека Словаря брянских говоров), сюда же производные *ко́силыще* ср. 'рукоятка косы' (Словарь говоров Подмосковья 224), *ко́сылно́* ср. р. 'косовище' (новосиб., Филин 15, 50; Сл. русск. гов. Новосибир. обл.: 241), укр. диал. *ко́сило* 'ручка косы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *ко́сил'но* 'длинное косовище' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 170), *ко́сылно* (Лексика Полесья 106), блр. *ко́сылно* ср. р. 'рукоятка косы' (Носов. 248), *Касіла*, ст.-блр. *Косило*, личное имя собств. (XVI—XVII вв., Бірыла 191).

Производное (название орудия) с суф. *-dlo* от глагола **kositi* I (см.). Общую картину семантико-словообразовательной производности **kosidlo* < **kositi* < **kosa* II весьма усложняют интересные проявления «досенокосной» семантики 'силок', 'пегля', 'перо' ('то, чем машут'), см. выше.

**kosina*: макед. *косина* ж. р. 'откос', 'перекос, скос' (И-С), сербохорв. *ко́сина*, *кѡсина* ж. р. то же (РСА X, 298), чеш. диал. *kosina* ж. р.: *kosiny* 'krajinu (prkna), Schwarten' (Kott I, 757), слвц. *kosina* 'женский убор' (Káral 928—929), польск. *kosina* ж. р. 'стелющееся растение' (Warsz. II, 488), др.-русск. *косина* ж. р. 'скос, косой срез, косина' (Сим. Перепл. худ., 12. XVI в.), 'наклон, отклонение от прямой линии' (Устав ратных д. I, 181. XVIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), русск. диал. *каси́на* ж. р. 'искривление, перекос', 'косоглазие' (Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 252; Иркутский областной словарь I, 223), 'длинная узкая отмель, идущая от берега, коса' (Иркут., Филин 15, 51), 'косынка, головной платок треугольной формы' (нижегор., влад., перм., калуж., Филин 15, 50), укр. *коси́ня* ж. р. 'кривая линия, кривизна' (Гринченко II, 290), диал. *ко́сина* 'дверной или оконный косяк' (Лексика Полесья 141).

Производное с суф. *-ina* от прилаг. **kosъ(jь)* (см.).

**kosišče*: макед. диал. *ко̀сиште* 'покос', 'стерня после косьбы' (Б. Видоески. Зборови од Порече. — MJ II, 2, 1951, 45), *kōsište* то же (Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *кѡсиште* ср. р. 'древко, рукоятка косы', (диал.) 'покос, луг' (РСА X, 301; RJA V, 360: с XVIII в.), словен. *kosišče* 'das Sensengestell' (Plet. I, 441), диал. *košišče* 'рукоятка косы' (Бодуэн де Куртене. Терские славяне в Север. Италии. 1873 г. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 91), *küšýšhe* (Бодуэн. Материалы I, 157), чеш. *košiště* ср. р. 'рукоятка косы', также диал. *košiště* (Hruška. Slov. chod. 44), *kosisko* (Bartoš. Slov. 156), *košisko* 'ручка косы' (Kellner. Východolaš. II, 199), *kosesko* (Svěrák. Boskov. 115), слвц. *kosisko* ср. 'ручка косы' (SSJ I, 751), (диал.) 'ручка косы', 'плохая ко́са',

‘покос’ (Kálal 261; Matejčík. Východonovohrad. 270), в.-луж. *kosyšćo* ср. р. ‘ручка косы’ (Pfuhl 277), *kosysko* ср. р. ‘большая или плохая коса’ (там же), н.-луж. *kósyšćo* ср. р. ‘косовище, древко косы’ (Muka Sl. I, 684), полаб. *i'ūsaiště* ср. р. ‘рукоятка косы’ (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kosišće*), ст.-польск. *kosisko* ‘ручка косы’ (Sl. stpol. III, 355; Sl. polszcz. XVI w., XI, 4: персонификация смерти), польск. диал. *kosiszczce* (Warsz. II, 488), *kšosišczco* то же (Sl. gw. р. II, 440), *kosisko* (там же; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 98), *k*osisk*o* (Kusała 107), *kašisko* (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 181), словин. *k'osěšće*, *k'osěško* ср. р. ‘рукоятка косы’ (Sychta II, 211), *k*ósšěće* (Lorentz Pomor. I, 419), укр. *кошіце* ср. р., ув. от *коса* (Гринченко II, 290), блр. *кошіце* ср. р. ‘рукоятка косы’ (Носов. 248), *Косици*, местн. название (бывш. Слуцк. у. Минск. губ., Russisches geographisches Namenbuch-IV, 450).

Производное с суф. *-išće* от **kosa* II (см.), соотносительное в ряде случаев (‘покос’, ‘стерня после косьбы’) с глаголом **kositi* I (см.).

**kositi* I: болг. *кося* ‘косить (косой)’ (БТР; Дювернуа), также диал. *кбс’ъ* (Т. Бояджиив. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кбса* (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатијева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), макед. *косу* (И-С), диал. *кбс’а* (Małeckі 53), сербохорв. *кдсити* ‘косить’ (РСА X, 300; RJA V, 361), диал. *kosit* то же (Hraste—Šimunović I, 449) словен. *kositi* то же (Plet. I, 441), ст.-чеш. *kositi* ‘косить’ (Žilinská kniha. Ст.-чеш., Прага), чеш. *kositi* ‘косить (косой)’, словц. *kosit’* (SSJ I, 751), ст.-польск. *kosic* ‘косить’ (Sl. stpol. III, 355), польск. *kosic* (Warsz. II, 487), диал. *kosic* ‘косить’ (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kosěc* (Sychta II, 211), *kšpšec* (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 516), *k*osa-* (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *косити* ‘косить, срезать ко сой’ (Девг. д., 5. XVIII в. ~ XI—XII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359; Срезневский I, 1294), русск. *косить* ‘срезывать траву, злаки’, диал. *косить* ‘брить, стричь наголо’ (ворон., Филин 15, 52), укр. *кошіти* ‘косить’ (Гринченко II, 290), блр. *касіць* ‘косить’, также диал. *касіць* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Глагол на *-iti*, производный от **kosa* II (см.). Правда, возможность возникновения разных производных с этой формой, т. е. не обязательно от **kosa*, также следует иметь в виду, ср. напр. сербохорв. *kdstti* ‘lasciare, vellere’, объясняемое как итератив от **česati*, см. Verneker I, 582, s. v. *kosnq*, *kosnqti*. См. диал. материал: М. Tentor JФ V, 1925—1926, 207—208. Точно так же преимущественно соотносительным с **kosnqti* (см.) является болг. диал. *күсє ср* ‘задевать ногой за ногу при ходьбе’, ‘сердиться’ (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 75), *кбсим се* ‘сердиться, злиться’ (Гълъбов БД II, 87), макед. *косу* ‘волновать’ (И-С).

**kositi* II: сербохорв. *kòsiti*, *kòsiti* 'косить, кривить', 'косить глазом, взглядом' (РСА X, 299—300), чеш. редк. *kositi* (*oči*) 'смотреть косо', словц. *kosit'* 'косо, вкривь идти', 'косо смотреть' (Kálal 261), польск. диал. *kosić* 'косить, искривлять' (Warsz. II, 487), *kosić oczu* 'смотреть косо' (Sł. gw. p. II, 439), русск. *kosítъ* 'отклоняться от прямого направления; находиться в косом положении', диал. *kosítъ* 'делать косым, искривлять' (арх.), 'сводить судорогами, корчить' (арх.), 'кроить по косой линии' (кемер.) (Филин 15, 52), 'клеветать, наговаривать на кого-либо' (Сл. Среднего Урала II, 53), укр. *kosítu* 'смотреть искоса', 'косить, быть косоглазым', 'смотреть косо, неприязненно' (Словн. укр. мови IV, 305; Укр.-рос. словн.), блр. *касiць* 'косить, делать косым, перекашивать', 'смотреть искоса', 'косить, быть косоглазым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 657).

Глагол на *-iti*, производный от прилаг. **kosъ* (см.).

kositva*/kositъba*: болг. *kosítba* ж. р. 'скошенное сено', 'сенокос' (БТР; РБЕ; Дювернуа), макед. *kosidба* ж. р. 'косьба' (И-С), сербохорв. *kòsidба* ж. р. 'косьба, сенокос' (РСА X, 297; RJA V, 358; с XVII в.), стар. *kositba* (Mažuranić 528), *kòsitva* то же (в словарях Белостенца и Стулли, RJA V, 362), диал. *kosítba* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kositva* ж. р. = *kosítev* (Plet. I, 442), др.-русск. *kositva* ж. р. 'косьба' (Кн. законные, 4). XV в. ~ XII—XIII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), *kositъba* ж. р. 'покос, место, где косят' (ДТП IV, 36. 1596 г. Там же).

Производное (название действия) с суф. *-tva* (вар. *-ъba*) от глагола **kositi* I (см.). Возможно, здесь представлено суффиксальное переосмысление (*-ъba*) первоначального расширения на *-a* исхода глагольного супина **kositû* > **kositv-a*.

**kosivo*: сербохорв. *kòsivo* ср. р. 'косьба, кошение' (РСА X, 297; RJA V, 362), ст.-польск. *kosiwo* ср. р. 'косьба' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4; ср. также Warsz. II, 488), др.-русск. *kosivo* ср. р. 'режущая часть косы' (Колл. Зинченко, № 72, 1. 1651 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 358), русск. диал. *кбсево*, *кбсиво* ср. р. 'часть косы' (горьк.), 'косьба, место, где косят' (яросл., урал., влад.), 'трава, сошедшая для кошения' (свердл.) (Филин 15, 48; Сл. Среднего Урала II, 52), 'рукоятка, древко косы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 241).

Производное с суф. *-ivo* от глагола **kositi* I (см.).

**kosmačъ*: сербохорв. *kòsmāč* м. р. 'косматый человек или зверь' (РСА X, 303; RJA V, 363—364), *Kòsmāč*, фам. (РСА X, 303), словен. *kosmāč* м. р. 'бородач', 'косматый зверь' (Plet. I, 442), ст.-чеш. *kosmāč* 'грубое сукно' (Brandl 107), чеш. *kosmāč* м. р. 'косматый человек', 'грубое сукно' (Kott I, 758), диал. *kosmāč* 'хилое деревце в лесу' (Kott. Dod. k Bart. 43), в.-луж. *kosmač* м. р. 'косматый человек' (Pfuhl 276), н.-луж. диал. *kòsmac* м. р. 'хвощ *Equisetum palustre* L.', 'космач *Equisetum arvense* L.', 'щетилистое животное, свинья' (Muka Sł. I, 681), ст.-польск. *kosmacz* м. р. 'сатир, леший' (Sł. polszcz. XVI w.,

XI, 5; ср. также Warsz. II, 488), польск. диал. *kosmacz* 'волк (в загадке)', 'черт' (Sł. gw. р. II, 440), др.-русск. *космачь* м. р. 'о косматом, гривастом (как кличка)' (Росп. лошадей, 173. 1666 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360—361; Срезневский I, 1295; Афан. Алекс. Толк. пс. XVI в. запис.), русск. диал. *космач* м. р. 'человек с непокрытой головой, без головного убора' (яросл., Филин 15, 56), *Космач*, название реки в басс. Дона (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 472), блр. *касмач* м. р. 'космач, лохмач' (Блр.-русск.), также диал. *касмач* (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 218), *Касмач*, *Касмачбў*, фам. (Бірыла 191).

Производное (название лица) с суф. *-аць* от **kosmъ* (см.).

**kosmarь*: болг. (Геров) *космаринъ* м. р. 'косматый человек', сюда же производное *Космарински*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 271), др.-русск. *Космаревъ*, личное имя собств. (1673 г., Тушиков 649), русск. диал. *космарь* м. р. 'дикая утка' (арх., Филин 15, 55), 'порода утки — чернеть хохлатая' (Картотека Печорского областного словаря).

Производное (название лица) с суф. *-арь* от **kosmъ* (см.). Древний характер проблематичен.

**kosmatъ*(*жь*): цслав. *kosmatъ*, прилаг. *δαρός*, *pilosus* 'волосатый, косматый' (SJS), болг. *космат*, прилаг. 'косматый' (РБЕ; Геров: *косматый*), макед. *космат* 'косматый, волосатый' (И-С), сербохорв. *кѡсмаѣ*, *кѡсмаѣ*, *-а*, *-о* 'густой, косматый (о бровях, усах, бороде, волосах)' (РСА X, 302—303; RJA V, 364: «Riječ je praslav.»), производное *Kosmatac*, род. п. *Kosmata*, м. р., личное имя собств. (XIV в., RJA V, 364), словен. *kosmat*, прилаг. 'косматый, лохматый' (Plet. I, 442), ст.-чеш. *kosmatý* то же (Gebauer II, 110), чеш. *kosmatý* (Jungmann II, 137), словц. *kosmatý*, прилаг. 'косматый, лохматый' (SSJ I, 751), в.-луж. *kosmaty* (Pfuhl 276), н.-луж. *kѡsmaty* 'косматый, взъерошенный, растрепанный' (Muka Sł. I, 682), ст.-польск. *kosmaty* 'косматый, лохматый' (Sł. stpol. III, 355; Sł. polszcz. XVI w., XI, 5), польск. *kosmaty* (Warsz. II, 488), также диал. (Sł. gw. р. II, 441, в разных вторичных употреблениях), словин. *kosmati*, прилаг. 'волосатый, косматый' (Sychta VII. Supplement, 129), *kosmāti* (Lorentz Slovinsz. Wb. I, 469), *k^osmati* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *косматыи* 'волосатый', 'лохматый', 'ворсистый, не гладкий (о тканях)' (Новг. Корм. 1280 г.; Дан. иг. и др., Срезневский I, 1295; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360), *Косматый*, личное имя собств. (1664 г., Тушиков 257), русск. *косматый*, *-ая*, *-ое* 'имеющий длинную, густую шерсть; лохматый', 'волосатый', диал. *косматый*, *-ая*, *-ое* 'с непокрытой головой, без головного убора' (волог., влад., моск., яросл., вят., тул., иркут.), 'имеющий волокнистую, пушистую или неровную поверхность' (ряз.) (Филин 15, 56; Словарь говоров Подмосковья 224), *Косматая Балка* (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 472), укр. *косматий* м. р. 'человек в космах,

косматый' (Гринченко II, 290), ст.-блр. *косматыи* (Скарына 1, 279), блр. *касматы* 'косматый, лохматый, мохнатый' (Блр.-русс.), также диал. *касматы* (Слоўн. паўночн.-заход. Бела-русі 2, 432).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **kosma* / **kosmъ* (см.). Впрочем, справедливее было бы сказать о слав. слове, что оно, сохраняя описанную выше прозрачность структуры, тем не менее, продолжает целиком и.-е. диал. **kosmātos*. Именно прозрачностью структуры **kosmatъ* вызвано то, что оно оставалось в тени и не пользовалось особым вниманием этимологов. Изучение связей этого слав. прилагательного тесно сопряжено с вопросом и.-е. прошлого производящего имени, все еще недостаточно выясненного. Разительно, напр., сходство слав. **kosmatъ* и лат. *comatus* 'волосатый, длинноволосый', однако считается, что производящее для последнего — лат. *coma* 'волосы' заимствовано из греч. *κόμη* то же, см. Walde—Hofm. I, 253; Ernout—Meillet³ I, 241. Греч. *κόμη* '(причесанные) волосы', до сих пор этимологически неясное, имеет опять-таки весьма древнее производное *κόμητις* (ион.-аттич.) 'волосатый, длинноволосый человек', подкрепляемое свидетельством микенского антропонима *komata* (Chantraine. Dictionnaire étymologique la langue grecque 1—2, 561) < **ko(s)m-ātā*? **kosmenъ*: польск. диал. *kosmień*, *kosmień* 'загрявок лошади' (Warsz. II, 502), словин. *kosmeń* м. р. 'часть шеи у лошади между лопатками' (Sychta II, 214), *kôpsmjeń* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *k^hósměń* (Lorentz Pomor. I, 420); ср. еще АЖК, I/II, 31: *kosmień*.

Родственно **kosmъ* / **kosma* (см.). Форма **kosmenъ* позволяет предположить здесь тематизацию (-ь) первоначального консонантного исхода на *-men-* (связанного, возможно, с *-mn-* в **kosma*, если последнее из **kos-mn-ā*, как это предполагается относительно **zima* (см.), но нельзя исключать также древность формы и.-е. **kosmo-*).

**kosmina*: макед. диал. (вост.) *kosmina* 'волосы' (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 130), сербохорв. диал. *кѡсмина* ж. р. 'длинные, лохматые волосы' (РСА X, 304; RJA V, 364), словен. *kosmina* ж. р. 'ворс меха', 'лок шерсти' (Plet. I, 442), чеш. *kosmina* ж. р. 'длинные волосы' (Jungmann II, 137), в.-луж. *kosmina* ж. р. '(лохматые) волосы' (Pfuhl 277), русск. диал. *космина* ж. р. 'длинные растрепанные волосы' (волог., Филин 15, 57), укр. *космина* м. р., 'название вола с неправильно посаженными рогами: один имеет наклон вперед, другой назад' (Гринченко II, 290—291).

Родственно **kosmъ* / **kosma* (см.). Сравнение с близким **kosmenъ* (см.) и некоторыми другими данными позволяет предположить здесь в суф. *-tina* преобразованное *-men-*.

kosmъ*/kosma*: болг. *кѡсьм* м. р. 'волос', 'волоконно', 'масть, цвет шерсти (животного)' (БТР), диал. *косме* ср. р. 'волосы (на го-

лове) (Народописни материали от Разложко. — СБНУ XLVIII, 467), *kosmъ* 'стричь' (Геров), макед. *kosma* 'шерсть, волос' (И-С), стар. *kosmi* 'стричь' (Кон.), диал. (ю.-зап.) *кбсми* 'волосы' (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 129), *kósmi* мн. 'волосы' (Mañeckí 53), *кбсме* мн. (М. Петрушевски. Неколку црти на говорот од Жировница. — МЈ II, 3—4, 1951, 65), сербохорв. книжн., црк. *kosma* ж. р. = *kosa* (RJA V, 363), словен. *kóset*, род. п. -*sta*, м. р. 'клок' (Plet. I, 441), *kósmá* ж. р. то же (там же), *kosmúlja* ж. р. то же (Plet. I, 443), ст.-чеш. *kosmy* мн. 'волосы' (Gebauer II, 109; Ст.-чеш., Прага), чеш. стар. *kosm* м. р. 'клок, прядь (волос)' (Jungmann II, 137), поэт. *kosma* ж. р. 'локон, завиток', *kosmek* м. р. 'клочок, прядь, волосок' (Kott I, 758), словц. диал. *kosmi* мн. 'растрепанные волосы' (Диалект., Братислава), в.-луж. *kosm* м. р., *kosma* ж. р. 'волос, ворсинка' (Pfuhl 276), н.-луж. *kósm* м. р., *kósmá* ж. р. 'косма; кисть и т. п.' (Muka Sł. I, 681), ст.-польск. *kosm* м. р. 'волос' 'прядь волос', 'клок шерсти' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4), польск. *kosm*, *kosmyk* м. р. 'прядь, клок волос' (Warsz. II, 488, 490), также диал. *kośmyk* (Sł. gw. р. II, 441; Falińska. Pol. sł. tkackie I, 121), словин. *kosmo* 'часть спины лошади, коровы' (АЖК I/II, 31), *k*osmak* м. р. 'заячий хвостик' (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск., русск.-цслав. *kosmъ* м. р. 'волос, прядь волос' (Ж. Нифонта, 326. 1219 г.), 'прядь шерсти' (?) (Пролог. Ф., 28. XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360; Срезневский I, 1294—1295), русск. *кбсмы* мн. 'пряди, клоки волос, обычно спутанных, всклокоченных', диал. *косма́* ж. р. (мн.) 'кучки волокон льна' (арх., Филин 15, 55), производное *космыль* м. р. (мн.) 'длинные, растрепанные волосы; космы' (киров.), 'нечесаная голова' (вят.) (там же), ст.-укр. *космок* (Обачилемо улей лежачий на боць . . . и *космок* вовни недогорѣлой. XVII в. Картотека словаря Тимченко), укр. *косом*, род. п. -*ма*, м. р. 'клок, клочок (перьев, шерсти)' (Гринченко II, 291), также *космбк*, -*сомка́*, м. р., ум. (там же), брл. *касмыль* м. р. 'клок' (Блр.-русс.), диал. *кбсмы* мн. 'волосы' (Матарыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243), *касмык* м. р. 'пучок, прядь, горсть' (Слоўн. наўночн.-заход. Беларусі 2, 433), *касмык* м. р. 'клок' (Жывое слова 71).

Слово **kosmъ* / **kosma*, которое в литературе по слав. этимологии однозначно определяется как производное от **kosa* I (см.) (см. Berneger I, 580; Преобр. I, 366; Фасмер II, 345—346; Sławski II, 525; Machek² 280; БЕР 2, 668; Skok. Etim. rječn. II, 161), наиболее полное и адекватное объяснение получает как образование, восходящее еще к и.-е. древности. В этом вопросе не было ясности до самого последнего времени. Еще Мейер, которого почему-то цитируют в связи со словопроизводством **kosa* > **kosmъ*, ощущал сложность проблемы и отнес слово **kosmъ* скорее к числу темных ввиду отсутствия данных по его и.-е. предыстории, а также ввиду двусмысленности форманта -*m*-, который мог

появиться в результате чередования *e -m-*, почему Мейе и удовлетворялся лаконичным упоминанием: **kosmū 'cheveux'*, pol. *kosm*, г. *kosmā*; à côté de *kosa*, см. Meillet. *Études* II, 426—427. Именно «à côté de», т. е. «наряду с» *kosa* (а не из *kosa*), что можно оценить как проявление проницательности, отличавшей выдающегося французского лингвиста. Сейчас словообразовательные связи **kosmъ / *kosma* постепенно проясняются, подтверждая эти предвидения, ср. данные об основе на согласный **kos-men-*, см. **kosmenъ*, **kosmina*. В их свете несколько по-иному выглядит и образование **česminъ / *česmina* (см.). Но имеется также и серьезное вероятие существования древней и.-е. формы **kosmo-s*, предшествовавшей слав. **kosmъ*. В последнее время И. Кноблех убедительно отождествил этимологически слав. **kosmъ* с греч. *κόσμος* 'порядок, украшение', вторично 'миропорядок, мир'. Если учесть, что греч. слово, несмотря на многочисленные попытки, не получило удовлетворительного объяснения (Frisk I, 929; Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque* 1—2, 571: «Obscure»), привлечение слав. слова для его разъяснения в высшей степени своевременен, так как резервы этимологизации *κόσμος* явно исчерпаны. Случай **kosmъ*: *κόσμος* представляется нам исключительным — оба слова как бы дополняют друг друга: слав. слово отличается натуральностью и архаизмом семантики, оно как бы ближе к природе ('волос', 'прясть', 'волосы, в том числе длинные и лохматые'), и равно — к природе языка, ср. связь **česati*: **kosmъ*, греч. слово ближе к цивилизации, обозначая порядок, упорядоченность, но и понятней, семантически и формально оно оторвалось от своей и.-е. базы, в отличие от слав. слова, затмив его своей космической траекторией.

Продолжает оставаться неясным отношение наших слов к греч. *κόμη* 'причесанные волосы'. Не было ли здесь диал. упрощения **kosmā > *komā*? Трудно целиком отрицать близость *κόσμος* и *κόμη*. Ср. далее **kosmatъ* (см.).

Мысль о происхождении **kosmъ* из скрещения **koma*, соответствующего греч. *κόμη*, и **kosa* (см.) (V. Pisani. — *Paideia* VIII, 4—5, 1953, 312; XXI, 3, 1966, 171), по-видимому, устарела.

***kosmuni**: русск. диал. *космѣня* ж. р. 'косматая женщина' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 253), *космѣни* мн. 'космы' (арх., перм., кемер., Филин 15, 57). — Ср. сюда же производные: др.-русск. *Космынинъ*, личное имя собств. (1495, 1501 гг., Тупиков 649; Веселовский. Ономастикон¹ 159); *Космынино*, местн. название в Костр. у. (*Russisches geographisches Namenbuch* IV, 452); русск. *Космынка*, название рек в бывш. Новг. губ., Симб. губ. (*Wörterbuch der russischen Gewässernamen* II, 472).

Производное с суф. *-uni* от **kosmъ / *kosma* (см.): Ср. еще **kosmenъ*, **kosmina* (см.).

***kosnqti (se)**: ст.-слав. *коснѣти* сд *ἀπτεσαι*, *tangere* 'тронуть, коснуться' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *кѳснувам* 'коснуться' (Младече-

нов БТР), макед. книжн. *косне* 'прикасаться' (И-С), сербохорв. книжн. *kosnuti (se)* 'коснуться' (RJA V, 365), диал. *kōsnut* 'тронуть (душевно)', 'озадачить' (Hraste—Šimunović I, 450), др.-русс., русск.-цслав. *коснути* 'тронуть, дотронуться' (Сл. о богаче. Свед. и зам. I, 31. XII в.), также *коснутися* (Лук. VIII. 45. Остр. ев.; Изб. Св. 1076 г., 639), (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 363; Срезневский I, 1295), русск. *коснѣться* 'дотронуться, прикоснуться', диал. *коснѣть* 'качнуть, мотнуть' (новг.), 'ударить, убить' (костр.) (Филин 15, 60), *коснѣться* 'кинуться в сторону' (смол., там же), 'случиться, произойти' (моск., там же), укр. диал. *коснутис'а* 'коснуться' (Онышкевич 373), *каснѣтися* 'кинуться' (Материалы до словника буковинських говірок 4, 26), блр. диал. *каснѣцца* 'коснуться', 'случиться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433).

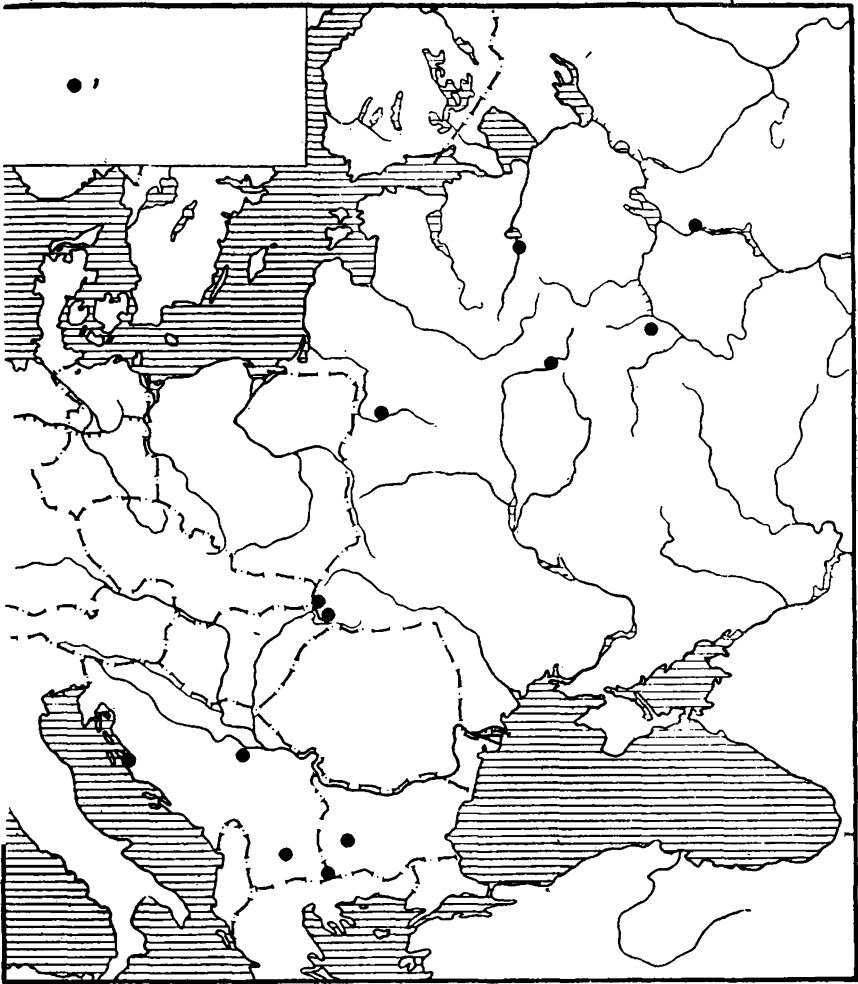
Связано чередованием гласных с **česati* (см.), **kasati* (см.) и **kosati* (см.), из них непосредственно — со ступенью -o- корневого гласного. См.: J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 395; A. Meillet MSL 14, 1907, 338; Verneker I, 581—582; Фасмер II, 346; БЕР 2, 657.

Глагол **kosnŋti* носит отнюдь не только книжный характер. Это относится не только к вост.-слав. и прежде всего — русск., где он достаточно засвидетельствован в диалектах, но и к сербохорв. (см. выше диал. пример). В остальном **kosnŋti* распространено лишь на части слав. территории: в ю.-слав. (в указанных выше пределах) и вост.-слав. (см. карту 2). Зап.-слав. примеры **kosnŋti* нам неизвестны. Причина — в совершенно ином направлении семантического развития, которое получили зап.-слав. продолжения **kasati*, которое (наряду с предшествующими ему формами **kos(a)ti*) легло в основу **kosnŋti*. Весьма интересна конкретная семантика прежде всего вост.-слав. (диал.) примеров: 'мотнуть', 'ударить', 'кинуться', 'кинуться в сторону', 'случиться'. Она показывает, какими нитями связаны форма и значение **kosnŋti* с **česati*.

***косовокъжъ**: русск. *кособокій* (Даль³ II, 444; Ушаков I, 1484: 'перекошенный, кривобокий'), сюда же *Кособокова*, местн. название (бывш. Соликамск. у. Перм. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 453), укр. *кособокій* 'кривобокий' (Словн. укр. мови IV, 306), блр. *касабкі* 'кособокий' (Блр.-русс.), *Касабка*, *Касабкаў*, фам. (Бірыла 190).

Сложение прилаг. **козь(жъ)* (см.) и *-бокъ*, тождественного производящему существительному **бокъ* (см.).

***косогоръ**: др.-русс. *косогоръ* м. р. 'возвышенное место, имеющее наклонный спуск с одной стороны' (Кн. п. Балахн., 86. XVIII в. ~1676 г.), 'крутой отрог горы или горного хребта; отвесный спуск' (Арс. Сух. Проскинитарий, 95. 1653 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 365), русск. *косообр* м. р. 'спуск под гору, наклонный к одному боку' (Даль³ II, 447), диал. *косообр* м. р. 'возвышенное место, гора' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), *Косогор*, ряд местн.

Карта 2

1 — *kosnŋti (se)

названий (Russisches geographisches Namenbuch IV, 454), *косообрѣца* ж. р. 'склон холма, горы, косогор' (иркут., Филин 15, 63), укр. *косогір*, род. п. *-гбру*, м. р. 'косогор' (Гринченко II, 291), также диал. *косогір* (Марусенко. Названия рельефов Хмельницкой обл. 286), блр. *касагбр* м. р. 'склон, косогор' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 656), диал. *касагбраж* м. р. 'холм, склон' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и **goga* (см.).

*kosoklepъ: ст.-чеш. *Kosoklep*, фам. (1542 г., Ст.-чеш., Прага).

Сложение **kosa* II (см.) и корня глагола **klepati* (см.), основанное на обороте **kosq klepati*.

*kosolarъjъ: польск. диал. (вост.) *kosolany* 'кривоногий (о лошади)' (Sł. gw. р. II, 442; Warsz. II, 490), др.-русск. *косолапый*, прилаг. 'косолапый' (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 2, 160 об. 1574 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 366), *Косолапъ*, личное имя собств. (1510 г.; Веселовский. Ономастикон 159), русск. *косолапый* 'колченогий' (Даль ³ II, 447), *Косолапое*, *Косолапово*, в гидронимии и топонимии (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 473; Russisches geographisches Namenbuch IV, 455), блр. *касалапы* 'косолапый' (Блр.-русск.), также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431) *Касалапаў*, фам. (Бірыла 190).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и **lapa* (см.).

*kosoногъ(jъ): сербохорв. *косоног*, -а, -о 'кривоногий' (РСА X, 308), ст.-чеш. *kosonohý? kosonožě?* (In pedibus curiosa conprosicio gressum, поhamу *kossonorzyo* *kraczyetu* (1384 г., Ст.-чеш., Прага), ст.-польск. *kosonogi* 'кривой', 'скошенный' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 6), польск. диал. *kosonogi* 'кривой, косою, перекошенный (о доске, стене)' (Sł. gw. р. II, 442), др.-русск. *косоногий*, прилаг. 'имеющий поврежденную ногу, хромоногий' (Новг. каб. кн. I, 33. 1602 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 366), русск. диал. *косоногий*, -ая, -о 'кривоногий' (астрах., волог.), 'одноногий' (ряз.) (Филин 15. 66; Деулинский словарь 243), 'одноногий, с искалеченной ногой' (Картотека Словаря рязанской Мещеры), *Косоногово*, местн. название (в бывш. Яросл., Костром., Псков., Твер. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 455), укр. *косонога* м. р 'насекомое фалангид *Phalangium orilio*' (Вх. Лем. 427, Грищенко II, 291).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и прилагательного **nogъ(jъ)* тождественного производящему имени **noga* (см.).

*kosoокъ(jъ): сербохорв. стар. *kosook*, прилаг. 'косоглазый' (RJA V 366: «в словаре Стулли, со ссылкой на *gverok* и добавлением, что это слово русское; но ср. *Mažuranić* 528: «Возможно, все-таки это наше народное слово: фам. *Koso(o)ković*, очевидно, связан с ним»), чеш. редк. *kosooký*, прилаг. 'косоглазый', слов. *kosook*, то же (SSJ I, 751), польск. *kosooki* 'косоглазый' (Warsz. II, 490), диал. *kosooki* 'косоглазый' (Sł. gw. р. II, 442: «из Литвы»), русск. диал. *косообкий*, -ая, -ое 'косоглазый' (зап., Филин 15, 63), укр. *косообкий*, -а, -е 'косоглазый' (Грищенко II, 291), блр. *касавбк*: 'косоглазый' (Блр.-русск.) также диал. *касавбі*, *касабі* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и старого безаффиксного прилагательного -окъ, тождественного производящему имени **oko* (см.).

*kosoногъ(jъ): сербохорв. *косоног*, -а, -о 'с косыми, косо посаженными рогами' (РСА X, 309), чеш. *kosorohý* 'трапециевидный

(Kott I, 758), словц. редк. *kosorohy*, прилаг. 'косорогий, криворогий' (SSJ I, 751), русск. диал. *кособгий*, -ая, -ое: *кособогий бык* 'однорогий бык' (Чкалов., Филин 15, 68), укр. *кособгий*, -а, -е 'с рогами, обращенными в разные стороны' (Павлогр. у., Гринченко, II, 291).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и старого прилагательного **rogъ*, тождественного производящему имени **rogъ* (см.).

**kosorokъjъ*: русск. *кособукий* 'у кого руки от локтей до запястья идут накось, в сторону' (Даль³ II, 447), диал. *кособукий*, -ая, -ое 'поврежденный (о руке)' (ряз.), 'однорукий' (ряз.), 'неловкий' (калуж.) (Филин 15, 68; Деулинский словарь 244).

Сложение прилаг. **kosъ(jъ)* (см.) и старого безаффиксного прилагательного **rokъ* от **rōka* (см.). Ср. **bezrokъ* (см.).

**kosorъ/*kosorъ*: цслав. *kosorъ* м. р. falx 'коса' (SJS), болг. диал. *кбсор* 'маленький топорик для обрубания веток и побегов лозы' (БЕР 2, 658), макед. *косор* м. р. 'резак, серп' (Кон.), сербохорв. диал. *кбсор*, *кбсор* м. р. 'резак' (РСА X, 309; RJA V, 366: с XVI в.), *Косор*, фам. (РСА X, 309; RJA V, 366: с XVIII в.), также *kosor* м. р. (Hraste—Šimunović I, 450), *Kbsor* м. р., местн. название (Герцеговина, RJA V, 366; Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 205, 208), *Kosorci* мн., местн. название (Хорватия, RJA V, 366), ст.-чеш. *Kosoř* м. р., фам., местн. название (XV в., Ст.-чеш., Прага; Jungmann II, 138; Profous II, 318), словц. *kosor(ec)* м. р. 'вершина скалы', 'верхушка дерева' (Kálal 261; SSJ I, 751), полаб. *t'ösör* м. р. 'крупа' (Polański—Sehnert 156: **kosorъ*, происхождение неизвестно), др.-русс., русск.-цслав. *косоръ* м. р. 'легкий топорик с удлиненным лезвием, тяжелый нож на топорце' (Изм., 214, сп. 1509 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 357; Срезневский I, 1295: *косоръ*, *косоръ*), русск. диал. *кбсбр* м. р. 'большой кривой нож для рубки сучьев' (новг., ленингр.), 'нож для щепанья лучины, косарь' (смол., калин.) (Филин 15, 67), *кбсоръ* 'большой нож с загнутым и немного утолщенным концом' (Куликовский 41), укр. *кособрий*, -а, -е: *кособра вівця* 'овца с рогами, похожими на косы' (Желех., Гринченко II, 291).

Сюда же производный глагол укр. диал. *kosoryty s'a* 'сердиться, дуться', см. Э. Балецкий. — *Studia Slavica* V, 1959, 187—188.

Особо следует сказать о полаб. *t'ösör* м. р. 'крупа', которое признавалось словом неизвестного происхождения (Polański—Sehnert 156: «origin unknown»), однако продолжает тождественную праформу **kosorъ* и, несмотря на обособленное значение 'крупа, каша', этимологически едино с другими случаями **kosorъ/*kosorъ*, будучи названо как продукт измельчения. См. О. Н. Трубачев. — *Этимология*. 1968 (М., 1971), 63—64.

В целом производное с суф. *-orъ/-orъ* от **kosa* II (см.), в ряде случаев мотивированное глаголом **kositi* I (см.). Ср. **koserъ* (см.). См.: Verneker I, 581; Skok. Etim. rječn. II, 162.

***kosovica**: ст.-польск. *kosowica*, возможно, 'подать со скошенного луга' (Sł. stol. III, 356), польск. диал. *kosowica* 'косьба, сенокос', 'жатва, уборка урожая' (Sł. gw. р. II, 442; Warsz. II, 490), др.-русск. *косовица* ж. р. 'место покоса' (Псков. п. кн., 223. 1587 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 365), русск. *косови́ца* ж. р. 'покос, сенокос; луг', 'время, пора косьбы' (Даль³ II, 441: юж., зап.), диал. *косови́ца* ж. р. 'зеленый корм для скота' (калин., Филин 15, 62), 'ряд скошенной травы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), 'часть косы' (Мар. АССР, Филин 15, 62), 'ручка косы' (Картотека Псковского областного словаря), *Косовица*, местн. название (бывш. Холмск. у. Псковск. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 453), укр. *косови́ця* ж. р. 'время уборки сена' (Гринченко II, 291), диал. *косови́ця* то же (Онышкевич 373), блр. *каса́віца* ж. р. 'косьба, покос' (Байкоў—Некраш. 143), 'время сенокоса' (Гарэцкі 77), диал. *косови́ца* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505).

Образование с суфф. *-ov-ica*, производное от **kosa* II (см.), **kositi* I (см.).

***kosovidlo**: русск. диал. *косовило* ср. р. 'часть косы' (свердл., Филин 15, 62), производное *косовильно* 'деревянная часть косы' (Картотека Псковского областного словаря), блр. диал. *каса́віла* ср. р. то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 430), также *к'са́вілна* ср. р. (Народнае слова 114).

Производное с суфф. *-ov-idlo* от **kosa* II (см.).

***kosovišće**: русск. диал. *косови́ще* ср. р. 'коса, орудие косьбы' (ср.-урал.), 'место косьбы (луг, поле)' (калин.) (Филин 15, 62), 'рукоятка, древко косы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), укр. *косови́ще* ср. р. = *кіся* (Гринченко II, 291), блр. *Косови́ще*, название озера (бывш. Бобруйск. у. Мяснск. губ., Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 475).

Производное с суфф. *-ov-išće* от **kosa* II (см.).

***kosovъje**: русск. диал. *косовье* ср. р. 'косовище' (пск., смол., твер., новг., волог.), 'рукоятка на косовище для правой руки' (калин.), 'узкое изогнутое лезвие косы' (моск.), 'место, где косят' (свердл.), 'сенокос' (калин.) (Филин 15, 63; Опыт словаря говоров Калининской обл. 105; Сл. Среднего Урала II, 53; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), укр. диал. *косов'е* ср. р. 'рукоятка косы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), блр. диал. *касаўѣ* ср. р. 'рукоятка косы' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Производное с суфф. *-ov-ъje*, соотносительное с **kosa* II (см.) и **kositi* I (см.). Посредствующая роль прилагательных на *-ovъ* вроде в.-луж. *kosowu* 'связанный с косой' (Pfuhl 277), ст.-польск. *kosowu* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 7) не кажется необходимой. Ср. показательное в этом отношении **kosъje* (см.).

***kostarъ**: болг. обл. *костър* м. р. 'гадальщик по овечьим или куриным костям' (Младенов БТР; Геров—Панчев: *костъръ*), словен. *kostár* м. р. 'тот, кто собирает кости' (Plet. I, 443), ст.-польск.

kostarz 'игрок в кости, шулер' (Sł. stpol. III, 356; Sł. polszcz. XVI w. XI, 7: 'страстный игрок в кости или карты; шулер'), др.-русск. *костарь* м. р. 'игрок в кости' (Уст. Ваз. гр. 1552 г. Срезневский I, 1295; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 367), *Костаревъ*, личное имя собств. (1648 г., Тушиков 649), русск. диал. *костарь* м. р. 'искусный игрок в бабки' (арх.), 'психически больной человек' (перм.) (Филин 15, 70; Сл. Среднего Урала II, 54), *Костари*, местн. название (бывш. Остров. у. Псков. губ. Russisches geographisches Namenbuch IV, 457), ст.-укр. *костарь* м. р. 'игрок в кости' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 502).

Производное с суф. *-арь* от **kostь* (см.).

**kostatъ*: сербохорв. *kōstat*, *-a*, *'-o* 'костистый', 'костлявый', 'тощий' (РСА X, 311; RJA V, 373: *kōstast*). — Ср. сюда же, с отклонением в форме, в.-луж. *kosćaty*, *-a*, *-e* 'костистый', 'костлявый' (Pfuhl 275).

Производное с суф. *-ать* от **kostь* (см.).

**kostelъ*: болг. диал. *кустѣл* м. р. 'вид травы' (с. Трънчовица и Малчика, Свищовско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *костел* м. р. 'орех с толстой скорлупой' (Тетевен, СБНУ XXXI, 287. Архив Болг. диал. словаря, София), сербохорв. *костѣл* м. р. 'вид ореха' (РСА X, 311; RJA V, 373: 'костлявый' (прилаг.!), у Стулли, 'скупец', там же), польск. редк. *kościel* 'костяк, скелет' (Warsz. II, 498), словин. *kôščôpl* м. р. 'дрова' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), русск. диал. *костѣл* м. р. 'костыль' (твер., пск., новг., петерб., Филин 15, 71), *кастѣл* м. р. 'костыль' (пск., твер., Доп. к Опыту 78), *костѣл* ж. р. 'сорная трава из семейства злаков, Bromus' (Словарь говоров Подмосковья 225), *костѣл* 'скелет' (Картотека Псковского областного словаря). — Ср. сюда же производные макед. *костелив* 'костлявый, костистый', 'трудно очищаемый (об орехе)' (И-С), словен. *kosteličevje* ср. р., собир. 'жимолость Lonicega' (Plet. I, 443), н.-луж. *kóścelnica* ж. р. 'здание, предназначенное для хранения костей усопших' (Muka Sł. I, 680).

Производное с суф. *-ель* от **kostь* (см.). Ср. отношения вариантности с **kosterь* (см.).

**kosteriti* (se): сербохорв. диал. *костѣриту* (se) 'торчать, ошестиниваться (о шерсти, волосах)' (РСА X, 312), польск. диал. *kościeryć się* 'разрастаться', 'разваливаться сидя' (Warsz. II, 499), словин. *kosceřęc są* 'разрастаться' (Sychta II, 212), *koscięřęc są* 'пускать корни, разрастаться вширь' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 469), *k^ooseřęc są* (Lorentz Pomor. I, 419), русск. диал. *костѣрить* 'сильно ругать, бранить' (свердл., нижегор., влад., костр., волог. и др.), 'говорить пустяки, молоть вздор' (арх.), 'бить' (нижегор., донск., свердл.) (Филин 15, 73; Словарь русских донских говоров II, 82; Элиасов 167), *костѣриться* 'напускаать на себя важность; быть недоступным для других, не имея на то оснований', 'противиться' (Васнецов 113),

Глагол на *-iti*, производный от **kosterь* (см.). Ср. **kostiti* (см.). **kosterь*: болг. диал. *костер* м. р. 'кривой виноградарский нож' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), макед. диал. *кбштерица* 'вид змеи' (Б. Видоески. Кумановскиот говор 251), сербохорв. *кдстер* м. р. 'вид осетра *Acipenser Güldenstädtii*' (РСА X, 311—312), польск. диал. *kościer* м. р. 'сорная трава костерь *Bromus secalinus*' (Warsz. II, 499), словин. стар. *kosceř* м. р. 'ветвистое, развесистое дерево' (Sychta II, 212), *k*oscěř* ж. р. 'кустарник' (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *костерь* м. р. 'грубый, толстый стебель некоторых растений' (1484 г. Псков. лет., II, 64. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), *Костеря*, личное имя собств. (1615 г., Веселовский. Ономастикон 159), *костерка* ж. р. 'мелкий осетр' (ДПТ I, 1574 г., 1671 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. *костёрь* м. и ж. р. 'сорная трава из сем. злаков', *костёрь* м. и ж. р. 'молодой осетр или севрюга, отличающаяся большим количеством наружных косточек', диал. *костёрь* м. р. 'сорная трава *Bromus secalinus* L., костер ржаной' (моск., смол., калуж., тул., яросл., волог.), 'костра' (влад., калин.) (Филин 15, 73—74), *костёрь* ж. р. 'рыба *Acipenser sterrhynchus*; осетр' (там же), *костёря* ж. р. 'сорная трава *Bromus secalinus* L.' (волог., новг., яросл., там же), 'костра' (нижегор., костр., влад., яросл., перм., волог., новг., свердл., там же), *костёрь* м. р. 'молодой осетр' (том., Филин 15, 74), *костёря* ж. р. 'рыба из сем. осетровых' (енис., том., там же), также *костерá* ж. р. (Филин 15, 72). — Ср. сюда же производное блр. *косуцэрня* ж. р. 'место, где собраны человеческие кости' (Носов. 249).

Производное с суф. *-ерь* от **kostь* (см.). Близкородственно **kostrь*, **kostra* (см.). Ср. Verneker I, 583—584; Фасмер II, 347—348.

**kostěnica*; **kostěnika*: болг. (Геров) *костяница* ж. р. 'черепаха *Testudo*', также диал. *кбстеница* ж. р. (Хитов БД IX, 269; с. Попица, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та; Ц. Сталийски. Към терминологията на българската фауна от Видинско, Царибродско и др. — СбНУ X, 1894, 216), сербохорв. *kostěnica* ж. р. 'место (обычно на кладбище), где хранятся кости мертвых' (в словарях Беллы, Белостенца, Стулли, RJA V, 374), *kostenica* ж. р. 'какое-то растение' (там же), диал. *костєница* ж. р. 'узор в виде костей руки на ковре' (РСА X, 311), *koštenica* ж. р. 'растение *Achillea millefolium* L.' (с XVIII в., RJA V, 387), словен. *kostēnica* ж. р. 'персик, плод которого плохо отделяется от косточки', 'ревматизм, подагра' (Plet. I, 443), диал. *kostenica* ж. р. 'вишня, плод которой плохо отделяется от косточки' (Slovarski doneski iz brežiškega okraja 161), сюда же *kostenika* ж. р. 'растения *Ligustrum vulgare*; *Daphne mezereum*' (Plet. I, 443), чеш. *Kostěnice*, местн. название (Profous II, 325—326), в.-луж. *koścēnica* ж. р. 'Beinhaus' (Pfuhl 275), н.-луж. *kóścēnica* ж. р. 'здание, назначенное для хранения костей усопших' (Muķa Sł. I, 680), польск.

диал. *kościenica* ж. р. 'ягода *Rubus saxatilis*' (Warsz. II, 498), также диал. *kościanika* ж. р. (там же), др.-русск. *костяница* ж. р. 'ягода костяника' (Котош., 76. 1667 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 375), русск. диал. *костяница* ж. р. 'растение *Rubus saxatilis* L., костяника каменистая' (новг., петерб., олон., волог., твер., моск., яросл., костр., арх., вят., урал., сиб., Филин 15, 89), *костяница* ж. р. 'болезнь костоеда' (Эст. ССР, там же), *костянка* ж. р. 'растение *Erythronium dens canis*, бересклет бородавчатый' (сарат.), 'сорт вишни' (ряз.) (Филин 15, 89), укр. *костяниця* ж. р. 'растение костяника' (Гринченко II, 292), блр. *касцяніцы* мн. 'костяника *Rubus saxatilis* L.' (Блр.-русск.; Байкоў—Некраш. 144), диал. *касцянік* ж. р. то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Производное с суф. *-ica/-ika* от прилаг. **kostěnъ* (см.), субстантивация последнего. Ср. о словообразовании V. Kiparsky. Über slav. *-ika* und *-ica* als Allomorphe. — Scando-Slavica XVI, 1970, 138.

**kostěnъ*(ъ): слав. *костѣнъ*, прилаг. *osseus* 'костяной' (Meth., SJS), болг. *костен*, прилаг. 'костяной' (РБЕ; Геров: *костяный*), *костенъ* *збъ* 'растение *Erythronium dens canis*' (Геров—Панчев), диал. *костена жѣба* 'черепаша' (К. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ XXXI, 287; с. Кремиковци, Софийско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *костен*, прилаг. 'костяной, костный' (И-С), сербохорв. *kōsten*, прилаг. 'костяной', 'костистый, костлявый' (RJA V, 374), также *košćen* (RJA V, 383), словен. *kostěn*, прилаг. 'костяной, костный' (Plet. I, 443), чеш. *kostěný*, прилаг. 'костяной', словц. *kostený* (SSJ I, 751), в.-луж. *kosćany* 'костяной' (Pfuhl 275), н.-луж. *kóscany* (Muka Sl. I, 680), польск. *kościany*, прилаг. 'костяной' (Warsz. II, 498), словин. *kescanī* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 468), *koscanī* (Lorentz Romog. I, 419), *kaescany* (Ramult 76), др.-русск., русск.-цслав. *костяныи*, *костяной*, прилаг. 'относящийся к кости' (Назиратель, 389. XVI в.), 'полученный из кости' (Мат. медиц., 1249. 1679 г.), 'сделанный из кости' (Кн. п. Моск. I, 333. 1578 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376; Срезневский I, 1298: Пал. XVI в.); русск. *костяной*, *-ая*, *-бе* 'изготовленный, сделанный из кости', 'добываемый из кости', диал. *костяна* ж. р. 'растение и ягода *Rubus saxatilis* L., костяника каменистая' (свердл., вят., заурал., Филин 15, 89), *костянка* ж. р. 'мелкая стерлядь' (новг., Филин 15, 90), '*Rubus saxatilis* L., костяника каменистая' (твер., новг., олон., волог., яросл., моск., костр. и др. Там же), укр. *костяній*, *-а*, *-е* 'костяной' (Гринченко II, 246), блр. *касцяны* 'костяной' (Блр.-русск.), также диал. *касцяны* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Прилаг., производное с суф. *-енъ* от **kostь* (см.).

kostica*/kostika*: болг. диал. *куштица* ж. р. 'косточка' (с. Секирово, Пловд. окр. Дип. раб., Архив Софийск. ун-та), сербо-

хорв. стар., редк. *kōstica* ж. р., ум. 'косточка' (только в словарях Беллы, Вольтиджи, Стулли, RJA V, 374), *kōstica* (РСА X, 313), *kōstika* ж. р. 'косточка плода' (РСА X, 312), диал. *košćica* ж. р. 'косточка', 'лодыжка', 'рыбья кость' (Hraste—Šimunović I, 450), словен. *kostika* ж. р. 'Rainweide' (Plet. I, 444), чеш. *kostice* ж. р. 'рыбья кость' (Jungmann II, 139), словц. *kostica* ж. р. 'китовый ус' (SSJ I, 751), др.-русск. *костуца* ж. р.: *рожь костуца* 'зерно вместе с отходами, невяный хлеб' (Кн. прих. Корел. м. № 941, 16. 1575 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. диал. *костуца* ж. р. 'растение костяника' (вят., Филин 15, 75), 'костра' (арх., волог., костр., яросл., твер., пск., новг., олон., вят.), 'мякина' (новг.) (Филин 15, 75; Опыт 91; Куликовский 42), *костика* ж. р. 'костра' (волог., костр., перм., урал., курган., тобол., сиб.), 'пустые головки льна' (свердл.) (Филин 15, 75), также *костуга* ж. р. (Филин 15, 74), *костуга* ж. р. 'бабка' (волог., там же).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **kostъ* (см.).

**kostistъjъ*: польск. *kościsty*, прилаг. 'костистый, костлявый' (Warsz. II, 500), словин. *k*oscasti* то же (Lorentz Pomor. I, 419) русск. *костистый* 'ширококостный или плотный костями, костлявый' (Даль³ II, 453), 'имеющий много костей, с заметными, выступающими костями' (Ушаков I, 1485), укр. *костистий*, *-а*, *-е* 'костистый, ширококостный', 'костлявый' (Словн. укр. мови IV, 307), блр. *касьцісты* 'костистый, костлявый' (Байкоў—Некраш. 144).

Прилаг., производное с суф. *-istъ* от **kostъ* (см.).

**kostišče*: сербохорв. *kostište* ср. р. 'место, где хранятся голые кости мертвых' (RJA V, 374), словен. *kostišče* ср. р. то же (Plet. I, 444), в.-луж. *košćiščo* ср. р. то же (Pfuhl 276), русск. диал. *костуще* ср. р. 'место, где много костей; кладбище' (смол.), 'щиколютка, лодыжка' (Эст. ССР) (Филин 15, 75).

Производное с суф. *-išče* от **kostъ* (см.).

**kostiti*: словц. диал. *kostit* 'отделять мясо от костей' (Диалект., Братислава); в.-луж. *košćić* 'превращать в кость', *košćić so* 'окоствевать' (Pfuhl 276), польск. редк. *kościć* 'превращать в кость' (Warsz. II, 498), сюда же производное ст.-польск. *koszczony* 'инкрустированный, расписной' (Sł. polszczyzny XVI w., XI, 13), русск. *костить* 'осыпать бранью, ругать', диал. *костить* 'бить сильно, наотмашь' (перм., кубан., свердл., Филин 15, 75), 'бранить, ругать' (влад., Опыт 91; Васнецов 113), укр. *костити* 'костить' (Укр.-рос. словник II, 383).

Глагол на *-iti*, производный от **kostъ* (см.). См. Berneker I, 583. Однако аналогия польск. *drwić* 'насмехаться': *drwa* 'дрова', приводимая Бернекером там же, верна лишь формально (тоже отыменный глагол на *-iti*), но исходные образы в обоих случаях разные — 'считать деревом' и 'бранить, ругать, бить, драть до самой кости', т. е. 'в самую суть', 'обращать в кость'. Судя по тому, как применено было в старой религиозной терминологии

производное **koščunъ* (см.), глагол **kostiti* — достаточно раннее образование. Разнообразные возражения против связи **kostъ* → **kostiti* (см. А. Соболевский РФВ LXX, 1913, 86: сравнивает с **kazati*, см.; A. Vaillant. — *Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Splawinski* 156: считает **kostiti* депревербацией образования типа др.-русск. *испокастити* 'погубить, испортить', XV в.) неубедительны.

**kostivalъ*: чеш. *kostival* м. р. 'растение *Symphytum officinale*' (Kott I, 760), также диал. *koštivál* м. р. (Svěrák. Karlov. 120), словц. *kostival* м. р. (SSJ I, 751), диал. *koščivál* 'Symphytum officinale' (Palkovič. Z vesn. slovn. Slovákov v Mad'ar. 314), н.-луж. *kóscował* м. р. 'живокость, окопник *Symphytum officinale* L. A.' (Muka Sł. I, 684).

Сложение **kostъ* (см.) и корня глагола **valiti* (см.).

**kostobolъ*: болг. (Геров) *костоболъ* м. р. 'костолом', макед. *костобол* м. р. (Кон.), сербохорв. диал. *костоболъ* м. р., *костобола* ж. р. 'боль в костях, ревматизм, подагра' (РСА X, 313, 313—314; RJA V, 375: с XVIII в.), словен. *kostobólje* ср. р. 'подагра' (Plet. I, 444), словц. диал. *kostibol'* м. р. 'лекарственное растение' (Диалект., Братислава), русск. *Костобал*, название реки (бывш. Белозерск. у. Новг. губ., Wörterbuch der russischen Gewässer-namen II, 475).

Сложение **kostъ* (см.) и **bolъ* (см.).

kostogryzъ*/kostogryza*: слав. производное *костогрызьць* м. р. *ossa frangens* (Mikl.), сербохорв. стар., редк. *kostogrizica* ж. р. 'то, что кости ломит' (в словаре Стулли, RJA V, 375), чеш. стар. *Kostohryz*, фам. (1729 г., Ст.-чеш., Прага), польск. диал. *kostogryz*, *kostohryz* 'плодожорка' (Warsz. II, 492; Sł. gw. р. II, 442), укр. *костогрїз* м. р. 'птица *Frangilla coccothraustis*' (Гринченко II, 291), *костогрїза* 'бедняк' (там же).

Сложение **kostъ* (см.) и корня глагола **gryzti* (см.).

kostojědъ*/kostojěda*: сербохорв. *костѡјед* м. р. 'костоеда, кариес' (РСА X, 314), словц. *kostijed* м. р. (Káral 261; Kott I, 760: на Slov.), русск. *костѡеда* ж. р. 'кариес, воспаление костной ткани или зуба', также диал. *костѡѣд* м. р. (калуж., моск., краснояр. Фидлин 15, 77; Словарь говоров Подмосковья 226; Картоотека Псковского областного словаря), укр. *костѡїда* 'костоеда' (Укр.-рос. словник II, 384), блр. *кастаѣда* ж. р. 'костоеда' (Блр.-русск.).

Сложение **kostъ* (см.) и корня глагола **ědmъ*, **ěsti* (см.).

**kostolomiti* (se): сербохорв. *костѡломити* 'обременять, мучить' (РСА X, 314; RJA V, 376), русск. диал. *костѡломитъся* 'мнить о себе, выказывая пренебрежение к окружающим, зазнаваться' (Элиасов 167).

Глагол на *-iti*, производный от **kostolomъ* (см.).

kostolomъ*/kostilomъ*: болг. (Геров) *костѡломъ* м. р. 'растение *Lathyrus sylvestris*', сербохорв. *костѡлом* м. р. 'костный перелом', 'ломота в костях', 'лекарственное растение *Narthecium ossifra-*

gum' (РСА X, 315; RJA V, 375), словен. *kostoldm* м. р. 'перелом ноги', 'птица *Gypaetus*' (Plet. I, 444), ст.-слав. *kostilom* м. р. 'ossifragum' (1725 г., Ист. словц., Братислава), ст.-польск. *kostolom* м. р. 'ломота, боль в теле' (Sl. polszcz. XVI w., XI, 9), польск. *kościolom* м. р. 'ломота, боль в костях' (Warsz. II, 499), др.-русск. *костоломъ* м. р. 'болезнь с ломотой в костях' (1414 г. Ник. лет. XI, 225. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369; Срезневский I, 1296), русск. *костолбм* м. р. 'ломота во всем теле при некоторых болезнях', диал. *костолбм* м. р. 'ревматизм' (сиб., новг., костр.), 'боль в теле от усталости' (ленингр.) (Филин 15, 77), 'растение *Dianthus superbus* L., гвоздика пышная' (арх.), '*Geranium silvaticum* L., герань лесная' (волог.) (Филин 15, 77, там же и другие значения), блр. *касталбм* м. р. 'чернокорень *Synoglossum* L.' (Байкоў—Некраш. 143), диал. *кѣсталбм* м. р. (Жывое слова 202).

Сложение **kostъ* (см.) и корня **lomъ*, **lomiti* (см.), возникшее на базе словосочетания **kostъ lomiti*.

**kostonpravъ*: болг. (Геров—Панчев) *костоправъ* м. р. 'костоправ', также диал. производное *кустунправшиц* м. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), польск. диал. *kostopraw* м. р. 'костоправ' (Sl. gw. р. II, 443; Warsz. II, 492), русск. *костоправ* м. р. 'кто правит переломы и вывихи' (Даль³ II, 454), диал. *костоправа* ж. р. 'женщина-костоправ' (арх., пск., Филин 15, 78), укр. *костоправ* м. р. 'костоправ' (Гринченко II, 291), блр. *кастапраў* м. р. (Блр.-русск.), также диал. *костоправ* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505).

Сложение **kostъ* (см.) и корня глагола **praviti* (см.) на базе словосочетания **kostъ praviti*.

**kostožerъ*, **kostižerъ*: сербохорв. *kostòžer* м. р., *kostòžder* 'ястреб' (с XVII в., RJA V, 376), *костѡждер* м. р. 'вид орла *Gypaetus barbatus*, *Pandion haliaëtus*' (РСА X, 314), *Костѡждер*, фам. (там же), слов. *kostižer* м. р. 'костоеда' (Kott I, 760: на Slov.), диал. *kost'izer* м. р. 'костоеда, кариес' (Matejčik. Východonovohrad. 271).

Сложение -**kostъ* (см.) и именного производного от глагола **žerti*/**žrati* (см.), возникшее на базе словосочетания **kostъ žerti*, ***žrati*.

**kostra*: болг. производное *кострак* м. р. 'рыба с твердой чешуей, которую трудно чистить' (Младенов БТР), сербохорв. диал. *кѡстра* ж. р. 'взъерошенная курица' (РСА X, 315), производное *кѡстрѣт* ж. р. 'козья шерсть' (там же; RJA V, 377—378 с XVI в.), *кѡстрина* ж. р. 'козья шерсть', 'костра, отходы при обработке льна' (РСА X, 316), чеш. *kostra* ж. р. 'скелет, костей' (Jungmann II, 141), производное *kostroun* м. р. 'станина для сушки клевера и т. п.' (Kott I, 761), слов. *kostra* ж. р. 'скелет, костей' (SSJ I, 752), производное *kostrn*, *kostron* 'стержень пера' (Kálal 262), в.-луж. *kostrjanc*, *kostrjank*, *kostranc* м. р. 'василек *Centaurea cyanus*' (Pfuhl 277), в.-луж. *kòstseň* м. р. 'хвощ поле-

вой *Equisetum arvense* L.' (Muka Sl. I, 683) *kóstseńc* м. р. 'василек *Centaurea cyanus* L.' (там же), польск. *kostra* ж. р. 'кострика' (Warsz. II, 492), др.-русск. *костра* ж. р. 'жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания' (Кн. сбор. и расх. Дорогобуж., 312 об. 1689 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), русск. *костра́* ж. р. то же, диал. *костра́* 'мякина' (смол.), 'мелкие зерна ржи, которые остаются при просеивании' (РАССР) (Филин 15, 79), 'растение *Arega Adans.*, метлица, *Agrostis spicaventi* L., полевица' (пск. Там же), 'рыба *Acipenser Güldenstädtii*, русский осетр' (волж. Там же), укр. диал. *костра́* 'кострика' (Лисенко. Словник поліських говорів 104; Лексичний атлас Правобережного Полісся 231), *куштра́* 'растрепаный человек' (Ващенко. Словник полтавських говорів I, 35), блр. *костра́* ж. р. 'костра, кострика' (Носов. 248), диал. *кастра́* ж. р. 'кострика', 'острые косточки рыбы' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433), *кайстра́* ж. р. 'кострика' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 195), *кастрына́* ж. р. 'рыбья кость' (там же).

Специально о генезисе чеш. и словц. слов см. Machek² 281.

Близкородственно **kostěř* (см.), вместе с которым образовано с помощью суф. *-r(a)* от **kostь* (см.). См. Berneker I, 583—584. Значения 'твердая чешуя', 'жесткая кора', 'скелет, костяк', 'остроносая рыба' хорошо согласуются со словом **kostь* и его значениями. Однако едва ли можно сводить все значения **kostra* к исходному 'острие (кости)', как это делает Бернекер (там же), см. так еще Sławski II, 533.

Слово **kostra* представляется нам сейчас словом с двойной мотивированностью, поскольку нельзя отрицать также связь формы и значений **kostra* 'шерсть', 'очески' с глагольной основой **kes-*, **česati* (см.). См., с колебаниями, Преобр. I, 368: «Вероятно, к *коса, чесать*. . . Но не исключена возможность отнести к *кость*». Возражение Фасмера (II, 348) против сближения Преображенского с *чесать* не считается с полным объемом значения **kostra*. Правда, исключительное предпочтение этимологического сравнения **kostra*: **česati* с одновременным отрицанием связи **kostra*: **kostь* (так см. Трубачев. Ремесленная терминология 83—85) тоже страдает односторонностью. Двойную мотивацию нашего слова (**kes-* → **kostra* ← **kostь*) надо понимать не только в том смысле, что часть значений **kostra* объяснима из значений **kostь*, а другая часть — из значений **česati* (см. выше), но также и в том, что некоторые значения слова **kostra* как бы нейтральны, т. е. в равной мере включают семантические черты, казавшие бы, далеких слов — **kostь* и **česati*. Такие значения 'рыба с твердой чешуей, которую трудно чистить' (болг. диал., выше) и подобные (напр. 'взъерошенный'). Имеющая место в семантике слова **kostra* нейтрализация противопоставления слов **česati* и **kostь* показывает нам, кажется, до-

вольно объективно, что все три слова этимологически родственны между собой. Особенно перспективен этот вывод для анализа слова *kostъ (см.), обычно представлявшего большие трудности. Формальное родство *kostra — *kostъ — *česati подробно обосновано уже А. С. Мельничуком — Этимология. 1966 (М., 1968), 233 и сл. Правда, его семантическая реконструкция для слова *kostra значения 'обрубки, обломки', а для *kostъ — 'мертвая кость, часть трупа убитого' с обобщением у исходного для обоих слов корня *kes-/*kos- первоначального значения 'рубить, убивать' не представляется нам вполне адекватной изложенным выше отношениям, которые как будто лучше объяснимы, если исходить из прзначения *kes- 'махать, задевая, касаясь', откуда произошли и всевозможные названия действий чесания и отходов от них и (экспрессивное) название кости («махалка»), ср. у нас ниже *moslъ (см.), русск. *мосола* < *mot-slъ.

Прочие этимологии *kostra неубедительны, ср. сближение с ирл. *cass* (<*kast-) 'курчавые, волнистые волосы' (А. Schachmatov AfslPh XXXIII, 1911, 90).

*kostrava/*kostravъ(ъ): болг. *коурава* ж. р. 'лисий хвост, лисохвост *Alopecurus pratensis*', 'Loghum vulgare' (Геров—Панчев), *кушрава* (Геров), *коурава* ж. р. 'сорная трава *Setaria verticillata*' (БТР), диал. *коштрава* ж. р. 'дикорастущая трава *Loghum vulgare* L.' (Д. Маринов. Думи и фразы из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 291), *куштрава* ж. р. 'сорная трава', 'растрепанная трава' (Колев БД III, 303; В. Деңчев. Поповско. — БД V, 250), *коурава*, -ва, -во, прилаг. 'лохматый, растрепанный' (Геров—Панчев: Прилеп), сербохорв. диал. *кострава* ж. р. 'растение *Setaria verticillata*' (РСА X, 315; RJA V, 376), *koštrava* ж. р. (с XVI в., RJA V, 388), *кострава*, -а, -о 'с взъерошенными перьями' (РСА X, 315), *куштрава*, -а, -о то же), чеш. диал. *kostřava* 'камешки в камне' (Bartoš. Slov. 156), словц. *kostrava* ж. р. 'вид дикорастущей травы *Festuca ovina*; F. pratensis' (SSJ I, 752), также диал. *kostrava* ж. р. (Matejčík. Novohrad. 86), *kostrava* ж. р. (Lipták. Zempl. 389), в-луж. *коштрава* ж. р. 'овсец, коострец *Bromus secalinus*' (Pfuhl 277), русск. диал. *коштравый*, -ая, -ое 'содержащий костру' (смол., Филин 15, 83), блр. *коштравый* то же (Носов.), *каштравы* (Байкоў—Некраш. 143), *каштравый* (Юрчанка. Народное слова 272).

Первоначально прилаг. с суф. -ав-, производное от *kostra (см.).

*kostreva/*kostriva: болг. диал. *кошрэва*, *коштрева* 'вспыльчивый человек' (Геров—Панчев 176; Д. Маринов. Думи и фразы из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 291), *кошрэва* ж. р. 'растения *Setaria verticillata* и *Setaria viridis*' (СбНУ XLIV, 528), также *коштрева* ж. р. (М. Младенов БД III, 92), *куштрева* ж. р. (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 183), сербохорв. диал. *коштреба* ж. р. 'злая, сварливая баба' (Баңат, РСА X, 315),

стар. *Kostreva* м. р., личное имя собств. (XIV в., RJA V, 378), словен. *kostréva* ж. р. 'кострец' (Plet. I, 444), также *kostréba* ж. р. (там же; см. еще J. Stabéj JiS XIV, 4, 1969, 122), диал. *koštríva* ж. р. 'растрепа' (Barlè 17), в.-луж. *košcerwa* ж. р. 'овсец, кострец *Bromus secalinus*' (Pfuhl 276), н.-луж. *kóstrówa* ж. р. то же (Muka Sl. I, 693), диал. *kóstráwa*, *kóstréwa* ж. р. (Muka Sl. I, 683), полаб. *t'üstraiwä* ж. р. 'сорняк, кострец' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kostriva*), ст.-польск. *kostrzewa* 'хлебные сорняки' (Sl. stpol. III, 357; Sl. polszcz. XVI w., XI, 10), польск. *kostrzewa*, *kostrzeba* ж. р. 'Festuca' (Warsz. II, 492), словин. *kostřeva* ж. р. (Sychta II, 214), *kostřievä* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 469), *k*ostřeva* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кострева* ж. р. 'сорная трава, метлика' (Назиратель, 287. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), русск. диал. *кострѣва* ж. р. 'крапива' (твер., Филин 15, 79), *кострѣвый*, *-ая*, *-ое* 'содержащий костру' (смол., там же), 'вспыльчивый, легко раздражающийся' (моск., там же; Словарь говоров Подмосковья 226), укр. диал. *костерѣва* ж. р. 'мышей *Setaria P. V.*' (Лисенко. Словник польських говорів 104), *кострѣва* ж. р. 'костра, кострика' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 281), блр. *кастрѣвы*, прилаг. 'с кострой' (Блр.-русск.), диал. *кастрѣвы* 'с кострой', 'костистый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 435), *кастрѣва* ж. р. 'крапива *Urtica dioica L.*' (Каспяровіч 157).

Первоначально прилаг. с суф. *-ev/-iv-*, производное от **kostra* (см.).

kostrežь*/kostižь*: болг. *кѡстрѣж* м. р. 'окунь *Perca fluviatilis*' (Младенов БТР; Геров—Панчев), сюда же диал. *кѡструж* м. р. то же (с. Ново село, Видинско. Архив Болг. диал. словаря, София), ср. сюда же макед. *костреши се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться' (И-С), сербохорв. *кѡстрѣш* 'все взъерошенное, ощетиненное', 'окунь *Perca fluviatilis*' (РСА X, 315; Leksika gibarstva 164), также *кѡстрѣш* м. р. (РСА X, 317), *кѡстиж* м. р. (RJA V, 379: XVIII в.), польск. диал. *kostryż* 'окунь' (Warsz. II, 492), укр. диал. *кѡстриж*, *кѡструж* м. р. 'окунь' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84; Областной словарь буковинских говоров 434), *кѡстриж* 'окунь', 'ерш', 'вид рыбы' (Карпатский диалектологический атлас 86; Колесник. Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини 73), *кастрѣж* м. р. 'окунь' (Й. О. Дзензелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. — Лекс. бюл. VI, 1958, 44).

Польск. диал. форма, возможно, из укр. (см. выше). В остальном — типичный ю.-слав. (балканский) элемент лексики, с включением укр. (буковинских и ю.-зап.) говоров.

Производное с суф. *-ežь/-ižь* от **kostra* (см.). Видимо, сюда же относится словен. *kostrūži* мн. 'грубые отруби', с вариантным суфф., ср. выше болг. диал. *кѡструж* 'окунь'. Неверно — из сло-

жения с префиксом *ko-* см. J. Schütz WdS X, 1965, 323. См. еще БЕР 2, 665.

kostrica*/kostroika*: сербохорв. *кòстрица* ж. р. 'мелкая рыба кость' (РСА X, 316), *кòстрика* ж. р. 'травянистое растение *Ruscus aculeatus* L.' (РСА X, 316; РЈА V, 378; черногорск., Ровинский 658: «листья на концах с колючками»), *kòštrika* ж. р. 'какое-то растение' (в словарях Стулли и Вука, РЈА V, 388), словен. *koštrika* ж. р. 'Ruscus' (Plet. I, 446), чеш. *chustřice* ж. р. 'копчик, гузка' (Jungmann I, 833; Kott I, 551), польск. диал. *kostrzyca* ж. р. 'кострика' (Warsz. II, 492), словин. *k*ostřéca* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кострица* ж. р. 'кострище, место, где лежат в поленицах (кострах) дрова для соляных варниц' (АХУ II, 244, 1647 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), *кострика* ж. р. 'жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания, кострика' (Цар. ик., 25. 1642 г. Там же), *Кострика*, личное имя собств. (1562 г., Веселовский. Ономастикон 160), русск. диал. *костри́ца* ж. р. 'костра' (вят., пск., том., новосиб., Филин 15, 81), 'растение *Nasturtium brachycarpum* С. А. М.' (южн.), 'ягода растения *Rubus saxatilis* L., костяники каменистой' (олон., новг.), 'сорная трава' (донск., брян.), 'мелкая солома' (брян.) (Филин 15, 81), *костри́ка*, *костри́ка* ж. р. 'костра' (тул., ворон., курск., новосиб.), 'крапива' (ряз., ворон., перм.) (Филин 15, 80; Диттель. Сборник рязанских областных слов. ЖСт. VIII, 1898, II, 214; Даль³ II, 449), укр. *костри́ця* ж. р. 'кострика' (Гринченко II, 291), также *кістри́ця* (Гринченко II, 246), диал. *костри́ця* 'какая-то трава' (Онышкевич 374), блр. *кастри́ця* ж. р. 'костра, кострика', диал. *кастри́ця* ж. р. 'кострика', 'хвоя', 'ость' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434; 3 народнага слоўніка 44), *Кастры́ця*, *Кастры́цкі*, фам. (Бірыла 191).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **kostra* (см.; там же подробно об этимологии). Элементарно неверно утверждение о наличии здесь префиксального сложения **k-ostr-* (J. Schütz. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 326).

**kostriti*: болг. диал. *кòстра* 'соблазнять, дразнить' (с. Веригово, Карловско. Р. Реч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), русск. диал. *костри́ть* 'врать, лгать, хвастать, бахвалить' (тул., Даль³ II, 449), *кастри́ть* 'рубить дрова' (Добровольский 315).

Глагол на *-iti*, производный от **kostra* (см.) с дальнейшим переносом значения, заметным уже у таких производных от **kostra*, как **kostrivъ*, **kostriva*, **kostrava* (см.; там же примеры со значением 'вспыльчивый'). Впрочем, в русск. диал. *кастри́ть* 'рубить дрова' скорее имеет место мотивация со стороны русск. *костёр* (см. **kostrъ*). Выпадение *-t-* в болг. диал. *кòстра* вторично, см. БЕР 2, 661 (догадка о происхождении от балк.-лат. *castro* 'резать, оскоплять', высказанная там, не имеет под собой никаких оснований).

kostrǫba*/kostrъba*/**kostrǫma*: ст.-чеш. *kostruba* ж. р.: *kostrubi capilli* (Slovník Prešpurský 429. Gebauer II, 113), чеш. *kostrba* 'лохматый человек' (Kott I, 761), словц. *kostruba* 'взлохмаченные волосы', 'костра, кострика' (Kálal 262), *kostrba* 'растрена' (Kálal 262), 'метелка растения' (SSJ I, 752), *kostrub* м. р. 'торчащий волос, пучок волос' (там же), русск. диал. *костромá* ж. р. 'большое чучело из рогожи и соломы, которое носят с песнями и шутивными обрядами топить в реке, озере или луже, праздную проводы весны и встречу страдного лета' (влад., сарат., новг., калуж., Филин 15, 82), *кбструб* м. р. 'растрена' (юго-зап., Филин 15, 82), *коstrубый* 'упрямый' (твер., Даль³ II, 449), производное *коstrубáтый*, -ая, -ое 'шероховатый' (твер., донск.), 'хохлатый (о курах)' (юго-зап.), 'своенравный' (твер.) (Филин 15, 82), укр. *кбструб* м. р. 'весенняя хороводная игра девушек', 'неряха' (Гринченко II, 291), *коstrубáтый*, -а, -е 'косматый, вихрастый' (Лебед. у., там же), блр. диал. *коstrубá* ж. р. 'женщина-неряха' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500), *кастрамá* ж. р. 'костра, кострика' (Жывое слова 11), *коstrубба* ж. р. 'лохматый человек' (3 народнага слоўніка 143), *Каструбá*, фам. (Бірыла 191).

О праформе **kostrǫb*- см.: А. Соболевский. — *Slavia* V, 1927, 440.

Производное от **kostra* (см.) с суф. -ъба, -ǫba и -oma (если только форма русск., блр. *коstroma* не продолжает более первоначальную **коstroba*, **коstrуба*). Название костры, кострики прекрасно годилось метонимически для обозначения взлохмаченных волос, лохматого человека, растрепы. В русск. народной культуре слово *костромá* (первоначальное значение 'костра, кострика' сохранилось в блр. диал. *кастрамá*, см. выше) послужило термином, обозначавшим фигуру, соломенную куклу, выступавшую в символическом обряде перехода от весны к лету, см. Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981, 378. См. еще Фасмер II, 348—349 (без слав. соответствий). В свете словообразовательно-семантической продуктивности гнезда **kostra* маловероятна идея Махека о наличии здесь сложения с приставкой **ko-strъbъ*, причем корень якобы родственен нем. *struppig* 'взъерошенный, лохматый'. (V. Machek ZfslPh XXIII, 1954, 118—119; Он же LP VIII, 1960, 58; Machek² 281).

**kostruka*: словц. диал. *kostruka* ж. р. 'шип, колючка, ость' (Kott I, 761: «па Slov.»), блр. диал. *кастрыкі* мн. 'овсяная мякина', 'ость в колосе ячменя', 'стержни перьев' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434).

Производное с суф. -uk- от **kostra* (см.).

**kostrъ*: словен. *kóster*, род. п. -*stra*, м. р. 'костер, куча дров' (Plet. I, 444), др.-русск. *коstrъръ*, *костеръ* м. р. (Не только на боищи *костры* мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупіе, овіи мертвы, а друзіи еще дышуще. Тверск. л. под 1216 г.; И превратися много ржи на метлу и на *костеръ*. Псков. I л. под 1484 г. Срезневский I, 1298), производное *коstrовый*, прилаг.:

костровые дрова 'поленья, которые складываются в штабеля (костры)' (АХУ II, 1232. 1688 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 371), *костровый* 'посконный, изготовленный из льна с невычесанной кострой' (Арх. бум. Петра, II, 64. 1717 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 371), *Костерь*, личное имя собств. (1649 г. Ю. З. А. III, 88 (доп.). Тушиков 257), *Костровъ* (1490 г. Ак. Юр. 12. Тушиков 649—650), русск. *костёр*, род. п. *-тра́*, м. р. 'горящая или подготовленная для горения куча хвороста, дров и т. п.', диал. *костёр* м. р. 'куча хвороста, сучьев, бревен, дров' (влад., иван., калуж., тул., моск., яросл. и др.), 'мера дров' (волог., арх.), 'большая укладка снопов в поле' (пск., волог., Башк. АССР), 'деревянный сруб под печью' (вят.) (Филин 15, 72; Даль³ II, 448), 'костра' (новг., пск.), 'мякина' (пск., новг., калин.) (Филин 15, 72), *костёр кровельный* 'растение *Phragmites communis* Trin., тростник' (донск., брян.), 'болезнь злаковых, головня' (КАССР), (Филин 15, 72), *костёр* 'рыба *Acipenser Vaerii*, сибирский осетр' (Там же; Даль³, II, 449), укр. *костёр*, род. п. *-тра́*, м. р. 'сажень дров', 'куча камыша' (Гринченко II, 291), диал. *костёр* 'поставленные в конусовидные кучки пучки конопли или снопы камыша' (Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області 43), 'большая куча (вещей, имущества)' (Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусяївки (Вчорайшенського району, Житомирської обл.).— Лекс. бюл. VI, 1958, 27), *кост'м'бр*, *кост'бр* 'сложенная из дров или бревен поленница' (Лексика Полесья 141), блр. *касыцёр* м. р. 'костеръ *Bromus secalinus* L.' (Байкоў-Некраш., 143), *касыцёр*, род. п. *-тра́*, м. р. 'поленница', диал. *касыцёр* м. р. 'укладка дров', 'куча', 'костер, разложенный огонь в поле, лесу', 'кострище' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 435; Народнае слова 94).

Этимологически тождественно **kostra* (см.), ср. сюда также **kostь* (см.). Прочие этимологии неверны. См. Berneker I, 584; Фасмер II, 347; Х. Барий. — Прил. I, 1921, 231 и сл. (цит. по: ЈФ III, 1922—1923, 200 — из **ko-stььь* к лат. *struo*).

**кострььь* макед. *костреуц* м. р. 'название одной рыбы' (Кон.), чеш. *kostrěc*, род. п. *-trce*, м. р. 'нижний конец позвоночника, копчик', также *kostrč* ж. р. словц. *kostrč* ж. р. то же (SSJ I, 752), др.-русск. *кострььцъ*, *костреуцъ* м. р. 'нижняя часть крестца' (Травн. Любч., 95. XVII в. ~ 1534 г.), 'часть мясной туши' (Рим. имп. д. II, 498. 1597 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370; Срезневский I, 1296), русск. *кострѣц* м. р. 'нижняя часть крестца у человека или животного', 'верхняя часть задней ляжки мясной туши', диал. *кострѣц* м. р. 'несвязанный сноп только что выдерганного льна из крестнакрест лежащих пучков' (волог., Филин 15, 79), 'бок человека' (ворон.), (мн.) 'ребра лошади' (ворон.) (там же), *кострѣц* м. р. 'растение *Bromus L.*' (твер., там же), *кострѣц* 'небольшой костер' (Элиасов 167), укр. *кустрѣць* м. р. 'чирей, прыщ, струп' (Гринченко II, 332).

Производное с суф. -ьсь от *kostra, *kostrъ (см.).

*kosturь/*kostura: болг. *костур* м. р. 'скелет, костяк', 'ножик', 'вид рыбы' (Геров; Младенов БТР: стар., обл.), *костура* ж. р. 'кривой карманный ножик' (РБЕ), 'испорченный, поломанный ножик, без черенка' (Геров; Народописни материали от Граово, СбНУ XLIX, 779; И. Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112; Божкова БД I, 253), 'нож, ножик' (Речник РОДД), 'поломанный карманный ножик' (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 238: рум.), 'перочинный нож' (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), 'острие ножа' (М. Младенов. БД III, 92), стар. *кбстур* м. р. 'скелет, костяк' (Речник РОДД), диал. *кустура* ж. р. 'поломанный ножик без черенка' (Геров. Страндж. — БД, I, 102; Колев БД III, 303; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 125; П. К. Гжбювь. Материал за български речник. От с. Конопчие (Чирпанско). — СбНУ IX, 1893, 231: *кустурж*), *костурка* ж. р. 'нож без черенка' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. *костур* м. р. 'скелет', 'остов, костяк' (И-С), диал. *костура* 'карманный ножик' (Г. Попова. Зборови од Малешеве. — МЖ II, 3—4, 1951, 95), *костурка* 'нож без черенка' (Б. Видоески. Кумановскиот говор 253), сербохорв. диал. *кбстур* ж. р. 'карманный нож, бритва' (РСА X, 318; RJA V, 828, s. v. *küstura* 'негодный нож'; «Riječ je gumuška»), *кбстур* м. р. 'скелет', 'тощий человек' (РСА X, 317—318; RJA V, 379), также *кбштур* м. р. (РСА X, 378), *кбштур* ж. р., увелич. от *кост* (там же), словен. *kostûra* ж. р. 'крупный складной нож с костяной рукояткой' (Plet. I, 444), чеш. диал. *kostûr* 'сухая ветка, суковатая палка, дубинка', 'тощая скотина', 'накрахмаленное белье', 'злой, вздорный человек' (Bartoš. Slov. 156), словц. диал. (вост.) *kostur(a)* 'большой нож' (Kálal 262), ст.-польск. *kostur* м. р. 'костяная или деревянная палка', 'палка, обитая железом или заостренная, применялась как оружие' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 10), польск. *kostur*, *kosztur*, диал. *koštur*, *koštor* м. р. 'костяная палка', 'большая палка, окованная железом', 'костыль', 'тесак', 'рыба *Syrpinus cultratus*' (Warsz. II, 496), *kostur* 'палка' (Olesch., S. Annaberg 90), *koštor* 'кличка коровы' (Sł. gw. р. II, 443), русск. диал. *кбстур* м. р. 'дубина, большая палка' (ворон., южн., Филин 15, 83), *кбстурь* ж. р. 'рыба чехонь *Pelecus cultratus*' (новг., там же), укр. диал. *костура* ж. р. 'нож для убивания животных' (Вх. Уг. 246, Гринченко II, 292), *кбстур* м. р. 'клюка, посох' (Гринченко II, 292), *костура* 'нож' (Онышкевич 374), *костурь*, *коштурь*, *коштурь* 'палка (гнутая)', (там же).

Форма *kosturь/*kostura является развитием первоначального *kostrъ, *kostra (см.) с постоянной мотивацией со стороны *kostъ (см.). О праслав. древности образования и вместе с тем — об экспрессивном его характере см. Ślawski II, 534 (*kosturь < *kostъ). Бернекер и Фасмер не уделили должного внимания этому слову.

Исследователи ю.-слав. и балканских языков выдвигали версию происхождения соответствующих болг., сербохорв. слов, особенно со значением 'нож', из различных рум. форм, см. Капидан в работе: P. Skok. O bugarskom jeziku u svjetlosti balkanistike. — JФ XII, 1933, 85 (ср. осторожнее Skok II, 163). Сомнения на этот счет см. С. Младенов, рец. на кн.: Th. Capidan. Raporturile lingvistice slavoromâne. Influența română asupra limbii bulgare. — Slavica V, 1926, 157. Новый болг. этимол. словарь разграничивает *кѡстур* 'вид пресноводной рыбы, *Percus fluviatilis*', объясняя его от *кост* 'кость' с суф. -ур, и *костър* 'ножик', усматривая в последнем вслед за другими авторами производное от *kes-/ *kos- (см. *česati) с суф. -tr-, но цитируя при этом также далее, без комментариев, этимологию от рум. *custura*, стар. *cuțitura*, см. БЕР 2, 666. Заимствование из рум. маловероятно ввиду более широкого распространения (у всех славян), а следовательно — большей древности слова, в том числе в значении 'нож особого вида и свойства', ср. напр. упомянутое выше русск. диал. (новг.!) *кѡстурь* 'рыба чехонь *Pelecus cultratus*': известно, что чехонь нередко называется как 'нож-рыба', ср. нем. *Messer-fisch* 'чехонь', лат. название ее — *Pelecus cultratus* от *culter* 'нож', ср., собственно, сюда же и русск. *чехонь* — к *česati, *čexati (см.).

**костъка*: цслав. *костъка* ж. р. *οτέμφυλον*, *vinasea* (Mikl.), болг. *кѡска* ж. р. 'кость' (Геров; Младенов БТР: «обл., стар.»), также диал. *кѡска* ж. р. (Шклифов БД VIII, 256), макед. *коска* ж. р. 'кость', 'косточка (плода)' (И-С), сербохорв. *кѡска* ж. р., ум. 'косточка' (РСА X, 302; RJA V, 363), *кѡска* ж. р. 'кость (игральная, гадальная)' (RJA V, 140), *kōske* (Leksika gibarstva 164), словен. *kōstka* ж. р., ум. 'косточка', 'кость (игральная), кубик' (Plet. I, 444), *kōcka* ж. р. 'кость (игральная), кубик' (Plet. I, 417), чеш. *kostka* ж. р. 'косточка', 'кость (игральная), кубик', 'косточка (плода)' (Kott I, 760), *kūstka* ж. р., ум. 'косточка', диал. *kustka* ж. р. 'лодыжка' (Lamprecht. Slovn. středopav. 67), *koska* ж. р. то же (Svěrák. Brněn. 109), словц. *kōstka* ж. р. 'косточка', 'косточка (плода)' (SSJ I, 759), *koska* 'жареный хлеб' (Kálal 248), диал. *koska* ж. р. 'косточка (плода)' (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), в.-луж. *kōstka* ж. р. 'лодыжка, бабка', 'игральная кость'. (Pfuhl 277), н.-луж. *kōstka* ж. р. 'косточка', 'игральная кость' (Muka Sł. I, 682), полаб. *tōs(t)kǎ* ж. р. 'лодыжка' (Polański—Sehnert 156), ст.-польск. *kostka* 'лодыжка', 'костный нарост, окостенение кожи', 'косточка плода', 'игральная кость, кубик' (Sł. stpol. III, 356; Sł. polszcz. XVI w., XI, 8—9), польск. *kostka* ж. р. 'кость', '*talus astragalus*', 'игральная кость, кубик' (Warsz. II, 491), диал. *koska* 'бабка у лошади' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 68), *koska* 'лодыжка' (Górnowicz. Dial. malsborski II, 1, 181), *k*ostka* (Kucała 168), словин. *koska* ж. р. 'лодыжка' (Sychta II, 214), *k*ostka*, ум. 'косточка', 'лодыжка', 'кость (игральная)' (Lorentz Pomor. I, 420), *koestka*

(Ramułt 76), др.-русск. *костка* ж. р. 'косточка плодов' (Назира-тель, 249. XVI в.), ум. к *кость* (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368; Срезневский I, 1296), русск. диал. *костбк*, род. п. *-сткá*, м. р. 'сустав пальца' (пск., Филин 15, 77), ст.-укр. *костжи* мн. 'азартная игра в кости' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 503), укр. *кістка* ж. р. 'кость' (Гринченко II, 246), диал. *кісткі* мн. 'козны, бабки' (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 47), блр. диал. *кбстка* ж. р. 'кость', 'кадык' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505). — О дублетах слов. *koska* и *kostka* см. Вланár. Hist. lexikol. 113.

Ум. производное с суф. *-зка* от **kostь* (см.).

**kostylъ*: словен. *kostilja* ж. р. 'дерево *Celtis australis*', 'кнутовище (из этого дерева)' (Plet. I, 444), др.-русск. *костыль* м. р. 'гвоздь, верх которого загнут под прямым углом' (А. Кир. Б. м., отд. I. Г. № 104. 1656 г.), 'железный прут с загнутым концом' (Сим. Перепл. худ., 22. XVII в.), 'костыль, палка с поперечной насадкой наверху или загнутым верхним концом, служащая опорой при ходьбе' (Сим. Посл., 114. XVII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 372), *Костылевъ*, личное имя собств. (1500 г. Писц. III, 580. Тушиков 650), русск. *костыль* м. р. 'палка, клюка, посох', 'гвоздь с загнутым верхним концом вместо шляпки', диал. *костыль* 'искусственная деревянная нога' (ряз., краснояр.), 'большой деревянный гвоздь' (ряз., брян.), 'палка, которой поддерживают бредень' (арх.), 'рогулька для наматывания пряжи в мотки' (смол.) (Филин 15, 85), 'трава стрелолист' (костр.), 'стебель щавеля с соцветием' (иркут.) (там же), *кбстыль* 'палочка для вязания лаптей' (арх., Картотека СТЭ), укр. диал. *костыль*, *костыль* м. р. 'часть большой продольной пилы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *костыль* м. р. 'палка, посох' (там же; Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся 37), блр. диал. *кастыль* м. р. 'костыль', 'крюк' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434), *Кастылёў*, фам. (Бірыла 191).

Производное с суф. *-ыль* от **kostь* (см.).

**kostyrъ*: словен. производное *kostirnica* ж. р. 'большой складной нож с костяной ручкой' (Plet. I, 444), польск. диал. *kostyr* 'уваленъ' (Warsz. II, 502), русск. диал. *костырь* м. р. 'заноза, щепочка' (ряз.), 'посох зверолова (с кольцами на конце, как у лыжной палки)' (енис.) (Филин 15, 86; Даль³ II, 449), *кбстырь* м. р. 'палка, костыль' (Словарь русских донских говоров II, 83), *kasztýrъ* 'хромой человек' (Słown. starowieców, 113), укр. *костырь* м. р. 'растение *Bromus secalinus*, костеръ' (Гринченко II, 291), диал. *кастырка*, *кастырка*, *костырка* 'белка *Sciurus vulgaris*' (Дзєндзелівський. Атлас II, карта 126), блр. производное *каштыраць* 'толкать, пихать' (Жывое слова 116).

Соотносительно с **kosturъ* (см.) и **kostylъ* (см.).

**kostь*: ст.-слав. *коста* ж. р. *ѡстоѡв*, *ос* 'кость' (Zogr., Mar., As., Euch., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кост* ж. р. 'кость'

(БТР; РБЕ), также диал. *kos* ж. р. (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД II, 282), сербохорв. *kōst* ж. р. 'кость' (RJA V, 368—371), также диал. *kōst* (Hraste—Šimunović I, 450), словен. *kōst* ж. р. 'кость', 'косточка (плода)' (Plet. I, 443), чеш. *kost* ж. р. 'кость', словц. *kost'* ж. р. 'кость' (SSJ I, 751), 'кость игральная' (Kálal 261), в.-луж. *kósc* ж. р. 'кость' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósc* ж. р. (Muka Sł. I, 679), полаб. *l'üst* ж. р. 'кость' (Polański—Sehnert 157), ст.-польск. *kośc* ж. р. 'кость', 'человек, плоть людская (в библ. текстах)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 69—74), польск. *kość* ж. р. 'кость' (Warsz. II, 500), также диал. *kośc* м. р. (Sł. gw. р. II, 448; Kusała 163; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), *kość* 'льняная кострика' (B. Falińska. Pol. sł. tkackie I, 122), *kość* 'кость' (Górniewicz. Dial. malborski II, 1, 183), словин. *kosc* м. р. (Sychta II, 212), *kъpsc* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kъpsc* ж. р. (Ramuť 76), др.-русс., русск.-цслав. *kostь* ж. р. 'кость' (Панд. Ант. 62, XI в.), 'тело, все существо человека в целом' (Библи. Генн. 1499 г.), 'род, племя (о тех, кто связан общим происхождением, родственными узами)' (Жит. Петр. Берк. Мин. Чет. июн. 415. XV—XVI вв.), 'останки, тело умершего' (Правда Рус., 105. XIV в. ~ XII в.), 'косточка плодов' (Леч. II, гл. 110. XVIII в. ~ XVII в. — XVIII в.), 'игральная кость' (АХУ III, 131. 1632 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 372—375; Срезневский I, 1297—1298; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 3, 8—9) русск. *kostь* ж. р. 'отдельная составная часть скелета человека и позвоночных животных', диал. *kostь* ж. р. (мн.) 'игральные бабки' (влад., сиб.), 'льняная костра' (пск.) (Филин 15, 87), укр. *kість*, род. п. *kісти*, ж. р. 'кость', 'игральная кость' (Гринченко II, 246), диал., стар. *kōsta* ж. р. 'кость' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84), *kostá* (Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра 246), ст.-блр. *kostь* (Скарына 1, 279), блр. *kosць* ж. р. 'кость', также диал. *kosць* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 506).

И.-е. названием кости было старое имя с гетероклитическими признаками **ost-*, **osti-*, **ostr-*, **ostn-*, **ostrk-*, см. Pokorny I, 783. Ввиду древности этого слова его этимологический генезис не очень ясен для нас. Можно предположить, что корень этого имени — производное с *-e/o-* апофонией от и.-е. **es-* 'быть, существовать', откуда прзначением и.-е. **ost-* было бы тогда 'сущее, свершившееся, осуществленное'. Правда, хетт. *haštāi-* (из **osti-*, **ostei-*) 'кость' как будто указывает на возможность реконструкции и.-е. **əost-* с начальным ларингальным согласным, а хетт. *e-ē-mi-*, соответствующее и.-е. **esmi* 'есмь', такого ларингального начала не имеет, что служит упомянутому сближению препятствием, хотя, возможно, и преодолимим, поскольку это различие засвидетельствованных начал допустимо считать скорее диахроническим, вторичным. Трудно, например, настаивать на том, что между регулярными продолжениями и.-е. **es-* и хетт.

ħaš- 'производить, рождать' нет абсолютно ничего общего, хотя эти отношения и находятся в тени (в словаре Покорного хетт. *ħaš-* вообще отсутствует). О связи хетт. *ħaštāi-* 'кость': *ħaš-* 'производить, рождать' на фоне более общей семантической иерархии 'рождаться, становиться' > 'часть тела' см. Трубачев. Слав. терм. родства 160. И хотя по-прежнему остается вне поля зрения значительной части индоевропейцев связь и.-е. **ĝenə-* 'рождать(ся)' и **ĝenu-* 'колени', а также 'челюсть, подбородок', сюда же **ĝonadh-* и нем. *Knochen* 'кость', освещавшаяся в упомянутой только что книге (достаточно справиться об этом в словарях Покорного и Клюге или в словаре Buck³ 207, s. v. Bone, где, понятно, обобщен прежний этап этимол. исследований, причем этимологизация и.-е. **ost-* просто отсутствует, этимология нем. *Bein*, англ. *bone* 'кость' признана темной, а значение нем. *Knochen* 'кость' производится из 'лодыжка', вопреки наличию хотя бы родственной формы и значения нем. *Nacken* 'затылок, затылочная кость'!), все же отношения и.-е. **ost-* 'кость' и **es-* 'быть, существовать' нуждаются в специальном всестороннем обсуждении ввиду серьезных вероятий в пользу древности и изначальности связи между ними. Гипотетически реконструируемое при этом значение **ost-* как 'сущее, осуществленное' недаром перекликается с наличествующим у таких производных от **es-* 'быть' форм как **sent-*, **sont-*, **snt-* значением 'сущий, сущее, присутствующее, наличное', а также 'вина, грех, преступление' (нем. *Sünde* 'грех' и родственные). Развитые религии мира, наделив кость атрибутами греховности, бренности сущего, похоже, лишь оживили при этом древние этимологические истоки прежде всего и.-е. **ost(i)-* 'кость'. Достаточно сослаться на ир. *astvant-* 'бренный, переходящий, материальный' (буквально 'костяной'), производное от ир. *ast-* 'кость' (напомним здесь мысль Куриловича о том, что слав. **koščunъ* (см.) своим основным значением 'мирской, связанный с профанацией' обязано влиянию указанного ир. слова, образованного от названия кости, см. J. Kuryłowicz. *Irańsko-słowiańskie stosunki językowe. — Słownik starożytności słowiańskich* II, 2, 291; О. Н. Трубачев. — Этимология. 1967 (М., 1969), 321).

Для этимологии слав. **kostь* важно знать слав. продолжения и.-е. **ost-* 'кость'. Можно думать, вслед за Махеком, что и.-е. **ost-* (ср. др.-инд. *ásthi-* 'кость' и т. д.) отражено в слав. **ostь* (см.), которое приобрело значения 'ость колоса', 'рыбья кость', (см. Machek² 419—420 (мы не разделяем, однако, его «преформантного» толкования формы **kostь*, о чем — ниже). В поддержку связи и.-е. **ost-* > слав. **ostь* высказывается также А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 234. Большинство же исследователей предпочитает производить слав. **ostь* в указанных выше значениях от и.-е. **ak-*, **ok-* 'острый', см. еще Miklosich 227; Фасмер III, 167 (там же прочая литература); Pokorny I,

22: *ak-sti-, откуда лит. *akstis* 'копильный вертел', русск. *ост*, *ость* (колоса); Fraenkel I, 5—6. Впрочем, Френкель сочувственно приводит мнение о вторичной вставке *k* в лит. слове, а это может оказать существенное влияние на всю оценку происхождения лит. *akstis*, слав. *ostь и их значений. Если принять уже априори правдоподобную мысль об этимологическом тождестве и.-е. *ost- и слав. *ostь, то следует обратить внимание на то, что ни употребление и.-е. *ost- (др.-инд. *ásthi-*, авест. *ast-*, *asti-*, греч. *ὀστέου*, лат. *os*, алб. *asht*, хетт. *ḫāštāi-* — все со значением 'кость'), ни допустимые древние этимологические связи (см. о них выше) не содержат указаний на остроту, острое. Создается впечатление вторичности появления этих значений у слав. *ostь, лит. *akstis*, а также элемента *k* в последнем слове. Лит. *akstis* в таком случае отражает влияние (народноэтимологическое?) со стороны и.-е. *ak-, *akъ- (вар. *akō-) 'острый', а в слав. *ostь это воздействие, пожалуй, прослеживается уже только семантически. Зная двухвариантное отражение названного корня в родственных — и столь различных — слав. *kamen- (см. *kamy) и лит. *akmen-* (*akmiū* 'камень'), казалось бы, нетрудно допустить подобную вариантность и.-е. *(a)kō: *ak- 'острый' и в слав. *kostь: лит. *akstis* / слав. *ostь. Но зыбкость подобного допущения тотчас же демонстрирует семантика слова *kostь, которое не обнаруживает значения 'острый, острота', но только 'кость' и достаточно специфическое 'льняная костра' (в польск. и русск. диал., см. выше), что, по-видимому, показывает особый путь развития значения 'кость' у слова *kostь.

Слова *kostь и *ostь образуют «рифму», что отмечается и в литературе, ср. Brückner, 260: «*kość* гушије до *ość*». Однако, кроме этой рифмы номинатива, у них есть и серьезные расхождения, которые позволяют взглянуть на их «рифму» как на нечто вторичное и в известной мере случайное. Даже природа подвижности акцентных парадигм с первоначально наклонным ударением *kostь, *ostь (об окситонезе *ostь см. В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. — Слав. языкознание. V Междунар. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1963, 80; о значительной подвижности ударения *kostь см. V. Kiparsky. *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg, 1962, 21) у этих слов разная. Слав. *ostь сменило древнюю основу на согласный *ost-, а *kostь существует в кругу многочисленных производных *kosterь, *kosti, *kostra, *kostrь, *kosturь, *kostylь, *kosturь (см. s. vv.), принципиально ничем из них не выделяясь. Это значит, что, например, и *kostь и *kostra при анализе обнаруживают элементы значения и структуры, полностью не сводимые к одному из них (ср. значение 'костра' у *kostь), но восходящие к общей для них производящей форме.

Наконец, если *ostь, как мы видели, обнаруживает соответствия, наряду с другими и.-е. языками, также в балт., то слав. *kostь

«не имеет соответствия в литовском» — очевидный факт, на который четко указал один Брюкнер (Brückner 261). Другие ученые пробовали всевозможными способами установить связь между *ostь и *kostь, но критическое разнообразие этих способов (ниже) и совершенно несхожее распределение форм по языкам (*kostь — отсутствие в балт. и сомнительность соответствий в других языках, *ostь — наличие соответствий в ряде — в том числе древних — и.-е. языков) лишь подготавливает вывод о том, что слова *kostь и *ostь организованы совершенно различным и независимым способом. Это дает нам право предпочесть для *kostь внутриславянскую этимологию — производность от глагольного корня *kes- (ср. *česati, см.), см. А. С. Мельничук. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — Этимология. 1966 (М., 1968), 234 и сл. Однако нам трудно последовать за автором в его реконструкции для *kes- применительно к *kostь значения 'рубить, убивать', а для самого производного *kostь — первоначального значения 'тело убитого, труп' и лишь вторично — 'кости'. Напротив, нам представляется, что употребление др.-русск. слова *кость*, *кости* как названия убитого (на поле брани) ярко фигурально и первичным считается не может. Разбираемые А. С. Мельничуком случаи на *костѣхъ* (статии) 'на поле битвы. .', по нашему убеждению, принадлежат к той же вторичной сфере образного употребления (*pars pro toto*), что и обороты на *крови* в значении 'на месте убийства'. Если снять эти разногласия, то *kostь может быть охарактеризовано как субстантивация на -ь (-i-основа) первоначального причастия или, скорее, отглагольного прилаг. *kosto-, образованного с суф. -to- и корневым чередованием e : o от корня *kes- (*česati). Словообразование *kes- : *kos-to- может быть охарактеризовано как архаичное, сравнительно с регулярным типом праслав. *česati : *česanъ. У реконструированного таким образом отглагольного производного *kos-to- могут быть определены чисто формальные параллели на уровне глагольной морфологии вроде лит. *kàstas*, прич. прош. страд. от *kàsti* 'рыть, копать', но акт лексикализации *kostь принадлежит одному праслав. Лексическая инновация *kosto-, *kostь как обозначение кости имела экспрессивный характер: кость названа как то, чем размахивают, семантика *česati* 'проводить, касаясь' это позволяла, ср. такую близкую аналогию как русск. *мосол* (праслав. *moslъ, см.), а также *мотолѣга*, *мстолѣга* — о крупных костях. Старые, а тем более лексикализованные отглагольные прилагательные на -to- подчас не имели четкого противопоставления переходности—непереходности, ср. *šbstь (см.), русск. *шест*, если из *šbd-tь 'то, с помощью чего ходят, опираясь', и.-е. *mṛto- 'мертвый, умерший'. Сказанное относится и к *kosto-, *kostь 'мосол, то, что болтается, задевает'.

Между прочим, сближение *kostь и *kes- фактически выдвигалось уже очень давно, см. С. Микуцкий ИзвОРЯС V, 1856, 58: от санскр. *kas* 'ire' (принадлежность др.-инд. *kāsati* 'идти' к и.-е. *kes- 'чесать и т. д.' неправомерно оспаривается Майрхофером против Уленбека, см. Maurohofer I, 191).

Практически не менее старо и мнение о родстве *kostь и лат. *costa* 'ребро', до сих пор пользующееся популярностью. Ср. уже Miklosich 134: «Man vergleicht lat. *costa*». Особенно последовательно отстаивал сближение *kostь : *costa* Мейе, который осмысливал оба слова на фоне известного и.-е. *ost- 'кость', считая при этом элемент *k-* префиксом. См. A. Meillet MSL 8, 4, 1893, 279; Meillet. Études II, 262; A. Meillet. Le genre féminin de *kosti* et de *solī*. — Prace lingwistyczne (Kraków, 1921), 1—3; A. Meillet. Latin *asser*. — BSL 33, 1932, 53—54 (лат. *costa* < *c-osta*: слав. *kostь*); Ernout—Meillet³ I, 261. Ср. еще Walde—Hofm. I, 281. Но само лат. слово лишено каких бы то ни было других внешних соответствий и является темным словом (возможно, местным народным новообразованием?), что признают и лат. этимологические словари, поэтому методологически целесообразно сначала продолжить поиски его объяснения на собственной лат. языковой почве, а не связывать его судьбу с проблематичной историей слав. слова. Ср., например, попытку анализа лат. *costa*, *costae* 'ребра' как сложения *co-stae*, что якобы отражает представление о таком качестве этих костей как 'con-stantia': E. W. Fay. Derivation of the root *stha* in composition. — AJPh XXXIV, 1913, 27 (автор, правда, вовлекает в круг соответствий и ст.-слав. ко-сть, как он себе представляет структуру этого слова). В каком-то смысле сюда примыкает сближение *kostь и др.-инд. *kāṣṭhā-* 'дерево, полено' (А. Погодин РФВ XXXII, 1894, 273), хотя др.-инд. слово по-прежнему признается «недостаточно объясненным», см. Maurohofer I, 205 (ср., впрочем, у нас ниже, на *kustь).

Особняком стоящее сближение *kostь с алб. *kashtë* 'солома, мякина' (K. Treimer MRumWI 366—367; цит. по: RS VII, 1914—1915, 203) любопытным образом подводит нас к гнезду отноше-ний *kostra : *kostь *česati, о котором см. у нас выше.

В остальном же, несмотря на неутожительное заключение Бернекера (Berneker I, 583: «Попытки объединить *kostь* с др.-инд. *āsthi* ср. р. 'кость', греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis*. неубедительны»; ср. почти теми же словами Преобр. I, 368), родство *kostь и лат. *costa*, с одной стороны, и др.-инд. *āsthi*, авест. *ast-*, греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis* — с другой, постулируется почти всеми лингвистами, причем — без преувеличения — на все лады. Так, вслед за Мейе и другими здесь выделяют и.-е. префикс, иначе — преформант Схрейнена. См. Фасмер II, 349; Sławski II, 555 («вероятнее всего с протетическим *k-*, ср. *koza*, см. Schrijnen KZ XLII, 97—113 . . ., к и.-е. *ost(h)-, *ost(h)i 'кость' . . .»); Machek² 280—281; Skok II, 164. Некоторые авторы, до конца не найдя внутреннего объясне-

ния анлаутному *k-* в слав. **kostь*, предположили здесь заимствование в праиндоевропейский из доиндоевропейского субстрата, см. F. Schröder. — Die Sprache 9, 1963, 1 и сл. (цит. по обзору: A. Scherer. — Kراتylos X, 1965, 8). Подобные предположения, мягко выражаясь, слишком легковесны методологически, ибо о до-и.-е. субстрате мы не знаем ровно ничего (во всяком случае, не можем ответить на вопрос, были ли в этом языке — или языках — префиксы), кроме того, у нас нет никаких данных в пользу пра-и.-е. датировки форм праслав. **kostь* или лат. *costa*, вполне возможно после вышеизложенного обратное, т. е. сравнительно молодой возраст слова **kostь* и — независимо от него — *costa*.

Далее, Ондруш, например, видит причину возникновения слав. **kostь* из и.-е. **ost-* в синтагматическом употреблении типа **nowā ost-* (в эпоху ларингальных — **neweH Hwest-*), где зияние, образовавшееся после падения ларингальных, было заполнено близким согласным *k-*: *nowa kostь*. См. Š. Ondruš. — Actes du Xe congrès international des linguistes (Bucarest, 1970) 658. Миккола (Uralische Grammatik 3, 40; цит. по: Фасмер II, 349) объяснял *k-* в **kostь* путем метатезы *k* в первоначальной форме типа **osthъk-*, но различие парадигм **kostь* и **osthъk-* (ср. др.-инд.), а также вероятная хронологическая дистанция между ними таковы, что в это объяснение трудно поверить. Впрочем, и другая метатезная этимология, так сказать, приближенная к слав. хронологии: **kostь* из ум. **ostьka* от **ostь* (A. Steffen JP LI, 1971, 47) — не отличается правдоподобием ни фактически, ни типологически. Видя натянутость всех попыток объяснить «появление» *k-* в **kostь* («*k-mobile*»), Вайян предположил изменение **ostь* > **kostь* путем народноэтимологического сближения с корнем *kos-* в **kosnъti*, **česati* (A. Vaillant. Рец. на кн.: Shevelov. A prehistory of Slavic. — BSL 60, 2, 1965, 125; Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 173), т. е., как видим, вплотную подошел к нашему этимологическому решению (выше), только в духе вторичного осмысления. Георгиев говорит о контаминации **ostь* и **kost(a)* ‘ребро’, см. БЕР 2, 662.

См. еще Schuster-Sewc. Hist.-etymol. Wb. 9 (Bautzen, 1981), 634. Лишь для полноты упомянем сравнение слав. **kostь* с японским (!) *kotsu* ‘кость’, см. С. Младенов. — Сб. в чест на А. Теодоров-Балан 325.

**kostьсь*: болг. (Геров) *кѣстець* м. р. ‘спор, драка’, макед. *костец* м. р. ‘рукопашная’ (И-С), сербохорв. *кѣдѣтац*, род. п. *-ѣца* (кѣдица), м. р. ‘рукопашная схватка, борьба, драка’ (РСА X, 374), чеш. *Kostec*, род. п. *-tce*, м. р., местное название в Силезии (Kott I, 759), польск. *kościec*, род. п. *-cca*, м. р. ‘скелет, костяк’ (Warsz. II, 498), др.-русск. *кѣстець* м. р. ‘вид рыболовной снасти’ (Д. патр. Никона, 384. 1677 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. диал. *кѣтець* м. р. ‘сорная трава Bromus L., сем. злаков’ (смогл., Филлин 15, 74), *кѣтець* ‘спина’ (Элиасов 167).

Производное с суф. -ъсь от *kostъ (см.). Поражает разнообразие «некостяных» значений, как бы противоречащее близкой мотивации со стороны *kostъ.

*kostъje: сербохорв. стар., редк. *kôšnje* ср. р., собир. 'кости' (РСА X, 379; RJA V, 383: XVIII в.), также диал. *košće*, *košćo* ср. р., собир. (Hraste—Šimunović I, 450), чеш. диал. *košče* 'метла' (Bartoš. Slov. 156), др.-русск. *костъе* ср. р., собир. к *костъ* (Якут. а., карт. 3, № 2. 1640 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 375), русск. *костьѣ* ср. р., собир. 'кости' (Даль³ II, 452), укр. диал. *косує* мн. 'кости' (Лисенко. Словник поліських говорів 104).

Собир. производное с суф. -ъje от *kostъ (см.).

*kostyl'avъjъ, *kostylavъjъ: болг. диал. *коштил'аѳ*, *коштийаѳ*, прилаг. 'костистый, твердый', 'худощавый', 'упрямый, настырный' (Хитов БД IX, 270), *косталаѳ* (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), сербохорв. диал. *kôšlav*, -а, -о 'костлявый (о рыбе)' (РСА X, 368), ст.-чеш. *kostlavý* прилаг. 'костлявый' (Jana Vodn. Lactifer, Plz. 1511 г., Gebauer II, 112), чеш. *kostlavý* 'костлявый, костистый' (Kott I, 761), словц. *košl'avý* 'твердый (об орехе)', 'костлявый, тощий' (Káral 262), ст.-польск. *košlawy*, *košlawy* 'кривоногий' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. *košlawy*, *košlawy* 'кривой', 'косой', 'кривоногий, хромой' (Warsz. II, 502), также диал. *košlavi* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), *košlawy* 'кривой, хромой' (Sł. gw. р. II, 446), *k'ošlavy* (Tomasz., Łop. 139; Kusała 189), *košlavi* (Górniewicz. Dial. malborski II, 1, 183), словин. *košlavi*, прилаг. 'косой, кривой, погнутый' (Sychta II, 217), *k'šlavi* 'кривоногий' (Lorentz Pomor. I, 421), русск. *костлявѣый* 'худой, исхудалый, у кого кости наружу' (Даль³ II, 453), диал. *костлявѣый*, -ая, -ое 'имеющий много косточек (о плодах)' (том., Филин 15, 76), укр. *кістлявий*, -а, -е 'костлявый' (Гринченко II, 246), блр. *костлявѣый* 'костливый' (Носов.).

Прилаг., производное с суф. -l'avъ от *kostъ (см.). О специфической проблематике польск. формы см. Otrębski. Życie wygazów w języku polskim 289—290, который возражает против прямой идентификации польск. *košlawy* с русск. *костлявѣый* 'ossuosis' (Łoś. Gramatyka II, 21), видя здесь контаминацию *kulawy* и *kosy*. Возможно, однако, это вторичное переосмысление.

*kostylivъ(jъ): цслав. *костѣликъ*, прилаг. *ὀσσεύς*, osseus (Mikl.), болг. (Дювернуа) *костеливѣ*, прилаг. 'костлявый' (Геров: *костеливѣый* 'костистый', 'костлявѣый'), диал. *костеливѣ* 'худощавый, костлявый' (Бели Осъм, Троянско. Арх. Болг. диал. словаря, София), *кбстелиѳ* 'твердый (об орехе)' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *кустилиѳ* 'костлявѣый (о рыбе)', 'худощавый, костлявѣый' (Л. Ралев БД VIII, 140), макед. *костеливѣ* 'костлявѣый, костистый', 'трудно очищаемый (об орехе)' (И-С), сербохорв. *kôšlavi*, -а, -о 'костлявѣый (о рыбе)' (РСА X, 368; RJA V, 385), диал. *коштѣливѣ* 'худощавый, костлявѣый' (РСА X, 374), словен.

kostlivj, прилаг. 'костлявый (о рыбе)' (Plet. I, 444), ст.-чеш. *kostlivjy*, прилаг. 'костяной', 'костистый, костлявый' (XV в., Gebauer II, 112), чеш. *kostlivjy*, прилаг. 'костлявый, костистый' (Kott I, 761), 'тощий', словц. редк. *kostlivjy* (SSJ I, 752), польск. производное *kostliwka* 'сорт сливы' (Warsz. II, 494), др.-русск. *костливыи*, прилаг. 'костлявый' (М. Гр. III, 209. XVI—XVII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), русск. диал. *костливый, -ая, -ое* 'имеющий много костей' (яросл., мурман., сиб.), 'исхудалый, с выступающими плечами' (влад.) (Филин 15, 76).

Прилаг., производное с суф. *-livъ* от **kosъ* (см.).

***костънь(ъ)**: цслав. *костанъ*, прилаг. *ossium* (Mikl.), болг. *кѡстен*, прилаг. 'костный' (БТР), макед. *костен* (И-С), сербохорв. *kŏstan*, *kŏsna*, прилаг. 'костный, костяной' (с XVI в., RJA V, 372), *kŏstnŭ*, *-ā, -ō*, также *kŏsnŭ* (РСА X, 305, 313), словен. *kŏsten*, *-stna*, прилаг. 'костный' (Plet. I, 443), чеш. *kostnŭ*, прилаг. 'костный', 'костяной', в.-луж. *kŏstny* 'костный', 'костяной' (Pfuhl 277), н.-луж. *kŏstny* 'костяной' (Muka Sł. I, 683), ст.-польск. *kostrny*, прилаг. 'костный', 'костяной' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 9), польск. *kostrny* (Warsz. II, 492), также диал. *kostrny* (Sł. gw. p. II, 442), словин. *kŏstnŭ* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), к^o*ostnŭ* (Lorentz Pomor. I, 420), *koestny* (Ramult 76), др.-русск., русск.-цслав. *костъньи*, прилаг. от *kosъ* (Ио. Лест. XII в. Срезневский I, 1298; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), русск. *кѡстный, -ая, -ое* 'относящийся к кости', 'изготовленный, добытый из кости'.

Прилаг., производное с суф. *-ънъ* от **kosъ* (см.).

***kosъ**: болг. *кос* м. р. 'черный дрозд *Turdus merula*' (БТР; Геров), также диал. *кос* (М. Младенов БД III, 92), производное *косѧк* м. р. то же (Младенов БТР), также *косѧр* м. р. (Речник РОДД), *кѡсер* (Младенов БТР), макед. *кос* м. р. 'дрожд' (И-С), сербохорв. *kŏs* м. р. 'дрожд *Turdus*' (РСА X, 293; RJA V, 350), словен. *kŏs* м. р. 'черный дрозд *Turdus merula* L.' (Plet. I, 440), *kosŭca* ж. р. 'самка дрозда' (Plet. I, 441), чеш. *kos* м. р. 'черный дрозд *Turdus merula*', также диал. *kŭs* (Vydra. Hornoblan. 107; Hruška Slov. chod. 47), словц. диал. *kos* м. р. 'дрожд' (Buffa. Dlhá Lúka 166), производное *kosovec* м. р. 'черный дрозд' (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), в.-луж. *kos* м. р. (Pfuhl 275), н.-луж. *kŏs* м. р. 'черный дрозд *Turdus merula* L.' (Muka Sł. I, 678), ст.-польск. *kos* м. р. 'черный дрозд *Turdus merula* L.' (Sł. polszcz. XVI w., XI, I), польск. *kos* м. р. то же (Warsz. II, 486), также диал. *kos* м. р. (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. к^o*os* м. р. (Lorentz Pomor. I, 419), русск.-цслав. *kosъ* *кѡсѡѡѡфос*, *merula* 'дрожд' (Ио. ека. Бог. 160. Срезневский I, 1298), русск. *кос* м. р. (Даль³ II, 455: «стар., а местами доньше, птица скворец, шпак»), диал. *кѡсѧк* м. р. 'птица дрозд черный' (южн., Филин 15, 50), *косѧк* м. р. 'птица дрозд?' (арх., Филин 15, 45), укр. диал. *кѡс*, род. п. *кѡсѧ*, м. р. 'дрожд черный *Turdus merula*' (Желех., Гринченко II, 246), *кѡсѧца* 'самка дрозда' (Онышкевич 372).

Названия дрозда достаточно разнообразны в и.-е. языках и носят в основном местный или ареальный характер. Ср. например, лат. *merula*, нем. *Amsel*, лит. *šėžis*, неизвестные слав. языкам. Наиболее распространено название с возможной и.-е. праформой **tr̥sdos*/**trosdos*, куда принадлежат слав. **drozdъ* (см.), лит. *strazdas*, лат. *turdus*, нем. (производное) *Drossel*. Слав. **kosъ* распространено в общем во всех слав. языках, как и **drozdъ*, лишь кое-где уступая последнему. Занимаясь происхождением названия **kosъ*, надо иметь в виду, что другое слав. обозначение этой (или близкой) птицы — **drozdъ* — сложилось как звукоподражание. В отличие от него слово **kosъ* не имеет надежных соответствий ни в балт., ни в других и.-е. языках, что затрудняет реконструкцию более древней формы, а может быть, и вовсе ставит ее под сомнение.

Свыше ста лет тому назад была предложена этимология, сближающая слав. **kosъ* с греч. *κόψιχος* 'дрозд', см. A. Bezzenger, A. Fick BB VI, 1881, 237. Ср. так же, далее, V. Jagicъ AfslPh XXX, 1909, 298 (сноска); A. Meillet. A propos de gr. *κόσσιφος*. — MSL 18, 2, 1913, 171—172; Berneker I, 585 («Возможно, из **kopsъ*, ср. греч. *κόψιχος*»); Преобр. I, 369; Фасмер II, 344; Pokorny I, 614—615: **kopsō-* 'дрозд' (: **kop-*, звукоподражательный корень?); Sławski II, 515; Machek² 279; Skok II, 160 («одна из крайне редких греч.-слав. параллелей из области орнитологии»); БЕР 2, 652.

Сходство слав. **kosъ* 'дрозд' и греч. *κόψιχος* 'дрозд', действительно, велико, но оно не может заслонить от нас фактическую неясность собственной истории каждого из них в рамках соответствующего языка. Ср. поэтому Brückner 259: «неизвестного происхождения». Отсюда попытки дальнейшего осмысления природы обоих слов, в общем продолжающиеся до сих пор, ср. истолкование слав. **kosъ* и греч. *κόψιχος* как 'копатель', ср. *κόπτω* и родственные формы, см. J. Knobloch. Die slavisch-griechische Benennung der Schwarzdrossel. — Glotta 57, 1—2, 1979, 76—77. Но отглагольное образование слав. **kosъ* в указанном выше смысле (**kop-s-* от **kopati*, см.) все-таки представляется маловероятным. Ср. Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — ИАН ОЛЯ VII, 2, 1948, 111. Собственно говоря, давно высказывались мнения о звукоподражательном происхождении этого слав. названия дрозда, ср. еще D. Boranić. Onomatopoejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. — Rad 178, 1909, 16: приводит хорв. *čoktati*, чеш. *ščoktati* — о крике дрозда, а также нем. название *Stock-amsel*. Ономатопоэтическое объяснение принимают и некоторые из уже цитированных нами лингвистов (напр. Pokorny, выше), ср. еще Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 631. Понятно, что в случае принятия звукоподражательной версии, значение слав.-греч. параллелизма весьма снижается, и при этом лишь ярче проступают самобытные особенности каждого из этих

слов. Греч. название засвидетельствовано только в производной, суффиксальной форме, или формах, и эти формы весьма существенно варьируют, как, впрочем, и форма корня: $\kappa\acute{o}\sigma\sigma\phi\acute{o}\varsigma$, аттич. $\kappa\acute{o}\tau\tau\phi\acute{o}\varsigma$, а также $\kappa\acute{o}\phi\iota\chi\acute{o}\varsigma$, сюда же еще антропоним в форме Κοττιφίων , см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 571, где этимология сводится к реконструкции праформы *kopso- общей для греч. и слав. слов, вслед за Покорным (см. выше). Boisacq⁴ 501: выделяет -φος как формант названий животных, при неясности начального элемента («l'élément initial est obscur»), ср. мнение Прельвица об ономастике, ср. др.-инд. *kukkubha-* 'фазан', праkritское из **kurkubhā-* («но, впрочем, крик этих птиц не имеет между собой ничего общего»). Ср. еще Frisk I, 930.

При этой затемненности отношений неудивительно обращение к иным связям или вероятностям связей, например Вайян, отказываясь от слав.-греч. сближения, отождествляет *kosъ 'дрозд' и *kosъjь (см.) 'косой, obliquus', ссылаясь при этом на подозрительность дрозда и на характерные косые, «ныряющие» направления его полета. См. А. Vaillant. Slave *kosŭ* 'merle'. — RÉS XXXV, 1958, 94—95. С гнездом **kosŋti* (см.) связывал *kosъ Шуман (см. Šuman AfslPh XXX, 1909, 297—298).

*kosъ(jь): болг. диал. *kos*, прилаг. 'отвесный', 'прямой' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 24), макед. *kos*, прилаг. 'косой' (И-С), сербохорв. *kōs*, *kōs* 'косой' (РСА X, 293; RJA V, 350), субстантивированное *kōsa* ж. р. 'склон (горы)', 'обрыв, утес', 'горная гряда' (РСА X, 295; RJA V, 354: с XIII—XIV вв.), также диал. *kosā* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kōsa* ж. р. 'мель, пережат, где течение также изгибается' (Štrekelj. Slov. 20), чеш. *kosý*, прилаг. 'косой', слвц. *kosý* (SSJ I, 752), диал. *kosito*, *kosom* 'косо' (Banská Bystrica, Kálal 261), в.-луж. *kosa* ж. р. 'косое положение, перекас' (Pfuhl 275), н.-луж. *kōsa* ж. р. 'откос, кривизна' (Muka Šl. I, 679), польск. *kosy* 'косой, кривой' (Warsz. II, 493), также диал. *kosy* (Šl. gw. р. II, 444), словин. *k*osi*, прилаг. 'косой', 'косоглазый' (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *kosyi* 'косой, кривой' (Вых. Ал. Мих. 1653 г. Срезневский I, 1299), *Kosou*, личное имя собств. (1496 г. Летоп. VIII, 231. Тупиков 257), русск. *kosōj*-*ая*, *-бе* 'расположенный или идущий наклонно', 'искривленный, перекошенный', диал. *kosōj* 'хромой' (донск.), 'одноглазый' (терск., краснодар., ворон., курск., ряз., перм.) (Филин 15, 65; Миртов. Донской словарь 147), 'хромой, безрукий' (Словарь русских донских говоров II, 82), сюда же *kosā* ж. р. 'узкая, косая полоса, клином', 'длинная песчаная отмель, идущая клином от берега' (Даль³ II, 439), *kosā* ж. р. 'селезенка' (Говоры Прибалтики 130), 'поджелудочная железа' (пск., Латв. ССР, Лит. ССР, Филин 15, 45), *kosōjryj* 'о дуге: косой и кривой, однобокий или с двойным погибом', 'о человеке: угрюмый, глядящий исподлобья' (Даль³ II, 445), *kosŭra* ж. р. 'нож с загнутым кон-

цом для очистки прутьев от коры' (олон., Филин 15, 91; Причитания Северного края I, IX), укр. *кбсий*, -а, -е 'косой', 'о столе: треугольный', 'название вола с неправильно посаженными рогами' (Гринченко II, 290), сюда же *косá* ж. р. 'селезенка' (Гринченко II, 289), 'низменность возле речки', 'небольшая отлогая насыпь песку возле реки' (Марусенко. Названия рельефов. — Полесье 232), блр. *кбсы* 'косой', диал. *кбсы*, *кбсий*, *касý*, прилаг. 'косоглазый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 506), *касá* ж. р. 'селезенка' (Сержпатовский, Чудина 54; Касьяровіч 157; Мінска-маладзеч. 63; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217; AGWB I, рукоп.), *касá* ж. р. 'отмель, коса' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217), 'косяк рыбы' (там же).

Прилаг. *kosъ родственно *kosa (I, II, см.), как принималось уже давно, см. Miklosich 134: «*kosü* ist wahrscheinlich mit *kosa* Sense verwandt». Это родство имеет смысл понимать как в известном смысле равноправную, параллельную производность всех этих слов от глагольного корня *kes-, значение которого 'чесать, проводить задевая, срезать', откуда 'срезать косыми движениями, вкось', вполне объясняет генезис слова и значения *kosъ(jь) 'косой, кривой'. Уместно привести наблюдение Махека на этот счет, освещающее реальный фон этой семантической эволюции: «Значение 'косой' произошло, видимо, от того, что более прочные предметы режутся для облегчения труда скорее вкось, чем под прямым углом (напр. деревянные прутья)» (Machek² 281).

Надо сказать, что последующими лингвистами это сближение *kosъ : *kosa у Миклошича было истолковано не совсем верно, односторонне — как производность *kosъ от *kosa II 'серп, коса', см. Verneker I, 585 и некоторые другие приводимые ниже слав. этимологические словари. Эта односторонняя трактовка усугублялась еще опытами особой этимологизации упомянутого *kosa II — не от *kes- (см. *česati), а из предшествующего *koks-, ср. лат. *coxa* 'бедро', др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* то же, др.-в.-нем. *hahsa* 'коленный сустав задней ноги', с исходным значением 'кривой, изогнутый'. См. A. Bezzenberger BB XII, 1887, 239; Verneker, там же. Эта этимология, сомнительная также фонетически (праформа *koks- закономерно дала бы слав. *kox-), произвольно вырывает прилаг. *kosъ из совокупности этимологически (и семантически) родственных форм. Тот же упрек можно адресовать и семантически еще более натянутому объяснению слав. *kosъ 'косой, кривой' из и.-е. *kop-so-, ср. *kéro- в др.-инд. *sāra-* 'лук (дуга)' (H. Petersson AfSIPh XXXVI, 1916, 137—138; ср. о др.-инд. слове Maqrhofer I, 382: «надежной этимологии не имеет»). Между тем (если оставить в стороне приведенные неудачные этимологии) в литературе укоренилась упомянутая выше версия о прилаг. *kosъ(jь) как производном от *kosa II (см.). См. Brückner 259: «*kosy*. . . Urobione od *kosy* 'sierpu'»; Фасмер II,

347: «косо́й . Производное от *kosá* II»; Sławski II, 535: «Праслав. **kosъ* 'косой, кривой', тот же корень, что и в *kosa*, первоначальное значение 'серпообразный, имеющий форму серпа'». Впрочем, отмечаются и симптоматичные колебания в определении направления деривации, ср. Skok II, 161, где постулируется основное якобы значение 'кривой, изогнутый' у родственных слов *kosъ* и *kosa*, но конечное заключение гласит: «Значение 'lascare' делает возможным (dozvoljava) и аблаут от *česati*».

Разобранные недостатки этимологизации отпадут, если признать единственно верный факт — самостоятельную историю и образование прилаг. **kosъ* от глагольного корня **kes-*, лежащего в основе **česati* (см.). Ср., в принципе, убедительно А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 229. Мы расходимся с автором лишь в семантической реконструкции **kosъ* как 'обрубленный'. Более вероятным нам представляется древнее значение прилагательного **kosъ(jь)* — 'срезанный (наискось)', ср. в сущности приводимую и Мельничуком (там же) типологическую параллель шв. *sned* 'косой' — *snida* 'вырезать', исл. *sneida* 'резать', а также 'делать косым, наклонять вкось'. Целиком принимая отмеченную Мельничуком генетическую связь слав. **kosъ* 'косой' и ир., авест. *kasu-* 'малый' (возможно, из 'срезанный'), мы, однако, не настаивали бы на изначальности *и-* основы у праслав. **kosъ*, даже несмотря на наличие несколько загадочного и, видимо, требующего особого объяснения прич. прош. страд. ст.-слав. *коскенъ*, русск. *косвенный* 'непрямой, indirectus' (может быть, синкопировано из **косновен-* от **kosnoŋi* (см.) 'задеть вскользь?'). За вычетом этого специфического случая, аргументов в пользу изначальности основы на *-и-* у слав. **kosъ* у нас нет, а исход *-и* в ир. *kasu-* (выше) еще не дает повода для очень широких обобщений.

Несколько необычное значение русск. диал. *ко́са*, блр. диал. *ка́са* — 'селезенка' (выше) — находит объяснение в самой реалии и, видимо, способно было выделиться типологически независимо, ср. специально об этом: А. Е. Аникин. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на и.-е. фоне. Канд. дис. (ср. там параллель осет. обозначения селезенки как 'язык на сторону'). Считать упомянутое выше вост.-слав. обозначение селезенки балтизмом (так см. А. С. Сакалоўская. — Беларуская лінгвістыка 16, 1979, 3—4) необязательно.

**kosъkъ(jь)*: сербохорв. диал. *kōsak*, *kōska* прилаг. 'легко скашиваемый, срезаемый косой' (Лика, RJA V, 355), русск. диал. *ко́ский*, *-ая*, *-ое*, *ко́ско́й* 'легко срезаемый косой' (арх., калин., яросл., костр., свердл., волог., Филин 15, 55; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 253; Сл. Среднего Урала II, 53).

Прилаг., производное с суф. *-ъкъ* от глагола **kositi* I (см.).

**kosyni*: др.-русск. *косыня* ж. р. 'часть знамени, вырезанная треу-

гольником' (Заб. Мат. I, 1232. 1664 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. производное *косынка* ж. р. 'головной платок' (Ушаков I, 1487), диал. *косыня* ж. р. 'о косоглазом человеке' (пск., твер., Филин 15, 94), *косыня* ж. р. 'головной или шейный платок', 'косой парус' (арх.), 'полотенце' (твер.) (Там же), *косыня* 'поворот реки' (волог., Картотека СТЭ), *косынь* ж. р. 'женский головной или шейный платок, косынка' (твер., Филин 15, 93), *косынь* ж. р. 'свадебное полотенце' (новг., Филин 15, 94), производное *косынка* 'угловой шкафчик' (Сл. Среднего Урала II, 55), укр. *косиня* ж. р. 'кривая линия, кривизна' (Гринченко II, 290), блр. производное *касынка* ж. р. 'косынка' (Блр.-русс.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 661). — Польск. диал. *kosynka* 'женский шейный платок треугольной формы' (Sł. gw. р. II, 444: «z Litwy»), по-видимому, заимствовано из вост.-слав.

Производное с суф. *-yni* от прилаг. **kosъ* (см.). См. Фасмер II, 349; Н. М. Шанский. — Этимологические исследования по русск. языку I (М., 1960), 69; E. Dickenmann. Das slavische Suffix *-yni (-ynja)*. Ein Beitrag zur slavischen Wortbildung. Münster (Westfalen), 1978, 17.

**kosyrb*: болг. диал. *косър* м. р. 'виноградарский нож' (С. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207), макед. *косир* м. р. то же (И-С), сербохорв. *кѡсир*, *кѡсијер* м. р. 'виноградарский серп, нож', *кѡсир* м. р. (РСА X, 298—299), также диал. *kosër* (Ка. 394), *kostr* м. р. 'кривой виноградарский, садовый нож' (Hraste—Šitunović I, 449), *Kosir* м. р., личное имя собств. (XVII в., RJA V, 359), словен. *kosir*, род. п. *-rja*, м. р. 'резак', 'виноградарский нож', 'косовище' (Plet. I, 441), чеш. диал. *kosír* м. р. 'резак' (Malina. Mistř. 46; Bartoš. Slov. 156; Svěrák. Karlov. 119), др.-русск. *косырь* м. р. 'косарь, нож' (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 334, 18. 1657 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. диал. *кѡсырь* м. р. 'большой нож для щепания лучины, скобления поля и т. п., косарь' (ряз., ворон., курск., моск., влад., нижегор., симб., пенз., чкалов.), 'большой поварской нож' (донск., пенз.) (Филин 15, 94—95; Даль³ II, 446; Словарь говоров Подмосковья 227; Деулинский словарь 245; Сл. русск. гов. Новосибир. обл. 243), *кѡсырь* м. р. 'косец' (курск., Филин 15, 95), *кѡсырь* 'какая-то рыба' (липецк., там же), *кѡсырка* ж. р. 'молодая щука' (Деулинский словарь 245), укр. диал. *кѡсыря* ж. р. 'косыба, жатва' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84).

Соотносительно с **koserbъ*, **kosorbъ*, **kosarbъ* (см.) и производящим глаголом **kositi* (см.).

**kosyba*: чеш. диал. *kosba* ж. р. 'косыба', *kožba* (Kellner. Východolaš. II, 200), *kož'ba* (Lamprecht. Slovn. středopav. 64), *kosby* 'сенокос' (Bartoš. Slov. 156), слвц. *kosba* ж. р. 'косыба' (SSJ I, 750), польск. *košba* ж. р. 'косыба' (Warsz. II, 498), словин. *kosba* ж. р. (Sychta II, 211), *k^oosba* (Lorentz Pomor. I, 419), *kaesba* (Ramułt 76), др.-русск. *кѡсыба* ж. р. 'косыба, кошение сена, покос' (Кн. прих.-

расх. Волокол. м. № 2, 115. 1574 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. *косьба́* ж. р. 'кошение, косовица', диал. *косьба́* ж. р. 'время сенокоса' (сиб., тул., курск.), 'созревшая для кошения трава' (яросл.), 'скошенный луг' (яросл.) (Филин 15, 95), *кошба́* ж. р. 'косьба травы' (твер., моск.), 'место, где была скошена трава' (арх., яросл., калин., моск.), 'луг, предназначенный для косьбы' (моск., калин.) (Филин 15, 154; Опыт словаря говоров Калининской обл. 107; Словарь говоров Подмосковья 231; Мельниченко 95), укр. диал. *к'із'ба́* 'косьба, косовица' (Онышкевич 329), блр. *касьба́* ж. р. 'сенокос', также диал. *казьба́* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 363).

Производное (название действия) с суф. -ьба от глагола **kositi* (см.). Относительно распространенная ср. Orzechowska 163.

**косъсь*: сербохорв. *кѡсац*, род. п. -ца, м. р. 'косарь, жнец' (РСА X, 297; с XVII в., RJA V, 355), *Кѡсац*, фам. (РСА X, 297), словен. *kósec*, род. п. -са, м. р. 'косарь' (Plet. I, 441), стар. *kořez* (Gutschmann 179), чеш. диал. *kosec* м. р. 'косарь, жнец' (Bartoš. Slov. 156), слвц. *kosec*, род. п. -са, м. р. то же (SSJ I, 750), также диал. *kosec* (Kálal 260), польск. диал. *kosiec* 'косец, косарь' (Sl. gw. р. II, 439), русск. *косѣц*, род. п. -ца́, м. р. 'косарь', диал. *косѣц* 'разбойник, грабитель' (смол., Филин 15, 49; Даль³ II, 441), укр. диал. *коси'ц*, *косі'ц* 'косарь' (Онышкевич 372), блр. *касѣц* м. р. 'косарь' (Байкоў—Некраш. 143), также диал. *касѣц* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Производное (имя деятеля) с суф. -ьсь от глагола **kositi* (см.). Относительно семантики (значение 'созвездие Орион' у польск. диал. *košce*, *košcy*) см. W. Kupiszewski PJ 5, 1958, 236.

**косъје*: сербохорв. диал. *кѡшьє* ср. р., собир. 'срубленные ветки' (РСА X, 368; RJA V, 385), словен. *kôšje* ср. р. 'рукоятка косы' (Plet. I, 442), др.-русс. *косье* ср. р. 'рукоять сенокосной косы' (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 38. 1577 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. диал. *кѡсьѣ* ср. р. 'время сенокоса' (перм.), 'трава, предназначенная для кошения' (новг.) 'место косьбы, луг, который косят' (перм.), 'косовище' (оренб., ленингр., новг., олон., твер., волог., костр., иван., влад., ряз. и др.) (Филин 15, 95—96; Даль³ II, 439), укр. *кісся́* ср. р. 'рукоятка у косы, косовище' (Гринченко II, 246), диал. *коссѣ* то же (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *коссѣ*, *кос'ѣ* (Лексика Полесья 106), блр. *касьѣ* ср. р. 'рукоятка косы' (Байкоў—Некраш. 143), *касьѣ*, *касьѣ* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Производное с суф. -ье от **kosa* II (см.).

**косъница*: макед. *косеница* ж. р. 'покос', 'скошенное сено' (И-С), сербохорв. *кѡсница* ж. р. 'луг, сеножать' (РСА X, 306; Тешић 274), укр. диал. *кісниця́* 'сеножать' (Онышкевич 332; Гринченко II, 247: *кішниця́* ж. р. 'сенокосное место в полонинах, огороженное').

Производное с суф. -ica от прилаг. **kosъnъ* (см.), **kosъna*; субстантивация.

***кошьникъ**: чеш. диал. *košník* м. р. 'жнец, косарь' (Lamprecht. Slovn. střeoorav. 63), ст.-польск. *košnik* м. р. 'косарь, жнец' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. диал. *košník* то же (Warsz. II, 502; Sł. gw. р. II, 448; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 106; Górniewicz. Dial. malborski II, 1, 183: *košník*; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *košnik* м. р. 'косарь' (Sychta II, 211), *kòšník* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *k*òšník* (Lorentz Pomor. I, 420), *koesník* (Ramułt 76), др.-русск. *косникъ* м. р. 'брусочек для точки кос' (Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, 178, 1592 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 362), русск. диал. *кбснѣк* м. р. 'торговец косами (орудиями косьбы)' (пск., влад., орл., каз., ворон., костр., волог.), 'молоток для отбивания кос' (калин.), 'брусочек для точки кос' (Даль), 'рукоятка косы; косовище' (ворон., влад.) (Филин 15, 57—58), блр. диал. *каснѣк* м. р. 'косец' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433), укр. *киснѣк* м. р. 'торговец косами для косьбы, разъезжающий по селам' (Константиногр. у., Гринченко II, 246).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **kosъnъ* (см.) или с суф. *-ьн-ikъ* от **kosa* II (см.).

***кошьпъ(ъ)**: сербохорв. *kòsan*, *kòsna*, прилаг. 'связанный с косой, кошеньем, косный' (с XVIII в., RJA V, 355), *kòsnŭ*, *kòsnŭ*, *-ā*, *-ō* (РСА X, 306), словен. *kòsen*, *-sna*, прилаг. 'связанный с косой' (Plet I, 441), ст.-чеш. *kosně* 'плата за покос' (Brandl 107), чеш. *kosný*, *kosní* 'связанный с косой' (Kott I, 758), словц. *kosný* 'связанный с косьбой, кошением' (Káral 261), ст.-польск. *košny* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. диал. *košny* 'пригодный для косьбы' (Warsz. II, 502), др.-русск. *косныи*, прилаг. к *kosa* (орудие) (Кн. Ивер. м. I, 156. 1666 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 364), диал. *коснѣй*, *кбснѣй* (новг., влад., калин., олон., Филин 15, 59), укр. диал. *кисне* 'сеножать' (Онышкевич 332), блр. диал. *каснѣ*, *каснѣй*, прилаг. 'связанный с косой' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433).

Прилаг., производное с суф. *-ьнъ* от **kosa* II (см.) и соотносительное с **kositi* (см.).

***коша**: словен. *kòša* ж. р. 'косьба', 'горный луг' (Plet. I, 444), русск. диал. *кбша* ж. р. 'косьба; сенокос' (новг., ленингр., Филин 15, 138).

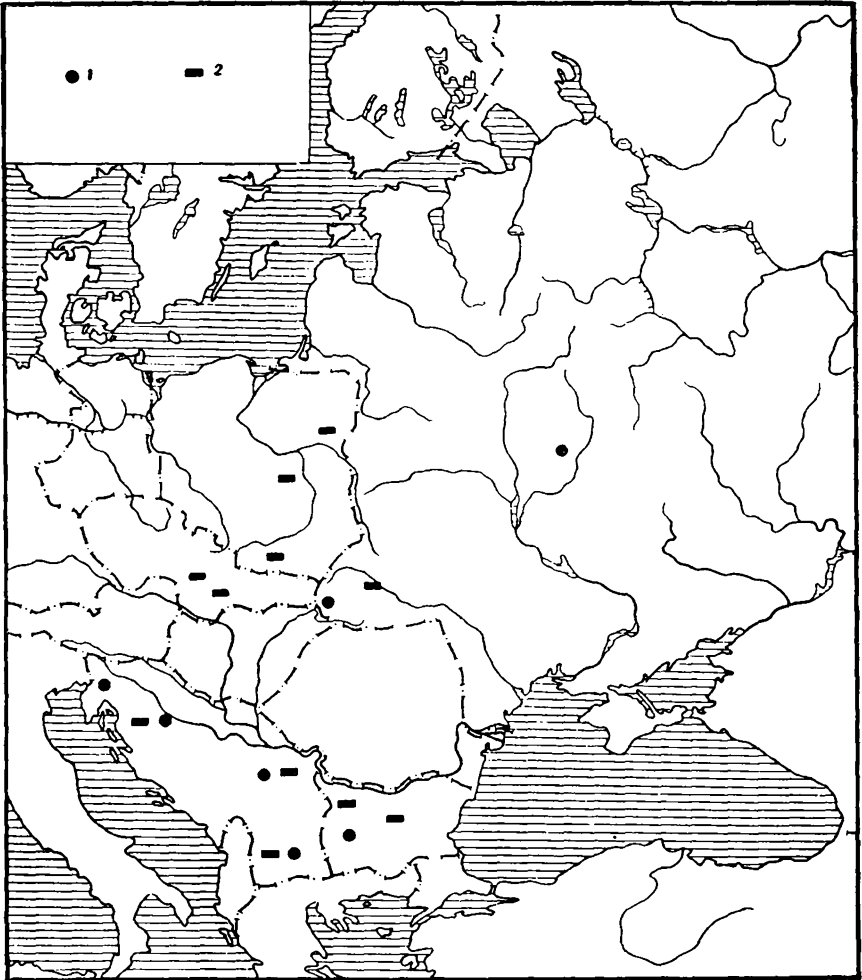
Производное с суф. *-ja* от глагола **kositi* (см.).

***кошаница**: сербохорв. *кошаница* ж. р. 'луг, сенокос' (РСА X, 362; RJA V, 381; Босния, Лика), русск. диал. *кбшаница* ж. р. 'неуродившийся хлеб, скошенный на корм скоту' (вост., Филин 15, 138; Даль³ II, 440), укр. *кошаниця* ж. р. 'скошенный на траву хлеб' (Гринченко II, 296), диал. *кошаниця*'а 'место, где косят траву' (Онышкевич 378), блр. диал. *кошаниця* ж. р. 'скошенное ржаное поле с сорняками' (3 народнага слоўніка 142).

Производное с суф. *-an-ica* (ср. **koša*), соотносительное с **ko-siti* (см.).

košara*/košarъ*/**košerъ*: цслав. *кошарѣ* ж. р. *σπορίς*, *sporta*, *sophinus* 'корзина' (SJS), болг. *кошара* ж. р. 'загон для скота (овец)' (БТР; Дювернуа: 'загон', 'овчарня', 'улей (плетеный)'; Геров—Панчев; Геров: *кошара* 'закут'), *кошер* м. р. 'улей' (БТР; РБЕ; Дювернуа: *кошаръ*, *кошеръ*; Геров: *кошеръ*, *кошъръ*), диал. *кошара* ж. р. 'загон для скота' (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240; Он же. — БД III, 92), также *кушаръ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 48; Колев БД III, 303), *кошъръ* ж. р. (Д. Евстатиева. С. Тръстеник; Плевенско. — БД VI, 187), *кушър'а* ж. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 77), *кошар*, *кошер* м. р. 'улей' (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *кошара* ж. р. 'овчарня; загон для скота (плетеный)' (И-С), *кошар* м. р. 'улей' (И-С), *кошер* то же (там же), также производные диал. *кошеруца*, *кошарина* (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 130), сербохорв. *кошара* ж. р. 'корзина', 'ограда, загон (для скота)' (РСА X, 363; RJA V, 381—382), *кошар*, *кошар* м. р. 'корзина', 'кузов (повозки)', 'улей' (РСА X, 362; RJA V, 381: с XVIII в.), ум. *košarica* ж. р. 'корзинка, корзиночка' (с. XVI в., RJA V, 382), словен. *košara* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (Plet. I, 444), *košar* м. р. то же (там же), ум. *košarica* ж. р. 'корзиночка' (там же), *košarka* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (там же), чеш. *košár* м. р. 'загон для скота в поле' (Jungmann II, 142: mor., slc. (et pol.); Kott I, 762: «Na Mor. a na Slov.»), диал. *košár* (Bartoš. Slov. 156), словц. диал. *košár* 'пастушья хижина', *košiar* м. р. 'загон для овец' (Kálal 262), ст.-польск. *koszara* ж. р., *koszar* м. р. 'овчарня (в лесу)' (Sl. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. *koszar* м. р., *koszara* ж. р., стар. *kosara*, диал. *kosara* 'овчарня, загон для овец (в лесу)' (Warsz. II, 494), *koszar*, *kosor*, *koszar*, *kosar* м. р. 'открытая, переносная ограда, загон для овец', 'пастушеское хозяйство в горах' (Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego I, 97), *kosar* 'загон, овчарня' (Kusała 159), русск. диал. *кошара* ж. р. 'большая плетеная корзина' (брян., Филин 15, 139), укр. диал. *кошар* м. р. 'корзина' (Вх. Уг. 246, Гринченко II, 296), *кошарка*, *кошёрка* ж. р. 'большая двухручная корзина' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 89).

Представленный выше обзор форм и значений имеет достаточно выразительную географическую проекцию (см. карту 3): слова **košara*/**košarъ*/**košerъ* в значении 'загон для скота (овец), овчарня' более или менее четко локализируются на слав. территориях балканских (Болгария, Македония, Сербия, Хорватия) и прикарпатских стран (Моравия, Словакия, Польша), которые входят полностью или частично (Польша) в ареал горного пастушества. Значения 'корзина' и 'плетеный улей' (т. е. тоже 'род

Карта 3

1 — 'корзина, плетеный улей'; 2 — 'загон для скота, овчарня'

корзины') тесно сосуществуют со значением 'загон для скота' (при совпадении формы самих слов), однако не повсюду. Из ю.-слав. ареала этих слов, который считается преимущественным ареалом *košara/*košarъ/*košerъ, выпадает словен., где слово имеет только значение 'ручная корзина'. Словен. и по другим признакам обычно остается вне региона карпато-балканского горного пастушества. Нередко считают формы *košara/*košarъ/*košerъ за пределами ю.-слав. языков вторичным импортом из этой области. Но это справедливо только в отношении термина карпато-балканского горного пастушества,

каковым являются соответствия *košara/*košarъ/*košerъ в значении 'загон для скота' в чеш. (морав.), слов. диал., польск., укр. При всем формальном слиянии, слова в значении '(плетеная) корзина' (см. выше укр. диал., а также русск. диал. — брян.) уже никак не могут быть зачислены в тот же терминологический разряд. География значения 'корзина', хоть и не очень четко, но все же отличается от географии термина 'загон для овец'. Значение 'корзина, плетенка' является для *košara/*košarъ/*košerъ, видимо, древним и исходным. В связи со сказанным мы объясняем это слово как производное с суф. -erъ от *košъ (см.), вариантное к *košelъ/*košela (см.), которое обозначает в ряде слав. языков корзину, плетенку и — диалектно (в н.-луж.) — 'плетень, изгородь, шалаш пастуха из прутьев'. Весьма любопытно, что серболуж. вообще не знает пастушеского термина *košara/*košarъ/*košerъ. На эту исконнослав. лексико-семантическую почву (*košerъ 'плетенка') на Юге достаточно рано попало народнолат. заимствование, обозначавшее загон для скота, ср. макед.-рум. *cašare* 'овчарня' из лат. *casearia* 'сыр-варня'. Однако слав. заимствование сопровождалось значительным освоением и народноэтимологическим осмыслением. Дело в том, что *košarъ/*košara/*košerъ сплошь и рядом обозначает именно п л е т е н ы й загон для скота, в чем сказалась вторичная мотивация со стороны исконнослав. *košъ 'плетенка, корзина'. Этой мотивации лат. слово-источник, естественно, не знало, будучи производным от лат. *caseus* 'сыр' (ср. рум., македорум. *caș* 'сыр'): *casearia*. Как бы то ни было, народнолат. происхождение *košara/*košarъ как названия загона для горного овцеводства и молочного хозяйства не вызывает сомнений. Формальный исход -ara этого слова также выдает латинское свое происхождение, или формальное влияние, импульс, как и в ряде других примеров этого суф. -ara, особенно популярных в сербохорв. и трудно отделимых генетически от лат. -aria. Распространенное одностороннее объяснение *košara 'загон' как ю.-слав. образования, производного от *košъ с суф. -ara без внешнего импульса (см. литературу ниже) не может быть принято.

См. Verneker I, 587 (нерешительно допускает рум. источник); Brückner 260 (четко сказано о рум., лат. происхождении); Z. Gołąb. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. — JP XXXII, 5, 1952, 205; Földes L. — Ethnographia 71 (Budapest, 1960), 437 и сл. (цит. по: RS XXV, 1965, 189); Sławski II, 540—541 (критику см. О. Н. Трубачев. — Этимология, 1966 (М., 1968), 377); Machek 282 (говорит только о рум. посредстве при распространении ю.-слав. слова); Skok. Etim. rječn. II, 166; БЕР 2, 692—693 (отдельно рассматривает болг. *кошар* 'улей' — от *кош* и *кошара* 'овчарня', допуская для последнего балк.-лат. источник); Фасмер II, 360. О слав. суф. -ara см. Miklosich, Vgl. Gramm. der slav. Sprachen II, 88; Vaillant,

Gramm. comparée IV, 653—654 (без указания на связь с лат., хотя автор как правило прибегает к этой возможности и в несравненно более сомнительных случаях); Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология, ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, с. 188 и сл.

***košatajъ**: русск. диал. *кошатай* м. р. 'косец' (костр., новг., Филин 15, 139), *кошатель* м. р. то же (перм., свердл. Там же. Словарь говоров Соликамского района Перм. обл. 257), *кошатый* м. р. (арх., Филин 15, 139).

Имя деятеля, производное с суф. *-atajъ*, или, вернее, *-jatajъ*, от глагола **kositi* I (см.).

***košapъ(jъ)**: макед. *коштан* 'костный' (И-С), сербохорв. *кѡштан*, *кѡштан*, *кѡштанѣ* 'костяной' (РСА X, 372), также *кѡшчан*, *кѡшчан*, *-а*, *-о* (РСА X, 385; РЈА V, 383), диал. *кѡшћен* (РСА X, 380), *кѡшћен* (РСА X, 374), словен. *koščēn*, прилаг. 'костяной', 'костлявый, тощий' (Plet. I, 445), чеш. *koštěný*, прилаг. 'костяной' (Jungmann II, 143), др.-русск., русск.-цслав. *кощенъ* (Чернь образомъ и соухъ тѣломъ и *кощенъ* (*densa habitudine*). Ио. Флав. В. Иуд. VI, 16. Срезневский I, 1308). — Ср. сюда же суффиксальные производные болг. (Геров) *кощеникъ* м. р. 'растение тимофей-трава', русск. диал. *кощанка* 'густера' (Картотека Псковского областного словаря).

Может быть понято как образование **kostjanъ*, соотносительное с **kostěnъ* (см.).

***košavъ(jъ)**: болг. диал. *кошчаф*, *-ва*, *-во*, *-ви* 'упорный' (Народописни материали от Разложко. — СБНУ XLVIII, 468), производное *кошчавѣ се* 'не поддаваться, упорствовать' (там же), сербохорв. *кѡшчав*, *-а*, *-о* 'костлявый, костистый, тощий' (РСА X, 371), также *кѡшчав* (РСА X, 385), ст.-слвц. *koštavý*, прилаг. (*Kŭn dobry gest, který pri sobe má tјeto čtiri weci chudé, zdrávé, žilowaté a kosstawé stehná. J. Gubernant. Poznamenánj vžitěčného lekárstwj, w B. Bistrici 1787. Ист. слвц., Братислава*), слвц. диал. *košt'avý* 'тощий' (*Banská Bystrica, Káľal 262*), *košt'avý* (*Habovštiak. Orav. 176*), др.-русск. *кошавый*, прилаг. 'костлявый, худой' (Азб., 155. 1654 г. СЛРЯ XI—XVII вв. 7, 398); русск. диал. *кошавый* *-ая*, *-ое* 'худой, худощавый' (смол., олон.), 'имеющий плохой аппетит' (новг.) (Филин 15, 159), укр. *кошавий*, *-а*, *-е* 'костлявый' (Гринченко II, 297), блр. диал. *кашчавы*, прилаг. 'худой, костлявый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449).

Прилаг., производное с суф. *-javъ* от **kostъ* (см.).

***košcuniti**: болг. (Геров) *кощунѣ* 'кощунствовать, насмехаться над священными предметами', диал. *куштун'ѣ съ* 'насмехаться' (П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 125), сербохорв. *коштунити* 'ругать, бранить' (РСА X, 377), русск. *кощунить* 'насмехаться над священными предметами, отзываться о них с презрением' (Даль³ II, 470).

Глагол на *-iti*, производный от **košcunъ* (см.).

***koščunъ/*koščuna**: болг. диал. *куштунъ* ж. р. 'насмешка' (П. Киптипов. Казанлъшко. — БД V, 125), сербохорв. стар., редк. *koštun*, прилаг.? или *koštuna* ж.? (только в форме *koštune* им. п. мн. в книге XVI в. «с неизвестным значением, но явно в нехорошем смысле»: *Koštune vik bile!* говорит хозяйка служанкам, браня их. RJA V, 388), диал. *кѡштун* м. р. 'твердый орех' (Мостар, PCA X, 376), также *кѡштунъ* м. р. (PCA X, 377; RJA V, 388), *кѡшѣун* (PCA X, 380), производное *коштѣнат*, -а, -о 'костлявый' (PCA X, 376), *кошѣнат* (PCA X, 380), *коштѣнав*, -а, -о 'костлявый', 'сухой, твердый' (PCA X, 376), др.-русск., русск.-цслав. *кощуна*, *коштюна*, *кощюна* ж. р. 'запретный грех' (Усп. сб., 344. XII в.), 'шутовство, насмешка' (Сл. и поуч. против языч. 218. XV в. и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 398—399; Срезневский I, 1308), русск. *кощѣн* м. р. 'кто кощунит' (Даль³ II, 470), укр. *кощѣн* м. р. 'насмешник' (Білецький—Носенко 196).

Производное с суф. *-junъ* от глагола **kostiti* (см.). Подробнее о семантике см. на **kostъ*.

***košъ(jъ)**: цслав. *кошѣга*, прилаг. *σπανάς*, *gracilis* (тѣломъ коць, Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *коць*, *кощии*, прилаг. 'тощий, худой' (Сказ. о Дан. пр. Упыр., 338. XV в. ~ 1047 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 398; Срезневский I, 1309), русск. диал. *кощѣ* м. и ж. р. 'исхудалый, тощий человек' (ряз., ворон., моск., Филин 15, 159), блр. *кашчэй* м. р. 'об очень худом человеке' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 673).

Производное с суф. *-jъ(jъ)* от **kostъ* (см.). Ср. Фасмер II, 362.

***košelъ/*košela/*košelъ**: болг. диал. производное *кушѣлѣц* м. р. 'цилиндрический выступ для соединения двух соседних обручей колеса' (Н. Ковачев. Севлиево. — БД V, 26), словен. *kōšelj*, род. п. *-šlja*, род. п. 'капуста, не образующая завязи', 'холка лошади' (Plet. I, 445), н.-луж. *kōšela* ж. р. 'плетень, изгородь или хижина пастуха из ветвей' (Muka Sł. I, 684 сравнивает со «ст. слав.» *košara*, ст.-польск. *koszela* ж. р. 'большая плетеная корзина' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. редк. *koszela* 'большая корзина' (Warsz. II, 494), диал. *koszel* 'плетеная корзинка' (там же), *koszele* мн. 'сетка с сеном на возу' (Sł. gw. р. II, 445), словин. *košātkā* ж. р. 'плетеная корзина с крышкой' (Suchta II, 215), др.-русск. *кошель* м. р. 'корзина, короб, плетеные или гнутые из луба, лыка' (Мин. Чет. февр., 245. XV в.), 'плетеный кузов саеи, телеги' (Псков. п. кн., 108. 1587 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 393—394; Срезневский I, 1307), *кошелка* 'небольшая корзина' (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3. № 177, 11, 1675 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 393), русск. *кошѣль* м. р. 'небольшой мешок, плетеная сумка, корзина', 'кошелек', также диал. *кошѣль* м. р. (с оттенками значений и употреблений, см. Филин 15, 144—146: широко), *кошѣл* м. р. 'корзина' (нижегор., Филин 15, 143), *кошелѣ* ж. р. 'корзина' (пск., Опыт 92), *кошѣль* м. р. 'кузов повозки' (Словарь русских донских говоров II, 87), *кошѣль* м. р.

‘торба’ (яросл., Филин 15, 149), *кашблка* ж. р. ‘плетеная корзинка’; (костр., тамб., Опыт 81), укр. *кошіль* м. р. ‘корзинка с крышкой, которую носят в руках’, ‘соломенная или из прутьев большая стоячая корзина для ссыпки зернового хлеба’ (Гринченко II, 296), диал. *кош’їл’* ‘корзина из прутьев, под картошку’ (Онышевич 379), *кошіль* м. р. ‘большой ящик, плетеный из дранок, для овощей’ (Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся 37; Он же. Словник поліських говорів 105), блр. *кашэль* м. р. ‘корзина, плетенка для телеги, кошель’ (Байкоў—Некраш. 145), *кашблка* ж. р. ‘корзинка, коробок’ (там же), диал. *кашэль* м. р. ‘большая корзина’, ‘сетка для сена’ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 450), ‘корзина’, ‘(плетеная) сумка’ (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 220), *кошэль* м. р. (3 народнага слоўніка 193).

Праслав. **košelʹ*/**košela*/**košelj* представляет собой производное с -l суффиксальным от **koš* (см.). Но эта формула больше напоминает синхронию отношений **koš* : **košel-*, чем их диахронию, которая, бесспорно, берет начало еще в и.-е. древности. Об этом говорит сравнение с родственным лат. *quālum* ‘плетеная корзина’, *quasillus* ‘корзиночка’. См. Verneker I, 587; Walde—Hofm. II, 397. И хотя отношения **koš* : **košel-* до сих пор изображают в литературе как внутрислав. деривацию (см. Фасмер II, 360; Sławski II, 539), мы видим здесь не более как дескриптивный прием, поскольку **košel-*, строго говоря, не моложе, чем **koš*. Формы **košel-* (см. выше), сюда же не вполне ясное **košal-* (польск. *koszałka*, словин. *košátka*) не могут считаться древними во всех деталях, о чем говорят и колебания в огласовке суффиксальной части. Постоянная корреляция слав. **koš* : **košel-* могла привести и к обобщению консонантизма. Во всяком случае этимологическое родство слав. **košel-* и лат. *quālum* (**quaslom*) позволяет оперировать для слав. слова более глубокой реконструкцией **koslʹ*. Указанное тесное родство представляет собой исключительную слав.-лат. лексико-словообразовательную изоглоссу без соответствий в других языках, поэтому слав. данные здесь не менее важны для лат., чем лат. данные для слав. Лат. свідетельство важно тем, что оно является, в сущности, соответствием для слав. «производной» формы **košel-* < **kosl-*, показывая ее и.-е. древность; деталь, настолько очевидная, что долгое время не привлекала должного внимания исследователей, сосредоточившихся на корне. См. Трубачев. Ремесленная терминология 164. Ввиду упомянутой исключительности данной слав.-лат. пары соответствий не следует, видимо, преувеличивать значения лат. данных для реконструкции и.-е. праформы. Лат. *quālum*, особенно же деминутив *quasillum* ‘корзиночка для шерсти’, могли испытать вторичное влияние со стороны глагола *quatiō*, *quassum* ‘трясти, сотрясать, толкать’, интензив *quassāre*, ведь речь идет о корзиночке с шерстью или пряжей; во время прядения, сучения

нити эта корзиночка, естественно, постоянно сотрясалась, и это объясняет возможное соседство употребления слов *quasillum*, *quatiō* (*quassum*, *quassāre*), а также вероятность их формального сближения. Таким образом (хотя слав. данные тут скорее двусмысленны), это позволяет нам не считать общепринятую и.-е. реконструкцию с лабиовелярным **k^hasl-* единственно возможной для лат. *quālum*, *quasillum* и слав. **košel-* (**kosl-*). С неменьшим основанием здесь можно допустить праформу с простым велярным и.-е. *k*, приняв при этом во внимание возможность родства этого и.-е. названия корзины, кошеля с и.-е. **kes-*, слав. **česati* (см.; см. об этом недавно Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9. Bautzen, 1981, 642, где неплохо аргументирована близость значений 'резать, драть, царапать' и 'сучить, крутить', включая выделение у корня **kes-*, **česati* значения 'сгребать, срывать (напр. ягоды)', существенного для корзины-реалии и для лексемы, ее обозначающей, однако оставлено без внимания принципиальное фонетическое расхождение лат. *quasillum* и слав. **česati* < и.-е. **kes-*). Что касается корневого *-a-* в лат. *quālum* (**quaslum*), то оно, возможно, представляет собой замену предупредного *e/o* в первоначальном **kosló-/kesló-* (ср. аналогично лат. *quattuor* < **k^hetudōr*, *magnus* < **megnó-*, см. о них, вслед за Уортоном, Коллитцем, Педерсеном, Л. Г. Герценберг. — ВЯ 1982, № 5, 69). К окситонному ударению производного слова, каковым было и.-е. **kosló-*, восходит и окончное ударение русск. *кошэль*, род. п. *кошеля*. Ясно, что в слав. **košъ*, **košel-* мы имеем практически параллельные суффиксальные производные и.-е. **kos-jo-*, **kos-lo-*. Балтийские языки не знают этих названий корзины, вместо них там существуют другие древние формы, ср. лит. *krepslys*. Совершенно правильно на это отсутствие указывает Брюкнер: «Litwa nie zna nic podobnego» (Brückner 259). Поэтому ссылки на продуктивный ум. суф. лит. *-ėlis*, *-elis* (ср. Ślawski II, 539: *koszałka*) здесь мало что дают и могут даже ввести в заблуждение как некий анахронизм: слав. и лат. соответствия с *-l-* суффиксальным в нашем примере восходят к глубокой древности и явно иной мотивации.

***košenina:** сербохорв. *Košenine* мн., местн. название (Хорватия, RJA V, 384), словен. *košenina* ж. р. 'скошенная трава', 'луг, сенокос' (Plet. I, 445), польск. диал. *koszenina* 'скошенный, но не сжатый хлеб' (Śl. gw. р. II, 445), др.-русс. *кошенина* ж. р. 'место покоса' (Кн. Солов. вотч. креп., 72 об., XVII ~ 1572 г.), 'скошенная трава' (А. Кунгур. з. избы, № 25, 1 об. 1702 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 394), русск. диал. *кошенина* ж. р. 'скошенная, но еще не высушенная трава' (свердл., калин., иркут., енис., том., тобол., курган., урал., перм., арх., олон., пск.), 'скошенный луг' (перм., Киров., волог., арх., яросл., моск., том., сиб.), 'косьба, кошение' (арх., перм., том.), 'время косьбы, сенокос' (костр.) (Филин 15, 148).

Производное с суф. *-ina* от прич. прош. страд. **košenъ*, ж. р. **košena* (см. **kositi* I).

***кошеньје**: сербохорв. стар. *kòšēne* ср. р. 'орудие, которым косят' (RJA V, 384; с другой мотивацией см. PCA X, 366: *kòšēnje*, *kòšēnje* ср. р. 'прикосновение, касание'), словен. *košenje* ср. р. 'косьба, кошение', ст.-польск. *koszenie* ср. р. 'кошение' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. *koszenie* ср. р. то же (Warsz. II, 494), также диал. (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 106), др.-русск. *кошенье*, действ. по глаг. *косити* (А. феод. землевлад. I, 110. XVI в. ~1498 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 395), русск. *кошенье* ср. р. 'покос' (Даль³ II, 440), ст.-укр. *кошеніє* ср. р. 'кошение, косьба' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 508), укр. *кошіння* ср. р. 'кошение, косьба' (Гринченко II, 296), блр. *кашэнне* ср. р. то же (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 673).

Производное (название действия) с суф. *-yje* от прич. прош. страд. **košenъ* (см. **kositi* I).

***košerpletъ**: сербохорв. стар., редк. *košòplet* м. р. 'корзинщик, тот, кто плетет корзины' (в словаре Белостенца, RJA V, 386), словен. *košerplet* м. р. то же (Plet. I, 446), блр. диал. *кашанлёт* м. р. 'корзинщик, тот, кто плетет корзины' (З народнага слоўніка 90).

Сложение **košъ* (см.) и корня глагола **plesti* (см.). Любопытна сербохорв.-словен.-блр. изоглоссная связь.

***koševina**: сербохорв. *kòševina* ж. р. '(скошенный) луг', 'скошенная трава', 'сенокос' (PCA X, 365; RJA V, 384), словен. *koševina* ж. р. то же (Plet. I, 446, с предположением о сербохорв. происхождении), русск. диал. *кошевина* ж. р. 'скошенная трава' (яросл.), 'луг, поле и т. п. после покоса' (яросл.), 'безлесное место, удобное для косьбы' (яросл.) (Филин 15, 141; Даль³ II, 440).

Именное производное с суф. *-ovina*, соотносительное с глаголом **kositi* I (см.).

***košikъ**: сербохорв. диал. *kòšik* м. р. 'дымоход' (PCA X, 367), ст.-чеш. *košik* м. р., ум. к *koš* (Gebauer II, 113), чеш. *košik* м. р. 'корзинка' (Jungmann II, 142; Kott I, 762), словц. *košik* м. р. ум. к *kòš* (SSJ I, 759), ст.-польск. *koszyk* м. р., ум. 'корзиночка' (1500 г., Sł. stpol. III, 358; Sł. polszcz. XVI w., XI, 24), польск. *koszyk* м. р. 'корзинка, кузов повозки, улей' (Warsz. II, 497), также диал. *koszyk* в разных значениях (Sł. gw. р. II, 444; Kusała 140; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 101, 119, 136), *košik* (Górniewicz. Dial. malborski II, 1, 182), *košik* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), словин. *kòšik* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *k*ošak* (Lorentz Pomor. I, 420), *kœšék* (Ramušt 76), русск. диал. *кошик* м. р. 'корзина' (тул., пск., смол., южн., Филин 15, 149; Даль³ II, 469), 'небольшой улей для ловли пчел' (смол., там же), укр. *кошик* м. р. 'корзина' (Гринченко II, 296), диал. *кошик* м. р. 'защитная плетенка на стеклянном сосуде' (Лисенко. Словник польських говорів 105; Матеріали до словника було-

винських говірок 6, 90), 'корзинка с ручкой, кузовок' (Онышкевич 378), ст.-блр. *кошик*, ум. к *кош* (Скарына 1, 280), блр. *кошик* м. р., ум. 'корзиночка' (Носов. 250), также диал. *кошык* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 511).

Ум. производное с суф. *-ікъ* от **košъ* (см.).

**košina* I: сербохорв. диал. *кошина* ж. р. 'скошенный луг; луг вообще' (РСА X, 367), русск. диал. *кошина* ж. р. 'скошенная трава на лугу' (Картотека Печорского областного словаря).

Именное производное с суф. *-ina* от глагола **kositi* I (см.).
Сербохорв.-русск. изоглосса.

**košina* II: ст.-чеш. *košina* ж. р. 'кузов' (Gebauer II, 113), чеш. *košina* ж. р. 'кузов (повозки)', 'плетеная ограда', 'корзина' (Kott I, 763), словц. *košina* ж. р. 'плетеная изгородь', 'кузов (повозки, саней)' (SSJ I, 753).

Производное с суф. *-ina* от **košъ* (см.).

košqъ*/košqta*: др.-русск. *Кошута*, личное имя собств. (1495 г., Оболенье; 1545 г., Новгород. Веселовский. Ономастикон 163), *Кашутинъ* (1495 г. Писц. II, 217. Тупиков 624), русск. диал. *кошутá*, *кошуть* ж. р. 'перхоть' (зап., Даль³ II, 470; Филин 15, 158), укр. диал. *кошут* м. р. 'сухие стебли кукурузы' (Материалы до словаря буйковинских говірок 6, 90), блр. *кошута* ж. р. 'перхоть на теле после сыпи' (Носов.), диал. *кошутá* ж. р. 'перхоть' (Даўно ні мб'ўсё, кашуты ў галавэ мно́го. Сцяцко. Зэльв. 78; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449), *кошучь* ж. р. то же (Сцяшкóвiч, Грод. 239). — Польск. диал. *koszuta* 'перхоть на голове' (Warsz. II, 497; Sl. gw. р. II, 447) заимствовано из блр.

Первоначально древнее прич. наст. действ. на *-qt-* (до расширения с помощью *-j-*) от глагола с корнем **kos-* и значением 'чесать', связанного чередованием гласных с распространенным глаголом **česati* (см.). В словаре Фасмера отсутствует. Ср. специально В. А. Меркулова. — Этимология. 1970 (М., 1972), 169.

**košuja*: укр. диал. *кошўля* 'струп на голове ребенка' (П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. — Лекс. бюл. VI, 1958, 14), блр. диал. *кошуж* ж. р. 'перхоть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 511).

Родственно **češuja* (см.), представляя оформление тем же суф. *-uja* (*-'uja*) другой ступени чередования **kos-* от **česati* (см.). В этимологической литературе не привлекалось. Любопытный ранний диалектизм лексики. Форма укр. *кошўля* (выше) лишь вторично испытала влияние со стороны продолжения **košul'a* (см.).

**košul'a*: болг. диал. *кошўля* ж. р. '(нижняя) рубашка' (БТР; РБЕ; Речник РОДД 219; Ст. Младенов. Към речника на Ново Село. — СбНУ XVIII, I, 1901, 503; М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240; Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), макед. *кошула* ж. р. 'рубашка' (И-С), также диал. (J. Ташевски. Зборови од тетовскиот говор. — MJ III, 8—9, 1952, 216), сербохорв. *кошуља* ж. р. 'рубашка' (РСА X, 380—

381; RJA V, 389—391), словен. *košulja* ж. р. 'рубашка' (Plet. I, 446), чеш. *košile* ж. р. 'рубашка' (Kott I, 762—763), слвц. диал. *košul'a* (Buffa. Dlhá Lúka 167), в.-луж. *košla*, *košula* ж. р. 'рубашка' (Pfuhl 278), н.-луж. *kóšula* ж. р. 'юбка' (Muka Sł. I, 685), ст.-польск. *koszula* ж. р. 'рубаха' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 22), *koszulka* (1477 г., Sł. stpol. III, 358), польск. *koszula* ж. р. '(нижняя) рубашка' (Warsz. II, 496), также диал. *koszula* (Sł. gw. р. II, 446—447; Kucala 199; W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 98), *košula* (Bač, Kramsk 103; Sychta. Słown. kociewskie II, 84), *košula* ж. р. 'нижнее белье' (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 182), словин. *košela*, *košla*, *košula* ж. р. (Sychta II, 215—216), *k*ošēla* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кошуля* ж. р. 'род верхней легкой одежды' (Переясл. лет., 3. XV в. ~ XIII в.), ' меховая одежда, крытая сверху какой-либо тканью' (Якут. а., карт. 1. № 1, 518. 1640 г.), 'рубашка' (Польск. д. III, 501. 1567 г. и др.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 397; Срезневский I, 1306), русск. диал. *кошўля* ж. р. 'мужская или женская верхняя одежда на меху' (волог., яросл., олон., влад., вят., новг. и др.), 'верхняя теплая будничная одежда' (вят., волог., яросл.), 'холщевая одежда' (вят.), 'сорочка, рубашка' (смол., брян., курск., орл.) (Филин 15, 157—158; Подвысоцкий 73; Барсов II, 323; Мельниченко 95; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 246), укр. *кошўля* ж. р. 'рубаха' (Гринченко II, 297), также диал. *кошўля* (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 90; Лисенко. Словник поліських говорів 105), *кошўл'a* (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. — Лексика Полесья 294), блр. *кашўля* ж. р. 'рубаха', также диал. *кашўля* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449), *кошўля* (Белорусский сборник 41).

В слав. имеется достаточно старых, исконных названий рубахи, см. **sorka*, **riza*, **rqbъ*, **rqbaha*. Вместе с тем именно названия одежды — это та часть культурной терминологии, которая обновляется легче при межязыковых контактах. Слово **košul'a* объясняется как заимствование из нар.-лат. *cāsūla* 'плащ с капюшоном' (буквально — 'домик', о капюшоне); ввиду характерной формы на *š* во всех слав. языках слово было заимствовано непосредственно из сев.-ит. (венецианско-фриульского) диалекта, где известно близкое, шепелявое произношение *s*. Не лишена интереса семантическая история слова **košul'a*, которое ни в одном из известных нам слав. примеров не сохранило как раз значения 'плащ с капюшоном, одежда, укрывающая с головой'. Поскольку лат. источник в остальном обозначал именно верхнюю одежду, значения др.-русск. и русск. диал. слов — 'верхняя одежда', 'меховая одежда', 'верхняя теплая одежда' (см. выше) — представляются наиболее архаичными и лучше передающими значение оригинала, что отвечает периферийному положению русск. свидетельств. Практически все остальные ю-слав., зап.-

слав. и вост.-слав. примеры (т. е. в последнем случае — укр., блр. и даже ю.-в.-р., см. выше) обозначают довольно последовательно рубашку, нижнюю рубашку, нижнее белье. Очевидно, отмеченное своеобразие явилось семантическим новшеством заимствованного слова уже в слав. диалектах. Нижняя рубаха, т. е. дополнительная, кроме единственной (таким образом — верхней), этот обычай более развитой цивилизации, привившийся у славян, как и у ряда других народов, не сразу, был отмечен заимствованной лексемой, само значение которой ('верхняя' → 'нижняя') получило конкретизацию уже в ходе внутрислав. перераспределения.

Распространение слова **košul'a* в слав. диалектах до сих пор обнаруживает определенные старые ограничения. Так, оно совершенно неизвестно русск. литер. языку. В болг. диалектах это слово распространено главным образом на западе, см. St. Stojkow. Dwie leksykalne izoglosy w języku bułgarskim: *крак / нога, риза / кошуля*. — *Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Splawiński* 273. К числу древних различий между в.-луж. и н.-луж. этносятся то, что в первом из них рубашка называется **koš(u)la*, а во втором — *zǫło*. См. X. Шустер-Шевц. ВЯ 1976, № 6, 85.

См. М. Фасмер Jagić-Festschrift (Berlin, 1908). 273—275; Berneker I, 586; Brückner 260; Фасмер II. 361—362; Machek² 282; БЕР 2, 695—696; Sławski II, 547—548; Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9 (Bautzen, 1981), 643.

**košutъ/*košuta/*košqtъ*?: цслав. кошюта ж. р. *ἔλαφος*, *serva* (Mikl.) производное кошюцѣга, прилаг. *servae* (мѣтко кошюцѣе, там же), болг. *кошута* ж. р. 'лань' (БТР; Геров: *кошѣта* 'лань, серна', ум. *кошѣтица*), диал. *кишѣтъ* ж. р. 'серна' (Н. П. Ковачев. Севлиево. — БД V, 26), сюда же, видимо, и *кошѣта* ж. р. 'вид жесткой травы' (Речник РОДД 219), макед. *кошута* ж. р. 'лань, косуля' (И-С), сербохорв. стар. *кѣшут* м. р. 'олень' (РСА X, 384; RJA V, 392). *кѣшута* ж. р. 'лань', (диал.) 'корова, коза' (РСА X, 384; RJA V, 392: «у южных славян слово это старое, а основа может быть и праслав. . . Возможно, как-то связано с прилаг. *šut*: известно, что *košuta* 'лань' не имеет рогов. . .). *Кѣшута*, личное имя собств. . . а также название одной из вершин горы Яхорина в Боснии, РСА X, 384), производное *кѣшѣни*, *-ā, -ē*: *кошиће цхо* 'название растений *Gentiana cruciata*, *Gentiana lutea*' (РСА X, 385), словен. *košuta* ж. р. 'лань, самка оленя', 'кличка коровы оленьей масти' (Plet. I, 446), чеш. *košut* м. р. 'козел' (Kott I, 763: «па Slov.»), словц. диал. *košút, košut* 'козел'. 'низкое дерево без верхушки. куст, растущий вширь' (Banská Bystrica. Kálal 263), русск.-цслав. *кошута* ж. р. 'коза' (Патерик Син., 152. XI—XII вв.; Хроногр. 1512 г. 220. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 397; Срезневский I, 1306).

Если принять во внимание книжн. цслав. (< ю.-слав.) прирду примера *кошута* в др.-руссск. текстах, то можно констатп-

ровать полное отсутствие заглавного слова в вост.-слав. языках и диалектах. Чеш. и словц. *košut* (выше) распространено достаточно ограниченно и стоит особняком в зап.-слав. ареале, тяготея к ю.-слав. области, где главным образом представлено наше слово, обозначающее в ж. р. самку оленя, лань, а в м. р. (более редком) — самого оленя.

Давно предложена этимология **košutъ* / **košuta* как сложения приставки *ko-* и прилагательного **šutъ* (см.) 'безрогий' См. выше RJA, s. v. (там же ссылка на безрогость лани); Šuman AfslPh XXX, 1909, 303; Oštir. Drei voroslavisch-etruskische Vogelnamen 28; Brückner 558; Machek² 631; Фасмер II, 362; Skok. Etim. rječn. II, 167—168; J. Schütz. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 328; M. Budimir. — Živa antika I, 2, 1951, 229; М. Будимир. — Сборник за филологију и лингвистику III, 1960, 19; И. П. Петлева. — Этимология. 1968 (М., 1971), 147.

Сразу следует сказать, что реальность слав. словообразовательной модели '*ka / ko-* + корень' в целом не вызывает у нас сомнений ввиду наличия довольно убедительных примеров из разных слав. языков, поэтому мы не отвергаем изложенной выше этимологии вообще, как это делает, например, БЕР 2, 696, где сложение *ko-* + **šutъ* квалифицируется как «невероятное». Более сдержанные сомнения см. Verneker I, 586; Младенов ЕПР 254.

Конечно, можно считать здесь *ko-* приставкой, усиливающей отрицательный оттенок значения, но, насколько известно, это название лани и оленя не обнаруживает заметной отрицательности в значении. Необходимо отвергнуть попытки отдельных исследователей использовать слово (нареч.) **ašutъ* (см.) как параллель сложения того же корня с другой приименной приставкой. Упомянутое наречие в значении 'напрасно', по-видимому, не имеет ничего общего с **košutъ* / **košuta* ни в ареале, будучи чехо-моравизмом ст.-слав. и ст.-чеш. письменности, в отличие от выразительно ю.-слав. **košutъ* / **košuta*, ни в происхождении, потому что **ašutъ*, скорее всего, образовано от другого **šutъ*, **šutiti* (см.) 'шутить и т. п.'

Прилаг. **šutъ*, **šuta* 'безрогий, -ая' распространено несколько шире, чем **košutъ*, хотя тоже в общем тяготеет к карпато-балканскому ареалу. Исконнослав. происхождение этого прилагательного сомнений как будто не вызывает, хотя близкие формы (и в значении 'безрогий', и в значении 'лань') известны еще в рум. и алб., куда они могли проникнуть из слав. Форму на *ko-* знают только слав. языки, см. Skok, там же.

Однако возникают некоторые альтернативные соображения, и их не хотелось бы исключать из рассмотрения, тем более, что модель **ko-* + **šutъ* продолжает вызывать вопросы. Названия оленя в и.-е. языках скорее ареальны. Достаточно древни при этом обозначения по цвету, масти — **elen-* (см. **elenъ*), **elṇbha-*,

отдающие табуизацией; вполне естественны, далее, названия оленя как 'рогатого' — и.-е. **kerāco-*, **kerud-*. Именно одно из последних — **kerāco-* 'рогатый' (в кельт. варианте) — послужило славянам для обозначения молочного домашнего рогатого скота, см. **korva*. Но освоение крупного рогатого скота *Bos taurus* заставило человека по-новому взглянуть на рогатых животных леса: от *Bos taurus* олень *Cervus elaphus*, *Cervus tarandus*, *Cervus alces* (и др.) отличался тем, что он периодически с б р а с ы в а л р о г а и отращивал новые. Черты этого яркого отличия и своеобразия вплоть до чешущихся бугорков молодых рогов должны были привлечь внимание и отпечататься в терминологии. Полного обновления названий ввиду наличия уже сложившихся ранее это принести не могло, но отдельные виды в некоторых случаях все-таки могли быть названы в соответствии с такой особенностью. В частности, думается, что до сих пор не объясненное *tárandos*, *tárandros*, *tarandrus*, название животного, близкого благородному оленю и промышляемого «скифами» (Аристотель, Феофраст, Гесихий, Плиний), видимо, объясняется как местное производное от и.-е. **ter-* 'тереть' — **tarant-* 'трущий, чешущий'. Русск. *косуля* 'малый олень, серна *Cervus carpeolus*' на том же основании, наверное, может быть связано с *чесать* (см. **česati*), образуя, таким образом, омоним к *косуля* 'соха', того же происхождения. В этимологии и даже в лексикографии слову *косуля* 'серна' очень не повезло. Даль в своем словаре вообще его не дает и помещает только *козуля* с тем же значением (закономерный итог народной этимологии и интерференции с **koza*, см.). Этимологические словари тоже молчат о слове *косуля* 'серна', а равным образом и этимологические исследования (А. С. Мельничук в своей известной работе «Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков». — Этимология. 1966. М., 1968, 195 — приводит только *косуля* 'соха'). Слово *косуля* 'серна' может быть не очень древним, но оно подсказывает принцип, по которому могло быть образовано другое слав. слово от того же глагола **česati*. На этом основании мы допускаем новую альтернативную реконструкцию для сербохорв. *кдшут*, *кдшута* и родственных — форму старого прич. **košqťь*.

**кошь*: ст.-слав. *кошь* м. р. *κόψτος*, *corpinus* 'корзина' (Zogr., Mag., Supr., Вост., Mikl., SJS, Sad.), болг. *кош* м. р. 'корзина', 'ларь (зерновой, мельничный)' (БТР; РБЕ: указывает также значение 'рыболовная верша'; Геров), также диал. *кош* (Д. Маринов. Думи и фразы из Западна България. — СБНУ XII, 1895, 291; М. Младенов БД III, 92; Хитов БД IX, 269—270), 'плетеный улей' (Стойчев БД II, 192; В. Кювлиева, К. Димчев. Речник на хасковския градски говор. — БД V, 75), *кош* м. р. 'большая корзина без ручек для соломы', 'деталь веялки — конусовидный ящик с отверстием, в которое засыпают зерно' (Зеленина БД X, 74), макед. *кош* м. р. 'корзина', 'верша', 'мельничный ковш'

(И-С), сербохорв. *koš* м. р. 'зернохранилище', 'корзина', 'ларь', 'верша' (РСА X, 359—361: с множеством частных значений; RJA V, 380—381), словен. *koš* м. р. 'заплетная корзина', 'кузов повозки', 'улей', 'крона дерева' (Plet. I, 444; Badjura 267), также диал. (Бодуэн де Куртене. Терские славяне в север. Италии. 1873. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 123; Lužar 35), ст.-чеш. *koš* (в разных специальных значениях, Brandl 107), чеш. *koš* м. р. 'корзина' (Kott I, 762), диал. *kaš* м. р. (Vydra. Hornoblan. 107), словц. *kôš* м. р. (SSJ I, 759), в.-луж. *koš* м. р. 'корзина' (Pfuhl 278), н.-луж. *kôš* м. р. (Muka Sł. I, 684), ст.-польск. *kosz* 'корзина', 'кузов', 'вид сети' (Sł. stpol. III, 357; Sł. polszcz. XVIw., XI, 11—12), польск. *kosz* м. р. 'корзина' (Warsz. II, 493), диал. *kosz* 'вид рыболовной сети', 'мельничный короб' (Sł. gw. р. II, 444), 'ящик веялки, куда насыпается зерно' (Kusała 114; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 111), *koš* м. р. 'плетеная корзина' (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 181), *k^ooš* (Tomasz., Łop. 139), *koš* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), словин. *kaš* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *k^ooš* м. р. 'корзина', 'рыболовная снасть', 'улей' (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кошь* 'корзина' (Ио. VI. 13. Остр. ев.; Никон. Жит. Феод. 41; Никон. Панд. сл. 43. Срезневский I, 1306), русск. диал. *кош* м. р. 'приспособление для лова рыбы' (ворон., смол., пск.), 'приспособление для ловли птиц' (новосиб., алт., том., волог.), 'небольшой улей, обычно из коры, укрепляемый на дереве для ловли пчелиных роев' (смол., калуж.), 'корзина' (том., свердл., смол., южн.), 'кузов телеги' (новг., олон.) (Филин 15, 137, там же другие значения; Даль³ II, 470; Опыт 92; Добровольский 355; Элиасов 169), 'долбленный улей' (Картоотека Словаря брянских говоров), укр. *kiš*, род. п. *košá*, м. р. 'корзина большая стоячая для хранения муки или зерна', 'корзина передвижная', 'садок для рыбы в виде корзины', 'деревянный короб в мельнице над жерновами' (Гринченко II, 247), диал. *кош* 'верша' (Лисенко. Словник польських говорів 105), 'кузов телеги' (там же; Лексика Полесья 173), *kiš* 'улей', 'короб в мельнице', 'корзина', 'дымоход', 'плетеный кузов воза' (Карпатский диалектологический атлас 224), *k'ish*, *koš*, *koš* 'сачок, рыболовная снасть' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 135), ст.-блр. *кош* (три *коши* муки, Скарына 1, 280), блр. *кош* м. р. 'конусообразный, четырехсторонний ящик в мельнице, с отверстием в нижнем конце' (Носов.), диал. *кош* м. р. 'корзина' (З народнага слоўніка 193; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 510).

Продолжает и.-е. **kosjo-*, производное с суф. *-jo-* от корня **kos-*, с именным *-o-* вокализмом, видимо, производного от глагольного корня и.-е. **kes-* (ср. предположения на этот счет: Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, Bautzen, 1981, s. v.). Корзина — инструмент собирательства, связанного со сгребанием, срыванием ягод, плодов и т. п., т. е. действий, выражаемых глагольным

корнем *kes-. Ближайшая родственная форма — слав. *košelъ/košela/*košelj (см.), в более глубокой реконструкции — *koslo-, имеет полное этимологическое и словообразовательное соответствие в лат. *quālum* (из **quaslom*). Эти отношения подробно рассматриваются у нас в статье *košelъ. Существенно отметить, что, в отличие от этой производной формы (*košelъ, и.-е. *kos-lo-), слав. *košъ не имеет соответствий в других и.-е. языках.

См. еще из литературы: F. Froehde ВВ XVI, 1890, 208; J. Scheftelowitz ВВ XXVIII, 1904, 303 (попытка связать слав. *košъ с др.-инд. *kāci* 'пригоршня', арм. *kis* то же из и.-е. *koŋki); Otrębski. *Studia indoeuropeistyczne* 21 (*košъ < *kaslo- и лат. *quālum* < **quas-lo* объясняет как чередование *i:u* в разных слогах).

*кошьница: ст.-слав. кошаница ж. р. *σφρίς, κόφινος, σαργάνη* 'корзина' (Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *ко̀шница* ж. р. 'корзина' (Геров; БТР), диал. *ко̀шница* ж. р. 'корзина', 'намордник' (М. Младенов БД III, 92; Н. С. Державин. Болгарские колонии в России. — СБНУ XXIX, 1914, 82), 'плетеный улей' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *ко̀шница* ж. р. 'круглая корзина с ручкой сверху' (Зеленина БД X, 22), макед. *ко̀шница* ж. р. 'корзина, корзина', 'улей' (И-С), диал. *košnica* 'корзина' (Mačeki 52—53), сербохорв. *ко̀шница, кошница* ж. р. 'плетеный улей', 'корзина' (РСА X, 371; RJA V, 385—386), словен. *košnica* ж. р. 'корзина', 'улей' (Plet. I, 446), чеш. *košnice* ж. р. 'улей' (Kott I, 763: «на Slov.»), словц. *košnica* ж. р. 'улей' (Káral 262), н.-луж. *košnica* ж. р. 'сундук' (Muka Sł. I, 684), польск. диал. *kosznica* ж. р. 'плетеный шалаш или корзина для необмолоченной кукурузы' (Warsz. II, 495; Sł. gw. р. II, 446), др.-русск., русск.-цслав. *кошьница, кошница* ж. р. 'плетеная корзина, короб; котомка' (Остр. ев. 71. 1057 г.; 1159 г. Никон. лет. IX, 214; Усп. сб. XII—XIII вв.) 'коробка, ящик, ларь' (Кн. расх. Свир. м. № 6, 64 об. 1631 г.), 'силос, западня, ловушка (как правило, с плетеной крышкой)' (Библи. Генн. 1499 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 396; Срезневский I, 1307), русск. диал. *кошница* ж. р. 'корзина' (пск., вят., арх., олон., влад., Филин 15, 153), укр. *ко̀шниця* ж. р. 'род высокого и узкого хворостяного амбарчика, в который ссыпают кукурузу в початках' (Гринченко II, 296), также диал. (Карпатский диалектологический атлас 224), *ко̀шниця*'а 'ящик в мельнице, в который насыпают зерно' (Онышкевич 379).

Производное с суф. -ьн-ica от *košъ (см.).

*кошьпъѣ (*козьпъѣ), *кошьна, *кошьно: сербохорв. *ко̀шня, ко̀шня* ж. р. 'кошение, косьба' (РСА X, 371; RJA V, 386), словен. *kóšen, -šna, -o*, прилаг. 'севокосный' (Slovar sloven. jezika II, 450), *košnja* ж. р. то же (Plet. I, 446; Narodopisje Slovencev I, 147), русск. диал. *кошнбѣ, кошннѣй, -ая, -ое* 'удобный для косьбы, легко косимый' (Филин 15, 153), *ко̀шное место* 'где можно косить'

(Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — ЖСт V, 1895, III, 391), укр. диал. *кішня* ж. р. 'косовица' (Материалы до словника буковинських говірок 4, 49).

Прилаг., производное с суф. *-ьнъ* от глагола **kositi* I (см.). **kotaць*: сербохорв. диал. *kòtâcъ*, род. п. *kotâca*, м. р. 'круг, колесо' («в Хорватии и, может быть, в Боснии», RJA V, 394; PCA X, 323—324: *kòtâч*), словен. *kotâc* м. р. 'колесо', 'санный полоз' (Plet. I, 446), диал. производное *kotâček*, род. п. *-čka*, м. р. 'шпулька, катушка' (Slovarski doneski iz brežiškega okraja 161), словц. производное *kotačka* 'очищенный кукурузный початок' (Kálal 263, со ссылкой на: Kott VI, 685). — Ср. блр. *катáx* м. р. 'початок'.

Производное с суф. *-(a)ць* от глагола **kotati* (см.).

kotalëti*/kotълëti* (сѣ): болг. диал. *кòтлѣм* 'жить в свое удовольствие', 'жить в уютном месте' (Стойчев БД II, 191), *кòт'л'ъ сѣ* 'пригнуться' (Г. Христов. *Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско 228), словен. *kotljâti se* 'кататься, валяться' (*kure se v peskú kotljajo*), 'вертеться', 'пробираться, пролезать' (Plet. I, 448), чеш. *kotaliti, kotaliti, kotaliti* 'валять, катать' (Kott I, 763), также диал. *kotálet* (Hruška. Slov. chod. 44). — Ср. сюда же сербохорв. диал. (Бока) *кòтали* мн. 'каменные плиты, укладываемые поверх стены, чтобы вода скатывалась с крыши', болг. диал. *кòтъл'ъц* м. р. 'петля ниченки, через которую проходит нить основы' (Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско 228), словц. диал. *kvatolišcô* 'место, где хлеба повалены' (Ripka. Dolnotrenč. 98).

Вместе с **kotul'ati*, **koturati* и **kotърl'ati* (см. s. v.) глагол **kotълëti*/**kotalëti* может быть истолкован как интенсивное суффиксальное производное от исходного глагола **kotiti* (см.) или **kotati*/**katati* (см. s. v.). Предложенному объяснению вполне соответствует и экспрессивная семантика слов.

Широкому ряду глагольных соответствий с четкой суффиксальной вариацией в разных слав. языках — **kotalëti*/**kotълëti*, **kotul'ati*, **koturati*, **kotърl'ati* — противоречит этимология Махека, толковавшего все сокращением из *kotrбálati*, см. Machek² 282. БЕР (II, 677) явно смешивает два разных образования, относя сюда и очевидные производные от *котел* (см. **kotълъ*).

kotаръ*/kotара*: цслав. *котаръ* м. р. *fines* (Mikl.), болг. обл. *котáр* м. р. 'угол в доме', 'хлев, закут для телят' (Младенов БТР; Геров), также *кòтара* ж. р. (Геров), диал. *кòтара* ж. р. 'хлев', 'маленький огород' (Стойчев БД II, 191; Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), 'заслон против паводка' (Ст. Шишков. Географските названия в централния родопски говор. — Родопски напредък VII, 2, 1909, 38), *кòтура* ж. р. 'свинарник', 'собачья конура', 'закут для коз' (Младенов БТР; с. Маломирово, Елховско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), макед. *котар* м. р. 'загон для овец' (И-С), сербохорв. *кòтáр*, *кòтáр* м. р. 'округ', 'ограда, в которой

хранится сено, солома и прочий корм для скота', 'загон', 'выгон', 'вид корзины', 'рыболовная верша' (РСА X, 320—321; РЈА V, 395—396: с. XIV в.), диал. *кѡтара* ж. р. 'вид корзины' (РСА X, 321), *котар* 'ограда для сена' (Rs. 153), производное *кѡтарика* ж. р. 'корзина, плетенка' (с XVIII в. в вост. областях, а также в словаре Вука, РЈА V, 396), словен. *kotár* м. р. 'округ' (Plet. I, 447: сравнивает с венг. *határ*), словц. диал. *kotarica* 'посула для муки' (Nabovštiak. Ogav. 160), а также производное *kot'eres* 'закут для молодняка в хлеву' (Zoch 75).

Производное с суф. *-arъ/-ara* от **kotъ* III (см.), ср. также наиболее представительное производное от этого корня — **kotъсь* (см.), далее — **kotuxъ* (см.). Следует обратить внимание на преимущественно ю.-слав. распространение, а также на характерную суффиксальную модель. В семантическом отношении почти исключительно скотоводческое слово, поэтому словц. диал. примеры (выше) можно отнести за счет проникновения балканской пастушеской лексики на Карпаты. Любопытно, что топоним *Kotor* упомянут уже Константином Багрянородным (X в.): *Кáтера*. См. Skok. Etim. rječn. II, 168.

Следует отметить сильное влияние на семантику **kotarъ*/**kotara* ('закут для молодняка' и др. значения), как и других производных с этим корнем — **kotъсь*, **kotuxъ*, — со стороны глагола **kotiti* сѣ I (см.). Это, однако, не является первичной мотивацией. Сам факт отмеченного влияния говорит о возможности слияния в исходной форме **kot-/*kat-* двух или более омонимичных корней разного происхождения, тяготеющих к разным ареалам. Распространено мнение, что слав. **kotarъ* восходит к и.-е. **kat-* 'плести', откуда 'ограда' и т. д. См. Pokorny I, 534; G. S. Lane. — Language 8, 1932, 296; БЕР II, 671—672. С ир., авест. *kata-* 'комната, (подземное) помещение', которое тоже нередко сюда относят, родственно быть не может, так как ир. слово продолжает **knta-*.

**katati* (сѣ): сербохорв. диал. *кѡтати се* '(в некоторых народных танцах) проскальзывать под рукой других танцоров' (РСА X, 323), словен. *katáti* 'катать, валять' (Plet. I, 447).

Тождественно итеративу **katati* (см.), но содержит контаминативный корневой вокализм, ср. **kotiti* II (см.).

**kotelъ*: болг. диал. *котел* 'петля' (Врачанско, см. БЕР II, 674), *котелецъ* м. р. 'завязка чулка' (Прилеп, Геров—Панчев), макед. *котелец* м. р. 'петля (при вязании)' (И-С), сербохорв. диал. *котельак*, род. п. *-ька*, м. р. 'круглый жгут из платков, который кладут на голову как подставку для переноски тяжести' (РСА X, 325), чеш. диал. (южн.) *koteles*, род. п. *-lce*, м. р. '(звериное) логово' (Kott I, 764), др.-русск. *котель* ж. р. 'деревянное кольцо, обруч, на которые наматывается пряжа' (А. пр. адм. д., кор. 4, № 90, 34. 1704 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. диал. *котель* ж. р. 'обруч для рыболовного вентера' (касп., астрах.),

‘прутья, которыми укрепляют зубья в деревянной бороне’ (тул.) (Филин 15, 103), укр. *котіль* м. р. ‘наружная плетеная воронка верши’ (Гринченко II, 293).

Производное с суф. *-ель* от глагола **kotiti* II (см.), ср. выше значения ‘кольцо’, ‘обруч’ и смежные. Менее вероятно мнение о наличии здесь суф. *-ьл-* (БЕР II, 674), против чего свидетельствует вокализм сербохорв. и укр. форм (выше). Не связано также и с **kotьль* (см.).

*1) *otera/kotora*: ст.-слав. *котора* ж. р. *μάχη, pugna* ‘спор, ссора’ (Supr., Mikl., Sad., SJS), цслав. *котера* ж. р. *μάχη, pugna* (Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *котера* ж. р. ‘ссора, раздор’ (Апост. посл. по сп. 1220 г., 104; Нест. Жит. Феод. 11, Срезневский I, 1299; Ж. Нифонт. — Выг. сб., 89. XII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), *котора* ж. р. ‘спор’ (1185 г. — Ипат. лег., 646), ‘ссора’ (Усп. сб., 210. XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 384; Срезневский I, 1300—1301; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 3, 10), русск. диал. *кѳтбрѧ* ж. р. ‘вражда, ссора’ (свердл., перм., Опыт 91; Филин 15, 114; Сл. Среднего Урала II, 57; Элиасов 168), ст.-укр. *котора* ‘ссора’ (XVII в., Картотека Тимченко), укр. *которѧ* ж. р. ‘ссора, раздор, обида’ (Гринченко II, 293), диал. *кѳтбра, кѳтбра* (Мат. до словн. буковин. гов. 6, 115). — Ср. сюда же производные ст.-слав. *кѳторьнѧз*, прилаг. *μαχόμενος pugnans* (Sad., Mikl.), русск.-цслав. *кѳторьными* (Панд. Ант. XIV в., Срезневский I, 1303); ст.-слав. *кѳторьникъ* м. р. *ἀνοβότατος, inobediens* (Supr, Mikl.), русск.-цслав. *кѳторникъ* м. р. ‘тот, кто склонен к ссорам, строптив, враждебно настроен’ (Изб. Св. 1073 г., 24. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 385).

О возможном первоначально более широком распространении слова говорят, далее, чеш. *Kotora, Kotera*, фам. в Праге, *Koterov*, название деревни (Profous II, 336). Реликтом **kotera* может быть польск. диал. *koćera* ж. р. ‘забава, развлечение’ (Sychta. Słown. łociewskie II, 75).

Наиболее правдоподобно сближение с нем. *Hader* ‘раздор, распря’, сюда же нем. *Hader* ‘тряпка’, др.-в.-нем. *hadara* ‘лоскут’, ср.-в.-нем. *hader* ‘разодранный кусок ткани’. См. S. Bugge KZ XXXII, 1893, 49 (сюда же относит арм. *kotor* ‘frammento, pezzo; strage, uccisione’, против чего см. Н. Pedersen KZ XXXIX, 1906, 380); Verneker I, 588. Разграничение нем. **Hader*¹ ‘раздор’ и *Hader*² ‘обрывок, тряпка’ как абсолютных омонимов (Kluge²⁰ 279—280) не кажется необходимым, во всяком случае оно лишает сравнение исторической перспективы, подсказываемой аналогиями вроде русск. *раздор* — *раздирать*. Далее сравнивают, с одной стороны, с основой на *-и* др.-в.-нем. *Hadu-*, галльск. *Satu-* ‘бой, битва’ в личных именах собственных, с другой — с др.-инд. *sátru-* ‘враг’, которое предполагает и.-е. *k* палатальное. См. E. Zupitza KZ XXXVII, 1904, 400; Verneker, там же; V. Maček. — Slavia XVI, 1939, 187; Фасмер II, 353; Sadnik—Aitzet-

müller. Handwörterb. zu den aksl. Texten 252; Mayrhofer III, 294 (не возражает против сближения *katora: *satru-*, но сообщаемая им самим словообразовательная характеристика др.-инд. слова как имени на *-tu-* лишь усугубляет известное отличие в трактовке задненебного).

Слав. слово не могло быть заимствовано из герм., см. С. Младенов СбНУ XXV, II, 1909, 66.

Неудовлетворенность существующими этимологиями, а также некоторые особенности формы (ср. близость огласовки *katora/*koterа и *koterъjъ/*koterъjъ, см.) вызвали довольно остроумную, хотя и труднодоказуемую местоименную, точнее — местоименно-глагольную этимологию Вайяна (Слав. филология 1, 1958, с. 68) — от *kotorati *se* (см.), которое будто бы в свою очередь — от *koterъjъ, что-то вроде 'обвинять того, к о т о р ы й . . .' Сближение с лит. *katālyti* 'колотить' (Шпехт у Фасмера, там же) отпадает ввиду того, что последнее — метатеза из *kalātyti* 'колотить', позднего заимствования из вост.-слав. (см. о лит. слове Граепкел I, 207).

Из прочей литературы: G. S. Lane. — Language 8, 1932, 295; Он же. — Language 9, 1933, 246—247.

*koterati *se*/*kotorati (*se*): ст.-слав. которати (сА) *катадиχάζειν*, *dan-pare* 'осуждать', *διαστασιάζειν*, *μάχεσθαι* 'ссориться' (Cloz., Supr., Mikl., SJS), цслав. котерати *διχάζειν*, *катадиχάζειν*, *soarguere* (Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *котерати* 'осуждать' (Ио. Лест. XII в., Срезневский I, 1299), *котератиста* 'ссориться' (Златоустр. XII в.; Жит. Ниф. XIII в. 51. Срезневский I, 1299; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380—381), *киторатиста* то же (Пат. Син. XI в. 290; Пов. вр. л. под 1054 г. и мн. др., Срезневский I, 1301), русск. диал. *кото-рѣтъся* 'взорить, ссориться, браниться', 'завнаваться' (Филин 15, 111, со ссылкой на Слов. Акад. 1914), *котрѣтъ* 'ломать' (горьк., Филин 15, 113), *котрѣтъ* 'ломать, коверкать' (вят.), 'делать что-либо без толку, напрасно' (костр.) (Филин 15, 114; Васнецов 113). — Ср., с другим исходом глагольной основы, русск. диал. *котбрѣтъся* 'ссориться, браниться' (волог., Филин 15, 111), блр. диал. *кацѣрыць* 'ссориться, взорить' (Живое слова 88).

Глагол, производный от имени с основой на *-a* *koterа/*kotorа (см.). Иная точка зрения — о направлении деривации *koterъjъ (см.) → *koterati *se* → *koterа (см. подробнее предыд.) — не представляется вероятной.

*koterъjъ/kotorъjъ: ст.-слав. которъ, которын, котерыи *тис*, *quis* 'который, какой' (Euch., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. (Герров) *кѣтрый*, *-ра*, *-ро*, мест. 'который', диал. *котрѣ*, *котрѣ*, *котрѣ* 'который', 'чей' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *котрѣ*, *котрѣ*, *котрѣ*, *котрѣ* 'который' (Стойчев БД II, 191), *кутри* 'кто', 'который' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 47; Чукуркѣой, Рупчоско, Сп. БАН LVI, 62; Тр. Сб. VI/II, 138, Архив Болг. диал. словаря, София; с. Корница,

Благоевградско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), серб.-цслав. которъ, мест. ποιος 'какой' (Вук. ев. нач. XIII в. 81), сербохорв. диал., редк. *koteri*, мест. 'который' («только в сев.-зап. краях», RJA V, 397), книжн., диал. *kotori* (RJA V, 401), словен. *kočeri* = *kačeri* (Plet. I, 447), словц. *koterý, kotorý, kotrý*, мест. 'который, какой' (Kálal 263, 264), в.-луж. *kotry* 'какой, который' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótary*, мест. 'который' (Muka Sl. I, 686), диал. *kótery* то же (там же), др.-русск., русск.-цслав. *котерыи*, мест. 'какой' (Изб. Св. 1076 г., 536; Ж. Нифонта, 343. 1219 г.), 'кто, тот, который' (Арх. ев., 184 — 1097 г.), 'кто-нибудь' (Юр. ев., 130. 1119 г.), 'какой-нибудь' (Пат. Син., 397, XI—XII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 381; Срезневский I, 1300), *которыи* 'какой, кто' (Лук. XVII. 7. Остр. ев.; Арх. ев. 131; Лавр. л. под 1153 г.), 'некоторый' (Новг. I л. под 1419 г.), 'который' (Пов. вр. л. введ.; Смол. гр. 1229 г. 2^{он} сп.; Дог. гр. 1262—1263 г.; Новг. I л. под 1263 г.) (Срезневский I, 1302), русск. *котрый, -ая, -ое*, мест., диал. *котрый, -ая, -ое* 'некоторый' (Словарь говоров Соликамского района Перм. обл. 256; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), ст.-укр. *которы(и), котры(и)*, мест. 'который' (1322 г.), 'какой-нибудь' (1341 г. и др.) (Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. 1, 505—507), укр. *котрый, котрий, -а, -е*, мест. 'какой', 'какой-нибудь', 'некоторый' (Гринченко II, 293), также диал. *котрий* (Онышкевич 375), ст.-блр. *которыи=яжиу* (Скарына 1, 280), блр. *катобы* 'который', диал. *катобы* 'какой, который', 'некоторый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 381).

См. специально S. C. Gardiner. Die Entwicklung des Relativpronomens *kotoryj* im Altrussischen. — Wien. slav. Jb. VIII, 1960, 203 и сл.

Слав. слово продолжает еще и.-е. образование — производное **k^ho-ter-o-* от вопросит. мест. **k^ho-* (см. **kъjь*) с суф. сравнительной степени *-ter-*, ср. этимологически тождественные др.-инд. *katará-*, авест. *katāra-* 'кто из двух', греч. *πότερος* то же, гот. *waþar*, лит. *katràs* 'который'. См. Verneker I, 674; Фасмер II, 353—354 (с литературой); О. Friš. The IE comparative. — ArOr XVIII, 1950, 177; Pokorný I, 645—646. В плане и.-е. относительной хронологии первична, разумеется, форма **koterъ*, тогда как **kotorъ* — результат выравнивания, если даже относить их обе в праслав. эпоху (что бесспорно) или, наконец, — в широком смысле — в и.-е. период. Ср. Kopečný [et al.]. Etym. slovník slovenských jazyků 2 (Praha, 1980), 368—369. Любопытно, однако, что, например, равноформленное и тоже — и.-е. происхождения праслав. **jeterъ* (см.; ст.-слав. *ѣгеръ* 'какой-то, некий') не знает таких колебаний формы и, к тому же, представлено более бедно (ст.-слав., в.-луж., н.-луж., русск.-цслав.). Более широкое распространение **koterъ*/**kotorъ* все-таки не случайно соответствует его более богатой вариантности, если, к тому же, учесть допол-

нительные варианты **kъterъjъ* (см.) и **kъtorъjъ* (см.), даже при условии значительного возраста и этих последних.

**koťe*, род. п. **koťete*: болг. *kóťe* ср. р. 'котенок' (РБЕ; Геров: *копя*), диал. *kóťe* ср. р. 'кошка' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *kóťи* ср. р. 'котенок' (П. И. Петров. Еленски речник. — БД VII, 70; Зеленина БД X, 101), макед. *копе* ср. р. то же (Кон.), сербохорв. *koče*, род. п. *kočeta* 'котенок' (RJA V, 141), диал. *kóťe*, род. п. *-eta*, ср. р. 'скотина' (Нема тај ни дете, ни *копе*. Лесковац, Требј. Р. РСА X, 324), чеш. *koťe* ср. р. 'котенок', диал. *kůťě* (Kubín. Čech. klad. 193), сюда же производное *koťátka* мн. 'сережки вербы' (Bartoš. Slov. 157), словц. *koča* ср. р., производное *kočiatko* 'котенок' (Káral 248), также диал. *koča* ср. р. (Диалект., Братислава; Ripka. Dolnotrenč. 93; Gregor. Slowak. von Pilisszántó 234), *koce*, род. п. *ko-sesa*, 'котенок' (Buffa. Dlhá Lúka 165), *kotiátka* 'сережки на вербе' (Káral 263), ст.-польск. *Kocię* (1416 г.: Nicolaus dictus Koszów. Słow. społ. nazw osobowych III, 1, 41), польск. *kocię*, род. п. *-ęcia*, производное *kociątko* 'котенок' (Warsz. II, 387), словин. *kūca* ср. р. (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 511), *k*oca* (Lorentz Romor. I, 406), *kočq*, род. п. *-ěca*, ср. р. то же (Sychta II, 219), др.-руск. *копя* ср. р. 'котенок' (Послов. Паус., 12 об. XVIII в., СЛРЯ XI—XVII вв. 7, 387), укр. *коп'я*, род. п. *-п'яти*, ср. р. 'котенок' (Гринченко II, 294; Укр.-рос. словник II, 385). — Ср. примыкающие сюда перестроенные русск. *котёнок*, род. п. *-нка*, м. р. 'детеныш кошки', диал. *копен'я*, род. п. *-и*, м. р. 'котенок' (зап.-брян., Филин 15, 104), укр. *копен'я*, род. п. *-п'яти*, ср. р. 'котенок' (Гринченко II, 292; Укр.-рос. словник II, 384; Білецький-Носенко. Словник української мови 193: *копен'я* ср. р. 'коток, кошечка'), блр. *кацяп'я*, *кацяп'нэ* ср. р. 'котенок' (Блр.-руск. 386; Байкоў—Некраш. 144).

Ум. производное с суф. *-et-* от **koťъ* I (см.). Махек отстаивает ту точку зрения, что не только **koťiti se* I (см.), но и **koťe* первоначально относилось к детенышам не одной кошки, но также и других животных; он склонен, далее, столь же расширительно трактовать и само праслав. **koťъ* I, якобы из и.-е. **katos* 'детеныш мелких животных' (Machek² 282—283). Кажется, подобное очень широкое обобщение только затемняет историю и этимологию слав. **koťъ* I 'кошка'.

**kotica*: болг. *kóťица* ж. р., ум. 'кошка' (Геров), сербохорв. диал. *kóťица* ж. р. 'кошка' (РСА X, 327; RJA V, 397: *kóťica* 'domaća životinja koja mnogo mladijeh koti'; только в словаре Стулли), польск. *kocica* ж. р. 'кошка' (Warsz. II, 386), также диал. *kocica* 'кошка' (Sł. gw. polsk. II, 391).

Производное с суф. *-ica* от **koťъ* I (см.). Наряду с этим можно отметить одно или даже два омонимических образования с тем же суф.: 1. от **koťъ* II (см.), ср. гапакс Стулли в словаре RJA (выше); 2. от **koťъ* III (см.), ср. **kotica* 'загон для скота', реконструируе-

мое на основе топонима — *Kotítsa*, название холма в Коринфе, *Kotiца*, название реки в Скопской Черногории, *Kotiца*, топоним на Украине, *Kotiцы* — в бывш. Псков., Твер. губ. (И. Заимов. Из болгарской исторической лексикологии. — ZfS 24, 1979, 159).

***kotidlo**: болг. *kotílo* ср. р. 'окот', 'логово, логовище' (БТР; РБЕ; Дювернуа: 'гнездо (напр. мышиное, крысиное)'; Геров; Геров—Панчев), диал. *kotílo* ср. р. 'место, где, по народному поверью, зимуют змеи' (Д. Маринов. Зап. България. — СбНУ XII, 1895, 290), 'рождение, род' (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), 'детвора' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), 'место, где рождаются волчата, медвежата' (Божкова БД I, 252), 'место, где рождаются зайцы' (Гъльбов БД II, 87), *kotíly* 'гнездо (змеиное, мышиное и т. д.)' (с. Баница, Врачанско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), *кутíly* ср. р. 'животные одного помета' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 26), макед. *kotílo* ср. р. 'логово, логовище', 'порода' (И-С), сербохорв. *kòtilo* ср. р. 'место окота, логовище, гнездо', 'род', 'рождение' (РСА X, 326; RJA V, 397: с XVIII в. и в словарях Стулли и Вука), также диал. *kotllo* ср. р. (Hraste—Šimunović I, 452).

Производное с суф. *-(i)dlo* от глагола **kotiti* I (см.).

***kotikъ**: чеш. *kotik* м. р. 'лодыжка' (Bartoš. Slov. 157; Kott I, 764: «Na Mor.»), укр. диал. *kòtik* м. р. 'сустав' (Mat. до словн. буковин. гов. 6, 85).

Ум. производное с суф. *-ikъ* от **kotъ* IV (см.).

***kotiti se** I: болг. *kòti se* 'котиться' (БТР; РБЕ: *kòtia se* 'котиться (о кошке, зайце, мыши и т. д.)'; Геров: *kòtъся*), также диал. *kòt'a са* (Зеленина БД X, 101), макед. *koti* 'котиться', 'плодиться', *koti se* 'рождаться (о котятках, ягнятах)' (И-С), сербохорв. *kòtiti (se)* 'котиться, рождать (о кошке), а затем и о других животных' (с XVI в., RJA V, 398; РСА X, 327), также диал. *kotlt (se)* (Hraste—Šimunović I, 452), словен. *kotiti* 'котиться, плодиться, щениться' (Plet. I, 447), чеш. *kotiti se* 'котиться (о кошке, козе, овце и т. д.)' (Kott I, 764), также диал. *kojít sa* (Svěrák. Karlov. 120), слвц. *kotit' sa* 'котиться, плодиться, родить' (SSJ I, 754), н.-луж. *kòsiš se* 'котиться, родить' (Muka Sł. I, 686), польск. *kocić się* 'котиться, плодиться, родить (о кошке, зайчихе, серне, козе, овце, медведице)' (Warsz. II, 387), словин. *kùšćeč sa* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 511), *k*ocac sa* (Lorentz Pomor. I, 406), *kocěc sa* (Sychta II, 221), русск. *котиться* 'рождать котят', диал. *котить* 'котиться (о кошках, овцах)' (твер., смол.), 'рождать двойню (о женщине)' (смол.) (Филин 15, 105), 'рождать детенышей (об овце, козе)' (Словарь русских донских говоров II, 83), укр. *котитися* 'рождать (о кошке, овце и зайце)' (Гринченко II, 293), диал. *котитис'а* 'котиться (об овце)' (Онышкевич 374), блр. *каціцца, кбціцца* 'котиться, рож-

дать детенышей (об овце, козе и некоторых других животных)' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 669), также диал. *каціцца, кб-ціцца* (З народнага слоўніка 174).

Хотя вторичная мотивационная связь **kotiti se* и **kotъ* I (см.) дает о себе знать, современная этимология глагола **kotiti se* разрабатывается — в соответствии с объективными данными — в другом направлении. Безоговорочное отнесение **kotiti se* к **kotъ* см. Berneker I, 589; Skok. Etim. riečn. II, 170. Однако уже давно указывалось на ряд несоответствий деривации **kotъ* → **kotiti*, первое из них — семантического порядка (несоответствие емкого значения 'рожать вообще', причем — о хозяйственно важных животных, что к кошке не относится, особенно в древности), второе — лингвогеографическое замечание о широте распространения производного глагола **kotiti*, который известен и в тех языках, которые слова **kotъ* I 'кошка' не знают (сербохорв., словен.). См. Трубачев. Происхождение названий домашних животных 97; см. так же Sławski II, 315—316. Весьма перспективно указание на возможное первоначальное тождество рассматриваемого **kotiti* I и **kotiti* II (см.) 'катить', т. е. 'производить движение вниз, падение, сбрасывание', технический термин о родах животного. См. В. Н. Топоров. О праславянском **kot-*. — ВСЯ 6, 172—176. Там же предпринята попытка этимологически связать далее, **kotiti* с исходным древним значением и греч. *κατά* 'сверху вниз', хетт. *katta(n)* 'вниз'. При всей заманчивости этой идентификации, еще не утратили своего значения соображения об аналогичности образования **kotiti se* I и **teliti se* < **tele*, т. е. вопрос об образовании **kotiti se* от некоего названия молодого животного, омонимизировавшегося с позднее заимствованным **kotъ* I 'кошка', еще не снят. Такие названия детенышей существуют, причем в языках, где нет никаких признаков наличия глагола, соответствующего слав. **kotiti*. Ср. лат. *catulus* 'детеныш, щенок'. См. Фасмер II, 352. См. еще о лат. слове Walde — Hofm. I, 183.

**kotiti (se)* II: ст.-чеш. *kotiti* 'катить' (Novák. Slov. Hus. 50), чеш. стар. *kotiti* 'опрокидывать, валять' (Jungmann II, 145), редк. *kotiti* 'катить', диал. *kotiti se* 'долго собираться, возиться' (Bartoš. Slov. 157—158), 'валяться' (Kott. Dod. k Bart. 43), в.-луж. *kócić so* 'быть в течке (о коровах)' (Pfuhl 265), польск. диал. *kocić* 'катить, валять' (Warsz. II, 387), др.-русск. *котитися* 'катиться' (Ж. Бор. Глеб., 24. XIV в. ~ XI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382; Срезневский I, 1300), русск. *катить*, укр. *котити* 'катить' (Гринченко II, 293), *котитися* 'катиться' (там же), блр. диал. *каціць* 'катить' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 442), *котытыся* 'стлаться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 507).

Этимологически трудное слово. Достаточно красноречив этимологически разнбой, предлагаемый словарями: к лат. *scatere* 'бить струей, бурлить', лит. *skasti* 'прыгать, скакать' (Berneker I, 592; Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. der ober- und nieder-

sorbischen Sprache 8, 583), англ. *skate* 'скользить', лат. *quatiō* 'трясти' (Фасмер II, 209 — с сомнением), др.-инд. *śātāyati* 'отрубать, разрезать, развязывать' (V. Machek «Slavia» XVI, 1939, 187; Machek² 283), ирл. *caithid* 'бросать' (вслед за Покорным — Sławski II, 314). Если сближение лат. *scatō* и лит. *skàsti*, *skataũ* между собой сохраняет свое значение (ср. о них Walde — Hofm. II, 491; Fraenkel II, 798), то этого нельзя сказать об их сближении со слав. словом, весьма отличным по значению. Формально-фонетические возражения встречаются (сближения с англ. *skate* (выше) и с др.-инд. *śātāyati*, в первом случае — со стороны герм. передвижения согласных (герм. *t* ≠ слав. *t*), во втором — со стороны отражения и.-е. *k̂* палатального (ср. о др.-инд. слове весьма неопределенно Maughofer III, 323).

Обсуждаемое в предыдущей статье возможное тождество **kotiti* I и **kotiti* II (Топоров) ставится там в производную зависимость от формы и значения предлога-нареч. греч. *κατά*, хетт. *katta(n)* 'вниз'. Эти последние сами не очень ясны этимологически (ср. о них Frisk I, 800; Chantraine. Dict. ét. de la langue grecque 1—2, 504—505) и едва ли первичны. Вполне возможно, что слав. **kotiti* продолжает и.-е. глагольную основу **kat-* с близким значением. Весьма серьезный интерес представляет здесь сближение Покорным слав. слова с ирл. *caithid* 'бросать, метать' из первоначального **katejeti*, см. подробно также В. Ыор. — Zbornik filozofske fakultete III/3 (Ljubljana, 1960, с. 7 и сл.; более раннее сближение с осет. *xatun* 'катить, катать' см. В. Ыор. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. IV. 14. Idg. **Hat-* 'schlagen, hauen, stechen'. — SR XI, № 3—4, 1958, 64). Ср. и приводимое у Чопа лат. (из кельт.? иллир.?) *catēia* 'особое метательное копьё'. И.-е. **kat-* 'приводить в (быстрое) движение, метать' оказалось весьма емким и перспективным в семантическом и лексико-терминологическом отношении. Скорее всего, оно связано (этимологически тождественно) с тем **kat-* 'скручивать, плести', которое дает Покорный на основании лат. *catēna* 'цепь' и некоторых других данных, см. Rokorny I, 534. Мы знаем, что значение 'метать, бросать, кидать' выступает и в терминологии плетения-ткачества (ср. русск. *метать*) и как синонимическая замена глагола 'рожать', ср. также русск. производное *помет* — о детенышах животных. Семантическая конкретизация 'бросать/катить в н и з' представляется в таком случае вторичной, как и значения греч. *κατά*, хетт. *katta(n)*. Кстати, семантически первоначально, видимо, близкие лексемы — слав. **kydati* (см.), **metati* (см.), которые тоже вторично были использованы для обозначения детенышей или их рождения, отнюдь не имели изначального семантического признака 'вниз', как не имело его, скажем, нем. *werfen* 'бросать, метать', далее, с одной стороны — также *Junge werfen* 'рожать детенышей', а с другой — специфическое значение *werfen* 'сновать (ткацкую основу)' Последнее тоже

типологически показательно в смысле единства и.-е. *kat- 'бросать, метать', эпизодически — 'плести' (выше).

Полноты ради может быть упомянута остроумная, но труднодоказуемая инверсионная этимология слав. *kotjъ, *kotiti — к *točъ, *točiti, см. Otrębski. *Studia indoeuropeistyczne* (Wilno, 1939) 188.

*kotjъ/*kotjъ: чеш. *kosour* м. р. 'кот', диал. *kosoury* 'побеги вербы с распустившимися сережками' (Hruška. *Slov. chod.* 42), словц. *kosúr* м. р. 'кот' (SSJ I, 712), также диал. (Káral 248; Matejčík. *Východopohrad.* 242), *kosur* (Buffa. *Dlhá Lúka* 165), в.-луж. *kosor* м. р. 'кот' (Pfuhl 264), н.-луж. *kócor*, *kócur* м. р. 'кот' (Muka Sł. I, 649), польск. диал. *kosur* м. р. 'кот' (Warsz. II, 388), словин. *k^oosur* м. р. 'кот' (Lorentz. *Pomog.* I, 406).

Обычно характеризуется как зап.-слав. производное с -r- суффиксальным от *kotъ I (см.). См. Трубачев. *Дом. жив.* 96; Sławski II, 319—320 (с суф. -erъ/-urъ от праслав. диал. *kotja). Однако определенные сомнения насчет этого ареала вызывает русск. *кошурка* — ласкательно о кошке (Даль² II, 182—183), диал. *кошюра* ж. р. 'кошка' (влад., Филин 15, 158), *кошурка* ж. р. 'кошка; кошечка' (пск., смол., костром., перм.), 'кот' (влад.) (Там же). Форма *кошурка*, *кошюра*, кстати, не учтенная в словаре Фасмера, могла бы через первоначальное *kочура вполне соответствовать перечисленным выше зап.-слав. названиям, одновременно принципиально расширяя этот «зап.»-слав. ареал. Единственное, что ослабляет значение русск. *кошура*, *кошурка* как ареального, диалектного свидетельства, это отмечаемая источниками принадлежность этого слова к фольклорному, песенному языку (а следовательно, — наддиалекту?).

*kotjъjъ: болг. (Геров) *кóчий*, -чъ, -чье, прилаг. 'кошачий' (если не из *kotъсьjъ), диал. *кóчи* то же (Хитов БД IX, 269), чеш. диал. *koči* 'кошачий' (Bartoš. *Slov.* 148), в.-луж. *koči* то же (Pfuhl 265), ср. и польск. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Warsz. II, 386), также диал. *koci* (Sł. gw. р. II, 391), хотя последние, скорее из *kotъjъ (см.).

Притяж. прилаг., производное с суф. -jъ от *kotъ I (см.). Относительно более широкое распространение этого прилагательного показывает производное *kotjьka (см. сл.).

*kotjьka: чеш. *kočka* ж. р. 'кошка Felis', словц. *kočka* то же (SSJ I, 712), в.-луж. *kóčka* ж. р. 'кошка' (Pfuhl 265), н.-луж. *kócka* ж. р. то же (Muka Sł. I, 648), польск. диал. *koszka* 'кошка (самец и самка)' (Нич, цит. по: Sławski II, 322), др.-русск. *кошка* ж. р. 'кошка' (1230 г. Ник. лет. X, 102. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 395), русск. *кóшка* ж. р. 'самка кота', укр. *кішка* ж. р. 'кошка' (Гринченко II, 247; Укр.-рос. словник II, 337), блр. *кóшка* ж. р. 'кошка'.

Производное с суф. -ьka от прилаг. *kotja ж. р. (см. *kotъjъ), субстантивация последнего. Ср. Sławski II, 322, где, однако,

самый факт отадъективности и субстантивации оставлен автором без внимания. Русск. *кошка* определенно продолжает др.-русс. **кочька*, ср. косвенное свидетельство формы *кочура*, *кочурка* (см. **kotjerъ*/**kotjurъ*), поэтому объяснение *кошка* < **коша* (Фасмер II, 360, вслед за Соболевским) неточно. Версия Махека о происхождении формы *кошка* из **kotka* под влиянием *ташка* (Machek² 266) обесценивается данными о сравнительной лингвистической географии названных форм (формы *ташка*, например, не знают вост. славяне).

**kotoma*: русск. *котомá*, *котóмка* ж. р. 'путевая сума, плетенка; бывает и кожаная, суконая, и носится за плечами' (Даль³ II, 457), диал. *котомá* 'котомка' (Сл. Среднего Урала II, 57; Иркутский областной словарь I, 225), укр. *кóтма* ж. р. 'котомка' (Гринченко II, 293).

Прич. наст. страд., производное с суф. *-ом-* от **kotiti* II (см.). Весьма интересно обратить внимание на живое значение 'плетенка' у русск. диал. слова в свете того, что сообщается выше по этимологической и семантической реконструкции производящего глагола. Ср. Фасмер II, 353: «Трудное слово. По мнению Соболевского (РФВ 70, 82), от *катать*».

**kotuxъ*: русск. диал. *котѹх* м. р. 'Помещение для домашних животных; хлев' (ряз., моск., тул., липец., ворон., дон., краснодар-тамб., пенз. и др.), 'курытник' (тамб., дон., влад., перм.), 'темный угол между задней стенкой печи и стеной избы' (ряз., влад., моск.), 'собачья конура' (том., иркут., сиб., влад.), 'пристройка из жердей и соломы сзади дома или двора для хозяйственного инвентаря' (яросл.), 'сарай' (терск., дон., ворон., сарат., ряз., иркут.), 'кормушка для скота' (свердл.) (Филин 15, 114—115; Опыт 91; Добровольский 353; Мельниченко 94—95; Элиасов 168; Словарь русских донских говоров II, 84), *катѹх* м. р. 'хлев' (дон., каз., ряз., сарат., тул., Опыт 81; Словарь говоров Подмосковья 191; Молотилов. Говор Северной Барабы 128), укр. диал. *котѹх* м. р. 'небольшая постройка для птицы' (Лексика Полесья 141), блр. диал. *катѹх* м. р. 'комнатушка' (Матарыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 219), 'собачья будка' (Жывое слова 149), 'кормушка, ясли', 'запечек' (Слоўн. паўноч.-заход. Беларусі 2, 438). — Ср. сюда же суффиксальное производное русск. диал. *котѹш* м. р. 'хлев' (Словарь русских донских говоров II, 84).

Производное с суф. *-ихъ* от **kotъ* III (см.). Ср. Фасмер II, 354. Ср. также **коцьсь* (см.).

**kotul'a*: чеш. диал. *kotula* ж. р. 'застежка на одежде' (Svěrák. Karlov. 120), *kotul'a* ж. р. 'большая плоская пуговица', 'медное колечко в конской сбруе' (Bartoš. Slov. 158), 'башка, голова' (Kott. Dod. k Bart. 43), польск. диал. *kotula* 'ткацкий навой' (Falińska. Pol. śl. tkackie I, 122). — Ср. сюда же суффиксальное производ-

ное сербохорв. диал. *коту́лѧч*, *коту́льѧч* м. р. 'круг, кружок' (РСА X, 337, 338; RJA V, 403).

Как и **kotulъ* (см.), соотносительно с глаголом **kotul'ati* (см.).
 **kotul'ati*: сербохорв. диал. *коту́лати* 'свивать, складывать кольцом, кругом' (РСА X, 338), чеш. стар. *kotouleti* 'катить' (Adam Daniel z Veleslavina. Kott I, 765), диал. *kotúl'at* то же (вост.-мор., Bartoš. Slov. 158), *kotúlat (sa)* 'катить(ся)' (Malina. Mistř. 46), словц. *kotúl'at* 'валять, катать' (SSJ I, 755), также диал. *kotúl'at'i* (Matejčík. Novohrad. 82, 273), укр. *коту́ляти*, *коту́ляти* 'плохо жевать (например, о беззубом)' (Гринченко II, 293).

Глагольный интенсив, производный с суф. *-ul'-a-* от **kotiti* II (см.). Ср. **koturati* (см.).

**kotulъ*: чеш. *kotoul* м. р. 'круг', 'оборот кувырком', словц. диал. *kotúl'*: *turáky rǒjdu kotúl'* 'groše se rozkutáleji' (Kukučín. Banská Bystrica, Slov. Pravno v Turč. ž., Kálal 264), русск. *коту́ль*, *коты́ль* м. р. 'кошолка или котомка, заплечная плетенка' (Даль³ II, 458), блр. диал. *хатыль* м. р. 'плетеная из бересты корзинка для хлеба', 'котомка' (Бялькевич. Magil. 470). — Ср. сюда же суффиксальное производное чеш. диал. *kotulka* ж. р. 'хохлатый жаворонок' (Svěrák. Karlov. 120), словц. диал. *kotúl'ka* ж. р. 'пряслице на веретене' (Matejčík. Východonovohrad. 273), *kotúl'ke* 'часть ткацкого станка' (Palkovič. Z vesn. slovn. Slovákov y Mad'ar. 341).

Как и **kotul'a* (см.), соотносительно с глаголом **kotul'ati* (см.). Ср. Фасмер II, 354, очень нерешительно связывающий русск. *коту́ль*, *коты́ль* с *котомá* (см. **kotoma*).

**koturati* (се): макед. *кутурам* 'полететь кувырком, катить' (J. Ташевски. Зборови од тетовскиот говор. — МЈ III, 8—9, 1952, 216), сербохорв. *коту́рати* 'вертеть', 'катить', *коту́рати се* 'крутиться, катиться' (РСА X, 339—340), словен. *kotúрати* 'катить' (Plet. I, 448), русск. диал. *коту́ратъся* 'кувыркаться' (Словарь русских донских говоров II, 84), *коту́рять* 'толкать, неосторожно двигать' (ряз., Филин 15, 114).

Глагольный интенсив, образованный с суф. *-ur-a-ti* от **kotiti* II (см.). Ср. **kotul'ati* (см.).

**котъ* I: болг. стар., диал. *кот* м. р. 'кот' (Геров: Младенов БТР; Речник РОДД; П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70), сюда же производное *котѧж* м. р. 'кот' (Дювернуа, Геров), диал. *кутаѧж* м. р. (Зеленина БД X, 101), сербохорв. стар., редк. *кот* м. р. 'кот' (RJA V, 393: только в слав. рукописи XVI в.), ст.-чеш. сложные *Kotojědi*, *Kotojědu* мн., местн. название (1484 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *кот* м. р. 'кот' (Bartoš. Slov. 157; Lamprecht. Slov. stědoorav. 63), словц. диал. *кот* (вост.-словц., Kálal 263; Buffa. Dlhá Lúka 167), производное *kotena* ж. р. 'кошка' (Kálal 263), н.-луж. *кѧт* м. р. 'кот' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *кот* м. р. 'кот, кошка' (Sł. stpol. III, 363; Sł. polszcz. XVI w., XI, 75—76), *Kot*, личное имя собств. (Nicolaus Coth, 1377 г., Sł.

stpol. nazw osobowych III, 1, 108), польск. *kot* м. р. 'кот, кошка' (Warsz. II, 502), *kotek*, род. п. *-tka*, м. р., ум. 'котик' (Warsz. II, 504), диал. *kot* 'кошка', 'заяц' (Sł. gw. р. II, 449; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 63; Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 183; Sychta. Słown. kociewskie II, 84; Tomasz., Łop. 139—140), словин. *kot* м. р. 'кот', 'заяц' (Sychta II, 219), *koet* (Ramušt 77), *kùet* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *k^uot* 'кошка', 'кот' (Lorentz Pomor. 424), *kùetk* м. р., ум. 'кот' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), др.-русск. *котъ* м. р. 'кот (домашний); самец кошки' (Ж. Серг. Нур., 125. XVII в. ~ 1584 г.), 'дикое животное семейства кошачьих (самец куницы, камышового кота и др.)' (Там. кн. Тихв. м., № 1265, 24 об. 1626 г.) (СЛРЯ XI—XVII вв. 7, 379; Срезневский I, 1303), *котокъ* м. р., ласк. к *котъ* (Сим. Послов., 80. XVII в. СЛРЯ XI—XVII вв. 7, 383), русск. *кот* м. р. 'самец кошки', диал. *кóтко* 'котенок' (Словарь русских говоров Среднего Урала II, 56), укр. *кіт*, род. п. *котá*, м. р. 'кот' (Гринченко II, 246), блр. *кот* м. р. 'кот', ум. *каток* 'котик' (Байкоў—Некраш. 144).

Дикая кошка носила особые названия, разные в разных и.-е. языках: греч. αἰέλουρος, лат. *fēlēs, felis*, праслав. **stǫbbjъ* (см.; отсюда цслав. *стабѣлѣ*, ст.-польск. *zdeb*, польск. *źbik, źbik*), лит. *vil-pišys*.—Эти старые особые названия животного *Felis sylvestris* были затем потеснены новыми описательными типа русск. *дикая кошка*, нем. *Wildkatze*, на что повлияло вторичное, но довольно интенсивное распространение домашней кошки. В отличие от местной дикой кошки, домашняя кошка обозначается практически во всех языках Европы исторически одним и тем же словом, что ярко характеризует название домашней кошки в этих языках как культурное слово, по всей вероятности — заимствованного происхождения. Зоологи ведут европейскую домашнюю кошку из Африки, причем раньше других с ней познакомились римляне. Кстати, в основе всех прочих европейских названий кошки лежит лат. *cattus, catta*; так, слав. **kotъ* с его кратким корневым гласным довольно точно передает лат. *a* с геминированным *tt*. Из лат. появилось греч. *κάττα* не раньше VI в. н. э. Мысль о герм. первоисточнике всех этих слов (герм. **kat(t)*- 'изгиб, кривизна'? Так см. Kluge²⁰ 358: первоначально 'животное с изогнутой спиной?') не убеждает. Герм. название (нем. *Katze*, др.-в.-нем. *kazza*, англос. *catte*) представляется латинизмом, вплоть до передачи лат. геминатии *tt*. То же самое можно повторить о кельт. названиях, также отражающих лат. удвоение *t*. См. Stokes, Bezenberger. Wortschatz der keltischen Spracheinheit⁵ 67: *kattā, katto-s*; Walde—Hofm. I, 183.

В самом лат. языке это слово отмечено как обозначение домашней кошки лишь в IV в. н. э. Вопрос дальнейшего происхождения *cattus, catta* еще не вполне ясен: из нубийского? — но в Восточное Средиземноморье (греч. *κάττα*) слово проникло лишь вторично. Эпицентр европейского названия кошки в латинском побуждал

искать дальше в латинском материале, причем высказывались соображения о том, что отправной точкой послужило название детенышей животного — лат. **catus, catulus*, см. V. Hehn. *Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe* (New edition. Amsterdam, 1976) 351. Мысль эта получила крайнюю форму в наше время у Махека, который говорит о слав. **kotъ*, и.-е. **katos* как названиях молодых животных, см. Machek² 283, s. v. *koťě* и у нас на **koťe*. Однако «культурный» характер термина **kotъ* и отмеченная выше противоположность его локальным названиям дикой кошки определенным образом противоречат этой исконной версии. Ср. критические замечания еще у Бернекера, см. Berneker I, 590. См., далее, обзор у Фасмера II, 350; Miklosich 135; Трубачев. Происхождение названий домашних животных в слав. языках 96 и сл. (с дальнейшей литературой); Ślawski II, 558—559; Fraenkel I, 228; лит. *katė* ‘кошка’ и другие балт. названия; К. Буга РФВ LXX, 1913, 256.

***kotъ II:** макед. *кот* м. р. ‘окот’, ‘отродье’ (Кон.), сербохорв. *кѳт* м. р. ‘окот, помет’, ‘отродье’ (РСА X, 319; RJA V, 393; с XVII в.), словен. *kōt* м. р. ‘выводок’ (Plet. I, 446), чеш. диал. *kōt* м. р. ‘послеродовой период’ (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 80), польск. диал. *kot* ‘место окота лесных животных’ (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 72).

Обратное производное от глагола **kotiti se* I (см.).

***kotъ III:** сербохорв. диал. *кѳт* м. р. ‘закут для домашних животных, для молодняка’ (РСА X, 319; RJA V, 393; Вук Караџ.: Осијек), ст.-чеш. *kot, kōt* м. р. ‘будка, лавка (рыночная)’ (Gebauer II, 114).

Чтобы правильно оценить потенциальное широкое распространение этого слова, необходимо учесть широкую представленность его старого производного — **kotъсь* (см.).

Старая индоевропейстика думала о герм. истоках слав. **kotъ* ‘закут, хлев’. См. Miklosich 135: ‘Слово очень распространено в немецком»; С. С. Uhlenbeck. *Die germanischen Wörter im Altslavischen*. — AfslPh XV, 1893, 488 (из герм., ср. ср.-н.-нем. *kot*, сканд. *kot* и т. д.). Однако с самим герм. словом связано много проблем, ср. отчасти о них Berneker I, 589: удовлетворительная герм. этимология отсутствует, вероятный герм. источник слав. слова указать трудно, тем более, что не менее серьезны другие возможности объяснения слав. слова, например из ир. Слав. слово не могло быть заимствовано из прагерм. формы, которая имела вид **kut-/*kaut-* (см. Kluge²⁰ 397), более близкие по форме и значениям нем. *Kote, Kate*, ниж.-нем. *koť(e)*, нидерл. *koť* ‘хижина’, англос. *cot*, англ. *cot* ‘хижина, хлев’, др.-исл. *koť* ‘хижина’, норв. *koť* ‘комнатка, загородка’ не могли быть заимствованы в слав. либо по соображениям относительной хронологии (слав. слово безусловно принадлежит праслав. периоду и слово-

образовательно довольно продуктивно, ср. **kotuxъ*, **kotъсь*), либо лингвистической географии.

Родство с ир., авест. *kata-* 'помещение, кладовая', констатацией которого довольствовались другие авторы (С. Младенов. Славянские этимологии. 8. Слав. *kotъ*, *kotъсь*. — РФВ LXV, 1911, 365—367; М. Vasmer RS VI, 1913, 174—175; Фасмер II, 351; Mashek² 283; ср. еще А. А. Зализняк ВСЯ 6, 35), отпадает, поскольку для ир. формы средствами внутренней реконструкции — производность от глагола *kap-* 'копать' — восстанавливается праформа **kp-ta*. В то же время трудно отрицать близость слов и значений ир. *kata-* '(подземное) помещение' — слав. **kotъ*, **kotъсь* 'закут, хлев': древним хлебом для мелких животных у славян был, видимо, тоже род земляники, подобно тому, как преимущественно земляночным было и древнее жилище самих славян. Здесь уже содержится суть диахронического тождества двух слав. слов — более древнего **kotъ*, **kotъсь* и более позднего **xata* (см.). Наиболее вероятно, что **kotъ* III было ир. заимствованием древней поры. См. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 24; О. N. Trubačev. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 34, 1981, 472—473.

Соперничающая старая этимология **kotъ*, **kotъсь* < и.-е. **kat-* 'плести' (ср. J. Loewenthal WuS IX, 1926, 173 и сл.; J. Knobloch. — Kratylos IV, 1959, 37) все-таки уступает в вероятности изложенной ир. этимологии, ср. семантический атавизм слова **xata*, сохраняющего — в оттенках — вплоть до современного употребления земляночное значение или близкие.

Кельт. происхождение (А. Schachmatov AfslPh XXXIII, 1911, 90) маловероятно.

**kotъ* IV: ст.-чеш. *kot* м. р. 'бросание, опрокидывание' (Gebauer II, 114; Šimek 66), чеш. *kot*, *kût* м. р. 'что-либо круглое, выпуклое' (Jungmann II, 143—144), польск. диал. *kot* 'горсть чистого льняного волокна' (Falińska. Pol. śl. tkackie I, 122), др.-русск. *коты* 'противоштурмовые бревна' (Ряз. зас. кн., 69, 1659 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 386), блр. диал. *каты* мн. 'валяные опорки' (З народнага слоўніка 125), *кѳтам*, нареч. 'впвалку' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243).

Отглагольное производное от **kotiti* II (см.).

**котъка*: ст.-слав. *котъка* ж. р. *felis* 'кошка', *ἄγχιρα*, апсога 'якорь' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *кѳтка* ж. р. 'кошка' (Геров; БТР), также диал. *кѳтка* (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70; И. К. Бунина. Ольшанский говор 28), *кѳтка* (Зеленина БД X, 101), *кѳткъ* ж. р. (П. Китилов. Казанлъшко. — БД V, 123), макед. диал. *котка* ж. р. 'кошка' (Кон.), *кѳтка* (Mačeski 53), сербохорв. стар., редк. *котка* ж. р. 'кошка' (RJA V, 398: только в книгах на церк. языке и в словаре Стулли), чеш. *kotka* ж. р. 'кошка' (Kott VI, 686), ст.-польск. *kotka* 'кошка' (Sl. stpol. III,

364), польск. *kotka* ж. р. 'кошка' (Warsz. II, 504), также диал. (Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 183), *kyetka* то же (Tomasz., Łop. 139), словин. *kùtkà* ж. р. (Lorentz Šlovinz. Wb. I, 518), *k'otka* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 422), *koška* (Sychta II, 220), др.-русск., русск.-цслав. *котѣжа* ж. р. 'кошка' (1096 г. — Лавр. лет., 235; Правила, 145. XIV в.), 'якорь' (Усп. сб., 334. XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382; Срезневский I, 1303), укр. *кітка* ж. р. 'кошка' (Гринченко II, 246; Укр.-рос. словник II, 337), блр. *кòтка* ж. р. 'кошка' (Байкоў—Некраш. 149).

Производное с суф. *-ѣка* ж. р. от **koť* I (см.).

***котькъ**: др.-русск. *котки* мн. 'противоштурмовые бревна, которые скатываются со стен крепости во время приступа' (Псков. а., 369. 1636 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382), русск. диал. *коток* 'ворот колодца' (Сл. Среднего Урала II, 56).

Производное с суф. *-ѣкъ* от **koť* IV (см.).

***котьрба**: чеш. диал. *koťrba* ж. р. 'голова, башка' (Svěrák. Brněn. 109; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 81), словц. *koťrba* ж. р. то же (SSJ I, 754), также диал. *koťrba* ж. р. (Matejčík. Východonovohrad. 273; Zoch 74; Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236).

Недостаточно ясное слово. Возможно, к **koťrba*/**koťroba*/**koťroma* (см.), т. е. первоначально 'лохматая, растрепанная башка', см. Machek² 283.

***котьрѣ**: ст.-чеш. *koťřec* 'lupinacia' (Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *koťř* 'развилка', 'росток, пучок', 'недоразвитое деревце, кустик', 'гриб Clavaria' (Bartoš. Slov. 158; Hošek. Českomorav. II. 148), 'маленький человек' (Kott. Dod. k Bart. 43), словц. *koťř* 'ботва', 'развилка', 'вид грибов' (Kálal 264).

Сложение местоименного префикса *ko-* и основы глагола **ťr-čati* (см.). Ср. Machek² 283. Ввиду очевидного экспрессивного характера древность проблематична.

***котьрл'ати**: сербохорв. *коťрлати* 'валять, катать, вертеть' (РСА X, 335—336; RJA V, 402: с XVII в.), словен. *koťrljati* 'катать, катить' (Plet. I, 448), чеш. *koťrleli* 'валять, катать', словц. диал. *koťrl'at'sa* 'кататься, валяться' (Slovenské Pravno v Turč. ž., Kálal 264).

Интенсивная суффиксальная глагольная форма от **koťiti* II (см.), см. Skok II, 169: автор говорит об «ономатопеизации» глагола с помощью вставки слогового *r* в сочетании с *lj*, причем опускается из виду наличие близкого сербохорв. *коťулати* (см. **koťul'ati*). Как в случае с **koťul'ati*, соответствия охватывают прежде всего сербохорв. и чеш.-словц. группу. Ср. еще Machek² 282. Неточно объяснение сложением префиксального *ko-* и глагола типа *ťrljati* (J. Schütz. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 323).

***коту**, род. п. ***котьве**: цслав. *котка* ж. р. *ancora* (Mikl.), болг. *кòтва* ж. р. 'якорь' (Геров; БТР), макед. *кòтва* ж. р. 'якорь' (И-С), сербохорв. *кòтва* ж. р. 'якорь' (РСА X, 324; RJA V, 404:

«У нашего народа этого слова больше нет, но его употребляют некоторые авторы нашего времени»), словен. *kōtva* ж. р. 'якорь' (Plet. I, 448), чеш. *kotva* ж. р. 'якорь', диал. *kotev* 'ветка' (Hruška. Slov. chod. 44), слвц. *kotva* ж. р. 'якорь' (SSJ I, 755), в.-луж. *kōtwa*, *kōtwica* 'якорь', 'водяной орех Тгара' (Pfuhl 278), н.-луж. *kōtwa* ж. р. 'якорь' (Muka Sł. I, 687), *kōtwica* 'капкан' (там же), полаб. *t'ōtāi* ж. р. 'кошка' (Polański—Sehnert 156, с реконструкцией **koty*), ст.-польск. *kotew*, *kotwa*, *kwica* ж. р. 'якорь' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz. XVI w., XI, 81—82), польск. *kotwa*, *kwica*, *kotew*, *kwica* ж. р. 'якорь' (Warsz. II, 504, 506; Sł. gw. p. II, 449), словин. *k'otāv*, род. п. *-tve*, ж. р. 'якорь' (Lorentz Pomor. I, 422), *kwetev* (Ramuŕt 77), укр. *kimva* ж. р. 'якорь' (Гринченко II, 246; Укр.-рос. словник II, 337: *kimvā*).

Мнение о заимствовании из герм., опирающееся именно на значение 'якорь' (см. Verneker I, 590; С. Б. Бернштейн. — Сборник за филологију и лингвистику XII, 1969, 15), неубедительно. Значение 'якорь особого вида' могло развиваться вполне независимо из 'кошка' в разных языках. Объяснение из герм., точнее — из ниж.-нем. *katt* 'маленький якорь', трудно согласовать с распространением в более отдаленных — ю.-слав. языках. Впрочем, и укр. слово нельзя однозначно толковать как полонизм ввиду наличия регулярных форм *kimvā* < **kot'va* < **koty/-tve*. Весьма ценно свидетельство полаб. языка, который, будучи территориально наиболее близким к ниж.-нем. (Сев. Германия), не знает как раз значения 'якорь'; рефлекс **koty*/**kot've* сохранил в нем первоначальное значение 'к о ш к а' (см. выше). Все в целом позволяет нам рассматривать **koty* как вторичную, но оригинальную форму ж. р. от **kotъ* I (см.) 'кот'. Ср. Фасмер II, 350.

**koty'ati*: сербохорв. диал. *котълати* 'ворочать, ворошить', 'вертеть' (РСА X, 326; RJA V, 397: «возможно, родственно *koturati* и *kotrlati*»), русск. диал. *котылять* 'хромать' (курск., Филин 15, 117).

Этимологически тождественно **kotul'ati* (см.), суффиксальному глагольному интенсиву от **kotiti* II (см.). Стоит обратить внимание на сербохорв.-русск. соответствие.

**kotyšъ*: чеш. *kotejš* м. р. 'Schneckenrundung' (Kott I, 764), диал. *kotyjš* 'ободранный стержень пера' (Hruška. Slov. chod, 44).

Образование с суф. *-yšъ*, соотносительное с глаголом **kotiti* II (см.).

**koťсь*: цслав. *когъца* м. р. *vozъai*, *mansiuncula*, *nidus* 'клетка, отделение' (Mikl., SJS), болг. диал. *коџе* 'рыболовный закол, которым перегораживают реку' (СБНУ LI, 1963, 70), макед. *коџец* м. р. 'рыболовный закол', 'перегородка' (Кон.), сербохорв. *коџац* род. п. *коџа*, м. р. 'хлев, закут, перегородка в хлеву', 'рыболовецкий закол', 'закром, амбар' (РСА X, 323; RJA V, 393—394: в топонимии — с XIV в.), словен. *kōtes*, род. п. *-tca*, м. р. 'перегородка в хлеву, закут', 'свинарник', 'клетка для птиц' (Plet. 1,

447), ст.-чеш. *kotec* 'рыночная лавка' (Brandl 107), чеш. *kotec*, род. п. *-tce*, м. р. 'перегородка в хлеву, закут', диал. *kotce* мн. 'голубятня' (зап.-мор., Bartoš. Slov. 157), ст.-польск. *kocięc* 'загородка для домашних животных, птицы' (Sł. polszcz. XVI w., X, 449), польск. *kojęс*, род. п. *-јас*, стар. *kocięc* м. р. 'клетка для откармливания птицы', 'перегородка в хлеву, закут' (Warsz. II, 391), др.-русск., русск.-цслав. *котьць* 'клетка' (Быт. VI. 14 по сл. XIV в.; Ио. Леств. XII в.; Пал. XIV в. 67. Срезневский I, 1304), 'окно' (Пал. XVI в. л. 66, 67 и 68. Срезневский I, 1305), русск. диал. *котѣц*, род. п. *-тцѣ*, м. р. 'ловушка из хвороста, камыша для рыбы' (Словарь русских донских говоров II, 83; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), *котцѣ* мн. 'загородка из кольев, вбитых в дно реки. для задержания рыбы; закол' (иркут., енис., тобол., сиб., азов., дон.), 'рыболовная сеть' (вят.), 'искусственный водоем для содержания рыбы; садок' (челяб.) (Филин 15, 116; Опыт 91; Элиасов 168), *кѣтцѣ* мн. 'род юрты из кольев, покрытой кожами и землей' (без указ. места, Филин 15, 115), укр. *котѣць*, род. п. *-тцѣ*, м. р. 'камышовая загородь в виде почти сомкнутого круга, стоящая в воде для ловли рыбы' (Гринченко II, 292).

Производное с суф. *-ьсь* от **kotъ* III (см.; там же подробнее об этимологии), связь которого с **kotiti* II (см.) и близкими, предполагаемая В. Н. Топоровым (Этимология. 1971. М., 1973, 289, 297), не кажется вероятной.

***котъжь**: ст.-польск. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Sł. polszcz. XVI w., X, 449), польск. *koci* то же (Warsz. II, 386), диал. *kości* (Sychta. Słown. kociewskie II, 85), словин. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Sychta II, 219), *kъѣci* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 512), *kъci* (Ramuĭt 73).

Притяж. прилаг., производное с суф. *-ьь* от **kotъ* I (см.). Ср. **kotъьь* (см.).

***котль'арь**: болг. *котлър* м. р. 'котельник', 'котельщик' (РБЕ; Геров—Панчев: *котлър* м. р. 'медник, который ездит по селам и меняет новые котлы на старые'. Габрово), отсюда производные *Котлъров*, *Котлърски*, *Котлъров*, фамилии (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 272; Дювернуа), макед. *котлар* м. р. 'котельник, медник' (И-С), сербохорв. *кѣтлар*, *кѣтлър* м. р. 'котельник, ремесленник', 'котельщик' (РСА X, 328; с XVII в., см. RJA V, 398: «Može biti riječ praslavenska»), словен. *kotlár* м. р. 'медник' (Plet. I, 447; Megiser 1977, 65), чеш. *kotlár* м. р. 'медник, котельщик' (Kott I, 764), словц. *kotlár* м. р. то же (SSJ I, 754), в.-луж. *kótlarъ* м. р. 'медник' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótlarъ* м. р. 'медник, котельник' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *котларъ* м. р. 'котельник' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz. XVI w., XI, 79; Stanislaus Kotlarz, личное имя собств., 1467 г.; Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 110), польск. *kotlarz* м. р. 'котельник, медник' (Warsz. II, 504), словин. *k*ótlorъ* м. р. то же (Lorentz

Ромог. I, 422), *kùptlōř* (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 518), русск. диал. *котляр* м. р. 'лудильщик, медник' (тул., зап.-брян., Филин 15, 108), укр. *котляр*, *китляр* м. р. 'медник' (Гринченко II, 247), блр. *катляр* м. р. 'медник' (Байкоў—Некраш. 144).

Производное с суф. *-арь* от **kotylъ* (см.), хотя в принципе здесь возможно заимствование целиком из герм. **katilarja-* с тем же значением.

**kotylina*: макед. *котлина* ж. р. 'котловина' (И-С), сербохорв. *кѳтлина*, *кѳтлина*, *котлина* ж. р. 'котловина, долина между гор', 'место для котла' (РСА X, 330), *kōtlina* ж. р., увелич. от *kotao* 'котел' (RJA V, 399: с XVII в.), также в качестве местн. названий — *Kotlina* (в Сербии, RJA V, 399), *Kotlina* (Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 88 и др.), *Kōtline* мн., название леса в Славонии (RJA V, 399), словен. *kotlina* ж. р. 'котловина, углубление в почве' (Plet. I, 448), чеш. *kotlina* ж. р. 'котловина, впадина', 'глубина, глубокое место', 'яма' (Kott I, 765), в.-луж. *kōtlina* ж. р. 'котловина' (Pfuhl 278), ст.-польск. *kotlina* ж. р. 'углубление для котла' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 79—80), польск. *kotlina* ж. р. 'переносный очаг', 'углубление, куда вмуровывается котел', 'котловина, углубление, круглая впадина' (Warsz. II, 505), диал. *kotlina* 'цель для котла над очагом' (Sł. gw. р. II, 450), *kotlyna* 'яма' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 29), словин. *kōtlna* ж. р. 'крюк для подвешивания котла над открытым огнем' (Lorentz Romog. I, 422), *kùptlānā* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *k'otlēna* ж. р. 'сажа' (Syhta II, 182), русск. диал. *котлина* ж. р. 'глубокая впадина, ямина, котловина', 'самое глубокое место в озере, пруде' (Даль³ II, 456; Филин 15, 106), *котлиця* ж. р. 'низкое место', 'болотистое место' (Словарь русских донских говоров II, 83), *кѳтлина* ж. р. 'большой котел' (смол., яросл., Филин 15, 106), укр. *китлина* ж. р. 'котловина' (Укр.-рос. словник II, 337), блр. *катлина* ж. р. 'котловина' (Байкоў—Некраш.), также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 507).

Производное с суф. *-ina* от **kotylъ* (см.)

**kotylishe*: сербохорв. *кѳтлиште* ср. р. 'котельная', 'котловина, долина' (РСА X, 330—331), *Kotlišće* ср. р., местн. название (RJA V, 399), словен. *kotlišće* ср. р. 'очаг с котлом', 'место для котла' (Plet. I, 448), чеш. *kotlišťe* ср. р. 'место для котла на очаге' (Jungmann II, 146), слвц. диал. *kotliščo* (Kábal 263), в.-луж. *kōtliščo*, *kōtlesko* ср. р. 'котловина, углубление, впадина' (Pfuhl 278), н.-луж. *kōtliščo* ср. р. 'большая котловина, в особ. в реке или в лесу' (Muka Sł. I, 687), ст.-польск. *kotlisko* ср. р. 'яма, углубление в земле, звериное логово' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 80), польск. *kotlisko* 'котловина' (Warsz. II, 505), словин. *kōtlišče* ср. р. 'огромный котел' (Lorentz Romog. I, 422), *kùptlēšče* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), блр. *кѳтлишча* ср. р. 'гнездо' (Блр.-русск.), диал. *кѳтлишча* ср. р. 'открытая бездна в болоте' (Тураўскі слоўнік 2, 226), *кѳтлишча* ср. р. 'селение' (Матэрыялы

для дьялектнага слоўніка Гомельшчыны 243; Слоўн. паўноч.-заход. Беларусі 2, 507).

Производное с суф. *-išče* от **kotylъ* (см.).

**kotylovina*: болг. *котловина* ж. р. 'равнина среди гор, котловина' (РБЕ; БТР), макед. *котловина* ж. р. то же (Кон.), сербохорв. *kotlovina* ж. р. 'металл, идущий на изготовление котлов (медь)' (с XVIII в., RJA V, 399; PCA X, 331 также: 'нагар, копоть на котле'), словен. *kotlovina* ж. р. 'котловой металл, медь' (Plet. I, 448), чеш. *kotlovina* ж. р. 'место для котла', 'медь из старых котлов' (Kott I, 765), словц. диал. *kotlovina* 'вареное мясо из котла' (Ban. Bystrica, Slov. Pravno v Turč. ž., Káľal 263), в.-луж. *kotłowina* ж. р. 'котловая медь' (Pfuhl 278), польск. *kotłovina* ж. р. 'котловина' (Warsz. II, 505), русск. *котловина* ж. р. 'округлая глубокая яма, впадина, провал', 'кругловатый лог, дол' (Даль³ II, 456), укр. *кітловіна* ж. р. 'котловина' (Гринченко II, 246—247), блр. *катлавіна* ж. р. 'котловина' (Блр.-русс.; Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 663), диал. *котловіна* ж. р. 'открытая бездна на болоте' (Тураўскі слоўнік 2, 226).

Производное с суф. *-ina* от прилаг. **kotylowъ* (см.).

**kotylowъ*(жъ): болг. *котловий*, прилаг. 'котловой' (БТР), сербохорв. *кѡтлов*, *-а*, *-о* 'котловой' (PCA X, 331), чеш. *kotlový* 'котловой' (Kott I, 756), ст.-польск. *kotłowy* то же (Sl. stpol. III, 364; Sl. polszcz. XVI w., XI, 80), польск. *kotłowy* (Warsz. II, 505), словин. *kotlôvî* 'котловой' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 470), *k*otlôvî* (Lorentz Romor. I, 422), русск. *котловый*, *-ая*, *-ое*, прилаг. к *котѣл*, укр. *котловий* 'котловый' (Укр.-рос. словник), блр. *катлавы* 'котловой' (Блр.-русс.; Глумач. слоўн. белар. мовы 2, 663).

Прилаг., производное с суф. *-owъ* от **kotylъ* (см.). Как и в случае с производным **kotylovina* (см.), возможны межслав. терминологические заимствования, делающие проблематичной древность слов.

**котыль*: ст.-слав. *котыль* м. р. *λέβες*, *χαλκοῦν οχεῖος*, *lebes*, *vas aeneum* 'котел' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *котѣл* м. р. 'котел' (БТР; РБЕ), также диал. *котѣл* м. р. (Божкова БД I, 252; М. Младенов БД III, 92), *котѣл* (М. Младенов. Ново село, Видинско 239), *кѡтила* (Журавлев. Криничное 146), *Кѡтел*, название города (Дювернуа), производное *кутлак* м. р. 'медный сосуд' (Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 209), макед. *котел* м. р. 'котел; медное ведро' (И-С), сербохорв. *кѡтао*, род. п. *-тла*, м. р. 'котел' (PCA X, 320; RJA V, 395), также диал. *кото* (Mić. 82), *котѡл*, род. п. *кѡтла*, м. р. 'котел' (Hraste—Šimunović I, 452), *кѡтѡл* (Nk. 276), *кѡтал* (Елез. I; GP. 33), *кѡто* м. р. (Елез. I), *кѡтѡв* (Nk. 276), *кѡтла* ж. р. 'глиняный котелок' (PCA X, 327), *Koto*, род. п. *Koila* (?), м. р., местн. название в Герцеговине (RJA V, 400), словен. *kѡтел*, род. п. *-тла*, м. р. 'котел' (Plet. I, 447), *кѡтла* ж. р. 'сруб колодца, яма, в которой бьет ключ' (там же), чеш. *котел*, род. п. *-tle*, м. р. 'котел', словц. *котол*, род. п. *-тла*, м. р.

‘котел’ (SSJ I, 754), диал. *kotel* (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), *ko'tév* (Matejčík. Novohrad. 122), в.-луж. *kotoł* м. р. ‘котел’ (Pfuhl 278), н.-луж. *kóšet, kósot*, род. п. *kóttá*, м. р. ‘котел’ (Muka Sl. I, 685), диал. *kótoł*, род. п. *kóttá*, м. р. (Muka Sl. I, 687), полаб. *t'üt'ál* м. р. ‘большой котел’ (Polański—Sehnert 157), *t'üttlek* м. р., ум. ‘котел’ (там же, с реконструкцией **kotblikъ*), ст.-польск. *kociet* м. р. ‘котел’ (Sl. stol. III, 312; Sl. polszcz. XVI w., X, 451; Лексикон 1670 г., л. 82 об.: *kociet*. Конобъ. Котёлъ, *Kociet*, личное имя собств. (1374 г., Sl. stol. nazw osobowych III, 1, 40), польск. *kociot, kociel*, диал. *kociót* м. р. ‘котел’ (Warsz. II, 387), также диал. *kociet* (Sl. gw. р. II, 391), словин. *kocet* м. р. ‘котел’ (Sychta II, 182), *kūčēl* м. р. ‘большой котел’ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 511), *kocielk* м. р. ‘котел’ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 461), др.-русск., русск.-цслав. *котыль, котель* м. р. ‘котел, кованный или литой сосуд с дужкой для варки чего-либо’ (Изб. Св. 1076 г., 401 и др., СлРЯ XI—XVII вв. 7, 379; Срезневский I, 1304), *котелокъ*, ум. к *котель* (А. Свир. м., № 344. 1672 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. *котёл*, род. п. *-тлá*, м. р. ‘металлический сосуд округлой формы, служащий для варки пищи, нагревания воды и т. п.’, ум. *котелок*, род. п. *-лкá*, м. р. ‘маленький котел’, диал. *котёл* ‘ведро’ (арх., калин., яросл., ряз., смол.), ‘небольшая яма на дне залива или озера’ (арх.), ‘водоворот в реке, озере’ (Башк. АССР) (Филин 15, 102, там же другие частные значения), ст.-укр. *котель* ‘котел’ (1498 г., Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. 1, 504), укр. *котёл*, род. п. *-тлá*, м. р. ‘котел’ (Гринченко II, 292), диал. *кот'ól* м. р. ‘котел’, ‘подводная яма’ (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — Лексика Полесья 85), ст.-блр. *котел* (Скарына 1, 280), блр. *коцёл*, род. п. *-тлá*, м. р. ‘котел’, диал. *коцёл* м. р. ‘котел’ (З народнага слоўніка 193), *коцёл* м. р. ‘небольшое непроточное озеро, яма с водой на лугу, окно на болоте’ (Тураўскі слоўнік 2, 229), *Кацёл, Катлбў, Катлбівч*, фамилии (Бірыла 194).

Заимствовано из герм. (гот.) **katils*, **katilus* ‘котел’ в достаточно древнюю эпоху, ср. вероятную окончательность ударения слав. слова: русск. *котёл*, род. п. *котлá* (Кипарский, ниже). В герм. — из лат. Балт. формы (лит. *kātilas*, лтш. *katls*, др.-прусск. *catilis* ‘котел’) происходят из слав., точнее говоря (судя по начальному ударению лит. слова) — из (ст.-) польск.

См. Miklosich 135 («Заимствование приходится на первый период»); С. С. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter im Slavischen. — AfslPh XV, 1893, 488; Berneker I, 591; E. Schwarz AfslPh XLI, 1927, 125; С. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. — СбНУ XXV, II (София, 1909), 67; A. Meillet BSL 22, 1920, 101; V. Kiparsky. Zur Datierung der gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — AION I, 1958, 18; Фасмер II, 351; Sławski II, 317—318; J. Otrębski. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Baltischen und Slavischen. — Die Sprache XII,

1966, 58; Machek² 283; V. Pisani. — Paideia XXXVI, 1981, 68 (считает бродячим словом средиземноморской культуры с основой *kati-*, распространенным вплоть до индоар. и дравид. языков Индостана).

***котыльница**: сербохорв. диал. *кѡтланица* ж. р. 'деревянная пере-
кладина над очагом, на которую подвешивается котел', 'коромысло
для ношения посуды на плече' (РСА X, 328; RJA V, 398; Mić. 81),
также *kotlenica* ж. р. (Неретва, RJA V, 399), *Kotlenice* мн., на-
звание села в Далмации (RJA V, 399), полаб. *t'ütálnaičä* ж. р.
'крюк для подвешивания котла' (Polański—Sehnert 157), русск.
диал. *котельница* ж. р. 'небольшое помещение с печкой и котлом'
(олон., Филин 15, 103).

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **котыльнѣъ* (см.).

***котыльник**: чеш. *kotelník* м. р. 'котельник' (Kott I, 764), в.-луж.
kotołnik м. р. то же (Pfuhl 278), н.-луж. стар. *kóselnik* м. р.
'медник, котельник' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *kocielnik* м. р.
'котельник' (Sł. stpol. III, 312; Sł. polszcz. XVI w., X, 450),
польск. редк. *kocielnik* м. р. 'котельник' (Warsz. II, 387), также
диал. (Sł. gw. р. II, 391), словин. *k'ocèlník* м. р. (Lorentz. Pomor. I,
406), др.-русск. *котельникъ* м. р. 'ремесленник, изготовляющий
и чинящий котлы и медную посуду; медник' (1216 г. — Новг.
I лет., 204 и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380; Срезневский I, 1304),
русск. *котельник* м. р. 'котельный мастер', укр. *котельник* м. р.
'котельник, котельщик' (Укр.-рос. словник), блр. диал. *кацель-
ник* м. р. 'кочегар' (Юрчанка. Народнае слова 272).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **котыльнѣъ* (см.).

***котыльнѣъ**: болг. *кѡтлен*, прилаг. 'имеющий цвет заржавленного
котла' (БТР), сербохорв. *кѡтлени*, *-ä*, *-ö* 'котельный' (РСА X,
329), чеш. *kotelný* то же (Kott I, 764), в.-луж. *kotelny*, *kotołny*
'котельный' (Pfuhl 278), польск. *kocielny* (Warsz. II, 387), др.-
русск., русск.-цслав. *котельный*, *котельный*, прилаг. 'относящийся
к котлу' (Стихирарь, 75 об. XIII в. А. гражд. распр. I, 349.
1632 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. *котельный*, *-ая*, *-ое*,
прилаг. к *котёл*, блр. *кацельны* 'котельный' (Блр.-русск.; Глу-
мач. слоўн. белар. мовы).

Прилаг., производное с суф. *-нѣъ* от **котыль* (см.).

***котына(ја)**: болг. *кѡтна*, прилаг. 'беременная, котная, суягная'
(БТР; РБЕ: *кѡтен*; Геров: *кѡтный*), также диал. *кѡтна* (Хитов
БД IX, 269), *кѡтена* (Журавлёв. Криничное 146), *кутнѣ*
(П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), сербохорв. стар..
диал. *кѡтан*, *кѡтна*, прилаг. 'о беременном животном' (Дубров-
ник — XVII в., Истрия, RJA V, 394), *котна* ж. р. 'беременная
самка животного' (Стулли, см. RJA V, 399), чеш. стар. *kotní*
'родовой' (*Kotní bolesti*. St. skl. Kott I, 765), диал. *kotny* 'беремен-
ный (о кошке, собаке)' (Kellner. Východoláš. II, 200), словц. *kotná*
прилаг. 'беременная, котная, суягная' (SSJ I, 754), ст.-польск
kotna 'суягная, котная (об овце)' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz

XVI в., XI, 80), польск. *kotna*, прилаг. 'беременная, котная' (Warsz. II, 505), также диал. (Sł. gw. р. II, 450; W. HERNICZEK-MOROZOWA. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 99; Górniewicz. Dialekt malborski II, 1, 183; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 72; Sychta. Słown. kociewskie II, 85), словин. *kotna* (Sychta II, 221), *kŕpna*, прилаг. 'беременная (о кошках, зайчихах и других мелких животных)' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), русск. диал. *кѳтная* 'суягная (об овце)' (курск., орл., тул., калуж., ворон., дон., брян., сарат., кубан., ставроп., краснодар. и др., Филин 15, 108; Словарь говоров Подмосковья 228; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), укр. *кѳтна*, прилаг. 'суягная' (Укр.-рос. словник; Гринченко II, 247: *кѳтна*), блр. *кѳтная* 'суягная (об овце, козе)' (Тлумач. слоўн. белар. мовы), также диал. *кѳтна*, *кѳтная* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 507; Тураўскі слоўнік 2, 226).

Прилаг., производное с суф. -ѳн-, соотносительное с глаголом **kotiti se* I (см.).

В 11 выпуске 336 словарных статей.